

Преподобные
Старицы Оптикинские
Жития и наставления

Духовное
наследие
Оптиной
Пустыни

Треподобные Старицы Оптинские

Жития и наставления

Издание 2-е, исправленное
и дополненное

Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиная Пустынь

2012

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

ИС 11-104-0332
ISBN 978-5-86594-176-7

© Введенский
ставропигиальный
мужской монастырь
Оптина Пустынь,
2012

*Оптинское
старчество
и
его истоки*

Помните
наставники ваша, ...
ихже взирающе
на скончание
жительства,
подражайте вере их.
Иисус Христос
вчера и днесь
Тойже, и во веки

(Евр. 13, 7-8).

Собор преподобных отцев и старцев Оптиной Пустыни, прославленных Церковью летом 1996 года в лике местночтимых святых, – особенное явление милости и благодати Божией. Оно побуждает вникнуть в смысл того, что же собственно есть старчество. Вопрос этот по справедливости всегда считался и считается одним из наиболее важных в деле нашего спасения.

Прежде всего старчество, как всеобъемлющее делание, соединяет в себе все добродетели преподобных подвижников. „Плод же духовный, – учит Апостол, – есть

любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание.“ (Гал. 5, 22–23). Эти плоды Духа Святаго в изобилии принес дивный вертоград Оптинского старчества. Наивеличайший дар – любовь, ибо *Любовью именуется Сам Бог* (Ср.: 1 Ин. 4, 8, 16).

Старцы Оптиной, „земли Российския утешители, любовь Христову стяжавшии и души своя за чада полагавшии“¹, показали, что любовь Божия, которая *излияся в сердца наша Духом Святым* (Рим. 5, 5), – есть сама сущность старчества. Ее полноту явили нашему времени преподобные старцы Оптинские.

Чтобы в должной мере оценить спасительность опыта преподобных Оптинских старцев, необходимо хотя бы в общих чертах представить всю силу и значение благодатной традиции старчества.

Старчество как Божие установление едино, но понятие о высшем его проявлении подразумевает под словом „старчество“ особое благодатное дарование, харизму, непосредственное водительство Духом Святым, особый вид святости (13, 38)².

Старец, призванный на это служение Самим Богом и получивший от Него дары Духа Святаго, проходя путь трезвения и умно-сердечной молитвы, очищался от страстей и, пребывая в покаянно-молитвенном состоянии, видел свои грехи даже в тончайших помыслах и движениях сердца. Он обладал дарами прозорливости, чудотворения и пророчества и все свои благодатные дары прикрывал глубоким смирением. Старец мог видеть в самой глубине души человеческой зарождение зла и причи-

¹ Тропарь празднованию Собора преподобных отцев и старцев Оптинских.

² Здесь и далее первая цифра обозначает номер книги в списке литературы, вторая цифра – номер страницы; римской цифрой обозначен номер тома. – *Прим. ред.*

ны этого зарождения и, зная душу человека, указывал верный путь ко спасению, открывая людям волю Божию.

Старчество, как особый духовный союз, по определению преподобного Амвросия Оптинского, состоит в искреннем духовном отношении и послушании духовных детей своему духовному отцу или старцу (2, 37). Старец и его чада есть, по существу, единая семья о Господе.

Святитель Василий Великий и преподобный Григорий Синаит видят Божественный первообраз святого старчества в Пресвятой Единосущной Троице. Если *Сын ничего от Себя не творит, но, как научил Его Отец, тако творит* (Ср.: Ин. 5, 19) и Дух глаголати имать не от Себя (Ср.: Ин. 16, 13), то кто помыслить может, что „...не имеет нужды в чем-либо тайноводстве?“ (7, V, 236–237).

Образ послушания являет Сам Господь Иисус Христос, *Иже, во образе Божий сый, не восхищением непщева быти равен Богу: но Себе умалил, зрак раба приим, ...смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 6,8).

Старчество существовало и до пришествия Христова, но оно являлось в несовершенном и прикровенном виде. „...Идея старчества, – пишет митрополит Трифон (Туркестанов), – начинаясь с первой главы книги Бытия, проходит по всему Ветхому Завету, вплоть до явления Спасителя“ (18, 40). Тому подтверждение – пророки Илия и Елисей, Илий и Самуил, Нафан и Давид...

Первый представитель старчества в том смысле, как его понимала вся Церковь, „является уже на рубеже двух Заветов – это святой Иоанн, Предтеча Господень. Народ, толпами грядущий к нему за наставлениями, и его уроки о покаянии и верном пути ко спасению... – не составляют ли признаков старчества в том виде, как оно впоследствии выразилось?“ (18, 87-88).

Всю же силу и весь свой смысл старчество получило в

благодати и истине Нового Завета. Господь, избрав сначала двенадцать, а затем семьдесят два ученика, заключил Свое наставление им следующими словами: *Слушая вас Мене слушает; и отменяясь вас Мене отменяется* (Лк. 10, 16). Апостолы и ученики Христовы впоследствии нередко сами себя называли старцами, являя истинный образ отеческого и старческого душепопечения о своих чадах (1 Пет. 5, 1; 2 Ин. 1,1; 3 Ин. 1,1; Флм.1, 9).

Иисус Христос в лице Своем и Своих двенадцати апостолов показал живой пример общежития. „Общежитие во имя Христово соединяет людей столь великою любовью, что все они становятся единым телом и членами друг друга, имея одну общую Главу – Христа. Во имя этой любви они во всем повинуются своему духовному отцу, исповедуют ему все тайны своего сердца, принимают его слова и заповеди как бы от Самого Бога и отсекают во всем свою волю...” (19, 318–319).

В ранней церковной истории прослеживается нить преемственного старчества, восходящая к святым апостолам: Первоверховному Петру и Евангелисту Марку, а далее к христианам-пустынникам в пределах Египетских – в Александрии и в ее окрестностях. Об этой традиции старчества становится известно из творений пресвитера Климента Александрийского, учившего о необходимости иметь духовного руководителя (16, 257-259, 260, 261–262). Церковный историк Евсевий и преподобный Иоанн Кассиан Римлянин повествуют о высоте образа жизни современных послушников – последователей апостола Марка (11, 15, 498–500).

Со временем преподобного Антония Великого связано возрастание значения старчества в жизни Церкви – то явление, о котором впоследствии ярко скажет преподобный Симеон Новый Богослов: „...Когда народ верующих стал бесчислен, то благодать Духа Святого устрои-

ла, чтобы к архиереям и иереям прибавлены были еще и игумены, и другие духовные отцы (из иночествующих), которые имеют в себе благодать Духа Святого, чтобы и они сопастырствовали вместе с теми и содействовали во спасение..." (15, 97).

Нужно упомянуть особое служение раннего христианства, имеющее прямое отношение к старчеству. „Апостол Павел... перечисляет три служения в Церкви: апостольское, пророческое и учительское. Непосредственно за апостолами стоят пророки (Еф. 4, 2; 1 Кор. 13, 2–8). Их служение состоит главным образом в назидании, увещании и утешении (1 Кор. 14, 3). Через пророка непосредственно открывается воля Божия... Пророческое служение – особый благодатный дар, дар Духа Святого (харизма)“, – пишет исследователь Оптинского старчества И. М. Концевич (13, 7). Его главный вывод таков: „Пророческое служение... ярче всего проявляется в монастырском старчестве“ (13, 8), ибо старцы, „обладая даром прозорливости, ...всех назидали, увещевали и утешали, исцеляли от болезней духовных и телесных. Предостерегали от опасностей, указывали путь жизни, открывая волю Божию“ (там же).

Промыслом Божиим старчество получило свое наиболее яркое выражение в среде древнего иночества; монашество же, в свою очередь, нашло в старчестве свой идеал, свой духовный центр. Из истории Церкви видно, что скиты, лавры и общежительные киновии образовывались вокруг духоносных старцев и состояли первоначально из их учеников. Опираясь на изречение преподобного Иоанна Лествичника о монахах, как свете для мира, можно сказать, что „монашество есть лучший цвет христианства, идеализм христианства, отображение Евангельской жизни. Но цвет самого христианства, лучшее выражение монашества – это старчество“ (17, 3).

Старчество сохранило свою сущность и свое великое значение на протяжении всей новозаветной эпохи. Его пути и проявления в жизни Церкви во многом обусловили ход и течение самой ее истории.

„...Мы имеем указание на два рода старчества, в коих оно постоянно проявлялось в Церкви. В одном – старец является непосредственным избранником Божиим без административного значения в Церкви. В другом он – вместе пастырь и наставник, занимая обыкновенно место настоятеля обители или другую начальственную должность...“ (18, 87).

В Антонии Великом „мы видим старца, который, будучи непосредственно избран Богом, исполнял свое служение без всякого начальственного значения в Церкви“ (18, 88). Антоний Великий „был... возлюблен всеми; так, все желали иметь его отцом“ (16, 15). Великие дары благодати были даны преподобному для старческого служения всем притекающим: „Кто приходил к нему, смущаемый помыслами, и не находил тишины уму?“ (там же).

Преподобным Антонием „начинается ряд старцев, упоминаемых составителями достопамятных сказаний Лавсаика, Луга духовного, Истории боголюбцев, Патериков...“ (18, 89).

Указания на другой род старчества мы видим в Словах и Уставах святителя Василия Великого, устроившего совершенное общежитие иноков в Малой Азии.

В общежитии святителя Василия Великого от находящегося в послушании „требуется, чтобы он оказывал такую же благопокорность наставнику, как апостолы – Спасителю, ...потому что наставник не иное что есть, как человек, который носит на себе лицо Спасителя, стал посредником между Богом и людьми и священнодействует пред Богом спасение покорных ему“ (18, 92).

Наставления преподобных Варсануфия и Иоанна основаны на завете для каждого, избравшего путь святого послушания: „Сделай по силе твоей, и Бог поможет тебе молитвами отцов твоих... Привяжи обремененную ладью твою к кораблю отцов твоих, и они управят тебя к Иисусу, могущему даровать тебе смирение, и силу, и разум, венец и веселие...“ (6, 197).

Из этих слов видно, что верной и искренне верующей душе дается от Бога познание особенного таинства – заключения духовного союза между старцем и его чадом по духу. Союз этот заключается во имя Христово и ради Христа, *Который Сам есть Путь, и Истина, и Жизнь* (Ин. 14, 6).

Высоту и святость момента установления духовного союза раскрывает в своих творениях преподобный Феодор Студит. Духовное рождение есть рождение Духом Святым (16, 12–13); оно начинается собственно тогда, когда послушник, не ограничиваясь лишь внешним телесным повиновением, предает отцу своему и саму душу, открывая ее перед старцем в исповеди всех помышлений.

Любовь отца к чаду проявляется в самой деятельности старца. Она объемлет собою: 1) искоренение страстей в ученике; 2) насаждение добродетелей; 3) научение: познанию своей немощи, самоукорению и благодарному перенесению скорбей (12, 12–14).

В свою очередь от ученика требуется быть истинным по духу сыном. „В сущности, все обязанности и добродетели ученика по отношению к старцу называются одним словом – послушание“ (12, 17).

Преподобные Каллист и Игнатий указывают, что „истинному послушнику необходимо ...соблюдать следующие пять добродетелей:

Во-первых, веру – чистую и неленостную веру настоя-

телю (духовному руководителю) своему в такой мере, чтобы смотрел на него, как на Самого Христа и как Христу повиновался ему...

Во-вторых, истину – то есть чтобы истинствовал в деле, и слове, и в точном исповедании помыслов...

В-третьих, не творить воли своей: ибо для послушника... творить волю свою есть большая потеря и большой вред, ему надо всегда отсекал волю свою, и притом самоохотно.

В-четвертых, отнюдь не прекословить и не спорить...

В-пятых, должно ему... точно и искренне все исповедовать настоятелю (духовному руководителю) своему...

Кто сие пятеричное число указанных... добродетелей станет мудро и разумно соблюдать, тот да ведает несомненно, что отселе еще он делается, как в залоге, причастником блаженства праведных“ (7, V, 318–319).

Если старец – образ Христа и если повиноваться ему надо во всем, то, естественно, обретение старца и руководителя есть дело необходимое и ответственное. „Если взыщем (духовного руководителя), – наставляет преподобный Симеон Новый Богослов, – конечно, и найдем: ибо не несправеден Бог“ (15, 98).

В истории православной Церкви особенным вертоградом старчества стала Святая Гора Афон. На ней устраивал общежитие великий Афанасий Афонский; на ней подвизались духоносные старцы-исихасты Максим Капсокалит и Григорий Синаит. Оттуда, из монастыря Эсфигмен, вернулся преподобный Антоний Киево-Печерский – основатель старчества на Руси.

Старчество стало драгоценным наследием православных народов Иверии, Сербии, Моравии, Болгарии и, конечно, Руси. „С принятием Русью святого христианства тотчас вошло в ее духовную жизнь и... старчество, и глубокое понимание его в святоотеческом духе и смыс-

ле, начиная с Киево-Печерского монастыря и кончая... Оптиной Пустынью..." (8, 25).

Первыми старцами Святой Руси можно считать преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. От преподобного Феодосия заимствовали устав и образ духовного руководства все русские монастыри. Апологетом пути старческого окормления и монашеского послушания можно назвать святителя Кирилла Туровского – „русского Златоуста“.

Даже лихолетье монгольского нашествия не смогло искоренить побегι древа русского старчества... Оно вообрало в себя наследие аскетов Святой Земли – Палестины и Святой Горы – Афона и выросло на благоприятной почве просвещенной Святым Крещением Руси, где всегда были сильны традиции глубокого почтения к старшим и умения подчинить свою волю общему служению родной земле, своему народу...

Можно согласиться с утверждением, что „русское старчество – это новый вид монастырского послушания в деле служения Церкви народу“ (21, 220, 226). Действительно, палестинские и константинопольские аввы окормляли народ, верующих мирян, но это окормление не было столь постоянным, систематическим, как на Руси, где даже от мирян требовалось обязательное и постоянное послушание духовнику и где всеобщая жажда старческого слова способствовала возрастанию его силы и действенности в человеческих сердцах.

В продолжение XIV-XV столетий, как бы в подкрепление изнемогшим под иноземным игом русским людям, на Русь пришло новое поколение подвижников, в числе которых были преподобные Лазарь Муромский, Сергей Нуромский, архиепископ Дионисий Святотгорец, преподобные Кассиан Угличский, Иннокентий Комельский (греки); преподобные Савва Крыпецкий, Пахомий Рад-

вицкий (сербы); преподобные Савва Вишерский и Нил Сорский (русские).

В XIV столетии „игумен земли Русской“, Преподобный Сергей Радонежский, стал возобновителем пути старческого делания и восстановителем уставов общего жития. Не менее сорока учеников Преподобного Сергея стали строителями новых обителей, где также было установлено старческое окормление и где уже со времени основателей монастырей процвело и благодатное старчество.

Особенно памятны имена основоположников Русской Фиваиды в северных Белозерских и Вологодских пределах: преподобных Павла Обнорского, Сергея Нуромского и Сильвестра Обнорского. Главным средоточием духовных сил иночества на Севере стал монастырь преподобного Кирилла Белозерского, воспитавшего, в свою очередь, целую плеяду старцев.

Великими старцами были преподобные Дионисий Глушицкий, Григорий Пельшемский и Корнилий Комельский. Но особенно известны жизнь и учение аввы Нила Сорского – основателя единственного в своем роде скитского общежития для совершенных безмолвников. Его обычно считают наиболее характерным представителем старческой традиции на Руси; между тем более типичен для Руси путь старцев-подвижников, окормлявших монашествующих всех степеней духовного возраста и мирян всех сословий, таких, как преподобные Пафнутий Боровский, Иосиф Волоцкий, Даниил Переяславский, Герасим Болдинский.

В XV веке „в лице знаменитого Иосифа Волоколамского мы видим игумена-старца уже не одной братии, а и благочестивых мирян“ (18, 140).

Важно отметить, что „...тот род старческого служения, который был избран Оптинскими старцами, не был неизвестен в древней России, и старец-подвижник,

утолявший духовную жажду мирян и целивший их духовные недуги, пользовался глубоким почтением со стороны всего народа“ (18, 141).

В переходное петровское время главным очагом сохранения благодатного огня преемственного старчества с его святоотеческими и древнерусскими традициями стала Саровская пустынь Живоносного Источника Пресвятой Богородицы. Сияние благодати, святость дивного старца преподобного Серафима как бы собирает в себе лучи дарований саровских старцев, среди которых были его наставники, отцы Исаия и Пахомий.

Не менее строгое и высокое по духу общежитие было устроено выходцем из Саровской пустыни приснопоминаемым старцем Феодором (Ушаковым) в Санаксарской обители. Саровское старчество через игумена старца Назария стало основополагающим и для иночествующих Валаамской обители.

Несмотря на появление этих делателей на ниве старческого служения, в целом послепетровская эпоха была временем испытания для ревнителей отеческих заветов – старчество в подавляющем большинстве уцелевших монастырей и пустыней забывалось...

Так было до преподобного Паисия, старца Молдавского, который возобновил учение об умно-сердечной молитве. „В своих трудах он указывал на недостаточность одного внешнего молитвословия: пения и чтения тропарей, канонов, псалмов, молитв и обращал внимание на внутреннее молитвенное делание и борьбу с помыслами, очищение от страстей и постоянное призывание Имени Господа Иисуса Христа – Иисусову молитву. Именно этим путем „умного делания“ и шли старцы, поэтому преподобный Паисий по справедливости почитается как восстановитель старческого делания во всей его полноте...“ (19). „Нужно было, чтобы явился такой человек,

который бы силою своего слова, силою своего примера, своей энергии и влияния ввел старчество в общежительную жизнь монастырей... Таким человеком и был Паисий Величковский. Он сам был старцем для своих иноков, келлия его не затворялась с раннего утра до девяти часов вечера, и всякий имел к нему свободный доступ“ (18, 154–155).

Старчество, ведущее начало от преподобного Паисия, по сути своей остается в русле православного и святоотеческого предания. В основу иноческого жития и союза старчества блаженный старец полагал послушание, без которого „никак не возможно служить Богу“.

По местожительству учеников Паисиевых после перехода их из Молдавии в Россию различают три ветви преемственного старчества: северную, срединную и южную. В числе подвижников северной ветви можно назвать иеросхимонаха Клеопу и схимонаха Феодора (Валаам), архимандрита Феофана (Новое озеро).

Среди старцев срединной ветви выделяются иеромонах Филарет, архимандриты Александр и Игнатий (Москва), иеромонах Клеопа (Владимирская епархия), пустынножители иеросхимонахи Афанасий, Зосима, схимонахи Василиск, Афанасий (Рославльские леса)... Важными центрами этой ветви становятся Песношский монастырь и Площанская пустынь.

В южной части России образовывается сонм подвижников и старцев Глинской пустыни (игумен Филарет, схиархимандрит Илиодор и другие), отцов Софрониевой пустыни (архимандрит Феофан) и круг учеников иеросхимонаха старца Василия (Кишкина).

Оптина Пустынь также явилась преемницей духовного наследия преподобного Паисия. Ни в одном из русских монастырей старчество не было поставлено так твердо, так прочно, нигде оно не пустило так глубоко корней, как

в ней. В Оптиной соединились многочисленные нити духовного влияния старца Паисия через его различных учеников: „монах Феофан принес непосредственно от самого старца Паисия полученную им в Нямецком монастыре духовную закваску; схиигумен Авраамий принес духовные предания старца Паисия, полученные от Клеопы Острожского; преподобные Моисей и Антоний принесли предания двух Афанасиев, Серафима Свенского и рославльских пустынножителей, а преподобный Лев – предания Феодора и Клеопы-малороссиянина. От такого сочетания многообразных духовных воздействий и получился замечательный расцвет Оптинского старчества“ (19, 267). Оптину Пустынь не случайно сравнивают с „чашей, куда сливалось все драгоценное духовное вино“ (13, 104).

Святой вертоград Оптинского старчества принес дивные духовные плоды. Союз любви Евангельской, который лежит в основе старчества, возникал в общежительных монастырях далеко не так часто, особенно в такое позднее время, как XIX век и начало XX столетия.

Необходимо особенно подчеркнуть традиционность Оптинского старчества. Изучение источников показывает незыблемо строгое следование преподобных Оптинских старцев православному святоотеческому учению, сохраняемому нашей Церковью.

Все Оптинские старцы, следуя духовному наследию преподобного Паисия, шли путем трезвения и делания умно-сердечной молитвы, совершаемой в чувствах смирения, сокрушения и покаяния. И, как усердные и смиренные труженики, они сподоблялись великих духовных дарований, которые помогали им быть верными сынами православной Церкви и вести своих духовных детей тем же путем, ко спасению их душ.

Неуклонное следование учению православной Церкви и ее Преданию проявилось в издании Оптиной Пустынью

при преподобных старцах Макарии и Амвросии ряда творений святых отцов древности, затем – в постоянном обращении самих великих старцев к опыту, урокам и заветам святоотеческих писаний, в устных наставлениях ученикам и в обширной переписке. Старцы предлагали своим ученикам бесценные сокровища святоотеческого опыта, собранные в „Патериках“, „Лествице“ и „Добротолюбии“. При этом нужно отметить, что старец Макарий строго осуждает изучение слова Божия и святоотеческих книг, которое имеет целью одно только приобретение теоретических познаний и обогащение памяти. По его словам, такое изучение не приносит истинной пользы. Настоящее же изучение слова Божия и святоотеческих книг есть то, которое совершается практическим исполнением читаемого жизненным подвигом, и к этому он призывает своих учеников. Время показало плодотворность оптинского подхода к делу духовного руководства. Послевоенное старчество Глинской пустыни и Троице-Сергиевой Лавры основывалось и на благодатном опыте Оптинских старцев с использованием их творений...

Важно отметить наиболее существенные особенности Оптинского старчества. „Старчество в Оптиной Пустыни достойно внимания... тем, что оно преемственно, так сказать, „из полы в полу“, продолжалось в Оптиной целое столетие непрерывно. Мы удивляемся не столько самому старчеству., сколько неизреченному Промыслу Божию над обителью Оптинской, где целое столетие не оскудевал обильный источник пророческого старческого служения на благо... всей Церкви Божией“ (22, 10). Итак, непрерывная и продолжительная *преемственность* старческого служения в Оптиной есть его первая характерная особенность.

Другую особенность можно назвать присущим только русскому языку словом соборность. Здесь под собор-

ностью будем понимать особое единство в Духе, таинственное единение во Христе единовременно несущих послушание старчества подвижников Оптиной Пустыни. Соборность старчества как понятие подразумевает также нерасторжимое духовное единство уже почивших и еще труждающихся на земной ниве делателей-старцев. Дух единства во Христе действовал на учеников старцев, на всех братий, соединяя их союзом любви апостольской.

„Поучительны и назидательны были отношения между старцами отцом Леонидом и отцом Макарием, — пишет агиограф. — Умилительно было видеть... единомушние и взаимную любовь двух старцев“ (2, 115–117). Игуменья Павлина, ученица преподобных Льва и Макария, вспоминает: „...Сидят они, как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и двум открываем свои души — как бы одному... Поистине в них бе сердце и душа едина...“ (2, 118).

Одно из проявлений такого внутреннего духовного единомушия между подвижниками — это те взаимно уважительные и по-настоящему искренние отношения, которые были в Оптиной между старцами и настоятелями обители. Настоятель, преподобный Моисей, с братом своим, скитона начальником преподобным Антонием, и преподобные старцы Лев и Макарий в одно и то же время управляли и руководили всей внешней и внутренней жизнью обители. „Это были четыре духовных столпа, на которых... созидалась и упрочивалась духовная жизнь оптинского братства. И замечательно, что все эти поистине святые мужи были совершенно различных характеров. Но, несмотря на эту разнохарактерность, они жили в таком союзе мира и искренней любви христианской, что каждый из них готов был за другого душу положить“ (2, 115). Плодом такого единомушия было то, что „все скитяне составляли тогда одну духовную

семью. Мир и любовь царствовали в ней. Все отличались глубоким смирением. Даже взглядом боялись друг друга оскорбить, испрашивая прощение при малейшем оскорблении брата“ (2, 91).

Дух мира Христова, обретенный оптинцами через святое старчество, ощущался всеми благочестивыми посетителями обители... „За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны – ниже и участие к человеку – больше“, – писал Н. В. Гоголь (13, 594). Таким образом, святая любовь, наполнив „златую чашу“ самой Оптиной, излилась в изобилии на окружающий мир. Архимандрит Леонид (Кавелин) услышал от жителей деревень по дороге в Смоленскую губернию, что они прекрасно знают старца Льва:

„...Как нам не знать отца Леонида?¹ – говорили они. – Да он для нас, бедных,... пуще отца родного. Мы без него были, почитай, сироты круглые“ (2, 93). Поэтому не удивительно, что третьей характерной особенностью Оптинского старчества можно считать такое его свойство, которое игумен Андроник (Трубачев) определил как народность (5, 70).

Это понятие включает в себя очень многое: и особенное попечение старцев об окормлении и просвещении простого народа; и широкую благотворительность обители во время голода, неурожаев, эпидемий; и болезнование Оптинских старцев за свое Отечество, скорбь по причине несчастий, его постигающих; и деятельное стремление оказать ему помощь как молитвами, так и благотворениями...

Преподобный старец Амвросий „скорбел и болезновал душою и о всем дорогом ему Отечестве, и о благочести-

¹ Преподобного Льва.

вых царях русских“ (I, 122). Одним из главных предметов его переживаний было ослабление православных устоев в жизни российского общества.

Великие оптинцы самым делом помогали страждущему народу. Старец Моисей затевал в голодные годы обширные постройки, не столько оплачивая труд работников, сколько благотворя им. Отвечая на упреки братии, он говорил: „Разве можно сказать голодному: ты мне чужой, мне до тебя дела нет; уходи отсюда, умирай!.. Нет! Нет! Будем делать для самого же народа, дондеже Господь не закрыл еще для нас щедрую свою руку“ (5, 71). При этом слезы неудержимо текли по лицу Старца.

Именно Оптиные старцы доказали своим примером, что „доля старца – быть на служении всему человечеству“. „...Если чем мы можем гордиться – так только тем значением, какое имели наши монастыри в народной жизни... Мы подарили миру великие сердца“. Русский народ „любил монастыри прежде всего как свои народные святыни. И старцы отвечали на эту народную любовь. Когда, например, преподобный Лев Оптинский говорил, что он ничего более не желал бы, как возможности сидеть тихонько в своей келлии, но только жалость к народу заставляла его вечно быть на людях, – то он точно выражал настроение и всех других старцев“ (21, 221–227).

В мировосприятии старцев, объемлющих своею любовью, своею молитвой всех верных и всех заблудших чад Церкви, всех православных христиан нашего Отечества и других славянских стран, российская интеллигенция не была чем-то особенным, отдельным или совсем оторванным от русского народа. Они не угождали внешней учености или одаренности представителей этой прослойки, но и не принижали ее значения. Писатели, ученые, художники – все находили радушный прием и получали то единое на потребу (Лк. 10, 42),

что могло укрепить или исцелить их душу, показать им смысл деятельного служения во славу Божию и для пользы своего народа.

На святое служение своим ближним Оптинским старцам давалась особая благодать, являющая себя в многообразных духовных дарованиях.

Преподобный старец Варсонофий Оптинский среди духовных дарований ставил на первое место дар рассуждения (в полном согласии с великими отцами древности). Оптинский старец соединял этот дар с другим дарованием – прозорливостью. „Нас называют прозорливцами, – говорил он своему духовному сыну, – указывая тем, что мы можем видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству – это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, мы видим ее духовными очами, мы видим даже причину возникновения такой мысли. И от нас не скрыто ничего. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь“ (20, 38–39).

Благодать Божия не упраздняет особенностей человеческой личности, ее характера. Эта глубокая мысль святых отцов находит свое подтверждение в индивидуальных чертах Оптинских старцев, объединенных одним и тем же служением благодатного духовничества. По вере приходящих, в зависимости от способности их души вместить, а также в связи с конкретными нуждами или болезнями и потребностями души, та или иная сторона делания старца была воспринимается его близкими чадами.

„Оптинские старцы имели свои особенности, – указывает отец Агапит. – Старец Амвросий при жизни гово-

рил: „У старца Льва было просто: и мужчины, и женщины, и монахи, и монахини нередко вместе окружали его и открывали свои помыслы“. У старца же Амвросия было иначе. Хотя и он преподавал общее благословение, но особо мужчинам и особо женщинам; для откровения же помыслов принимал поодиночке“ (2, 90). „Несомненно, и старец Амвросий, и его ученики должны были считаться с духом времени и снисходить к немощи новой братии. По-видимому, замену общего исповедания помыслов на одиночное можно сравнить с тем явлением в древней Церкви, когда публичная исповедь уступила место тайной“ (5, 67).

И. М. Концевич пытается объяснить мистическое значение, скрытый таинственный смысл особенностей служения некоторых великих Оптиных старцев. „Первым старцем в Оптиной был иеросхимонах Лев, сильный и властный: он царственно открывает собою ряд великих старцев. В расцвете жизненных сил России старец Амвросий питает всех духовно Божественной пищей – амброзией; а последний старец Нектарий, любимый ученик отца Амвросия, в нестерпимый зной страшных искушений, переживаемых Родиной, утоляет жажду и подкрепляет верующих духовными утешениями – Божественным питием, нектаром“ (13, 452).

Старец Лев, по словам митрополита Трифона, „является пред нами прежде всего человеком непоколебимой веры.., отсюда уже вытекают и прочие свойства его характера: необычайная смелость, твердость и энергия в отстаивании дорогого для него старчества“ (18, 225). „Страх людского суда для него не существовал: он исполнен был лишь страха Божьего Суда“ (18, 226). Пламенная ревность по Богу – его главная черта (18, 248).

„Другие особенности имел характер отца Макария. Это был человек замечательно мягкий, кроткой и неж-

ной, глубоко поэтической души. Главная добродетель, которой он особенно требовал от своих духовных детей, – смирение, считая эту добродетель основанием правильной христианской жизни... Многие письма Старца, помещенные в пяти обширных томах, включают в себе эту центральную мысль“ (18, 229, 231). В одном из писем он пишет, что иноку или мирянину, желающему спастись, надобно идти средним царским путем, т. е. на себя не брать лишних внешних подвигов, дабы не впасть в гордость, главную же заботу обратить на внутреннюю работу над собою под руководством старца, на очищение себя от страстей и пороков, безропотное претерпевание скорбей и снискание смирения.

Его верный ученик отец Амвросий имел с ним много сходного в характере. Он был такой же мягкой любвеобильной души, полной снисхождения к слабостям человеческим. „Отличительным его свойством была... христианская любовь. Этой же любви он учил и духовных чад своих: ее особенно старался насадить в их душах. Его преимущественно пред другими старцами можно назвать проповедником любви“ (18, 236–238).

К этим портретам старцев Оптиных можно добавить некоторые наблюдения за чертами их учеников. Преданные чада преподобного старца Амвросия, преподобные Анатолий (Зерцалов) и Иосиф, тоже очень различались между собой. Речь старца Анатолия, весь интонационный строй его писем и поучений совсем иной, чем язык преподобного Иосифа. В письмах преподобного Анатолия можно встретить удивительное сочетание высокого, почти библейского слога и живой разговорной речи, изобилующей шутками, присловиями. Это – дар утешительного и назидательного слова. Упомянем об особенном даровании старца Анатолия, сославшись на свидетельство его великого предшественника. „Отец

Амвросий называл отца Анатолия великим старцем и делателем молитвы Иисусовой: „Ему такая дана молитва и благодать, – говорил он, – какая единому от тысячи дается“ – то есть умно-сердечная молитва“ (13, 317). Благодатная непрестанная молитва была источником и других дарований старца.

Преподобный старец Иосиф также был „человек глубокого внутреннего делания, всегда хранивший сердечное безмолвие и непрестанную молитву“ (9, 39). При этом „отец Иосиф, будучи отражением отца Амвросия и по жизни, и по учению, – по внешней форме своих наставлений отличался от своего учителя. Отец Иосиф был весь сама сосредоточенность, и речь его была сдержанна и дышала лишь одним святоотеческим учением“ (9, 76).

В Оптиной существовало убеждение, что в обители не оскудеет старчество. Преподобный старец Варсонофий, ученик преподобного Анатолия (Зерцалова), поведал скитской братии, что „когда умирал батюшка отец Макарий, то предсказал, что после него будут старцами отец Амвросий, отец Иларион и отец Анатолий и что в Скиту не оскудеет старчество. Среди последующих старцев будут люди еще выше по духовным дарованиям, чем великие старцы отцы Лев, Макарий, Амвросий и Анатолий“ (23).

Действительно, Оптинокое старчество, подобно могучему древу, дало много плодоносных ветвей. Учениками преподобного Анатолия (Зерцалова) были великий прозорливец, истинный духовный воин преподобный Варсонофий и дивный тайнозритель Божественных откровений старец Нектарий. Преданный ученик старца Варсонофия, отец Никон, прославлен Церковью не только как старец-духовник, но и как исповедник веры Христовой в годину гонений на Церковь. Преподобный старец Иосиф воспитал старца Анатолия (Потапова), получив-

шего первые уроки духовного делания от преподобного Амвросия. Отеческая любовь старца Анатолия, особенная пасхальная радость, изливавшаяся на всех приходящих под тяжестью скорбных событий во время лихолетья, а также его особенные пророчества о судьбах народа и Церкви были и остаются великим утешением всем, кому не безразлично будущее Святой Руси и Вселенского Православия.

Без преувеличения можно сказать, что Оптинокое старчество стало училищем благочестия и веры для всех, искренне ищущих спасения души. Ему присущи целостность и единство традиции; каждый старец не может быть представлен вне всей преемственной лестницы старчества Оптиной Пустыни.

Прославление преподобного Амвросия в год Тысячелетия Крещения Руси и причисление к лику святых целого сонма преподобных отцов и старцев Оптиноких дают нам радость с сыновним дерзновением обращаться к ним с молитвою об Отечестве и спасении душ наших. Как завет звучат для каждого из нас слова преподобного старца Иосифа: „Не отбивайся от Оптиной. Верую в то, что каждый приходящий в Оптину Пустынь в крайней своей потребности найдет удовлетворение милостию Божией и за молитвы великих отец наших... Они весьма многих и многих воспитали духовно для Небесного Отечества. Не перестают и теперь духовно воспитывать и призирать особенно на тех, которые приходят в Оптину на поклонение их святым останкам“ (9, 27).

Преподобнии и Богоноснии отцы наши,
старцы Оптинокии, молитесь Бога о нас!

Литература

1. Агапит (Беловидов), архим. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М.: Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Посад, 1992. (Репринт).

2. Агапит (Беловидов), архим. Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Тула: Введенская Оптиная Пустынь, 1991. (Репринт).

3. Агапит (Беловидов), архим. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М.: Введенская Оптиная Пустынь: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Отчий дом, 1997.

4. Азовкин С. Традиции раннего восточного монашества в связи с Уставами преподобного Пахомия Великого и святителя Василия Великого // Духовный мир: Сб. работ учащихся московских духовных школ. Сергиев Посад: Московские Духовная Академия и Семинария, 1997. Вып. № 4. С. 5–43.

5. Андроник (Трубачев), игумен. Основные черты пастырства в Оптиной Пустыни // Журнал Московской Патриархии. М. 1988. № 6. С. 64–72.

6. Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. М.: Донской монастырь, 1993. (Репринт).

7. Добротолюбие: В 5 т. / Пер. свт. Феофана Затворника. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. (Репринт).

8. Евлогий (Смирнов), архиеп. Старчество и русская религиозная жизнь // Путь Православия. М., 1994. №3. С. 24–33.

9. Житие иеросхимонаха Иосифа. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1993.

10. Игнатия (Петровская), монахиня. Слово о старчестве / Публ. А. Г. Беглова // Альфа и Омега: [Сб]. М., 1996. № 2/3 (9/10). С. 165–208.

11. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания / Пер. с лат. Еп. Петра (Екатериновского). М., 1991. (Репринт).

12. Иракий, иером. Удобнейший путь ко спасению в монашестве. М.: Смоленское епархиальное управление, 1991.

13. Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Издат. отд. Владимирской епархии, 1995. (Репринт).

14. Летопись Скита Оптиной Пустыни: Избр. страницы 1845–1882 г. по плану о. Варсонофия (Плиханкова) / Коммент. Р. В. Багдасарова // Православие и русская народная культура / Под ред. М. М. Громыко. М., 1994. Вып. I.

15. Симеон Новый Богослов. Слова / Пер. с новогреч. свт. Феофана, 2-е изд. М.: Афонский Русский Пантелеимонов монастырь, 1892. Вып. I.

16. Смирнов С. И. Духовный отец в древней восточной Церкви (История духовничества на Востоке) // Гл. 4.1. Период Вселенских Соборов. Сергиев Посад, 1906.

17. Соловьев Александр, протоиерей. Старчество по учению святых отцов и аскетов. М.-Рига: Благовест, 1995. (Репринт).

18. Трифон (Туркестанов), митр. Древнехристианские и Оптиные старцы. М.: Мартис, 1997.

19. Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский: Его жизнь, учение и влияние на православное монашество, 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1988.

20. Шустин В., протоиерей. Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об Оптиных старцах: Скит; Ставр. ком. Общества Красного Креста, 1991.

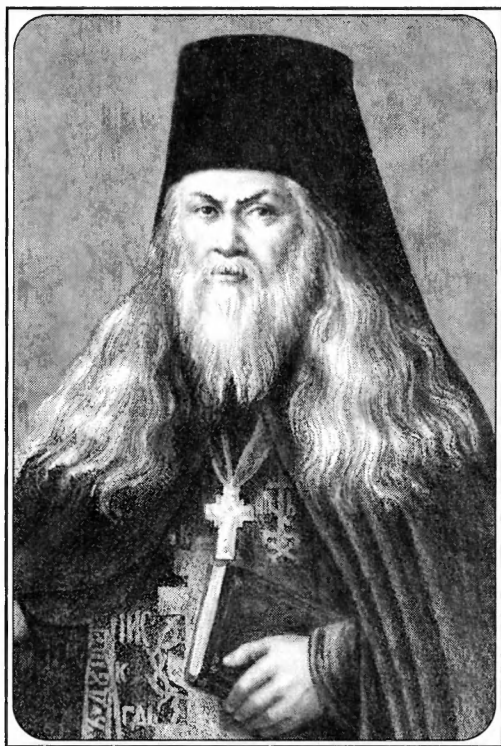
21. Экземплярский В. И. Старчество// Дар ученичества/Сост. П. Г. Проценко. М.: Руссико, 1993.

22. Венедикт (Пеньков), архим. Старчество, его происхождение и важность в деле спасения/Б-ка Оптиной Пустыни, 1995. (Машинопись).

23. Летопись Скита Оптиной Пустыни: Избр. страницы. 2 апреля 1912/Б-ка Оптиной Пустыни. (Ксерокопия с рукописи) //Нилус. С. А. Жизнеописание. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1995. С. 319.

Священник Николай Ненафок

Житие
преподобного
Льва,
старца
Оптинского

1768 — 1841

Сей святой муж, дивный светильник земли Русской, родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии и во святом крещении был наречен Львом. Родители его были простые благочестивые граждане мещанского сословия по фамилии Наголкины. Сына они воспитали в страхе Божием, в добродетели, честности и целомудрии. В молодости Лев Данилович Наголкин занимался торговым делом и в должности купеческого приказчика объездил много городов и сел, общаясь с людьми разных званий и состояний. Одаренный от

Бога прекрасной памятью, любознательностью и сообразительностью, он, еще живя в миру, приобрел глубокое знание людей и опытность (4, I).

Обладал Преподобный и недюжинной телесной силой, так что мог поднимать мешки до двенадцати пудов. В молодости был с ним такой случай. Когда он проезжал по глухой лесной дороге, на него напал волк, который, вскочив в сани, с яростью набросился на молодого приказчика и вырвал из его ноги кусок мяса. Но Лев Данилович успел сунуть руку в пасть зверя и так сдавить ему горло, что волк, обессиленный, свалился с саней (4, 3).

Любя читать Божественные книги, Лев Данилович весьма углубился мыслию в евангельские слова: *Никий же раб может двема господинома работати: ибо или единого возненавидит, а другаго возлюбит: или единого держится, о друзем же нерадети начнет: не можете Богу работати и мамоне* (Лк. 16, 13).

На двадцать девятом году жизни, в 1797 году, оставил Лев Данилович многмятежную и суетную мирскую жизнь и поступил в иноческую обитель – Введенскую Оптину Пустынь (1, 8).

Ревностно принялся молодой послушник за монастырские труды, подавая братии пример послушания и трудолюбия. Через два года, повинувшись неудержимому желанию обучаться жизни духовной, он перешел в пустынную Белобережскую обитель, так как настоятельством там в то время старец высокой духовной жизни Василий Кишкин, немалое время подвизавшийся на святой Афонской горе.

В 1801 году послушник Лев был пострижен в монашество и наречен Леонидом. Вскоре, 22 декабря того же года, его рукоположили в сан иеродиакона, а 24 декабря – в сан иеромонаха. Столь скорым посвящением и

вниманием настоятеля не *вознесся сердце мое, ниже вознесостся очи мои* (Пс. 130, 1). И здесь, как и в Оптиной, он проводил дни свои в непрерывных трудах, подавая всем братьям пример искреннего послушания (1, 8).

Однажды при наступлении храмового праздника клиросные братья, недовольные чем-то, отказались петь бдение. Они полагали, что этим принудят настоятеля исполнить некоторые их требования. Но настоятель не захотел уступить неразумному их домогательству и, чтобы смирить их, позвал отца Леонида с другим близким к нему братом и их вдвоем благословил пропеть бдение. Преподобный весь день возил с хутора сено. Усталый и покрытый пылью, он только что собрался подкрепиться незатейливым монастырским ужином, когда без всякого ропота поспешил он в церковь и вдвоем с товарищем пропел всю всенощную.

Другой случай показывает великое человеколюбие отца Леонида. Был в пустыни один брат, обманутый злохитрым бесом. Взошел он однажды на колокольню и закричал: „Смотрите! Смотрите! Я вергнусь низу и не разобьюсь – Ангелы Божии примут мя на руки свои!“ Преподобный же в это время трудился на послушании. Услышав голос, он бросил работу и побежал на колокольню. Едва успел он схватить за край одежды прельщенного брата, который уже бросился было вниз через балясник; отец Леонид втащил его обратно и позаботился о пользе его души и спасении.

Когда игумен Белобережской пустыни отец Василий оставил начальствующую должность, собрались монастырские братья и стали рассуждать, кого им избрать на место прежнего строителя. Отец Леонид по смирению своему уклонился от этих толков. „Выберут кого-нибудь и без меня“, – подумал он и пошел варить квас. Между тем братья единодушно согласились иметь настоятелем

сего славного мужа. Они пошли всем собором на квасоварню, взяли из рук преподобного черпак, сняли фартук и, одевши приличным образом, повезли к архипастырю для утверждения. Было это в 1804 году.

Начальственная должность не изменила крайне простого образа жизни преподобного. Так, если дело заставляло его куда-то ехать, нередко ездил новый настоятель на одной лошадке, в простой тележке и без кучера.

До занятия настоятельской должности отец Леонид временно пребывал в Чолнском монастыре Карачевского уезда, где в то время поселился только что прибывший из Молдавии схимонах Феодор, ученик преподобного Паисия, архимандрита Молдо-Влахийских монастырей. Под руководством сего богопросвещенного старца отец Леонид обучался науке из наук и искусству из искусств — умному монашескому деланию, подвигу непрестанной молитвы и противоборства страстям, и достиг просвещения духовного. Смиренный старец Феодор очень тяготился славою о добродетелях его и подвигах, а также беспокойством от многих посетителей, нарушавших безмолвие пустынной жизни. Сразу же после назначения отца Леонида настоятелем в Белобережскую пустынь отец Феодор перешел к нему на жительство для удобнейшего молитвенного служения Господу. Преподобный обрадовался приходу своего возлюбленного наставника как обретению великого сокровища.

Не по сердцу была отцу Леониду многозаботливая настоятельская жизнь, и в скором времени, в 1808 году, сложив с себя настоятельство, поселился он в уединенной келлии в глуши леса, в двух верстах от обители вместе с двумя подвижниками, отцами Феодором и Клеопою. Так подвизались сии три великих мужа в пустынном безмолвии, в трудах, посте и богомыслии. Здесь преподобный отец наш Леонид принял келейное

пострижение в великий ангельский образ – схиму с именем Лев (1, 11).

Но сказал Господь: *Ниже вжигают светильника и ставят его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине (суть)* (Мф. 5, 15). В скором времени было открыто людям место подвигов пустыннолюбивых старцев, и к дверям их келлии стали стекаться тысячи посетителей. Тяготясь молвою, столь приятною для самолюбия и столь же противною смиренномудрию, старцы в 1811 году переселились в пустынный Всехсвятский скит Валаамского монастыря. Около шести лет пребывали три доблестных подвижника на Валааме и, как выражался иносказательно тамошний юродивый Антон Иванович, „торговали здесь хорошо“. Разумел же он духовную их куплю – приобретение Христу душ через мудрые советы и наставления (4, 14).

Враг рода человеческого, видя сие, воздвиг сильное гонение и клевету на старцев, восстановив против них и самого настоятеля – отеческая ко всем любовь их, общительность и свобода в обращении представлялись ему непокорством и вмешательством в его управление. Но Господь не оставил верных рабов Своих, и произведенное расследование явило всем святость старцев и духовную мудрость их. Святые мужи были оправданы, а диавол посрамлен.

В июне 1817 года перебрались старцы Феодор и Лев в Александро-Свирский монастырь. На Валааме 19 мая 1816 года окончил свое земное поприще блаженный Клеопа, а за ним, 7 апреля 1822 года, предал свою святую душу Господу и великий старец Феодор. Оплакав и предав земле тело любимого отца, преподобный Лев оставил обитель и некоторое время пробыл в Пощанской Богородицкой пустыни. Устроилось это по особенному промыслению Божию. В сей обители давно

подвизался иеромонах Макарий (Иванов). Скорбя о своем духовном сиротстве, блаженный сей инок усиленно молил Господа послать ему наставника с даром духовного рассуждения. Прибытие 6 декабря 1828 года в Площанскую пустынь преподобного Льва и было ответом на эту молитву. Сей даровитый инок стал преданнейшим духовным сыном преподобного, ближайшим помощником и преемником его по старчеству.

Наконец, во всеоружии духовной силы вышел преподобный отец наш Лев на новое великое служение человечеству, к которому призван был Промыслом Божиим на последнем месте своего земного пребывания – в Оптиной Пустыни. Переселился туда Преподобный в 1829 году с шестью учениками, среди которых был и будущий великий святитель Игнатий (Брянчанинов). Господь поставил угодника Своего, преподобного Льва, как доброго вертоградара в прекрасном раю, возделывать, насаждать и хранить почти забытый уже на Руси образ монашеского жития – благодатное старчество (I, 28).

Старческое руководство есть путь, которым старец-наставник ведет своих духовных детей к совершенствованию в духовной жизни. Они же находятся в искреннем духовном отношении и полном послушании своему старцу, через откровение перед ним всех своих помыслов. Сей путь старческого окормления великие пустынножители, отцы и учителя Церкви именovali надежнейшим и удобнейшим для спасения. Старчество процветало в древних египетских и палестинских киновиях, на Святой Афонской горе, а с Востока принесено было и в Русскую землю (4, 50).

Но с оскудением веры и подвижнического жития стало приходить в забвение и старчество, так что многие даже отвергали его. Много содействовал восстановлению на Святой Руси сего образа иноческого житель-

ства преподобный Паисий Величковский. С великим трудом собрал он на Афоне и перевел с греческого языка на славянский творения святых отцов-подвижников, в которых содержалось учение о монашеском житии, об умном делании и о старчестве.

Потребность в старческом окормлении естественно вытекает из самой поврежденной грехом человеческой природы. Грех омрачил душевные очи человека. Он и видя не видит, и слыша не слышит. И потому духовное старческое руководство – незаблудный путь. Святой Иоанн Лествичник говорит: „Как корабль, имеющий хорошего кормчего, при помощи Божией безбедно входит в пристань, так и душа, имеющая доброго пастыря, удобно восходит на небо, хотя бы и много грехов некогда содела“.

Вот сей-то дух старчества и принес в богохранимую обитель Оптину преподобный отец наш Лев. Настоятельствовавший в то время в Оптиной Пустыни преподобный Моисей много и усердно молился Богу о послании в его обитель духовно опытного старца. И вот, водимый Промыслом Божиим, прибыл и принят был оптинцами с великой радостью старец Лев. Преподобный Моисей поручил его руководству всех жительствовавших в обители братьев. Да и сам подчинился духовному водительству старца.

К этому времени преподобный Лев достиг высокой меры духовного возраста. Имея дар прозорливости, он вникал во все. Теперь без его благословения ничего важного не делалось в обители. К келлии Старца ежедневно, особенно в вечерние часы, стекались братия просить его совета и наставления.

Ради духовных советов Старца начали приходить к дверям его келлии из городов и селений разного рода люди: дворяне, купцы, мещане и простой народ. Все

были принимаемы Старцем с отеческим расположением и любовью. Жители самых отдаленных селений говорили о нем: „Он для нас, бедных и неразумных, пуще отца родного. Мы без него, почитай, сироты круглые“.

Находясь все время среди людей, преподобный Лев внутренне непрестанно пребывал с Богом. Он был великий молитвенник.

Когда посетителей было немного, Старец нередко так углублялся во внутреннюю молитву, что не замечал происходящего вокруг. Когда спрашивали богоносного Старца: „Всем ли дается умная молитва?“ – отвечал он так: „Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим, всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть, но отвергается он или постепенным углублением в себя, по учению отцов, или мгновенно, Божиим сверлом“.

Изучив под руководством отца Феодора духоносные писания отцов-подвижников о монашеской жизни и много лет пребывая в искреннем послушании и повиновении ему, преподобный Лев стяжал дар духовного рассуждения или разума духовного, по коему ясно мог распознавать дух истинный и дух лестчий – действие благодати Божией и прелесть вражью, хотя бы тонкую и сокровенную.

Посетил однажды Преподобный Софрониеву пустынь. Там жил в затворе некий иеросхимонах Феодосий, которого многие почитали мужем духовным и прозорливым, ибо он предсказал войну 1812 года и некоторые другие события. Старцу Льву сомнительным показалось его устройство. Побеседовав с затворником, он спросил:

– Отче, как ты узнаешь и предсказываешь будущее?

Затворник отвечал:

– Сам Дух Святой возвещает мне будущее, являясь в виде голубя и говоря человеческим голосом.

Преподобный, видя явную прелесть вражью, начал предостерегать затворника, что таким вещам не следует доверять. Но тот оскорбился и с негодованием возразил Старцу:

– Я думал, что ты подобно другим хочешь от меня попользоваться, а ты пришел меня учить!

Преподобный удалился и, уезжая из обители, предостерег настоятеля: „Берегите вашего затворника, как бы с ним чего не случилось“. Едва он доехал до Орла, как узнал, что несчастный Феодосий удавился. Из сего можно заключить, что, хотя этот затворник и находился в обольщении вражием, но милость Божия не отступала от него совсем.

Когда же отверг благожелательное предостережение мудрого и опытного Старца, Господь за это оставил его и он погиб такую ужасною смертью.

Как уже говорилось, имел Преподобный от Господа великий дар прозорливости. От пронизательного его взора не могли утаиться душевные тайны приходивших к нему, которых он нередко и обличал ради их душевной пользы. Невольно или от стыда ученики иногда хотели утаить от Старца свои помыслы, но Преподобный, выслушав исповедь, сам высказывал все утаенное, побуждая своих духовных детей к чистосердечному исповеданию всех смущающих помыслов.

Недалеко от Оптиной Пустыни жил один барин, который хвастал, что как только взглянет он на Старца, так его всего насквозь и увидит. Однажды этот барин приехал к Старцу и вошел к нему в келлию. Преподобный отец наш, взглянув на него, сказал: „Эка остолопна идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного

Леонида. А сам, шельма, 17 лет не был на исповеди и у Святого Причащения“. Барин затрясся, как лист, и после плакал и каялся, что он, грешник неверующий, действительно 17 лет не исповедовался и не причащался Святых Христовых Таин (4, 267).

Когда Преподобный был еще настоятелем в Белых Берегах, в монастырском лесу жил монах-караульщик, который обучал грамоте крестьянских детей. Однажды пришел к нему пьяный крестьянин и без всякой причины так избил его, что монах вскоре умер. Когда передали об этом старцу Льву, он сказал: „За то, что этот крестьянин убил неповинного, он и сам вскоре умрет“. Не прошло и трех дней, как крестьянин действительно внезапно умер.

Однажды Преподобный спас от смерти двух купцов, приехавших к нему за благословением. Получив от продажи хлеба большую сумму денег, купцы спешили домой, но Старец удержал их в Оптиной еще на три дня. Затем они благополучно возвратились в свой город. Много позже открылось, что, когда купцы те получили деньги, они были замечены грабителями. Поселившись рядом в гостинице, злодеи вошли в дружество с купцами и в дороге собирались ограбить их и убить. И исполнили бы свое злое намерение, если бы святой Лев не задержал купцов в своей обители. О неудавшемся покушении своим раскавышавшимся злодеи сами письменно известили потом купцов.

Наделил Господь преподобного отца нашего Льва и даром чудотворных исцелений. Но, по смирению своему, Старец прикрывал эти исцеления по его молитвам, и многих из приходивших к нему отсылал в Воронеж к святым мощам угодника Божия святителя Митрофана. Болящие, прошедши сотни верст, исцелялись в пути и, подобно евангельскому самарянину, возвращались благодарить богоносного Старца.

Многим страдавшим от телесных недугов, часто соединенных с недугами душевными и потому не всегда понятных для людей обыкновенных, преподобный Лев подавал благодатную помощь, помазав их елеем от неугасимой лампы, теплившейся в келлии его перед Владимирской иконою Божией Матери, бывшей благословением старца Феодора. Употребляя сие лекарство, Преподобный видимо возлагал надежду на милость и помощь Божию, на заступление Царицы Небесной и на молитвы духовного своего отца. По вере святого Старца и приходивших к нему помазание это оказывало великую силу.

Одна Севская монахиня страдала неизлечимой болезнью – раком груди. Врачи ничем не могли помочь больной и утверждали, что жить ей осталось не больше трех дней. Во время бдения под праздник Введения во храм Божией Матери, когда страдания ее стали невыносимыми, она видит наяву – входят к ней два старца. Один из них говорит: „Приезжай ко мне в Оптину, помолись Богу и получишь исцеление“. Собрав последние силы, страдальца поспешила отправиться в путь. Когда добралась она до Оптиной Пустыни, тотчас два старца пришли к ней на гостиницу и она узнала в них тех, которые являлись в праздник. Старшим был преподобный Лев, а младшим – преподобный Макарий. Много беседовали с нею старцы, а наутро пришел один отец Лев, помазал у больной грудь маслом из лампы и окропил святой водой. Боль у нее тотчас затихла, а вечером она была уже совершенно здорова. Вместо обещанных врачами трех дней по молитвам Преподобного она прожила еще более двух десятков лет (4, 256–257).

Однажды три женщины привели к Преподобному больную, лишившуюся рассудка. Они плакали и просили Старца помолиться о ней. Старец возложил на голову

больной конец епитрахили и свои руки и, прочитав молитву, трижды перекрестил ее главу. На другой день пришли те женщины и бывшая больная с ними, но уже совершенно исцеленная.

Приводили к нему многих бесноватых. Было немало и таких, которые прежде сами не знали, что одержимы бесом, и только в присутствии святого Старца, по обличении им таившейся в них прелести вражеской, начинали бесноваться. Так бывало с теми из неразумных мирян, которые для спасения души своей носили тяжелые железные вериги, нисколько не помышляя об очищении сердца от страстей. Преподобный Лев снимал с таких страдальцев вериги, возлагал на голову епитрахиль и читал над ними краткую заклинательную молитву из Требника, затем помазывал их святым елеем, и было много случаев чудесных исцелений.

Однажды шесть человек привели к Старцу одну бесноватую. Как только она увидела Преподобного, тотчас упала перед ним и бес громко закричал в ней: „Вот этот-то седой меня выгонит. Был я в Киеве, в Москве, Воронеже, никто меня не гнал, а теперь-то я выйду“. После молитвы Старца и помазания святым елеем бесноватая тихо встала и пошла из его келлии. Каждый год приходила она в Оптину Пустынь уже здоровая, а после кончины Преподобного с верою брала с могилы его землю для других больных, от которой и они получали великую пользу (1, 132).

Победа над бесами одержана была Преподобным после победы над своими страстями. Никто никогда не видел святого возмущенным, в страстном гневе или раздраженным. В самые тяжкие дни его жизни никто не слышал от него слова нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии. Спокойствие, евангельское младенчество и христианская радость никогда не оставляли

любвеобильного Старца. Один из учеников спросил его: „Батюшка, как вы приобрели такие духовные дарования, какие мы в вас видим?“ Преподобный отвечал: „Живи проще, Бог и тебя не оставит и явит милость Свою“.

Старец учил, что новонаначальному иноку прежде всего должно заботиться о познании себя и укрощении своих страстей. Не действовать по внушению их, а, призывая помощь Божию, противоборствовать им, не оправдывать их, а познавать духовную свою немощь; к благим начинаниям не примешивать тщеславия, чело-векоугодия или другого какого-либо нечистого побуждения, а искренне и с чистым произволением, простотою и незлобием служить Единому Господу.

Не слишком остерегался преподобный Лев, где нужно было, затронуть самолюбие своих духовных детей. Напротив, все его обращение с ними направлено было на искоренение этого скрытого губительного порока.

Чем больше поражений от святого терпел враг рода человеческого, диавол, тем более старался ожесточить против него неразумных и не внимающих себе людей. Так, некоторые из старших монастырских братий явно восстали против Старца. Ученики Преподобного смирялись перед старшими иноками, старались хранить мир и любовь.

Но находились злые люди, которые по диавольскому наущению писали ложные доносы и обвинения на Старца, за коими следовали гонения, запрещения принимать людей и переселения с одного места на другое. Ко всем сим невзгодам Преподобный относился с великим благодушием и, воспевая дивное церковное песнопение „Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу...“, переносил на новое место свою келейную икону Пресвятой Богородицы Владимирской и продолжал свое служение.

Запрещение принимать народ предписывалось Старцу неоднократно. Каждый раз, повинаясь воле архиерея, он прекращал прием, но, видя тяжелые мучения страждущих, опять начинал принимать их. Ища всегда лишь славы Божией и пользы ближних, Преподобный говорил: „Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову, а кто ко мне приходит, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародии многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?“ (4, 213).

Господь утешил Преподобного, прислав из Площанской обители любимого ученика Старца, преподобного Макария. Теперь в Оптиной жили вместе четыре равноангельных мужа – настоятель обители отец Моисей, брат его скитоначальник отец Антоний и старцы Лев и Макарий. И были они, сии святые мужи, яко четыре духовных столпа, на коих созидалась и укреплялась жизнь Оптинского братства. Несмотря на различие характеров, они жили в союзе мира и искреннейшей любви христианской, по слову Псалмопевца: *Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1).

Духовная деятельность преподобного Льва не ограничивалась одной Оптиной Пустынью. Часто посещал он Калужскую Тихонову пустынь, где настоятельствовал духовный сын Старца – отец Геронтий. Когда игуменом Малоярославецкого Никольского монастыря назначен был преподобный Антоний, то вместе с ним перешли в эту обитель и многие ученики его. Но все они неизменно прибегали за советом к преподобному Льву. Многие инокини женских обителей пользовались духовным руководством Старца, особенно из Севского Троицкого монастыря, Борисовской Тихвинской пустыни и Белевского Крестовоздвиженского монастыря.

Не без скорби приближался Старец к концу своей многотрудной жизни, о близости которого он имел предчувствие или предуведомление от Господа еще за год и многим говорил об этом.

Последним тяжелым испытанием была его предсмертная болезнь. Длилась она недель пять. С первых чисел сентября 1841 года он стал заметно ослабевать. Но никакой помощи от врачей не принимал, все упование свое возложив на Единого Врача душ и телес. Пищи в последние дни вовсе не вкушал, укреплял его один только Небесный Хлеб – Пречистые Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа.

15 сентября он был соборован при большом стечении братии, любившей его. С этого дня Старец особенно стал готовиться к кончине. Прощался с приходившими к нему братьями, благословлял их, никого не оставляя без утешения. 28 сентября, приобщившись Святых Таин, пожелал, чтобы пропели канон на исход души. Окружавшие его братья, размыслив свое сиротство, начали просить его не оставлять их в скорби. Он же сказал, прослезившись: „Дети! Если у Господа стяжу дерзновение, всех вас к себе приму. Я вас вручаю Господу. Он вам поможет течение сие скончати, только вы к Нему прибегайте. Он сохранит вас от искушений“.

Настала суббота 11 октября. Старец благословил всех окружавших его и сказал: „Ныне со мною будет милость Божия“. После сих слов начал он веселиться духом и радоваться сердцем, и хотя испытывал тяжкие телесные страдания от болезни, но не мог скрыть ощущаемой им духовной радости, и лицо его начало все более и более светлеть. С молитвой на устах предал свой дух Богу приснопамятный Оптинский старец Лев 11/24 октября 1841 года. Тело Преподобного стояло в соборном храме три дня, нисколько не издавая запаха

тления. Оно согрело всю одежду и даже нижнюю доску гроба. Руки его были мягки, как у живого, и имели особенную белизну. В болезни же Старец имел руки и все тело холодное, и многим, любящим его, он говорил: „Если получу милость Божию, тело мое согреется и будет теплое“ (1, 176).

Погребен был Преподобный близ соборной Введенской церкви за приделом Святителя Николая Чудотворца. И сбылись на нем слова Святого Писания: *Имена их живут в роды, и слава их не потребится, премудрость их поведят людие, и похвалу исповестъ Церковь* (Сир. 44, 12–14).

Ныне же преподобный отец наш Лев прославлен в сонме преподобных Оптиных старцев. Молитвенно предстоит он пред Престолом Божиим, проливая тихий благодатный свет на мятущийся в суете мир, просвящая души ищущих в нем вечной истины, помогая всем, взывающим к нему, своими молитвами и заступничеством пред Всеблагим Господом.

Наставления старца Льва

О воле Божией

Мы мыслим и судим, яко человецы, да и человецы еще плотстии. А премилосердый Господь вся весть, еще и несодеянное наше (4, 33).

Где воспоследует воля Божия, там никакия пресильныя препятствия не преодолеют (4, 33).

Милосердый же Господь исполняет и обращает все в Свою волю и на пользу нашу, хотя по видимому и противными нам средствами и последствиями. Мы при помощи премилосердаго Господа Бога потерпим, да и посмотрим... (4, 58).

О заповедях Божиих

...Делание заповедей Господних животворит душу и даже тело твое умиротворит и утешит до обилия... (4, 349).

О любви к ближнему

...Вспомните вторую заповедь Господню: *возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф. 22, 39), в которой повелевается любить ближняго яко самого себя. Чем же и как любить? Никак невозможно и сего исключить, дабы, в чем можем, вспомоществовать ближним, и всевозможно да стараемся в прощающем и сострадающем духе утешать, но дабы только по силе – сиречь, когда при помощи Божией не вредишься сама, а когда кто сам, при назидании другого, повреждается, то советуют

святити отцы следовать лучшему, т. е. себе внимать и себя сохранять... (4, 337).

О душе человека

...Душа человеческая в глубине своей таит много добра. Надобно его только отыскать (4, 60).

О духовном руководстве

На вопрос ученика своего, настоятеля Калужской Тихоновой пустыни о. игумена Геронтия, как управлять ему и назидать врученные ему от Бога словесные овцы, преподобный Лев отвечал: „...по мере только веры вашей предложу вам возложить себя и вас окружающих Всемогущему Господу и всемилосердой Его воле, поелику Самим Спасителем сказано в Святом Евангелии: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). ...Также прошу вас и молю, как и прежде вам советовал, – не быть тонким истязателем, но всячески держаться умеренности. Что потребует исправления, – действия употреблять с рассмотрением и долготерпением“ (4, 78).

Если кто искренно и от всей души ищет спасения, того Бог и приведет к истинному наставнику... Не беспокойтесь – свой своего всегда найдет (4, 63).

...Если наставник и вблизи, и повсечасно напоминает нам наши недостатки, с сострадательностью советует и увещевает охраняться злобы, то нам злокозненный враг диавол человеконенавистный не поредку предлагает, повинующимся ему в помысле, недостатки его человеческие и влагает презорство, дабы обезверить нас к нему и хладнокровно принимать благоназидательныя его на-

ставления. Этим-то и лишаемся пользы, посему святой и богодухновенный отец Симеон Новый Богослов и советует, – не учащать входа своего в настоятельскую келлию из предосторожности, дабы не впасть в презорство и дерзновение (4, 347).

О монашестве

В наши времена Бог не посылает подвижникам таких испытаний, как древним, потому что не могли бы понести, и не подает древних дарований, чтобы не вознеслись безмерно (4, 70).

Новоначальный и в самых обыкновенных случаях все тщеславится (4, 124).

О новоначальных послушниках, по преимуществу склонных к тщеславию, Преподобный имел обыкновение говорить так: „У кого голосок да волосок, у того лишний бесок (бес тщеславия)“ (4, 124).

О спасении

Преподобный Лев каждому внушал, что нелегко достается душевное спасение ищущим его. Нередко в подтверждение сей истины он повторял простую, сложенную им поговорку: „Душу спасти – не лапоть сплести“ (4, 82).

О молитве

Кого посетит Господь тяжким испытанием, скорбью, лишением возлюбленного из ближних, тот и невольно помолится всем сердцем и всем помышлением своим,

всем умом своим. Следственно, источник молитвы у всякого есть, но отверзается он или постепенным углублением в себя, по учению отцев, или мгновенно, Божиим сверлом (4, 185).

Молитву Иисусову проходи, как творишь, и приидет время, тогда самое дело и милосердие Божие просветит и вразумит вашу душу, как и кого спросить, и послется – что ищешь и желаешь. Писано в тропаре священномученикам отцам, что „деяние обрел еси, богодухновенне, в видения восход“.

Молитву творить обыкновенно – это деяние, каковую бы (молитву) кто ни творил, а видение или восхищение ума – то дар Божий от благодати Божией к нам... (4, 339).

О послушании старицу

...Нам пренужно самим изыскивать, кому повиноваться и объяснять свои деяния и помышления, отчего и сами ведомее будете и, по возможности сил, и к вам приходящим благоуспешнее будете преподавать благие советы... (4, 351).

Если спрашивать меня – так и слушать, а если не слушать – так и не ходить ко мне (4, 60).

...Это справедливо, что кто бы ни был, подвижник или постник, но живущий по своей воле и сам собою окормляясь, утверждения и благого рассуждения в нем отнюдь не увидишь. Того-то ради св. Симеон Новый Богослов пишет в Слове 6-м, что лучше учеником ученика именоваться, нежели самочинно жити. О сем же и св. Марк Подвижник в послании к Николаю инок в 1-й части „Добротолюбия“ на обороте 37-го листа пи-

шет: „...мнози многими труды и постничеством, и страданием проидоша и труды многи Бога ради потерпеша, но самочиние, нерассуждение и нетребование от ближняго пользы, таковые их труды нетвердыми и суетными соделаша“ (4, 339–340).

...Не столько искусство и опыты старческие действуют, сколько вера со упованием вопрошающих благодать Божию на нас вообще привлекают... (4, 342).

О смирении

Некто из учеников Преподобного спросил его: „Батюшка! Как вы захватили такие духовныя дарования, какая мы в вас видим?“ Старец отвечал: „Живи попросте, – Бог и тебя не оставит“. Потом прибавил: „Леонид всегда был последним в обителях, никогда ни от какого поручения настоятеля не отказывался. В навечерие великих праздников другие, бывало, стремятся в церковь, а Леонида посылают на хутор за сеном для лошадей приезжих гостей, а потом усталого и без ужина посылают на клирос петь, и он безропотно повиновался. Старайся и ты так жить, и тебе Господь явит милость Свою“ (4, 71).

Помни Симона волхва, как он, высоко поднявшись, опустилсЯ низко, так и ты, буде <если> не смиришьсЯ, то погибнешь... (4, 136).

Кто, пришедши ко мне, нисколько не хочет дожидатсЯ и лезет вперед всех, у того не может долго держатсЯ в памяти то, что я ему говорю. В другой раз спрашивает и опять забывает. А кто, пришедши для объяснения своих нужд, с терпением и смирением переживает других

и предпочитает их себе, у того каждое слышанное им слово напечатлеется в сердце и он целую жизнь будет помнить то, о чем ему однажды было сказано (4, 142).

...Когда не имеете спокойствия, знайте, что не имеете в себе смирения. Это Господь явил следующими словами, кои вместе с тем показывают, где искать спокойствия. Он сказал: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29) (4, 375).

О смирении

Смирение, вероятно, происходит в тебе от того, что ты не все открыл духовнику на исповеди, что следовало бы... Может быть, не сделал ли того-то и того-то? (4, 66).

О терпении скорбей

...Не вижу таковых скорбей, которыя были бы невыносимы. Аще и какия случаются, то получаю и помощь Божию, во еже понести оныя. Невозможно же, чтобы совершенно избавиться от них, когда нам Господь наш Иисус Христос оставил их, яко наследие. Сам бо пострадал за нас. И святые Апостолы, между многими учениями о терпении и необходимости скорбей, написали и сие, что *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Небесное* (Деян. 14, 22). Посему, не ища добровольно скорбей, должно повиноваться воле Божией. Какие Ему угодно послать нам скорби, принимать должны все с благодарением (4, 304).

Как-то утешал Батюшка крестьянина, у которого украла колеса с повозки: „Оставь, Семенушка, не гонись за

своими колесами,— это Бог тебя наказал, ты и понеси Божие наказание и тогда малою скорбию избавишься от больших. А если не захочешь потерпеть этого малого искушения, то больше будешь наказан“ (4, 246–247).

Об борьбе со страстями

...Что же вы, дочь, жалуетесь: яростная и плотская страсти хотя отступили на время, но недуг малодушия временем наиболее гнетет вас, то, о мати и дочь! Да будет твоей любви известно, что всеобщий враг диавол, свои брани и козни всегда применяя, обманывает и побеждает нас таковыми злохитрыми и коварными злоухищрениями, и вы не утверждаетесь в том, чтобы у вас вовсе угасла ярость и плотская страсть, но разве на некое время дан вам отлог для отдохновения. И не враг сию слабу преподает, но милосердием Божиим благодать Его невидимо за молитвы отец и матерей вспомоществует, ибо аще бы не Божия благодать невидимо защищала и подкрепляла, то едва бы кто возмог соблюсти в непорочности себя... (4, 350–351).

Об искушениях

Вы гадательствуете, что ваше <душевное> расстройство последовало не от удаления ли причащения Святых и Животворящих Таинств Тела и Крови Христовых. И сие неоспоримо, это может быть; но причины также бывают от нашего нерадения и неуготовления к искушениям (4, 361).

...Наведенные нам искушения всячески преполезны, во-первых, потому, что приводят, хотя или нехотя, со смирением прибегать к покровительству и помощи Бо-

жией, прося о защищении, второе, обнадеживает, что мы хотя и от ничтожных ничтожнейшие и слабейшие всей твари, но имеем скорбная сообразно по Бозе жителствовавшим и во искушениях предуспевшим и спасшимся, как за грехи наши попущены скорби ко очищению и смирению также, то благонадежием и упованием подкрепляемы, в пагубное отчаяние не попускаемся... (4, 352–353).

О вешелюбии

...Что ж касается вешелюбия и мшелоимства (сиречь излишества различных вещей), то сия немощь, по рассуждению святых отцев, горше и пребедственне сребролюбия, но да пополняем и окаеваем себя, и Господь всемогущ нас и судьбу нашу во благонадежный и спасительный устроить конец... (4, 339).

О раздражительности

О раздражительности преподобный отец наш Лев, в одном из писем к своей духовной дочери, монахине Н. писал, что „...исцеляется она не уединением, а обращением с ближними и претерпеванием от них дозиданий, а в случае победений ими – познанием своих немощей и смирением“. Святый Иоанн Лествичник пишет: „Кто ощущает себя склонным к гневу, ярости, мщению и лукавству, тот ниже да зрит след безмолвия...“ (4, 369–370).

О пище

Спросившему преподобного Льва о пище Старец отвечал: „Что же касается до пищи... – предлагаемая с

воздержанием употреблять во славу Божию, а для чревобесия не изыскивать излишняго“ (4,334).

Последние, общие наставления преподобного Льва

...Сколько можно, удаляйся от молвы, уклоняйся от суетных людей, употреби волю свою и ревность на взыскание угодного пред Господом и на приобретение вечных вещей. Все временное изменится, но вечное пребудет вечно. Не позволяй рассеиваться добрым мыслям, все там суетно, где не назидается душа во спасение и не просвещается страхом Божиим (4, 392).

Литература

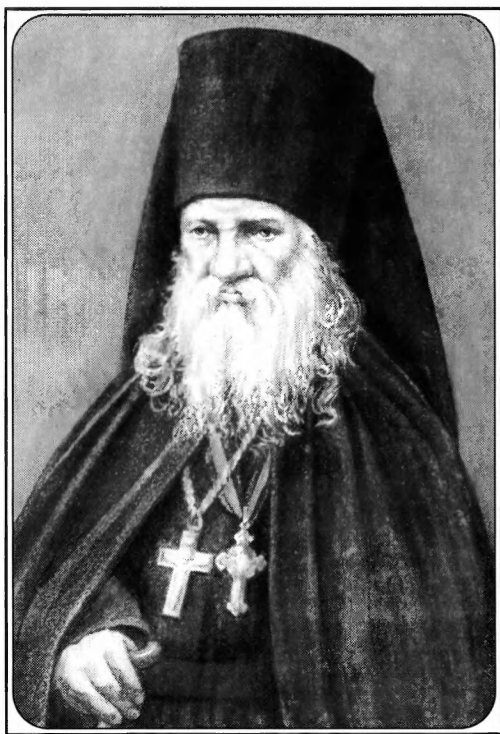
1. Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Тула: Изд. Оптиной Пустыни, 1991. (Репринт).

2. Лев (Наголкин), иеросхим. Советование к сохранению заповедей: (Из писем Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва), скончавшегося в 1841 г.)// Калужские епархиальных ведомости, 1862. № 9. С. 127–132; Троицкие листки, 1880. № 24. С. 105–108. (Перепеч.).

3. Письма иеросхимонаха Льва к разным лицам. (28 писем): Моск. приходской сборник. Вып. 1. С. 109–148. М., 1991.

4. Житие иеросхимонаха Льва. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1994. (Репринт).

Житие
преподобного
Макария,
старца
Оптинского

1788 – 1860

П реподобный старец Макарий, в миру Михаил Николаевич Иванов, родился 20 ноября 1788 года в семье дворян Орловской губернии Дмитровского уезда и был назван Михаилом в честь святого благоверного князя Михаила Тверского.

В семье, кроме Михаила, было три брата: Алексей, Павел, Петр и сестра Варвара. Но именно к старшему, Михаилу, мать их, женщина богобоязненная и смиренная, питала особую любовь и часто говорила: „Сердце мое чувствует, что из этого ребенка выйдет что-нибудь

необыкновенное". Поведение Михаила с самого детства было и впрямь необычным: в отличие от своих братьев и сверстников, мальчик был тих, кроток и молчалив. Питая сильную привязанность к матери, он почти не отходил от нее, как бы предчувствуя, что недолго ему оставалось быть с ней: когда мальчику было девять лет, Елизавета Алексеевна скончалась от чахотки. Жили они тогда в окрестностях города Калуги, близ Лаврентьева монастыря. Похоронив жену, Николай Михайлович переехал с детьми сначала в село Щепятино Дмитровского уезда, а затем в город Карачев Орловской губернии, где жила его сестра Дарья Михайловна, которая и взяла на себя воспитание осиротевших племянников. Здесь же, в Карачеве, Михаил получил школьное образование (5, 8).

Четырнадцать лет от роду вынужден был он в силу обстоятельств поступить бухгалтером в Львовское уездное казначейство. В отправлении этой трудной для своего возраста должности юноша проявил большое усердие. Отличаясь точностью исполнения возложенных на него обязанностей, он обратил на себя особое внимание губернского начальства и уже через три года получил назначение на должность начальника стола счетной экспедиции в Курске (5, 9).

Господь хранил Своего избранника в годы юности от многих соблазнов светской жизни губернского города. В свободное от ответственной и напряженной работы время Михаил увлекался чтением и музыкой. По отзывам современников, он искусно играл на скрипке.

Смерть отца, последовавшая 17 марта 1806 года, изменила ход жизни Михаила. На семейном совете было решено, что имение в Орловской губернии должно полностью перейти к нему, а денежные средства – братьям. В том же году Михаил вышел в отставку в чине гу-

бернского секретаря и переехал в Орловское имение (5, 10).

Переселение в деревню, размеренность сельской жизни, уединение и тишина, близость к природе открыли для него возможность предаться любимому делу – чтению духовной литературы и музыке. Это сельское уединение стало для него как бы приготовлением к иноческой жизни, к которой призывал его Господь.

Однако занятие хозяйством было для него в тягость. Оно требовало постоянного личного присмотра, а иногда и взыскания за упущения в работе. Михаил же, по доброте своей, не мог и не хотел следовать общепринятому порядку.

Однажды был такой случай. Мужики, видевшие, что нет за ними присмотра, покрали большое количество гречихи. Молодой хозяин призвал их к себе, долго уговаривал и вразумлял их словами Божественного Писания. К удивлению посмеивавшихся над этим родственников, увещевания закончились тем, что виновные упали на колени, во всем чистосердечно раскаялись и были великодушно прощены.

Как-то братья, которые к тому времени уже обзавелись семьями, заговорили с ним о женитьбе. В соседнем поместье жила скромная и добродетельная девушка. Послушный воле братьев, Михаил отправился было к ее родителям с предложением о сватовстве, но дело не сладилось. Это вызвало у него вместо горечи чувство радостного облегчения, поскольку сам он расположения к супружеству не имел. Для него такой поворот дела был лишь еще одним указанием Промысла Божия вступить на путь иноческой жизни.

6 октября 1810 года Михаил отправился на богомолье в Площанскую Богородицкую пустынь Орловской епархии, находившуюся в 40 верстах от имения, в уединенной

местности, окруженной со всех сторон лесами. Монастырь и сами иноки произвели на Михаила столь сильное впечатление, что он решил домой не возвращаться. Из монастыря уведомил он братьев о своем решении покинуть мир. Принадлежащее ему имение отписал в их пользу, поставив лишь условием из вырученных от продажи денег тысячу рублей употребить на строительство каменной церкви в селе Турищеве, где был похоронен отец(5, 13).

Так крепкою десницею Господней беспрепятственно и мирно изведен был Михаил из мирской суеты и соблазнов и водворился в пустыни, куда, подобно жаждущему оленю на водные источники, стремилась его душа. 16 ноября 1810 года Михаил был принят настоятелем отцом Иоанникием в Площанскую пустынь, а 24 декабря того же года пострижен в рясофор и наречен Мелхиседеком (5, 32).

С ревностью о Боге и усердием исполнял юный подвижник возложенное на него послушание письмоводителя обители, посещал все уставные церковные службы, ревностно совершал келейное монашеское правило. Кроме того, выполнял он также обязанности ризничего, чтеца, пел на клиросе. Однако более всего душа новоначального инока стремилась к самым истокам духовной жизни. В обители слышал он рассказы о подвижниках с Афона и из Молдавии, которые поселялись в монастырях (Свенском, Чолнском, Белобережской пустыни, Глинской и Софрониевой пустынях), уединялись в скиты Брянских лесов. Это были по большей части ученики и сподвижники великого молдавского старца преподобного Паисия Величковского. Эти духовные подвижники принесли из молдавских обителей опыт умного делания, связанный с прохождением Иисусовой молитвы, перепиской и переводами святоотеческих тво-

рений, в которых это спасительное делание получило богословское обоснование и развитие.

7 марта 1815 года, после пятилетнего искуса, отец Мелхиседек был пострижен в монашество с именем Макарий, в честь преподобного Макария Египетского; 12 марта того же года рукоположен Преосвященным Досифеем, епископом Орловским и Севским, в сан иеродиакона, а спустя два года – в сан иеромонаха (5, 33).

В том же 1815 году в Площанскую пустынь переселился сподвижник Паисия Величковского схимонах Афанасий. Его личный пример духовной жизни и, прежде всего, опыт духовной брани и молитвы Иисусовой сразу привлекли к себе сердце и помыслы молодого иеродиакона Макария, который целиком вверил себя его духовному руководству, подобно младенцу вскармливаясь из уст его пищей бесценных поучений и наставлений.

Научившись уставному письму, отец Макарий по благословению старца Афанасия принялся за чтение и переписку творений святых отцов.

„Глубоко печатлелись на чистом сердце и памяти юного инокa слова писаний святоотеческих, над которыми проводил он многие бессонные ночи... Но чем более углублялся любомудрый инок в чтение святоотеческих писаний, тем более возгоралась в нем ревность достигнуть желаний краю духовного делания: научиться умной Иисусовой молитве“, – писал впоследствии один из учеников преподобного Макария архимандрит Леонид (Кавелин).

Однако время для этого еще не пришло, да и сам отец Афанасий не мог удовлетворить любознательность наставляемого им подвижника, проходя по благословению преподобного Паисия лишь устную молитву Иисусову и не касаясь ее высоких степеней, представляющих

немалую опасность для самовольного их прохождения без опытного наставника.

Важными событиями в духовном становлении преподобного Макария в период его подвижничества к Киево-Печерским угодникам в 1814 и 1819 годах, а также в Ростов в 1824 году для поклонения мощам святителя Димитрия, почитаемого им наряду со святителем Тихоном Задонским. По дороге в Киев посетил отец Макарий и Глинскую пустынь, где познакомился с ее игуменом старцем Филаретом, одним из преемников опыта умного делания преподобного Паисия Величковского. А во время поездки в Ростов отец Макарий впервые посетил Оптину Пустынь (5, 44).

За шестнадцать лет, проведенных в Площанской пустыни, отец Макарий вырос в мужа совершенна, восприняв от старца Афанасия искусство духовного рассуждения и укрепившись в духе и истине. В 1826 году он был назначен благочинным обители, а в 1827 году – духовником Севского Троицкого девичьего монастыря (5, 45).

Вскоре вслед за Севским переходят под духовное окормление отца Макария монастыри Великолуцкий, Вяземский, Аркадиевский, Казанский, Курский, Серпуховской, Калужский, Елецкий, Брянский, Осташковский, Золотоношский, Смоленский, Борисовская Тихвинская пустынь и другие. И если о духовной высоте жизни подвижника свидетельствует прежде всего глубина смирения, то преподобный Макарий не только своей жизнью показал удивительный пример этой добродетели, но и научил смирению многих своих духовных чад.

Однако духовническое служение ставило перед ним сложнейшие вопросы, помочь разрешить которые могли лишь по-настоящему умудренный опытом невидимой брани наставник. О нем молил он Господа и обрел его в

лице замечательного преемника традиции умного делания иеромонаха Леонида (в схиме Льва).

Встреча и знакомство с ним состоялись в 1828 году, когда отец Леонид вместе со своим старцем схимонахом Феодором, учеником преподобного Паисия, приехал из Александро-Свирского монастыря в Площанскую пустынь. Здесь они прожили полгода, и за это время отец Макарий сблизился со своим будущим учителем. Ибо многое привлекало его в Старце – учительность, духовный разум, рассуждение, владение искусством непрерывной молитвы Иисусовой, столь усадительной и любезной для сердца отца Макария.

И было так угодно Господу, что именно на долю старца Леонида выпало впоследствии возродить старчество в Оптиной Пустыни, а отцу Макарию, переведенному туда в 1834 году, стать не просто его преемником и последователем, но и ближайшим сотрудником и подвижником.

Семь лет провел в Оптиной смиреннейший иеромонах Макарий под руководством старца Льва, как к живительному и духоносному источнику притекая к нему в своих многообразных духовных нуждах. Испытывая кротость своего ученика, старец Леонид нередко „отчитывал“ его на глазах у пораженной братии, уже тогда почитавшей самого отца Макария за старца и во множестве притекавшей к нему за словом наставления, ибо он был назначен распоряжением отца настоятеля духовником обители. Испытывал сурово, пользуясь, по наставлению преподобного Иоанна Лествичника, случаем доставить подвижнику венец терпения, а другим – воспользоваться примером его истинного смирения (5, 60).

Последовавшая 11 октября 1841 года кончина любимого аввы, старца Льва, глубоко потрясла душу преданного ученика. Крест старческого служения вместе с

многочисленными заботами по устройению Скита, начальствование над которым было ему поручено, лег на его плечи. И если до этого времени преподобный Макарий оставался как бы в тени, то теперь истинная высота его духовной жизни и обилие духовных дарований, которыми Господь наделил Своего избранника, были явлены всем. И обозревая весь последующий подвиг его самоотверженного служения, можно словами апостола Павла сказать, что уже не сам он жил, но жил в нем Христос. „...Взглянув внимательнее на ежедневные труды его, — отмечает отец Леонид (Кавелин), — и принимая в соображение слабое от природы здоровье, болезни, лета, нельзя было не сознаться, что только сила Божия, в немощах совершающаяся, могла подкреплять скудельный сосуд его тела для перенесения столь многообразных трудов...“ (5, 61).

День Преподобного начинался в два часа ночи с совершения утреннего правила, которое состояло, помимо утренних молитв, из 12 избранных псалмов, молитв 1-го часа, дневного канона Божией Матери по гласу и акафиста Божией Матери.

После краткого перерыва с шести часов вычитывались молитвы часов и изобразительные. Затем Старец выпивал одну-две чашки чаю и принимался за письма или чтение святоотеческих книг.

С девяти часов начинала скрипеть входная дверь, возвещающая о приходе первых посетителей, — келлия его, как и сердце, любящее и милующее, была открыта для всех. В это время приходили люди в основном простого сословия — крестьяне, мещане, мастеровые, которые во множестве собирались у „хибарки“ Старца, ожидая его выхода. Духовное рассуждение и личный опыт придавали силу словам богоносного Старца, когда он давал те или иные советы и наставления, всегда принимая во

внимание различие характеров, способностей и уровень духовного состояния человека. Особенно много народа собиралось в дни постов. В Успенский пост исповедовалось и причащалось до нескольких сот богомольцев ежедневно.

Чаще, однако, приходили не только за советом или для исповеди, но и с просьбой об исцелении от различных болезней, душевных и телесных. В этом случае смиренный Старец, не обнаруживая силу своего молитвенного предстательства пред Богом за болящих, имел обыкновение подавать им елей от неугасающей лампы пред особо чтимой им Владимирской иконой Божией Матери, а иногда сам помазывал этим елеем болящих. И тем, кто с верою помазывался, Господь по молитвам Преподобного подавал исцеление. Особенно часты и памятливы были случаи исцеления бесноватых.

Вот только два таких примечательных случая из двадцатилетнего старческого служения преподобного Макария. „Многие из нас, – вспоминает отец Леонид (Кавелин), – помнят одну бесноватую женщину, которая, сидя на дорожке, ведущей из монастыря в Скит, поносила Старца, говоря: „Скоро ли умрет этот Макарий? Он измучил весь мир... Ох, горе мне!“ Привлеченная к Старцу по вере ее мужа, эта женщина, уже несколько лет страдавшая беснованием, после употребления священного елея, данного Преподобным, выздоровела совершенно“ (5, 88).

Был другой, не менее примечательный случай. „Один из людей образованного круга имел несчастье подвергнуться припадкам беснования; родные советовались с искуснейшими докторами, те долго лечили дома, наконец, послали больного за границу – на воды, но облегчения не было. Несмотря на очевидные признаки беснования (ибо припадки болезни совпадали с днями нарочитых церковных праздников, а конвульсии усиливались

от прикосновения священных предметов: святого креста, Евангелия, богоявленской воды; наконец, больной не в состоянии был приступать добровольно к таинствам покаяния и причащения), родные боялись и не хотели назвать болезнь своим именем. Один из товарищей больного, видя его беспомощное состояние, из сострадания взял на себя повезти больного в монастырь с тем, чтобы посоветоваться о непонятной болезни своего приятеля со Старцем, которого знал лично. Успел ли он уговорить больного или привез его в монастырь, употребив для сего какую-нибудь хитрость, – не знаю, только тотчас же по приезду, остановившись в гостинице, послал просить к себе Старца, не упоминая ни слова о приехавшем с ним товарище и ничего не говоря о сем и ему самому. Несмотря на сие, больной в то же самое время начал обнаруживать сильное беспокойство – признак приближающегося припадка – и заговорил: „Макарий идет! Макарий идет!“ – и едва преподобный Макарий вошел в занимаемые ими гостиничные покои, больной бросился на него с бешенством, произнося разные неистовые слова, и, прежде чем успели удержать его, заушил Старца. Доблестный воин Христов, зная, кто управлял в этом действии рукою несчастного, употребил против него сильнейшее оружие: по заповеди Христовой быстро подставил ему другую ланиту, произнося слова Евангелия: *Аще ты кто удариш в десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мф. 5, 39). Опаленный смирением, бес оставил страдальца, больной упал без чувств к ногам смиренного Старца и пролежал долгое время в совершенном оцепенении, потом встал здоровым, не сохранив ни малейшего воспоминания о своем поступке, в котором он, попущением Божиим, был лишь орудием“ (5, 88).

Вообще было обыкновением для отца Макария в четырнадцать часов отправляться из Скита в монастырь

ские гостиницы, где его дожидались посетители из высших и обеспеченных сословий – помещики, военные и государственные чиновники, купцы, ученые, литераторы и богословы. Слово Старца целительно действовало на их души, открывало зрение грехов и двери покаяния. Для встреч и бесед с преподобным Макарием приезжали в Оптину и известные писатели – братья Иван и Петр Киреевские, Н.В. Гоголь.

Зачастую наплыв посетителей был такой, что, возвращаясь из гостиниц, измученный, усталый, едва переводя дыхание, не мог он даже говорить. Но вместо отдыха следовало правило, состоящее из 9-го часа, кафизм с молитвами и канона Ангелу-хранителю. Потом, до вечерней трапезы, а иногда и во время оной принимал Преподобный монастырскую братию (если кто из них не успел побывать днем), приходившую на ежедневное исповедание помыслов. Окончив прием, подкреплялся пищею, потом слушал вечернее правило, на которое, кроме келейников, приходили еще один или два из ближайших учеников. Состояло оно из малого повечерия, молитв на сон грядущим, двух глав Апостола, одной главы Евангелия. После этого Старец оставался на краткий отдых, предваряемый молитвенным подвигом. И когда огни в скитских келлиях давно уже погасли, окно его келлии еще было освещено светом свечи, горевшей на его письменном столе... Но вот погас и этот свет, и только слабое мерцание неугасимой лампы пред иконою Богородицы освещало окно молитвенного покоя. Но, как и днем, не закрывались двери келлии Старца. И если случалось кому из иноков претерпеть страх или нападение от духов злобы, прибегали они под молитвенный его покров и отеческую защиту даже ночью.

Принимая откровение помыслов братии, преподобный Макарий обнаруживал не только богатый личный

опыт, глубокое практическое познание Священного Писания и аскетической литературы, но и благодатные дары духовного рассуждения и прозорливости. По смирению Старец скрывал свою прозорливость, но в ней не могли сомневаться имевшие к нему близкое отношение, будучи удостоверены в том личным опытом. „Делай как знаешь, – говаривал иному Старец, – но смотри, как бы не случилось с тобой вот того-то...“ – и событие удостоверяло невнимательного в том, что Старец предостерегал его недаром (5, 78).

Долготерпеливый ко временно уклонявшимся по действию вражью от пути откровения Старец мудро выжидал, когда постигнет такового какое-либо искушение внешнее или внутреннее, и тогда, вразумив и утешив пришедшего, присоединял и кроткое обличение, говоря: „Вот это постигло тебя за то, что ты уклонился на шее. Ах, брате, брате! Рассуди, мне ли нужно твое откровение? Врагу не нравится этот путь, как верный и кратчайший ко спасению...“ (5, 79).

Удивительным даром любви одарен был Старец! Знавшие его вспоминали, что всякое творение и тварь Божия вызывали у него чувство умиления. Нередко, прогуливаясь вдоль скитских дорожек палисадников, усаженных разнообразными цветами, он останавливался в созерцании дивной красоты Божией, отраженной в их ярком цветении, восхищался духом, и в глазах его видны были слезы.

У окна келлии его на специальной подставочке, куда сам отец Макарий клал корм, собиралось множество лесных птиц, щебечущих на все голоса. Когда он обнаружил, что меньшие из них остаются без своей доли, оттесняемые большими, то устроил особые кормушки, куда не могли забраться большие птицы.

Очень любил он лес и даже писал одному из своих

многочисленных духовных чад: „Человек получает в лесу себе успокоение и душевную пользу: мы видим, как в прежние времена люди удалялись в чащу лесов и там, в тиши от мира и сует его, в молитве и трудах иноческих искали своего спасения. Один вид приснозеленых хвойных деревьев нашей Родины веселит зрение, служа символом надежды на жизнь присносущную, для взыскания коей удаляются в пустыню...“ А в 1849 году, когда от стихийного бедствия сильно пострадал Оптинский Скит и бурей вырвало сотни деревьев, Старец вместе с братией своими руками убирал поваленные огромные сосны и дубы, а на их место сажал молодые деревца. И после кончины отца Макария братия твердо помнила и соблюдала его завет – хранить и беречь лес, не рубить в нем ни кустика, ни деревца... (5, 69).

Обо всем, без малейшего исключения обо всем, было усерднейшее попечение Старца во вверенном его управлению Скиту. За двадцать лет его начальствования положение Скита настолько укрепилось, что он уже не только содержал себя, но и выделял значительные средства на содержание самого монастыря. Большие вклады обеспечили его благоденствие на многие годы, в том числе и уже по кончине преподобного Макария. При нем же в 1857 году были построены новые каменные Святые ворота с колокольной, в 1858 году – новая братская трапезная; в 1860 году заложен новый корпус с мезонином для библиотеки, куда преподобный Макарий передал свои книги, собранные в течение жизни. Заботами Старца были произведены роспись колокольни и Святых врат, позолота иконостаса и роспись церкви (5,64).

Большую часть своей жизни, 50 из 72 лет, провел преподобный отец наш Макарий в монастырской ограде, уйдя от мира и затворившись в духовной пустыне. Но его жизнь, духовный подвиг и старческое служение

не могли укрыться от мира. Свет духовной мудрости, сердечной любви и отеческой заботы о приходящих к нему был далеко виден.

Любовь Старца была поистине жертвенная и деятельная. И любящее его сердце чутко реагировало на события общественной жизни, изменения нравственного состояния общества, на все более и более обострявшиеся вопросы образования и воспитания. Рядом с кипами писем от духовных чад на его столе можно было видеть номера периодических изданий и богословских журналов. В 1857 году он напряженно следил за боями в Севастополе, радовался, как дитя, от удач, скорбел о неудачах. Когда же была получена весть об оставлении Севастополя, Преподобный зарыдал, упал на колени пред образом Божией Матери и долго молился без слов, как отец, потерявший единственного сына.

Велика роль преподобного Старца и в духовном просвещении русского народа. Он начал дело издания в Оптиной Пустыни творений святых отцев, объединившее вокруг обители лучшие духовные и интеллектуальные силы России. Высоким покровителем этого богоугодного дела был митрополит Московский Филарет. Он не только содействовал этому благову начинанию, но и сам участвовал в проверке переводов, определении последовательности изданий, привлечении необходимых людей.

По особому устроению Промысла Божия в келейной библиотеке старца Макария к началу издания книг (в 1845 году) обрелись верные копии с исправленных старцем Паисием древних славянских переводов писаний Макария Великого, Иоанна Лествичника, св. Варсануфия, а также переведенные самим отцом Макарием книги Максима Исповедника, Феодора Студита, житие Григория Синаита, сочинения Григория Паламы и другие творения святых отцев подвижников, в том числе и

труды блаженного старца Паисия. Все эти духовные сокровища были явлены миру стараниями самого отца Макария, издателей Ивана и Наталии Киреевских и других благомыслящих людей, которых воздвиг Сам Господь для содействия сему полезному делу.

Исполнив повеленное ему от Господа, преподобный отец наш Макарий завершал свой земной путь жизни и трудов, увенчанный благодатными духовными дарами и плодами. Непосредственно перед кончиной Преподобного для многих открылась его прозорливость, бывшая до этого времени известной лишь ближайшим его ученикам. В 1859 году старица Мария, мать ближайшего его ученика, отца Леонида (Кавелина), и преданная его духовная дочь, будучи в тяжелой болезни, просила преподобного Макария помолиться, чтобы Господь продлил дни ее жизни, ибо хотела повидать сына, который находился в это время в отъезде. Преподобный сказал ей в ответ: „Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе“. Так и вышло. Оправившись от болезни, она говорила своим близким: „Бойтесь моей смерти, с нею связана жизнь Старца: вот что он мне сказал...“ (5, 130).

О последних событиях жизни преподобного Макария узнаем из летописи, составленной его учениками: 23 августа 1860 года Старец присутствовал на монастырской гостинице при блаженной кончине одной из духовно преданных ему боголюбивых жен, боярыни Марии, матери ученика его. Прослезившись, Старец назвал эту тихую, наподобие угасшей свечи, кончину, „преподобническую“, промолвив: „Я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную!“ (Скончалась она, сидя в креслах, через четверть часа после принятия Святых Таин, сказав духовнику: „Такой радости и сладости, какую я теперь ощущаю, нельзя выразить никакими словами“).

26 августа в празднование особо чтимой преподобным Макарием Владимирской иконы Божией Матери, собираясь к обедне, он почувствовал приступ тяжелой болезни. К вечеру последовало ухудшение. Десять дней болезнь изнуряла его телесные и душевные силы. Не помогали ни лекарства, ни усилия врачей. Облегчение наступало лишь после причащения Святых Таин, соборования елеем и особенно во время чтения канонов и акафистов Спасителю и Божией Матери.

1 сентября болящий имел утешение принять в своей келлии боголюбивых старцев: настоятеля обители отца архимандрита Моисея и отца игумена Антония. Довольно долго беседовал с первым, причем преподавали друг другу взаимное прощение и благословение. В течение всего этого дня братия, как скитская, так и монастырская, невозбранно входили получать благословение и последние наставления Старца.

Сентября второго числа приехали ожидаемые Преподобным племянницы его, инокини Севского девичьего монастыря, а после полудня одна из преданных духовных дочерей его, Н. Киреевская, прибыв из Москвы по первому известию о болезни Старца, привезла ему от митрополита драгоценный дар: финифтяную Владимирскую икону Божией Матери и не менее драгоценное обещание – молиться о нем ко Господу.

7 сентября, в день предпразднества Рождества Богородицы, в 6 часов утра в последний раз Преподобный удостоился приобщиться Святых Таин, Тела и Крови Христовых, которые на сей раз принял уже от телесного изнеможения лежа, но в полной памяти и с глубоким чувством умиления. Почти ровно через час после сего, в 7 часов, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на 9-й песни оного, Преподобный предал свою праведную душу в руце Божии, – тихо и безболез-

ненно, окруженный сонмом своих ближайших учеников (5, 139–140).

Кончина преподобного Макария была мирна и тиха, проста и вместе величественна, как и вся жизнь его, угасшая, словно заря светлого дня, оставив в сердцах преданных ему тихую ночь печали.

В тот же день, уже вскоре после кончины Преподобного, пришло замечательное письмо от Московского святителя Филарета: „Мир Вам от Господа! – писал Владыка. – Что скажет немощный духом, смотря на подвижника, страждущего телом, но не изнемогающего духом? – Потерпи Господа отче, мужайся, и да крепится сердце твое. Но, Господи, аще и не подвизавшихся и прещения достойных милуеши, облегчи подвизавшегося Тебе ради. Если и праведно ему желати разрешитися и с Тобою быти, но и еще пребыти во плоти не благополезно ли есть многих ради?“

По той же почте получено письмо лечившего преподобного Макария медика к одному из скитских отцов; оно тем замечательней по своему содержанию, что писавший его не принадлежал к Православной Церкви: „Только теперь могу сказать, что я видел человека, говорил с человеком. Не знаю, почему я прежде его не видел, а 18 лет знакомства, кажется, могли бы открыть глаза. Вот как трудно видеть совершенство, а достигнуть совершенства, я думал, не в натуре человека... Представьте теперь мое положение: увидеть человека таким, каким он должен быть. – Я чувствую себя нездоровым: так нечаянно увидеть живой образец человека, потрясло меня. Ах! почему прежде вы не открыли мне глаза? – Теперь я страдаю. Сохрани, Господи, нам жизнь отца Макария! Но сердце говорит, да и ум, что такой человек есть жилец другого мира, мы не достойны иметь его“ (5, 142–143).

Погребение преподобного Макария совершалось при огромном стечении народа, приехавшего со всех концов России проводить в последний путь любимого отца и наставника, и походило на светлое духовное торжество. Бывший скитоначальник игумен отец Антоний писал об этом: „Не знаю, мы, нищие от дел благих, будем ли удостоены толико великой молитвенной памяти о себе, какой сподобился блаженный старец наш отец Макарий, которого святая душа во благих водворится. Истинно слово Божие: Аз прославляющих Мя прославлю (1 Цар. 2, 30). И как Старец сей в жизни своей всех любил, так и кончиной многих на гроб свой собрал“.

Погребен был преподобный отец наш Макарий с правой стороны от Введенской церкви, возле могилы своего учителя и старца преподобного Льва, с которым ныне предстоят они в лике преподобных отец и старцев Оптинских пред Престолом Святой Троицы, не оставляя обитель и нас, грешных, своими богоприятными молитвами.

Наставления старца Макария

О духовной жизни

Духовная жизнь не в том состоит, чтобы видеть свои исправления, а в том, чтобы зрети своя согрешения; первое приводит к гордости, а последнее к смирению, от которого и добродетели бывают тверды, и не возвышаемся умом о них. Враг борет нас различно: если не может вовлечь нас в пороки, то внушает мысль о своих исправлениях и тем помрачает ум наш и отводит от Бога. Первый наш путь есть отвержение своей воли и разума и неверование самому себе... (1, II, 192).

Мы ищем и желаем сладостного духовного наслаждения; не спорю, оно приятно, — но ниже креста, крестом и оно нам даровано, и без креста прочно быть не может. Оно приходит и оставляет нас по мере того, как идем путем креста и смирения (1, III, 444).

Прилично вам напомнать, не утрашая вас, но предостерегая: не всегда можете иметь таковой Фавор, какой имели при вступлении; надобно быть и на Голгофе; радости духовные без креста непрочны, да и всякому доброму делу или предыдет, или последует искушение; а без того оное прочно быть не может (1, VI, 203).

...Ничего не значит телесная болезнь; надо опасаться, чтобы душевные недуги не остались неисцельными; а ты даже и не хочешь, чтобы она принимала исцеление врачеванием от оных болезней (1, VI, 309).

...Душа-то больше тела: тело поболит, да и тем кончится, а душевная-то болезнь простирается в вечность; избави нас, Господи, от сей болезни и даруй исцеление (1, IV, 441–442).

О заповедях

По крещении непременно нужно делание заповедей Божиих, коими сохраняется данная во оном благодать и, по мере успения в оных, умножается; преступая же заповеди, покаянием паки восстанавливаем и приобретаем ее (1, I, 5).

...Жить по заповедям Христовым обязаны все православные христиане, и ничем не можем оправдаться пред Богом за неисполнение их, кроме как Его предражайшими заслугами и истинным сознанием и покаянием в наших преступлениях (1, I, 148).

...Заповеди нам даны от Бога, чтобы врачевать ими наши страсти и от оных рождающиеся грехи (1, III, 46).

...Во всяком месте предлежит нам исполнение заповедей Божиих, которое сопряжено со скорбью. Бегать скорби – бегать спасения; многие святые отцы нас о сем научают, а паче св. Марк Подвижник и св. Исаак Сирин; прибегай к сим целебным источникам во время нужды и предварительно, а Господь силен подать тебе укрепление (1, II, 295).

Вы спрашиваете меня, как возбуждать в себе ревность к исполнению заповедей? На сие отвечаю – страхом Божиим, ибо *начало Премудрости страх Господень* (Притч. 9, 10), и *страхом Господним уклоняется всяк от*

зла (Притч. 16, 6). Много есть и других текстов в Писании о сем. При исполнении добродетелей скрепляйте каждую смирением, которое святой Дорофей называет брением (известкою); так как камни или кирпичи кладутся в созидании дома и связуются брением, крепко бывает строение, а без брения рассыплются; так и добродетели, без смирения не приносят пользы (1, I, 20).

...Любовь Божия состоит в исполнении заповедей Божиих, а не в том, как ты думаешь, – в восхищении ума; это совсем не твоей меры. Лучше, видев свою немощь, смирайся и считай себя худшею всех, и отнюдь не надейся на себя... (1, VI, 130).

Спрашиваете, как делать все не по своей воле и как познавать и видеть волю Божию? Воля Божия видна в заповедях Его, которые мы и должны стараться исполнять при обращении с ближними; а в случае неисполнения и преступления приносить покаяние. Наша же воля развращена, и требуется всегдашнее понуждение к исполнению воли Божией, и помощи Его надобно просить (1, II, 182–183).

Об исповеди и покаянии

...Приступая к Таинству Исповеди, должно представлять себя со страхом, смирением и надеждою. Со страхом – как Богу, прогневанному грешником. В смирении – чрез сознание своей греховности. С надеждою – ибо приступаем к чадолюбивому Отцу, пославшему для нашего искупления Сына Своего, Который взял грехи наши, пригвоздил их на кресте и омыл пречистою Своею кровию... Такое приуготовление отвратит тот вредный страх, о коем вы пишете. Оный происходит также и от

ложного стыда, а вместе от гордости и от тщеславия, при обличении тайных сердца своего пред служителем Таинства. Ничто подобное не смутит приходящего со смирением... В случае смущения и забвения грехов своих можно, идя к Таинству, записать оные для памяти, и при забвении, с позволения духовника, посмотреть в записку и объяснить ему. Подобные примеры встречаются в житиях и учениях святых отцев (1, I, 326–328).

...Я не имею права разрешать <от грехов> письменно, заочно и в другой епархии; на это есть правила церковные. Какое тебе до того дело, что духовник ваш, не понимая духовной жизни, бранит вас; ты приходишь с покаянием к самому Господу, и оно должно быть смиренное; то в таком устройении и укоризну должно принять: видно, Господь попускает. Где же взять по нраву нашему духовников? Но каковы бы они ни были, а им вверены ключи вязать и решать и прочих таинств быть служителями (1, III, 81).

При исповеди надобно пояснять все свои грехи, кроме разве когда забудешь, а не поверхностно говорить; ибо неисповедаемый грех и не разрешается, разве что по забвению не изъяснишь. После исповеди надобно блюсти себя от греховных действий. Но если и случится на кого оскорбиться или зазреть кого в этом, примиряся с оскорбившим, быть спокойным, а за зазрение – самую себя зазреть и укорять, дабы не беспокоить старца... Главное, в исповеди надобно иметь сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничтожит, и ежедневно надобно иметь испытание самих себя и укорять себя, за содеянное нами приносить пред Богом покаяние, что и читаем в третьей молитве на сон грядущих (1, VI, 174–175).

Обманиваешь сама себя; ты многих грехов не сотворила: смертоубийства, блуда, похищения церковных вещей, зажигательства, отравы и многих подобных, сопряженных с ними; да это легко сказать: “всем грешна”, или, как пишешь: „нет ни одного греха, которого бы ты не сотворила“, – но говорить каждый грех, по виду, – приносит стыд, и бывает виною прощения грехов, ибо, по слову святого Григория, стыд здешний есть часть будущего мучения (1, VI, 305).

По исповедной молитве можно исповедоваться; что там лишнее, чего не делано, того не говорить; а чего не написано, а сделано, то прибавить, и отнюдь не смущаться, что не так сказала или не все; все это прелесть вражия, лишаящая настоящего покаяния смущением (1, V, 771–772).

Спрашиваешь о исповеди, должно ли говорить на исповеди прежде исповеданный грех, если спросит о сем духовник? Когда после исповеди не было греха того же, то не нужно повторять, а когда спросят, сказать: после исповеди не было, и если тот же духовник, то ему уже известна твоя вся исповедь (1, I, 473).

Бояться срама при исповеди – тоже от гордости; обличив себя пред Богом при свидетеле, получают успокоение и прощение (1, IV, 525).

На вопрос твой о исповеди подробно скажу: святые отцы не советуют грехов чувственности изъяснять подробно, чтобы памятию подробности не осквернять чувств, а сказать просто образ греха; а прочие грехи, наводящие стыд самолюбию, должно пояснить подробнее, с обвинением себя (1, VI, 166–167).

...Хотя бы мы и все установленные нам правила исполнили и велико делание имели, а не стяжем болезненна сердца, – ничтожны труды наши (1, VI, 272).

Что Господь всех приемлет, в особенности грешнейших, по вашему выражению, в том нет сомнения; только надобно сей истине дать прямой смысл: Господь всех призывает и приемлет грешников, но кающихся, а некающиеся сами от Него добровольно удаляются (1, I, 165).

...Нынешний пост проведя, вы почувствовали в конце уже оногo свои недостатки и то, что поздно опомнились. О! не дай Бог сего к концу дней наших, чтобы поздно опомниться; а ежедневно иметь о сем попечение и полагать начало ко исправлению... (1, VI, 340).

Ты говоришь, что никого нет обличающих тебя о грехах; но неужели уже и совесть молчит пред тобою? Нет, старайся видеть свои немощи и грехи, проси и сестру не оставлять тебя обличениями; такой путь теперешней вашей жизни; впрочем, не печалься, найдутся люди, и пошлет Бог к твоему испытанию; только принимай с самоукорением, а не с самооправданием (1, III, 281).

О гордости

...Всех ваших поползновений причина и корень – гордость; отрасли ее: превозношение, о себе мнение, зазрение людей, уничижение и осуждение их. Как бы мы ни старались делать добродетели, но при сих действиях они мрачны и не приносят пользы; ибо оные-то и суть преступление и сопротивление воле Божией; Его святое учение и самая жизнь есть кротость и смирение, коим и повелел нам научаться от Себя, дабы обрести по-

кой душам нашим (Мф. 11, 29). Всех наших зол причина – гордость, а всех благ ходатай – смирение! (1, I, 28).

...Гордость же, всем известно, что есть самый богоненавистный порок, против коего должно поставить Христово смирение и всегда себя иметь худша всей твари... Мы, говоря: „Господи, даждь ми смирение“, – должны принимать те врачевства с любовью, кои нам от Бога посылаются ко уврачеванию – как гордости, так и прочих грехов; а оные суть: скорби, поругания, укоризны и досады от других; все это посылается Промыслом Божиим к нашему испытанию и исправлению; то и должно нудить себя носить их ко испровержению нашей гордости и за грехи; когда мы, приявши язву в сердце, представим наши скверны, то и невольно заградятся уста к противословию; а сия из первейших скверн есть – гордость; ибо Писание нечистым называет гордого (I, VI, 179).

Ты клеветешь, что рождена с гордостью; оная происходит не от естества (природы). Бог не сотворил тебя гордою; но от произволения и в навык обращается; предложи оное на смирение и научись от Самого Господа, яко Он кроток и смирен сердцем, и обрящешь покой душе твоей (Мф. 11, 29) (1, IV, 529).

Еще пишете, что вы не видите в себе тщеславия и гордости и желали бы знать признаки оных. Самое то, что не примечаете в себе сих страстей, есть признак, что они содержат душу вашу, облекая ее тьмою и мраком, которые, как в видимых предметах, так и в мысленных, равно препятствуют видеть подлежащее. Ясно свидетельство сему в 23 Степени „Лествицы“, как премудрый старец поучал духовно брата, чтобы не гордился, а он, слепотствуя умом, отвечал: прости мя, отче,

во мне нет гордости. Старец же продолжал: да чем же ты, чадо, более можешь доказать свою гордость, как не сими словами, что “во мне нет гордости”. Тьма, по слову Василия Великого, есть отсутствие света. И в духовных вещах, за отсутствием света смирения, мрак гордости покрывает душу (1, I, 755).

Тщеславие и гордость – одной закваски, различие же оных такое: тщеславие побуждает выказывать свое благочестие или свой ум, дорожит мнением людей, любит похвалу, склонно к человекоугодию, боится ложного стыда человеческого и подобное. Гордость же обнаруживает себя порывами гнева, смущением, презорством, осуждением и уничижением ближних, надывая душу самомнением и возношением о своих делах и достоинстве, или внешнем или внутреннем. Плод гордости – падение мужей и духовных; и вообще падения людей и жизнь нехристианская и все бедствия человеческие, в отношении души и тела, началом своим имеют гордость. Как и, напротив, начало и основание всего благого есть смирение (1, I, 755–756).

Ты знаешь, где падение, – хоть и в помыслах, – там предварила гордость. Эту-то гидру с семью ее главами побеждай помощью Божиею (1, III, 483).

Где нет света, там тьма, а где нет смирения, там гордость покрывает тьмою все наше устройство... (1, III, 232).

Против гордости – воспоминание о грехах своих, память смирения Христова, вменять себя худша всех, помнить, что гордым Бог противится (1 Пет. 5, 5) (1, III, 48).

Но ведь дело это не единого дня или месяца есть, но

многого времени, произволения, подвига, труда и помощи Божией требуется к искоренению сего смертоносного корня <гордости>; а оному исторгнута бывшу, и все ветви страстей изсохнут и отпадут... (1, III, 48).

О послушании

Вы до сих пор на своем мнении и разуме и своею волею основывали свое исправление и спасение; оттого и силы ваши в противоборстве изнемогают, что по причине одного самомнения имеет враг свободный и сильный к вам приступ. Рассмотрите, не истинно ли сие? Вы на опыте дознали, что делая не рассуждая, с повиновением, исполняете весьма легко и спокойно, с пользою, в удостоверение, сколько враг не терпит того, кто находится в покорении отеческом, и какие ухищряет козни, дабы удалить от повиновения... (1, I, 9).

...Послушание есть то, что направляет нас на путь совершенства... (1, III, 27).

...Какое наше бедное устройство! Когда хвалят нас, мы услаждаемся, а при укоризнах упадаем духом; а надобно бы быть равнодушнее. Похвала нас не вредит, а когда усладимся ею, то лишаемся воздаяния (1, V, 315).

О смирении

Смирение есть одно непреодолимое оружие против всех козней вражиих, но достижение до одного не трудно, а паче в мире живущим и непостижно. Вы же хотя и укоряете себя словами, но оным нельзя дать веры, когда не стяжете истинного сердечного смирения (1, I, 149).

Признаком смирения и гордости да будет для тебя следующее: вторая всех зазирает, укоряет и видит в них черноту, а первое видит только свою худость и не дерзает судить кого-либо (1, III, 133).

...Чрез познание своих немощей да поможет вам Господь стяжати многовожденное вами смирение... (1, II, 153).

Господь ищет от нас смирения; с смирением и малые дела Господь приемлет, а без смирения и большие исправления Ему не угодны, что видим на фарисее. Смирять свои помыслы можно и памятию согрешений наших; ежели и горести и скорби какие посетят, памятию согрешений удобнее оные понесем, укоряя себя, а не других (1, I, 684).

...Надобно учиться терпению не тогда, когда мы бываем за вину порицаемы, но когда невинно поносимы и укоряемы (1, IV, 86).

...С трудом и смирением снисканная добродетель гораздо прочнее той, которая легко исполняется: ибо сия последняя удобно исчезает и теряется; притом же, искушен быв в борьбе страстей и приняв победу и побеждение многократно, может искушаемым подать помощь и, знаяши свою немощь, судить по оной и других снисходительно... (1, VI, 7).

...Не забывайте о смирении, которое нужно сопрягать со всяким добрым делом, без коего дела нам не принесут пользы, а паче повредят, что на многих видим исполнившимся. Хотя вы поститесь, хотя молитесь или милостыню даете – опасайтесь мысли, что до-

бро делаете, которую старается враг приносить, дабы все плоды погубить и душу отщетить от Бога (1, V, 692).

Смирение велие оружие на врага, но стяжание его велий есть труд и понуждение. Узок и тесен путь, вводя в живот вечный! (I, IV, 69).

Не доверять себе и не следовать своему разуму и воле – есть путь ко смирению; без него же, хотя бы и доброе что было нами сделано, – Богу неприятно (1, V, 21).

О болезнях

Страдает тело, страдает и душа; а если бы душа была укреплена верою, то и тело могло бы получить укрепление при спокойствии духа; смущенный же дух имеет влияние и на телесный состав и болезнь умножает (1, I, 363).

Пишете, что посещают вас болезни и скорби. Это знак милости Божией к вам: Егоже бо любит Господь, наказует, бьет же всякаго сына, егоже приемлет (Евр. 12, 6), то и надобно благодарить Господа за Его отеческий о вас Промысл. Скорби нас вразумляют и искусными творят в делах наших; также и очищают от грехов, равно как и болезни (1, III, 148).

...Будучи ты уверена, что Бог тебя любит и от любви попускает тебе истаявать болезнию плоти твоей, то и ты любовью к Нему укрепляйся в терпении с благодарением и не малодушествуй! Ты знаешь из отеческих писаний, что терпение невольных болезней превышает делание подвижническое, а притом и рассуждай: Бог

знает, чего ради попустил страдать тебе болезни; без них ты могла бы впасть в многообразные страсти и повредить душе своей (1, IV, 262).

Самая болезненность тела уже есть очищение души от греховных струпов (1, I, 668).

...Ничего не значит – телесная болезнь; надо опасаться, чтобы душевные недуги не остались неисцельными... (1, VI, 309).

В слабости здоровья больше надобно иметь попечения о душевном устройении и взирать на смерть как на упокоение от трудов... (1, III, 128).

Об унынии

Еще ты пишешь, что была очень скорбна от томности духа, т. е. духовного креста, и тут же вижу, что ты без ропота принимаешь сию тяжесть, считая себя того достойною, и просишь о даровании тебе терпения в таких случаях. Этому я порадовался, что ты начала приходить в разум истинный. Слава Богу! (1, III, 483).

Во время сухости и томности также не должно падать в ров уныния и отчаяния; не искать в себе того, чего мы недостойны – великих дарований Божиих; а упокоиваться на смирении, считая себя недостойным оных (I, II, 77).

О мрачности и томности духа я писал тебе, что это бывает в жительстве нашем для духовного успения; в это время прибегай к самоукорению и смирению... (1, III, 400).

...Предлагаю совет против уныния: терпение, псалмопение и молитва (1, III, 38).

О скорбях

...Невозможно быть сему, чтобы жизнь всю провести без искушений и скорбей, а быть в отраде и без печения.

Тут-то и познавай, что Бог о тебе промышляет, когда посылает скорби и печали, и хочет тебя оными обучить и упрямудрить в духовном разуме. Без скорби ни смириться, ни в духовный разум прийти не можем; и будь твердо уверена, что, кроме попущения Божия, никакая скорбь приключиться нам не может, хотя по видимому и кажется, что люди причиною нам оных бывают, но они суть только орудия, коими Бог действует в деле нашего спасения (1, V, 199–200).

Вы просите написать нечто к утешению скорбной вашей души. Само то, что есть скорбь, да будет вам утешением, ибо многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие (Деян. 14, 22), почему видно, что и вы стоите на пути, ведущем в оное. Ежели же считать оные наказанием, то все же вы не отлучены от любви Божией, егоже бо любит Господь, наказует... (Евр. 12, 6) (1, I, 57).

Если Бог и посылает кому скорби, то это для того, чтобы очистить от грехов и приготовить к вечному Царствию Небесному. Здешнее все временно, а тамошнее вечно (1, I, 370).

...Встретишь и скорби, но оные неминуемы на пути спасения; а врачевание противу оных в смирении (1, II, 189).

Наш путь такой, что хотим или не хотим, а скорбь должна быть, попущением Божиим, к искусу нашему и к обучению терпения (1, VI, 129).

...Тебе хочется достигнуть Царствия Небесного не тесным путем и крестом терпения скорбей и искушений, а пространным и бесскорбным. Куда ж сей путь отводит? – не нужно подтверждать. Господь Своим ученикам обещал скорби и искушения, а по ним и утешение... то как же мы хотим получить оное <Царствие Божие> без скорбей? Или ищем отдыха? А святые отцы учат, что „бегаяй скорбей, обретает еще большия“ и „бегаяй скорбей, уклоняется спасения“. Скорби рожают разум, а от разума смирение, нужнейшее к нашему спасению. Наши же скорби не суть без вины, но суть порождение нашего страстного устройства, для исправления которого и для очищения страстей и скорби посылает Господь по мере нашей (1, V, 247-248).

О гневѣ

Познайте и корень гнева и ярости: он есть гордость; противоположным оному смирением исторгайте его при помощи Бога, призирающего на смиренных (1, III, 48).

...Паки жалуетесь на поползновение свое от гнева. Не должно много смущаться за сие, но, познавши, что имеете в себе залог сей лютой страсти, попекитесь, при Божией помощи, о исцелении оной. Но она не может исцелиться без того, чтобы кто нам оной не показал; а вам показывают ее дети, смотрением Божиим, чтобы попеклись о исцелении оной. Смутихся и не глаголах, – пишет Давид. Да надобно еще укорять себя, а когда пройдет смущение страсти, тогда можно сказать

им с кротостию, что больше и на них подействует, и вам послужит в пользу (1, I, 670).

Об отчаянии

Лучше всегда каяться и смиряться, нежели отчаиваться; покаянием и смирением привлечете на себя благодать Божию и помощь Его (1, I, 55).

Прежде же надобно оставить грех и удаляться случаев, приводящих к оному, а отчаиваться отнюдь не должно; ибо отчаяние лишает надежды спасения, ввергает еще в вящие согрешения и само считается пред Богом тягчайшим грехом (1, I, 275).

В отчаянии – все свои немощи и грехи ввергать в бездну милосердия Божия, сокрушаться об них и каяться, но надеяться на помилование, ибо Господь за грешников пролил пречистую Свою кровь. И хотя бы мы весь закон исполнили, но не должны надеяться от дел своих спасения, а считать себя неключимыми рабами, по слову Господню... (1, I, 433).

О клевете

Ты оклеветана в том, в чем, знаю, что ты невинна: то-то и хорошо, что невинна; люди клеветают, а Бог оправдает; а между тем надобно веровать, что это поупущено Божиим смотрением, чтобы терпением сего порицания ты очистилась от грехов другого рода, в неимении коих никто не похвалится; да скорби оные восполнят недостаток подвигов твоих монастырских... Когда смиришься, то и успокоишься; и молись за оскорбляющих тебя, и во всех скорбях твоих старайся находить себя

виновною, если не чем другим, то тем, что не понесла, не терпела и не исполнила заповедь любви к ближнему (1, V, 454–455).

Ты пишешь, что тяжело переносить клевету. Что хотя, то говорят; хорошо, что ты невинна. Пора тебе научиться: чистое к поганому не пристанет; случаи сии научают нас терпению и смирению чрез познание наших немощей; а ты старайся более быть приветливою с теми, кои тебе благодетельствуют <т. е. клеветуют>, и быть благодушною и молиться за них (1, V, 450).

О хвалящих помыслах

Получивши же помощь или исправив что благо, берегись помысла, хвалящего тебя, а других осуждающего. Это также сеть вражия, закликающая в высокоумие и все плоды добродетели отъемлющая (1, II, 143).

О блудной страсти

Призывай молитвы подвизавшихся о чистоте св. мученицы Фомаиды, св. Иоанна Многострадального, св. Моисея Урина и молитвы отцев духовных и всех матерей; и вменяй себя худшею всех. Во время борьбы все сии средства полезны... Н. скажи, когда смирится, тогда и брань утихнет: поменьше спать, поменьше есть, остерегаться празднословия, осуждения и не любить украшаться хорошим платьем, хранить очи и уши. Сии все средства суть предохраняющие; еще не допускать помыслам входить в сердце, но когда начнут приходить, восставать и просить помощи от Бога (1, VI, 12–13).

О ропоте

...Все грехи человеческие терпит Бог, а ропота не оставляет без наказания... (1, V, 624).

Я тебе удивляюсь, что ты не благодаришь Бога, призвавшего тебя ко взятию легкаго Его бремени и благаго Его ига (Мф. 11, 30); и вместо того, ропща, делаешь себе и тяжким, и неблагоим бремя и иго (1, III, 79)

...Блюдитесь от ропота и малодушия, отягощающих и умножающих скорби (1, VI, 28).

Литература

1. Собрание писем блаженных памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. В 6 т. М., 1862–1863.

2. Письма Оптинского старца иеросхимонаха Макария к благочестивой христианке // Троицкий листок. № 77. 1911.

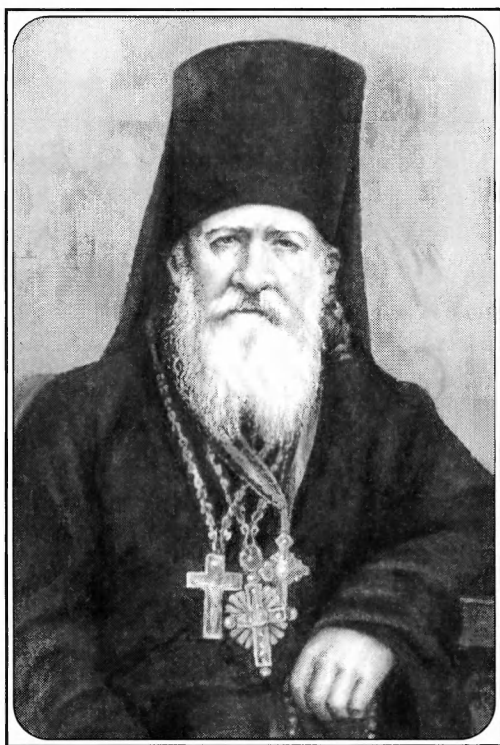
3. Поучения святых отцев земли русской: Оптинский старец иеросхимонах Макарий об утешении в скорби / Журнал Московской Патриархии, 1988. № 11. С. 48.

4. Леонид (Кавелин), иером. Последние дни Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М.: Изд. Оптиной Пустыни, 1860.

5. Леонид (Кавелин), иером. Житие иеросхимонаха Макария. М.: Изд. Оптиной Пустыни, 1995. (Репринт).

6. Письма иеромонаха Макария к о. Льву, к о. Павлу, к Е. Н., к О. С. 1831–1835, 1814, 1842 гг. / Б-ка МДА. № 212842, л. 65–90. (Рукопись).

Житие
преподобного
Моисея,
старца
Оптинского

1782 — 1862

Преподобный отец наш схиархимандрит Моисей родился в Борисоглебске 15 января 1782 года от благочестивых родителей Иоанна и Анны.

Будущий настоятель и старец, нареченный во святом крещении Тимофеем, был их первенцем. Два его брата, Иона и Александр, также были монашествующими, причем Александр, в монашестве Антоний, всю свою жизнь был учеником и помощником отца Моисея (1, 13).

С малых лет Тимофей горел желанием отрешиться от суеты преходящего мира. По какому-то особому случаю

Тимофей и Иона познакомились со старицей Досифеей, которая, видя их стремление к духовной жизни, направила их на стезю монашеского жития.

В 1805 году братья пришли в Саровскую пустынь, где были приняты настоятелем, иеромонахом Исаиею. Сначала новоначальные послушники потрудились в хлебне, потом проходили и другие послушания. Когда старец Исаия тяжело заболел, Тимофей по его поручению писал ответы на письма многих особ, состоявших в переписке со старцем (1, 19).

Иона навсегда остался в Саровской пустыни, а Тимофей, как он сам писал потом саровскому старцу Илариону, „удалился из Сарова по неведомым мне судьбам“ и направился в Брянский Свенский Успенский монастырь. Там собрались замечательные подвижники – отец казначей иеромонах Серафим и иеродиакон Анастасий; ученики и воспитанники великого старца Паисия Величковского – схимонах Афанасий, иной схимонах Афанасий, монах Варфоломей, а также пустынники, отходящие из монастыря в пустынные леса Рославльские: бывший духовник Оптиной Пустыни, сподвижник ее возобновителя схиигумена Авраамия иеросхимонах Афанасий и пустынножитель Арсений (1, 23).

Как пчела собирал юный подвижник благочестия Тимофей нектар мудрости духовной от сих старцев. Был определен он и в число послушников. Но по старческому совету симоновского иеросхимонаха Алексия (Адриана) послушник Тимофей отправился в леса Рославльские.

Пострижен был Тимофей в малую схиму старейшим пустынножителем иеросхимонахом Афанасием и наречен Моисеем. Восприемным его отцом от Евангелия был пустынный старец отец Досифей.

Более десяти лет провел отец Моисей в лесной пустыни. Каждодневно правили они церковную службу; в праздники приобщались Пречистых и Животворящих Таин. В свободное от молитвенных правил время занимались рукоделием, огородничеством и переписывали творения святых отцов. Претерпевали многие скорби и лишения. В годы нашествия французов отец Моисей уезжал в Белобережскую пустынь. Когда же миновала опасность нашествия, он снова вернулся в Рославльскую пустынь и прожил там еще восемь лет. Утешения и радости исполнен был преподобный Моисей, когда привел к нему Господь на пустынножителство его любимого брата Александра. Оба брата были вместе на богомолье в Киеве и в Оптиной Пустыни, посетили пустыни Глинскую, Площанскую, Белобережскую.

Келейно старцем Афанасием Александр был пострижен в монашество с наречением имени Антоний и поручен был брату по плоти, а отныне отцу по духу и восприемнику от Евангелия монаху Моисею, послушание которому отец Антоний сохранил во все дни жизни.

Сам отец Моисей был образцом всецелого послушания своему старцу, иеросхимонаху Афанасию, имевшему дар умной молитвы и передавшему своему присному ученику в наследие добродетели великой сосредоточенности, кротости, молитвы Иисусовой и внимания себе. Все эти дарования, присущие преподобному Моисею, особенно проявились во время многотрудной и многопопечительной его настоятельской деятельности.

Еще в пустынных лесах дивная сила его любви к братьям побудила истинного раба Христова „их погрешности, видимые... и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться“. Таково было его сокровенное евангельское делание в

пустынном безмолвии: пост, бдительность к себе, жажда совершенного молчания, прилежное чтение слова Божия и писаний святых отцов, молитвенное при всяком деле обращение ко Господу Богу и хождение пред Ним как бы в виду Его присутствия. Так входил он в труд окормления младшей братии, положив начало своему старчеству (1, 44).

Взросший и окрепший духовно в пустынном десятилетнем безмолвии преподобный Моисей был представлен Промыслом Божиим, как горящий светильник, для пользы общей на свещник иной деятельности.

Боголюбивый и монахолюбивый архипастырь Калужский епископ Филарет (впоследствии митрополит Киевский, в схиме – Феодосий) возымел благочестивую мысль основать при любимой им Оптиной Пустыни Скит для безмолвного пустынного жития по примеру древних святых отцов. Отечески увещевал он отца Моисея переместиться с братиею на берега Жиздры для устройства Скита в любом месте леса, принадлежащего Оптиной Пустыни.

В июне 1821 года четверо иноков, включая отца Моисея и брата его отца Антония, переселились в Оптину Пустынь. Получив благословение архипастыря, избрали место для Скита и приступили к делу (1, 55).

16 августа 1821 года игумен Даниил с братиею совершил закладку церкви Скита, произнеся многозначительные слова, сбывшиеся во время свое: „Да будет на сем месте благословение святых пустыни Иордановы и всех тамо безмолвствовавших!“ Храм был заложен в честь Собора великого и славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, первого новоблагодатного пустынножителя и великого проповедника покаяния; в основание церкви была положена часть мощей святого (2, 14).

Боголюбивый архипастырь, бдительным оком надзирая за успешным устроением Скита, ободрял труждающихся словом и делом. 22 декабря 1822 года он рукоположил отца Моисея во иеродиакона, а 25 декабря того же года в сан иеромонаха. Архипастырским повелением преподобный Моисей был определен общим духовником братии Оптиной Пустыни (1, 62).

От силы в силу восходил преподобный Моисей на поприще многотрудного служения ближним и на пути иноческого совершенствования; на все более высокие и ответственные ступени начальнического послушания возводил Господь избранника Своего. В 1825 году владыка Филарет благословил избрание старшей братией иеромонаха Моисея в настоятели Оптиной Пустыни. „Это назначение надолго укрепило духовный союз братств – скитского и монастырского: имея в игумене Моисее общего начальника, они представляли одну духовную семью, соблюдающую, по слову Писания, *единение духа в союзе мира* (Евр. 4, 3)“.

В 1826 году, сорока трех лет от роду, преподобный Моисей, тогда еще иеромонах, был назначен управляющим Оптиной Пустынью и тридцать семь лет стоял неуклонно на Божественной страже вверенной ему паствы. Оправдались на нем слова летописца: „Монастырь согради и братию собра...“ Подвижническая жизнь в Пустыни под руководством опытного старца Льва, в совершенном послушании ему, изучение и исполнение на деле писаний святых отцов, равно как и скорби, постигавшие отца Моисея от юности и всегда переносимые им с молитвою и покорностью Воле Божией, настолько подготовили, просветили и укрепили его внутреннего человека, что он, вступив в должность настоятеля в зрелом возрасте по годам телесным, был близок и к зрелости духовной – как по ясному, духовно просвет-

ленному взгляду на вещи и чувствам, обученным долгим учением в различении добра же и зла, так и по твердости воли, укорененной в добром направлении (1, 65–66).

Его строго монашеское или, точнее, истинно христианское устройство проявлялось в период его настоятельства и в отношениях его к начальству, и в управлении братиею, и в обращении его с рабочими людьми и с посетителями монастыря, и в келейной его жизни. Отец Моисей благоукрасил древние храмы обители, устроил новые храмы и здания, распространил монастырь, опоясав его новыми стенами с башнями, увеличил угодья. Благочиние и внутренние порядки Оптиной Пустыни, весь ее духовный строй – все это установилось в период настоятельства преподобного Моисея.

Главная же и неоценимая заслуга его состоит в том, что он, при содействии посланных Богом старцев, ввел в обители древний порядок иноческой жизни, учредил старчество. Господь послал в обитель старцев Леониды и Макария, бывших истинными светильниками веры, евангельского благочестия и сокровенной иноческой жизни во Христе. В 1829 году поселился в Оптиной Пустыни отец Леонид, а в 1834 году, с согласия отца Моисея, прибыл сюда же для совместного жительства с отцом Леонидом и отец Макарий.

От сего времени воссиял в Оптиной Пустыни свет истинного старческого окормления – путь восхождения иночествующих к Горнему Царствию. Заслуга преподобного отца нашего Моисея в этом деле весьма велика: не будь он муж поистине духовный, не содействуя он введению старчества, оно не могло бы утвердиться в обители. Отец Моисей с любовью принял старцев и водворил их в обители, но пришлось ему за это претерпеть много скорбей...

Старчество, насажденное в Оптиной Пустыни духовно-мудрым настоятелем и его благими помощниками, возделанное их сердечными воздыханиями, скорбями и молитвами, возросло и укрепилось. Сам же богоносный Моисей как бы отступил в тень великих старцев, соделавшись подобным древнему Моисею, который, скрывая сияние лица своего, „полагал покрывало на лице свое“. Многие и не подозревали, что тот, которого они считали только хорошим хозяином и мудрым настоятелем, был вместе с тем и мужем поистине духовным.

Однажды особенный случай заставил отца Архимандрита сделать некоторым лицам в обители наставление в присутствии преподобного Макария. Из уст старца-настоятеля так и полились речи, исполненные мудрости и силы духовной. Все с изумлением слушали его, поражаясь тому, как он говорит, а еще более тому, как он всегда молчит, имея такие дарования. Особенно смирение преподобного Моисея и величие его духа было видно в том, что он сам обладал и даром слова, и знанием сердца человеческого, и ведением Священного Писания и отеческих книг, и духовною мудростию и потому вполне мог быть духовным наставником других, но и по духовной своей мудрости он самым настоятельством своим пользовался не для того, чтобы выставить себя, а более для того, чтобы скрываться внутри себя..., утаивая от всех и свои дарования, и свои молитвенные труды о духовном преуспеянии братии под руководством старцев (1, 100–101).

В основание взаимоотношений между братьями, а также между братией обители и им, ее настоятелем, преподобный Моисей, как краеугольный камень, полагал все превосходящий мир Христов. И если видел он в брате какое-либо неудовольствие или негодование, то, не считаясь со своим положением и саном, делал пер-

вый шаг любви и примирения. Еще будучи духовником, в назидание своему брату отцу Антонию игумен Моисей высказал такую мысль: „В каком бы кого порочном положении ни видел, не должно тому удивляться и сомневаться в его исправлении, ибо многие из пьяниц сделались трезвыми, из буйных – кроткими, из блудников – целомудренными. Святой Златоуст сказал: „О исправлении того только должно сомневаться, который во аде находится с бесами“.

Соглашаясь по видимости с возмущенным на своего брата жалобщиком, отец Моисей в конце концов говорил: „Да, уж нужно кончить дело по-монашески. Пойди как-нибудь там объяснись с ним, то есть примиришься“. По взаимным жалобам Старец не делал взысканий; при смущении приходивших к нему на суд как бы откладывал дело; вообще всячески внушал: *Друг друга тяготы носите, да тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2).

„Монашество требует смирения и терпения, – наставлял отец Архимандрит, – а когда кто скажет: прости Бога ради, то все кончено, так и знай“. Так же точно поступал и сам он: если кто раз испросил прощения и получил его, то отец Архимандрит об этом деле более не вспоминал. С сознающими, что они виноваты, и просившими прощения преподобный Моисей обращался весьма милостиво и снисходительно, а не признававших своей вины и не просивших прощения долготерпением старался довести до раскаяния.

Миролюбие Старца и его искусство, а лучше сказать, дар воздействовать на душу человеческую, препобеждали даже озлобление его врагов. Старейший схимонах Вассиан, немало скорбей доставивший авве своим участием в доносах и жалобах, иногда сам шел с ним объясняться. Тот принимал его всегда с обычною своею любовью, молча выслушивал его, давал ему наговориться

вдоволь и потом, уходя в свою келлию, возвращался оттуда со связкою баранок или чем-нибудь подобным и, благодаря своего обличителя, отдавал ему гостинец, приговаривая: „Ну, отец Вассиан, спаси тебя Господи, что потрудился посетить меня грешного, вот тебе за это и гостинец“. Бывало, братия увидят, что схимник возвращается в Скит со связкою баранок, и, улыбаясь, догадывались, что он ходил учить или обличать отца Архимандрита. Следуя заповеди апостольской: *Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12, 21) и смотря на всех благим оком, которое, по слову Священного Писания, не узрит зла, отец Архимандрит хорошо понимал, что прежние ошибочные поступки отца Вассиана происходили оттого, что он, по простоте своей, не разумел высокой духовной жизни старца Леонида и других и был только орудием людей, злоупотреблявших его ревностью о добре. В последние годы своей жизни отец Вассиан в спокойствии духа проводил дни свои, а по кончине, мирной и непостыдной, сподоблен был от преподобного Моисея особенно длинной похвальной надгробной эпитафии, ибо Архимандрит-подвижник и в почившем собрате Вассиане уважал подвижника (1, 118–119).

По слову апостольскому: *любы всему веру емлет* (1 Кор. 13, 7) и преподобный Моисей верил совести каждого, верил не на словах только, а на деле, и по вере его сбывалось. Каждый из братства в душе чувствовал, что доверие старца-настоятеля внутренне его связывало и не позволяло ему уклониться от добросовестного, по силам, исполнения послушания. Однако при мудрой снисходительности правление отца Моисея вовсе не было слабым. Он редко взыскивал, долго молчал, но тем не менее в случае надобности умел вразумить, кого требовалось, и напомнить ему о послушании и настоятельской

власти. Нерадения или небрежности в деле послушания, на которое он сам смотрел и всех приучал смотреть как на дело Божие, он весьма не любил, и кто в этом оказывался виновным, тому он в свое время давал почувствовать его вину.

Еще более отец архимандрит Моисей не допускал самочиния, то есть направлял всех так, чтобы на всякое дело спрашивали благословение и ничего не предпринимали по своей воле. Тут Преподобный приводил и слова Апостола: *сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. 9, 6) (1, 113).

Назначая кому-либо послушание, преподобный Моисей старался обращать внимание брата на внутренний духовный смысл поручаемого ему дела. Будильщику он говорил: „Знаешь ли ты, брат, какое это послушание? Ведь это – дело ангельское. Как Ангелы возбуждают людей на молитву, так и будильщик возбуждает братию“.

К слову сказать, ревностная горячность лиц, желающих многое и многих исправить, не одобрялась отцом Архимандритом. По его слову, такая ревность в человеческом разуме, а не в духе Христовом.“ Сказано, – говорил он, – что *от Господа стопы человеку исправляются* (Пс. 36, 23). Значит, мы много брали бы на себя, если бы сами хотели исправить все немощи немощных. Наше дело – в случае надобности напомнить о должном. Послушается нас брат – благо ему; не послушается – понудить его мы не можем, а надобно молиться за него и подождать, пока Господь коснется его сердца“.

Дар рассуждения Старца соединялся в нем с дарованием святой любви. Старец Моисей, руководимый Духом Христовым, покоил в обители не только собор почтенных старцев-подвижников, но и людей, как будто бесполезных. Так, в обители было шесть человек слепых – им давались посильные послушания. На укориз-

ны за сие Старец отвечал: „Чем больше принимается в обитель, тем больше молитвенников и служащих Богу, Который на долю всякого и посылает потребное... При том же и на всякого поступающего в монастырь Господь посылает, а на старичков и на больных – вдвое, потому что они сами ничего не могут воздать принявшей их обители“ (1, 93).

Принимая старых, хилых, немощных и притрудных, Преподобный не поступал, как некоторые думали, безрассудно. Он принимал не всех без разбору, а обязательно обращал внимание на готовность и усердие служить Богу в святой обители. Не принимал он и перебежавших из другого монастыря, кроме редких случаев. В старце-настоятеле не было человекоугодия. Он, как и подобает святым, держался золотой середины, царского пути, шествуя путем смиренномудрия и стяжая от Господа великий дар рассуждения.

Милостыню Старец творил и тайно, и явно; милость он оказывал и в вещественной нужде, и в душевной, всецело исполняя евангельский закон. Одной пожилой женщине, предлагавшей купить у нее подушку за полтора рубля, отец Архимандрит отвечал: „Нет, это дорого, возьми рубль“, – и дал пятирублевую ассигнацию. Когда бедная женщина, рассмотрев полученное, пыталась указать Батюшке на ошибку, он прибавил: „Да ступай, ступай, я сказал, что больше не стоит“. Бывало, покупал вещи, вовсе не нужные, устаревшие, если надо было помочь обедневшим людям. Подобных случаев было множество (1, 139).

Часто, нуждаясь сам до крайности в деньгах, отец Архимандрит предпринимал большие работы в монастыре и новые постройки, имея при этом одною из целей – питание бедных людей из окрестностей. Отец Антоний смутился тем, что в голодные годы Преподобный

стал строить новую ограду и каменные гостиницы. „Смотрю я, бывало, на отца игумена Моисея в то время, да и думаю: „Господи, вера-то какая у этого человека! В Евангелии сказано, что верою можно горы переставлять, а тут созидает человек верою горы там, где их не было“.

Один инок обители рассказывал: „Идет он раз с братом своим по дороге к реке, а я за ними. Отец Антоний и говорит: „Батюшка, я думаю, не оставить ли уж вам эти постройки до другого времени?“ Отец Моисей опустил глаза в землю и говорит отцу Антонию: „Да, надобно оставить“. Подождав, пока они останутся одни, настоятель сказал брату: „Эх, брат, на что же мы образ-то ангельский носим? Для чего же Христос, Спаситель наш, вольную смерть за нас принял и душу Свою за нас положил? Зачем же Он слова любви-то проповедовал нам? Для того, чтобы мы великое Его слово о любви к ближним повторяли только устами и оставляли его втуне, забывали о страданиях Спасителя за нас, любви ради Им понесенных? Что же народу-то, с голоду, что ли, умирать? Ведь он во имя Христово просит избавить его от голодной смерти, а Христос *любы есть* (1 Ин. 4, 8). Нет, будем делать для самого же народа, дондеже Господь не закрыл еще для нас щедрую руку Свою. Он не для того посылает нам Свои дары, чтобы мы их прятали под спуд, а чтобы возвращали в такую тяжелую годину тому же народу, от которого мы их получаем. Мы для него же должны тратить его трудовые, потовые лепты“. Сам говорит, а слезы у него так и сыплются. Очень уж близко было его сердцу и больно горе народа. Верный был он раб Христов, свято хранил Его заповеди. И уж такой-то святой он был в эту минуту!“ (1, 143).

„Много было скорбей у Старца, – говорил отец Антоний, – много и радостей. Какой-то благодетель прислал

обоз обители в дар, а у нас в то время уж так туго пришлось, что ни хлеба не было, ни денег. Велика была милость Господня через верного раба Его и к нам грешным“. Получив сию чудесную помощь явно свыше, старец Моисей перекрестился, а у самого в три ручья слезы!.. „Верую, – сказал он, – Господи, что не ради меня недостойного, а ради их, убогих и сирых, призрел Ты милостию Своею на нас“.

Постепенно имеющим очи душевные приоткрывалось дарование отца Моисея помогать своими молитвами нуждающимся, испрашивать у Господа помощь в затруднительных обстоятельствах, получать чудесное облегчение, дар и милость в самых, казалось бы, безвыходных положениях. Отец Моисей богат был сильною, никогда не оскудевающею верою во всеблагий Промысл Божий. То была вера, вера – не от слуха, но вера ведения, которая, по слову святых отцов, является в душе как плод богоугодной жизни и свойственных ей дел. Из таких-то дел и состояла вся жизнь отца Моисея.

Сохранились свидетельства всепокрывающей любви великого настоятеля Оптиной по отношению к немоществующей братии и к собратиям-священнослужителям, впадавшим порою в весьма тяжкие прегрешения. Один оптинский иеромонах записал: „Был у нас иеромонах о. М., из ученых, учителем был в духовном училище. Хороший, умный, духовного разума был человек, но попустил врагу одолеть себя одной известной несчастной слабостию. А слабость эта была неразлучна и с другими падениями. Такое-то вот бедствие постигло и о. М. Придя в себя, он пошел к духовнику, а тот ему: „Вон из монастыря!“ Отец М. впал в отчаяние и еще больше предался своей слабости.

Приходит он к отцу Моисею, растворил дверь и говорит:

– Настоятель! Входят ли к тебе грешники?

Тот, увидев, в каком потерянном виде явился о. М., говорит:

– Да, входят, если грешник верует и раскаивается. А ты веруешь ли, раскаиваешься ли?

– Верую и раскаиваюсь! – ответил о. М.

– А если веруешь, становись со мною и молись!

Сам прослезился, стал перед иконами на колени, поставил о. М. возле себя, и начали они молиться. И такую сильную молитву он произнес, что о. М. так и упал, залившись слезами.

– Ну, теперь иди с миром, – говорит настоятель.

– А как же служить? – спрашивает о. М.

– Иди, говорю, с миром и служить – служи.

– А как же? Грех-то?

– Принимаю твой грех на себя. Иди и служи!

И вот отец Моисей поднял на рамена своей совести тяжкий грех падшего брата, чтобы спасти его душу. С той поры о. М. совершенно исправился.

Восприятие грехов инока человеком, могущим понести сие чужое и тяжелое бремя, особенно полное принятие грехов на себя, есть самое яркое и явное проявление силы и духа истинного старчества, основой чему было принесение Себя в жертву за грехи людей Самим Господом и Спасителем нашим.

Схиархимандрит Моисей был не только отцом, но и любящей матерью всей братии. И поистине был чадолубивый авва, ибо есть неложное знамение старчества молитвенное предстательство пред Богом за грешника со стороны Старца. Не только слово, но и сокровенная молитва его за братьев, в сердце творимая, исцеляла, умягчала грубость, укрепляла малодушных. Дар сей – молитвою воздействовать на душу ближнего – стяжал отец Моисей постоянной же молитвою ко Господу, и никогда не

говорил он брату о пользе души и о всяком исправлении, не выслушав прежде самого брата и не обративши лица своего ко Господу с просьбой о вразумлении. От этого преподобный Моисей медленно, взвешивая каждое слово, творил молитву Иисусову и о других. Но Единому Господу, зрящему на сердце человеческое, открыто было молитвенное делание святого отца.

Приобретя великую веру, безгневие, кротость и другие добродетели, которые по учению святых отцов способствуют молитве и воскреляют ее, отец Архимандрит был великим делателем сей царицы добродетелей, пребывая всегда в молитвенном соединении с Господом, ради Которого и нес он как описанные нами, так и оставшиеся сокрытыми от нас многие труды благочестия. Стоя в храме и внимательно слушая Божественную службу, он нередко так углублялся в молитву, что не замечал, когда кто из братьев подходил к нему и кланялся, испрашивая его благословения или прощения... Некоторые по-своему объясняли такую невнимательность настоятеля к подходившим, но от людей духовной жизни не могло укрыться высокое молитвенное настроение Старца. Беседуя об этом с кем-то, отец игумен Антоний однажды так выразился об отце Моисее: „Все, что поют и читают в церкви, он там слышит, — указывая рукою на область сердца“. Сам отец Архимандрит Моисей на вопрос иеромонаха о келейном правиле сказал однажды: „Да и я прежде различные правила исполнял, а теперь мне осталось одно только правило — мытарево: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13).

Таков был отец Моисей: среди непрестанных забот и попечений внешних — *потаенный сердца человек, в неистлении кроткого и молчаливого духа* (1 Пет. 3, 4), — монах, видимо посвятивший себя различной и многоплодной для обители и братства деятельности; невиди-

мо же проводивший сокровенную жизнь со Христом в Боге.

По благодати Божией молитвенной сосредоточенностью в сердце и кротко-незлобивым обращением с ближними авва Моисей достиг мира души и хранил его. *Взыщи мира, и пожени и* (Пс. 33, 15), – повторял он как-то особенно выразительно.

Мир и молитва его творили чудеса. Был в Оптиной Пустыни пожар в гостинице. Преподобный Моисей вышел посмотреть, как горит, и, по видимости спокойно, стоял среди зрителей. По его благословению вынесли на пожар чудотворную икону Казанской Божией Матери, стали против ветра, и ветер вместе с огнем изменил свое направление, обратился на лес, и пожар скоро был потушен. Не говорило ли сие спокойствие о пламенной молитве Преподобного, не отверзавшего уст, однако же скоро преклонившего Господа на милость ходатайством и заступлением Препоблагословенной Владычицы?.. После пожара Старец говорил: „Да, уж нельзя не подумать, что это – плоды моих грехов... Беды ходят по людям, а не по лесу. Приятны Богу человеки в пещи смирения. Итак, благо мне, яко смирил меня Господь“ (1, 159).

Молитва Преподобного и его благословение имели великую силу. Один из сборщиков рассказывал о замечательном случае, бывшем с ним в Туле: „Пришел я в дом тогдашнего откупщика... Вхожу в переднюю, человек, тут бывший, спрашивает меня:

– Что вам нужно?

– Да вот я со сборной книгой на обитель.

– Никого здесь нет.

С этими словами он вышел, а я стою и думаю: „Надо идти мне, чтобы не случилось еще какой-нибудь неприятности“. А другая мысль говорит: „Да исполни же слова отца игумена – прочти сперва „Отче наш“. Я и начал

читать мысленно эту молитву. Не успел еще окончить ее, как из боковой двери вышла дама, хорошо одетая, и спросила меня:

– Батюшка, что вам угодно?

– Я собираю на обитель с книгою.

– Подождите немного, – и вошла опять в ту же дверь. Слышу, что она говорит кому-то: „Там монах пришел за сбором“. – „Ну подай ему“, – отвечал другой голос. Щелкнул замок от ящика. „Да тут мелких нет, только десять рублей“. – „Ну, отдай их ему“. Дама эта и вынесла мне, вовсе ей незнакомому, десять рублей. Это для сборщика немалая редкость и радость, а уйди я, не исполнив слов отца игумена, ничего бы и не получил. Такова была сила его слов“ (1, 130).

Сам же преподобный Моисей, к трудам труды прилагая, не ослабевал и в подвиге, не изнемогал и в терпении, но восходил от силы в силу, не снисходительность к немощи телесной и почтенным годам, но ревность к усугублению воздержания и подвигов постнических показуя. Добрый образ иноческого прискорбного жития видела братия пред очами своими! Отец Архимандрит отнюдь не позволял себе послабления в монашеских подвигах, а, напротив, еще увеличивал их для себя самого: в глубокой старости он, вероятно для примера братии, перестал пить чай по утрам. Чтобы оценить всю тяжесть такого труда для преклонного возраста Старца, надо припомнить, что он происходил из купеческого сословия и, как говорится, вырос на чаю; потом пил его во всю свою долгую жизнь, а тогда, когда силы наиболее нуждались в подкреплении, оставил чай по утрам, чтобы братия, видя в нем пример подвига, не увлекались приманкою телесного подкрепления, но понуждали себя к подвигам. Без сомнения, Господь и вознаграждал Старца внутренне обильным утешением духовным за его

подвиги и понуждение себя, а еще более – за то смиренное чувство, с которым он их проходил.

О глубине смирения старца Моисея можно судить и по следующему факту. По свидетельству схиархимандрита Агапита, старец Моисей по кончине в 1860 году своего духовного отца старца Макария избрал себе духовником жившего в монастыре уже на покое своего младшего брата игумена Антония, духовным отцом которого он сам был во все время их совместного пребывания. При этом необычном избрании игумен Антоний несколько поусомнился. Но Преподобный очень просто разрешил это сомнение брата, сказав: „Ведь Апостол велит: исповедайте убо друг другу согрешения“ (Иак. 5, 16).

Сам же приснопамятный и достоблаженный старец схиигумен Антоний писал настоятелю Боровского монастыря архимандриту Геннадию: „Блаженные памяти настоятелю нашему отцу архимандриту Моисею угодно было последние три года жизни своей избрать меня, недостойного, в свои духовники; я отговаривался от сего трудного для меня избрания, дабы не уподобиться мне Хаму при выслушивании отчих недостатков; но он убедил меня оставить свои предрассудки, и я должен был повиноваться. И вот он во все трехгодичное время ни одной Божественной литургии не совершал без исповеди, приходя ко мне в келлию или призывая к себе... и с каким сокрушением сердца исповедовал он согрешения свои, с каким глубоким смирением преклонял свою выю под недостойную мою руку, прося прощения и разрешения, – так что я, взирая на сие, всегда умилялся и стыдился пред людьми именовать себя духовным отцом такого великого Старца!“ (1, 242). О, глубина смирения! О, благоухание святыни! Святой смиряется пред святым, и взаимное смирение привле-

кает Самого Христа, воистину сущего посреди их, и Ду-
ха Святаго Божия!

В конце своего земного странствия Старец повторял:
„Сам-то я хуже всех: другие, может быть, только думают,
что они хуже всех, а я на самом деле дознал, что я
хуже всех“. Сбылись на нем слова преподобного аввы
Дорофея: „Как деревья, когда на них бывает много пло-
дов, то самые плоды преклоняют ветви низу и нагиба-
ют их, — так и душа, когда смиряется, тогда приносит
плоды, и чем более приносит плода, тем более смиря-
ется: ибо и святые, чем более приближаются к Богу,
тем более видят себя грешными“.

Блаженный старец Моисей, стяжавший нищету ду-
ховную, положил ее краеугольным камнем храмины ду-
ши своей, плачем пред Богом в тишине пустыни и кел-
лии монастырской стяжал утешение Божественное, за-
лог обетованной радости вечной.

Но не дремлет враг рода человеческого. Малодушные
и ропотливые братия представили донос Преосвя-
щенному архипастырю Калужскому Григорию, порицав-
ший образ действий отца Моисея и его управление оби-
телью. В это время Старец уже был болен своей пред-
смертной болезнью. Тяжесть и неожиданность ложного
доноса ослабили его силы еще более. Однако он не скор-
бел, но благодарил Господа, давшего ему широту сердца.
Он охотно прощал ненавидящих и обидящих его и тем
обезоруживал их и пленял их сердца. И в эти минуты в
очах его светилось такое младенческое незлобие, что,
казалось, самое холодное, черствое сердце пленилось бы
им и пожелало бы усвоить себе сие дивное качество.

Болезнь его усиливалась. С конца мая до своей кон-
чины Старец ежедневно причащался Божественных
Животворящих Христовых Таин. При соборовании,
превозмогая недуг, вставал при чтении Святого Еванге-

лия, после же земно поклонялся служащим, прося прощения.

Преемника себе явно не указал, однако призвал иеромонаха Исаакия, будущего архимандрита, и много говорил ему о любви к Богу и ближнему, предвидя в нем своего преемника и желая приуготовить его к благодушно-му принятию и несению креста начальствования.

Вечером 6 июня 1862 года преподобный и богоносный отец наш Моисей был пострижен в великую схиму. Имя Моисея было ему оставлено. При пострижении ответы его были внятны, чувство сильно, память светла, вид лица – святолепен, а выражение его слов и действий таково, что один из присутствовавших старцев невольно назвал его новым Сисоем, ибо в „Достопамятных сказаниях о подвижничестве святых и блаженных отцов“ сказано, что пред смертью аввы Сисоя лицо его просияло, как солнце (1, 182).

Сам же старец Моисей говорил, что такого утешения и такой духовной радости, какая наполняла его душу с принятием великого ангельского образа, он в жизни своей не помнит. Вид Старца, лежавшего в схиме на одре болезни и среди тяжких страданий сиявшего от внутреннего духовного утешения, был так назидателен и величествен, что все входившие в келлию для получения благословения никак не могли оставить ее и останавливались, чтобы еще посмотреть на великого Старца.

В своем предсмертном завещании умирающий Старец писал: „...Стяжания денежного несть у меня, ибо с начала вступления моего в иноческий образ и до сего дня находился я в общежительной обители и не имел попечения о стяжании имений, памятуя данный мною Богу обет о сохранении нестяжания... Наг изыдох из чрева матери моея, наг и отъиду... Прошу не оставлять меня поминовением по чину церковному и в келейных ваших молитвах;

да простит Господь мои согрешения и упокоит дух мой с праведными. Ежели я кого в жизни моей чем оскорбил словом, делом или помышлением, смиренно прошу у всех прощения; а также, кто и меня чем-либо оскорбил, всех и во всем прощаю. Июня 6 дня 1862 года. Оптиной Пустыни настоятель, архимандрит Моисей“ (1, 239–241).

Перед смертью ясно открылся тщательно сокрываемый Старцем дар прозорливости. Больной Батюшка, издавая болезненные стоны, подозвал к себе келейника и сказал: „Спроси, что это за женщина? Что ей нужно? Зачем она меня беспокоит?“ Келейник, не видя никакой женщины, подумал, что это бред. Но потом оказалось, что на крыльце, за дверями, действительно долго стояла женщина, которая, получивши образок для себя, не хотела удалиться, но настоятельно просила, чтобы ей дали другой образок для сына. Узнав об этом, келейник взял образок, поднес его отцу Архимандриту для благословения – сам умирающий уже не мог раздавать иконы – и вынес его ожидавшей крестьянке. После этого отец Моисей вымолвил: „Вот теперь я спокоен“.

Другому посетителю, к немалому его удивлению, Старец сказал, что в воскресенье надеется быть в церкви, и когда тот возразил, что ему по слабости сил никак нельзя служить, ибо от великого изнеможения болящий не мог держать и головы своей при причащении, преподобный Моисей прибавил к сказанному: „Служить нельзя, а быть можно“. Слова сии сбылись дивно: почив о Господе 16 июня 1862 года, в день субботний, он в воскресенье был перенесен в церковь (1, 186, 188).

Упокоил Бог раба Своего. Зашло в невечерний день вечности сие светило веры и добродетели.

Лишь по особому изволению Своему Спаситель наш открывает земнородным, в каком чине и лике „с подобными ей и равными по добродетели“ пребывает душа

преставившегося праведника. Сего ради неоценимо свидетельство схиигумена Антония, брата преподобного Моисея, о загробной участи того.

„...Я не столько печалюсь о разлуке с ним <преподобным Моисеем>, – писал он архимандриту Боровскому Геннадию, – сколько благодарю Господа Бога за блаженную кончину его и за то, что за бесчисленные труды, в пользу святой обители подъятые, преселен он на вечный покой со святыми... Недавно известил он во сне одному благоговейному брату нашему, что он по великому милосердию Божию водворен в обители преподобномучеников!.. Должно ли верить сему? Но я не сомневаюсь в этом, зная отчасти образ святой жизни его!“ (1, 242).

Позволительно думать, что трисоставным крестом отсечения воли своей – и в послушании, и в начальствовании, и в образе своего иноческого жития – стяжал преподобный отец наш Моисей и венец мученический; безмолвия и уединения искал он от юности, но и сие достохвальное желание отсек он за послушание, которое есть бескровное мученичество, услышав глас Говорящего: *Паси овцы Моя* (Ин. 21, 16).

Благолепно и торжественно было отпевание Старца и настоятеля с последующим погребением, совершенное Преосвященным Григорием Калужским с двумя архимандритами, четырьмя игуменами, двумя строителями, двумя протоиереями, двенадцатью иеромонахами, восемью иереями и двенадцатью диаконами. Торжество, а не печаль ощущалось всеми. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Саровская пустынь, Святогорская и Коренная пустыни, Задонский монастырь и другие обители совершили в память подвижника-настоятеля священнолепное поминовение.

Явлена была Господом святость угодника Своего и дерзновение его молитвенное пред Престолом Прене-

бесным посмертными явлениями Старца, показывающими, что и по преставлении своем печется он неусыпно об обители своей. Схиигумен старец Антоний в письме своем сообщал: „С великим прискорбием души моей скажу о тяжком искушении, какового при мне за 42 года не было и, дай Бог, чтобы не случилось никогда, а именно: 1 марта утром девица Надежда, черпая горячую воду из котла для мытья черного белья, поскользнулась, упала в котел и сильно обварилась в кипятке. Но, благодарение Господу Богу, два дня была жива и в памяти, и напутствована всеми Таинствами, а в воскресенье 3 числа тихо скончалась. В тот день, когда это случилось, отец М., придя от утрени в свою келлию, прилег и, вздремнувши, видит в тонком сне отца Архимандрита (Моисея), приказывающего ему, чтобы он немедленно бежал на скотный двор, где нужно быть поскорее. Отец М., сразу проснувшись, побежал на скотный двор, и там его встретили печальной вестью. А из сего Вы можете заключить, что батюшка Моисей и по кончине свой заботливо печется обо всем. ...Еще скажу, что пред погребением девицы Надежды одна скотница в тонком сне видит отца Архимандрита в мантии с посохом идущего в церковь, куда вынесена была новопреставленная; принявши благословение, она спрашивает: „Куда вы, Батюшка, так спешите?“ Отвечает: „Иду Надежду проводить“. Итак, видите, какие бывают отрадныя сны о моем святом отце“ (6, 110).

Самому же старцу Антонию было также видение, подтверждающее святость отца Моисея. В начале своей предсмертной болезни отец Антоний видел во сне старца Моисея, который, напомнив ему о своей лютой предсмертной болезни, увещевал и его с мужеством претерпеть до конца, дабы получить от Господа велию милость.

Некоторым лицам отец Антоний открыл, что духовное общение его с братом, преподобным Моисеем, и по кончине его не прерывалось. Он постоянно ощущал около себя его присутствие и близость; души их тайно беседовали между собою. Преподобный Моисей и после праведной кончины духовно утешал и подкреплял брата и подавал ему свое решение в некоторых недоуменных случаях, касавшихся как его самого, так и других (3, 125).

Нетление честных мощей преподобного отца Моисея угодно было Господу явить вскоре после блаженной кончины приснопамятного брата его, старца Антония. Схи-монах Нестор и игумен Марк рассказывали, что решено было по благословию старца Амвросия и распоряжению епархиальной власти положить новопреставленного схиигумена Антония в общем склепе с братом по плоти и отцом по духу его старцем Моисеем под полом у солеи правого придела Казанского храма. Взломали пол, разломали склеп, и обнаружился гроб схиархимандрита Моисея, совершенно как новый, несмотря на сырость грунта почвы, только немножко приподнялась гробовая крепка... В то время в монастырском соборе совершалась панихида по блаженно-почившем старце Антонии; каменщики же на время отошли. По просьбе отца Нестора монах Стефан открыл крышку гроба, и схимник увидел, что тело отца Моисея совершенно нетленно. Отец Стефан снял воздух с лица, и оказалось, что лик отца Моисея тоже совершенно нетленный, только волосы несколько прилипли к вискам. Дерзнул отец Нестор прикоснуться рукою к телу отца Моисея и ощупать оное и убедился, что тело нетленно и цело; также и прочие иноки, там бывшие, со страхом и изумлением убедились, что тление нисколько не коснулось почившего, хотя прошло уже четыре года после его кончины. Но во

время прикосновения отец Нестор почувствовал некоторую неловкость в пальцах правой руки; боль начала усиливаться. Отец же Стефан дерзновенно хотел оторвать лоскут от мантии почившего, но в это мгновение почувствовал сильную боль в руке. Рука как бы онемела, и он оставил свое намерение (6, 112–113).

Преподобный Амвросий изъяснил отцу Нестору, что не следовало открывать гроб и что за дерзость сию схимонах должен понести епитимию. После сего не мог он свободно владеть пальцами правой руки, писать и даже камилавку снимать с головы. У отца же Стефана рука болела недели две. Просил он молитв преподобного Моисея и тогда только получил исцеление.

Так Господь через нетленность мощей своего угодника приоткрыл сокровенный подвиг святости его жизни.

И поистине преподобный отец наш Моисей, проходя путем древних святых отцов пустынников, был умудрен, подобно им, не столько от людей, сколько от Самого Бога. И обогатившись сими духовными сокровищами, ныне, предстоя в сонме святых Престолу Вседержителя, не оставляет и нас своими богоприятными молитвами, покрывая Обитель и ходатайствуя о спасении душ наших пред Всеблагим Господом.

Наставления старца Моисея

Об уповании на волю Божию

Усердно желаю тебе от души возмогать о Господе в державе крепости Его, а не от своего разума и силы чего-либо добраго ожидать. Сила бо Божия совершается в немощи нашей, да уповаем на Господа. Кротость и воздержание с терпением находящихся скорбей привлечет на тебя Божие благоволение, и, по верному слову Христову, *претерпевый до конца той спасен будет* (Мф. 10, 22) (1, 79).

Должно о всем благодарить Господа, праведно налагающего на нас труд к терпению, которое для нас полезнее утешения, возвышающего душу. Видно, так Господу угодно. Скорби не могли бы постигнуть нас без поущения Божия – ради грехов наших. И самые эти скорби охраняют нас от других искушений (1, 162).

...Служебные духи, сиречь Ангели, по естеству своему суть благие, но и те исполняют не свою, но Божию волю: кольми паче человеку должно находиться в повиновении (3, 196).

Многие бури и ураганы потрясают атмосферу и наносят разные крушения, а святой царь Давид изо всего извлекает хвалу Богу. И действия духов злобы поднебесных, подобно бурям, потрясают души и сердца пребывающих на земле человеков. Нам немощным что теперь делать? Одно средство ближайшее и верней-

шее: воздевать руки ко Господу Богу, подобно Моисею в пустыне, где нападала на него вражия сила Амаликова. Всевышним Богом пройдем стену искушений. С нами Бог. И бояться слишком не должно. Господь силен утишить бурю и подать тишину и мир душам нашим (1, 159).

Уныние и уклонение от должности, по указанию одного губительного духа уныния, показывает, что ты еще и доселе ходишь не в истинном разуме, и не в вере...; с твоею волею... я отнюдь не согласен, а Божией – предаюсь неограниченно и боюсь помыслить вопреки (1, 162).

Какая будет выгода воину без брани? – Он неискусен и не мужествен. И монаху без борьбы нельзя стяжать души в терпении и увенчану быть от Подвигоположника. Не изнемогай духом и не унывай в противностях, но обращай ко Господу с смиренным молением и веруй, что придет к тебе помощь (1, 234).

Не отгаивайтесь в спасении

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете – за то помилованы будете (1, 271).

Если постраждете со страждущим (невелико, кажется, сие) – с мученики счисляетесь (1, 271).

Если попечалуешь о грехах, или умилишься, или прослезишься, или воздохнешь, – и воздыхание твое не утаится от Него: „не таится бо от Него, – глаголет святой Симеон, – капля слезная, ниже капли часть некая“. А святой Златоуст глаголет: „аще посетуеши точию о

гресех – и то примет Он в вину твоего спасения“ (1, 271).

Если простите обидящего, и за сие не только все грехи ваши простятся, но дочерью Отца Небесного будешь (1, 271).

Если помолишься от сердца о спасении – хотя и мало – и спасешься (1, 271).

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестью чувствуемые, и за то оправда-на будешь (1, 271).

Если исповедуешь грехи свои пред Богом – и за сие вам прощение и мзда (1, 271).

...В каком бы кого порочном положении ни видел, не должно тому удивляться и сомневаться в его исправлении, ибо многие наконец из пьяниц сделались трезвыми, из буйных кроткими, из блудников целомудренными и прочее (1, 122–123).

Заповеди для постоянного памятования и делания

- 1) Отвержение своего разума и воли иметь.
- 2) При встрече с каждым лицом поставлять себя худшим, в каком бы то месте ни было.
- 3) Память смерти вкоренять в сердце глубже.
- 4) Самоукорение.

5) Смиренную молитву всегда иметь.

6) Укоризну, аще случится от кого, принимать, как врачевство душевное, с радостью.

7) Что сказано будет <духовником>, в точности выполнять.

8) Аще случится от забвения или от обычая в чем-либо паки погрешить, исповедывать то чистосердечно, как есть, без лукавства (3, 198).

Между собою храните молчание, кроме нужного ничего посторонняго не говорите, да будет чист ум ваш в молитвах. Укоряйте себя мысленно, и уничижайте, и худшими всех себя имейте, и Бог призрит на смирение ваше и покроет от всех искушений (1, 234).

Будем благодарить Бога всегда о всем. В сердце благодарящее вкапает благодать; также и *сердце сокрушено и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Перестанем носить в себе двоедушие и роптать на добродетель, для которой созданы и в особенности призваны, будто она неудобноносима. Правда, одними нашими силами она не сносна, ибо требует в содействие благодатной мудрости, мужества, правды и целомудрия, а мы в оных чувствуем себя весьма скудными (1, 237).

Покой обещан нам в будущем веке, а здесь на земле – труд и искушение. *Блажен человек, иже претерпит искушение* (Иак. 1, 12) (1, 239).

К утрени надобно ходить, потому что во время Литургии за нас приносится Безкровная Жертва Богу, а

ходя к утрени мы сами себя приносим в жертву Господу, жертвуем для Него своим покоем (1, 151–152).

О суде Божиим

Почаще надобно нам читать „Судии сидящу и ангелам стоящим, трубе гласящей, пламени горяшу, что сотвориши душе моя, ведома на суд? Тогда бо лютая твоя предстанут и тайная обличатся согрешения: темже прежде конца возопий Судии: Боже, очисти мя и спаси мя!“ (1, 157).

О братолюбии

Да даст Господь разум и силы друг друга тяготы носить и тем соблюдать закон Христов, любовь и мир. Ошибки, проступки и грехи братьев да будут мои (1, 44).

...Немощи душевныя <брата своего> должно носить благодушно, без огорчения. Ибо если кто болен телом, то не только на него не огорчаемся, но еще и служим тому всяким образом, то таким образом надо и в душевных недугах поступать (1, 122).

Опыт указал мне такое правило: если кому нужно сделать выговор или замечание, то надобно прежде в сердце помолиться за него Богу. Думаешь иногда, что брат тот не примет замечания, а если помолишься за него сперва, то согласишься – сверх ожидания он и замечание выслушает спокойно, и исправление бывает (1, 118).

Если хотите быть всегда мирными, ни с кем не расставляйтесь в неудовольствии; но всячески старайтесь от души простить всех и даже по возможности умиротво-

рять, чтобы разойтись в мирном духе, тогда и сами будете наслаждаться душевным спокойствием (1, 120–121).

Нередко повторял он псаломское слово: *взыщи мира, и пожени и* (Пс. 33, 15) и не только сам был мирен ко всем, но и других всегда склонял к взаимному миру и согласию (1, 121).

О гордости

Разве есть благородная гордость? Ее нет, а есть одна только гордость бесовская (I, 155).

О чистоте совести

Телесное око не терпит и малейшей порошинки в себя принять, так и совесть чем-нибудь замаравши, не можно молитвы коснуться (3, 200).

О своеволии и самочинии

Советую, чтобы ты ни от какого положенного на тебя дела не отрицался и ни на что сам не назывался, и когда сие сохранишь совершенно, то и в тяжчайших трудностях благополучие увидишь, и меня помянешь добрым словом. Когда же ты чего прилежно сам искать будешь или отречься, то поверь, во всю свою жизнь горько сожалеть будешь (1, 39).

Самочиние приводит к тщеславию и оканчивается душевным вредом, а когда то же дело совершается с благословением, то ради молитв братии и Настоятеля Господь покрывает послушника от всего вредного и он получает душевную пользу (1, 113).

О делах и плодах

Когда-нибудь кто-нибудь прочтет ту или другую книгу – и душевная польза одного человека вознаградит все наши труды. Наше дело – сеять; Бог даст, когда-нибудь будут и плоды (1, 167).

Литература

1. Житие схиархимандрита Моисея. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992. (Репринт).

2. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней Скита святого Иоанна Предтечи/Сост. Л. Кавелин. Ч. II. Описание Скита. Спб., 1847.

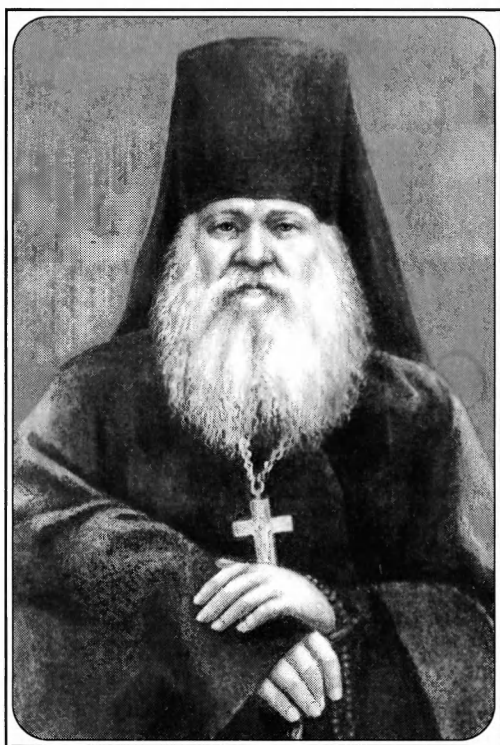
3. Житие схиигумена Антония. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992. (Репринт).

4. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июнь. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995. С. 159–206. (Репринт).

5. Архимандрит Антоний, наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Сергиев Посад: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1990. (Репринт).

6. Жития преподобных старцев Оптиной Пустыни. Джорданвиль; Нью-Йорк: Типогр. преп. Иова Почаевского, 1992.

Житие
преподобного
Антония,
старца
Оптинского

1795 — 1865

Оптинский старец схиигумен Антоний, в миру Александр Иванович Путилов, родился 9 марта 1795 года в городе Романове Ярославской губернии. Родители его, Иван Григорьевич и Анна Ивановна Путиловы, были люди благочестивые и богобоязненные, воспитывали своих детей в страхе Божиим и в духе строгого православия, с ранних лет приучая их любить храм Божий и Божественную службу.

В детстве Александр был весьма тих и скромн, не увлекался шумными играми своих сверстников и очень

рано почувствовал призвание к монашеской жизни (1, 160).

Надо сказать, что в роду будущего Оптинского старца были уже лица, посвятившие себя в свое время иноческой жизни: прадед его был иеродиакonom Серпуховского монастыря, а двоюродная его сестра – монахиней в Московском Вознесенском монастыре. Вообще в семействе Путиловых заметно было расположение к монашеству: из четырех братьев Александра один только (Василий) избрал семейную жизнь, другой (Кирилл) хотя и оставался в миру, но проводил жизнь безбрачную и весьма благочестивую, а два старших брата, Тимофей и Иона, так же как и Александр, в молодых годах удалились из мира.

Александру было десять лет, когда старшие братья его, Тимофей и Иона, оставили мирскую жизнь и поступили в Саровскую пустынь. Пример их, вероятно, более всего подействовал на младшего брата.

Будущий подвижник с детства подвергался особо тяжким испытаниям, по которым можно было видеть, что Господь готовит его к чему-то особенному. Однажды он едва не утонул, в другой раз упал с высокого места, так что голова его была проломлена. Но каждый раз он был избавляем от смерти охраняющим его Промыслом Божиим (1, 163).

В 1809 году скончался их родитель, и Александр вместе с братом Кириллом отправился в Москву, где поступил на должность комиссионера к откупщику Картышеву.

В свободное от работы время Александр посещал церкви и монастыри, так что, проживши в Москве только три года, он лучше многих старожилов знал московские святыни и даже в старости помнил, где находится какой храм и какие в нем чудотворные иконы.

В 1812 году Александр подвергся еще одному испытанию, прожив десять дней в плену у французов. Вспоминая об этом впоследствии, Старец говорил: „Святой Иоанн Златоуст пишет, что самая лютая мука на земле сравнительно с самою легкою адскою мукою есть детская игрушка; но в то время мы говорили так, не зная, как лучше выразить тоску французского плена“. После тяжелых переживаний Александру все же удалось бежать. Полураздетый, в лаптях, лишившись всего, что нажил своими трудами в Москве, явился он к своим родным в Ростов, где вновь поступил на должность, подобную той, которую занимал в Москве.

Но мысль его постоянно устремлялась к духовной жизни. Живя в Ростове, Александр с большим усердием посещал храмы и монастыри, особенно любил ездить в Яковлевский монастырь, к мощам святителя Димитрия Ростовского. От шумных светских удовольствий он удалялся.

К концу 1815 года в Александре окончательно созрело решение покинуть мир. В январе 1816 года он отправился в Москву, а спустя некоторое время – в Калугу. Оттуда, отслужив благодарственный молебен Господу о своем благополучном избавлении от уз мира, он направил свой путь в Рославльские леса, где уже пятый год подвизался его старший брат Тимофей, к тому времени – отец Моисей. Там 15 января 1816 года Александра облекли в послушническое платье, которое, как он сам выражался впоследствии, казалось ему драгоценнее царской порфиры (2, 16–17).

Осенью следующего года он вместе с отцом Моисеем едет в Киев на богомолье. На обратном пути они посещают Софрониеву, Глинскую и Площанскую пустыни, где беседуют со многими старцами высокой духовной жизни. Однако ни к одной из этих обителей не склонилось

сердце молодого послушника, и вернувшись в Рославльские леса, он остался там еще на четыре года.

С великой ревностью Александр посвятил себя трудам пустынножительства. Вставая в полночь, они вместе с братом ежедневно вычитывали вдвоем по богослужебным книгам всю церковную службу без малейшего опущения.

Послушник Александр занимался перепиской отеческих книг уставом и помогал брату в составлении рукописных сборников, содержащих в систематическом порядке правила христианской жизни. На него была возложена также обязанность будильщика. Кроме того, он рубил дрова в лесу и переносил их в келлии; был на его попечении и огород. При таких трудах, кроме общего молитвословия, заменявшего церковную службу, не оставлялось им и келейное молитвенное правило с поклонами; и все это совершалось с великим усердием при самой скудной постной пище, едва утолявшей голод.

Выдержав четырехлетний искуc, Александр 2 февраля 1820 года, на праздник Сретения Господня, был облечен в ангельский образ и наречен Антонием. Пострижение было совершено келейно иеросхимонахом Афанасием, а восприемным отцом от Святого Евангелия стал преподобный Моисей (2, 26). Впоследствии старец Антоний, вспоминая, как радостен был этот первый день его монашеского тезоименитства, говорил: „Воистину, Пасху Господню в то время чувствовала в себе самой душа моя“. Некто из духовных детей Преподобного спрашивал его: долго ли после пострига он сохранял в сердце своем то особенное действие благодати, которое многие ощущают при принятии монашества? Преподобный Антоний отвечал, что был в таком устроении целый год.

Наконец, после пятилетнего пребывания в Рославльских лесах суждено было ему переселиться в то место, где по воле Божией протекла большая часть его иноческой жизни – в Оптину Пустынь.

Это случилось по благословению епископа Филарета, впоследствии митрополита Киевского.

3 июня 1821 года преподобный Моисей с преподобным Антонием и двумя другими преданными им монахами, Иларием и Савватием, исполняя волю боголюбивого архипастыря, оставили навсегда Рославльские леса и отправились в Оптину Пустынь (2, 28).

Общеизвестны труды, подъятые преподобным Антонием вместе с братом его преподобным Моисеем во время строительства Скита. В этом деле отец Антоний был усерднейшим помощником брата: трудился наравне с наемными рабочими, вырубал с ними вековые сосны и выкапывал огромные пни. Из срубленного леса построили небольшую келлию; потом соорудили церковь в честь Собора святого Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и, наконец, стали строить и корпуса для иноческой братии.

24 августа 1823 года отец Антоний был рукоположен во иеродиакона, а в 1825 году, несмотря на то, что преподобный Антоний был только в сане иеродиакона, его назначили начальником „святая святых“ Оптиной – ее Скита.

Сделавшись скитона начальником, он, прилагая труды к трудам, ревностно помогал преподобному Моисею в делах благочестия и устройства монашеской жизни. Через два года, в 1827 году, отец Антоний был рукоположен в сан иеромонаха (1, 172).

Начальствование отца Антония в Скиту продолжалось четырнадцать лет; эти годы были временем устройства и прочного основания Скита как во внешнем, так

и в духовном отношении. Преподобный Антоний и его брат преподобный Моисей, будучи сами духоносными старцами, хорошо понимали значение старчества. В новоустроенный безмолвный Скит с разных сторон стали стекаться мудрые в духовной жизни и крепкие в подвигах старцы. В 1829 году прибыл из Александро-Свирского монастыря известный старец Леонид с пятью учениками; в 1834 году отцом Моисеем приглашен был из Площанской пустыни тамошний духовник отец Макарий. При содействии этих старцев братья-настоятели монастыря и Скита утвердили в Оптиной Пустыни древний старческий путь монашества и тем упрочили внутреннюю основу иноческого духа как в Скиту, так и в монастыре. Отец Антоний, со своей стороны, не только содействовал старцам в духовном окормлении братства, но и собою подавал пример глубочайшего повиновения и преданности им. Кажется, во всем братстве не было такого смиренного послушника, как их скитоначальник, который ни малейшего распоряжения не дерзал делать без благословения своего старца отца Моисея (2, 30–31).

Волею Божией они стали хранителями духовного сокровища – Собора дивных старцев, которое, как в драгоценном сосуде, обрелось в Скиту Оптиной, составив на века ее славу.

С каким умирительным благоговением совершалось здесь священнослужение! В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти. Современник вспоминал: „Что ж сказать о тех возжеленнейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником Скита отцом Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость,

благоговение и вместе с тем святое чувство величия. Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя был во многих обителях и церквях“. При таком высоком духовном устроении скитонаачальника с братиею удивительный порядок господствовал во всем Скиту: в богослужении, в поведении братии и прочем, и этим Скит много был обязан неусыпной заботливости преподобного Антония – его трудами и молитвами созидался Скит (2, 33).

Вместе с тем первоначальным насельникам Скита приходилось преодолевать большие внешние трудности и лишения. Сам начальник Скита из-за малочисленности братии исполнял многие братские послушания. Часто доводилось ему оставаться без келейника, так как его келейник был и поваром, и хлебопеком, и садовником, и привратником.

Отец Антоний писал одному родственнику: „...живу в келлии один: сам и по воду, сам и по дрова... Чином священства почтенных теперь у нас в Скиту собралось пять человек, но все они престарелы и многонемощны, почему и тяготу служения за всех несусь один“.

Жизнь в Скиту в то время была весьма строгая; при великих трудах пища была самая скудная. Самовар во всем Скиту был один, у начальника, к которому только дважды в неделю все братство собиралось пить чай.

Служа для всех примером трудолюбия и неся внешние подвиги, преподобный Антоний в то же время внимательно следил за внутренними движениями своего сердца и с великой духовной собранностью заботился о стяжании душевных добродетелей – смирения, любви к ближнему, отсечения своей воли и разума перед духовным отцом, которому предался с совершенною верою и к которому не изменил своего отношения в течение всей своей жизни.

К добровольным трудам и монашеским подвигам вскоре присоединился крест тяжких болезней. В 1833 году многообразные недуги усилились. Более полугода он не мог выходить из келлии из-за болезни ног. Потом хотя и получил некоторое облегчение, но болезнь осталась неизлечимою и около тридцати лет причиняла самые сильные страдания, которые отец Антоний переносил с удивительным благодушием, подавая всем собою высокий пример терпения в болезнях.

Но Господу было угодно возложить на Преподобного еще один крест. Несмотря на болезненность, он в 1839 году был назначен настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря с возведением его в игуменский сан (2, 40).

Не легко было Преподобному после пяти лет, проведенных в лесной глуши, и восемнадцати лет скитского уединения принять на себя бремя настоятельства в городском монастыре, лежащем при большой дороге. Но памятуя, что послушание паче поста и молитвы, принял он на себя настоятельские скорби и труды. Однако настоятельство очень отягощало его, особенно потому, что из-за тяжелой болезни ног он часто подолгу не мог выходить из келлии, сделать лично нужные распоряжения и наблюдать за всем, что делается в обители.

В первые годы игуменства, кроме обычных настоятельских забот, на долю преподобного Антония выпала забота и о внутренней отделке монастырского Николаевского храма, заложенного еще при его предшественнике. Освящение храма совершилось 26 августа 1843 года, но самому отцу Антонию из-за тяжелой болезни не пришлось участвовать в этом торжестве (2, 46).

Несмотря на телесные недуги, хозяйством монастырским отец Антоний занимался с усердием, много заботился о внешнем и внутреннем благоустройстве обители.

Весьма заботливо следил за порядком церковной службы; даже в болезненном положении совершал в нарочитые дни сам торжественное богослужение.

Водворял и утверждал внутреннее устройство обители по духу веры и благочестия, по образу лучших русских обителей, подавая и сам, пока был в силах, братьям пример трудолюбия и неопустительного исполнения всех монастырских обязанностей.

В 1848 году, когда холера посетила и Малоярославец, Преподобный сам совершал, по желанию горожан, со всем градским духовенством несколько раз крестный ход вокруг всего города, причем служили в разных местах множество молебнов и литий, так что иной раз крестный ход продолжался около семи часов. Такие-то труды нес Преподобный с больными своими ногами.

Много раз пытался Преподобный сложить с себя тяжелое для него бремя настоятельства, но по воле епархиального начальства должен был нести оное тринадцать лет – до 1853 года. Только в 1853 году преподобный Антоний по болезни уволен был от настоятельской должности и возвратился в Оптину Пустынь, где и прожил на покое двенадцать лет. Покой сей, продолжавшийся до самой его блаженной кончины, был многотрудный, многоболезненный, но в духовном отношении многоплодный (2, 64).

Несмотря на непрерывные телесные страдания, он старался неопустительно ходить к церковным службам. От чрезмерного понуждения в больных ногах иной раз делалось воспаление, тогда Старец не мог выходить из келлии и церковную службу заменял келейным молитвословием. Келейные его подвиги известны единому Богу, и лишь отчасти можно было уразуметь, каковы они были, по мирному устроению и духовной радости,

которые были заметны многим, а также из словесных его наставлений.

Все, кто видели Преподобного совершающим богослужение, помнят необыкновенное выражение лица его – это было лицо человека, преисполненного благодати. Случалось, что от одного взгляда на него в это время у некоторых происходил в душе нравственный переворот. Были основательные причины утверждать, что Преподобный имел великое дарование в молитве к Богу и сподобился духовных видений и других благодатных посещений.

Вот что поведал послушник Оптиной Пустыни П., духовный сын Преподобного: „8 ноября 1862 года, на память св. Архистратига Михаила, перед самою утренею слышал я во сне неизвестно чей голос, говоривший мне: „Твой отец Антоний человек святой жизни и великий старец Божий“. Вслед за тем раздался звонок будильщика, и потому все слова таинственного голоса ясно напечатлелись в моей памяти. Размышляя о слышанном, пошел я к утрени. Не доходя до корпуса, где жил Старец и мимо которого надобно мне было идти, вижу: над молитвенною его келлией, неизвестно откуда, явилось светлое белое огненное облако длиною около сажени, шириною аршина в два; тихо и медленно поднималось оно от самой крыши, шло кверху и скрылась в небесном пространстве. Явление это меня поразило, и потому, пришедши с утрени, я пожелал записать о сем себе для памяти. Объявить же о сем видении Старцу не осмелился, а счел оное за вразумление мне, недостойному, иметь веру, преданность и послушание к своему Старцу, и за явное свидетельство его чистой, пламенной и богоприятной молитвы“ (2, 76).

Преподобный и богоносный отец наш Антоний имел такое пламенное усердие и благоговейную любовь к Ма-

тери Божией, что, когда начинал рассказывать что-либо из жития Ее, особенно в последние годы своей жизни, при одном имени Преподобной Девы Марии голос его изменялся от обильных слез и он не мог окончить рассказ.

Преподобный никогда ничем не соблазнялся, никого не осуждал и не порицал; ни о ком не изменял благой мысли; на все и на всех смотрел чистым оком, чем доказывал, что стяжал чистое сердце.

Смирясь паче меры перед всеми, преподобный Антоний делал это от искренности сердца и с глубокой мудростью умел не выходить из принятого им смиренного положения.

Памятна история с одним иноком, привыкшим к опущению утрени. Преподобный убеждал его, но тот ссылался на нездоровье... Никакие самые убедительные увещания отца Антония его не трогали. Тогда Старец сам пошел на утреню, несмотря на то, что по болезни ног он вообще не мог стоять на службе. После утрени он пошел прямо к тому брату. Инок, увидевши своего скитона начальника, вскочил с ложа испуганный, а преподобный Антоний как был в мантии, так и упал ему в ноги. „Брате мой, брате мой погибающий! Я за тебя, за душу твою обязан дать ответ пред Господом: ты не пошел на святое послушание – пошел я за тебя. Умилосердись, брате мой, и над собой, и надо мною, грешным!“ Говорит у ног своего послушника, сам плачет, а под мантией его – целая лужа крови. Она набралась в сапоги из открытых ран на ногах от стояния и при земном поклоне брату вылилась, как из ушата. Так и спас Преподобный немощного своего собрата. „Пока в духовных недрах России скрывается еще такая сила духа любви Христовой, жива еще, и будешь жива, святая Родина моя. Помилуй, Господи, если сила эта оскудеет!“ – так заключает поведавший о сем.

Преподобный Антоний окормлял не только иноков, но и многих мирян, находивших в нем мудрого руководителя. Духовные дарования его и даже само его смирение привлекали к нему всех, и потому келлия его наполнялась множеством посетителей мирских и монашеских, желавших принять от него благословение и духовное назидание. Слово его, как устное, так и письменное, по свойству своему простое, мягкое, всегда было растворено духовною солью и отличалось особенно какою-то меткостью и своеобразною выразительностью и силою.

Преподобный обладал удивительным дарованием не только влиять на души вопрошавших, вызывая в них чувства покаяния и страха Божия, но и мудро притом рассудить, как в каждом конкретном случае утешать эти души. Чаще всего при этом он старался подвести собеседника к тому, чтобы он как бы сам начинал вдруг видеть самого себя. Незаметно и нечувствительно привлекал Старец всех к сознанию душевных своих немощей. Так, однажды некто покаялся перед ним в некоторых согрешениях, а о других умолчал. Преподобный Антоний не стал обличать неполноту покаяния, но, напротив, сказал каявшемуся, что он своим покаянием порадовал Ангелов на Небеси, и этими словами возбудил в этом человеке великое сокрушение и усердие к совершенному очищению совести.

Никогда он не старался насильно убедить кого-нибудь: назидания свои предлагал не в виде заповеди, а более намеком или в виде дружелюбного совета; так искусно направлял общую беседу, что в течение ее, говоря в третьем лице или рассказывая как будто про себя, он как бы мимоходом и обличал, и наставлял своих собеседников. Часто случалось, что только по выходе от Старца посетитель, опомнясь, понимал, что какое-ни-

будь как будто к слову сказанное замечание прямо относилось к нему, к сокровенным его недоумениям и недостаткам и разрешало вопросы, которых он не задавал. Бывало, что некоторым он напоминал о случаях, которые они не только никогда ему не открывали, но и сами забыли.

Богодухновенное его слово имело такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался. Люди с непреклонным характером чувствовали, что упорство их сокрушалось, сердце их наполнялось новыми чувствами; от слов Преподобного возгоралось в них желание ни в чем не следовать своей воле и своему разуму, но всю волю свою предать святому Старцу. Под духовным влиянием преподобного Антония и по глубокой его отеческой заботливости люди, увлекавшиеся вольнодумством и светскою жизнью, делались искренними, ревностными и послушными чадами Святой Церкви; люди, предававшиеся суете и привыкшие к тому, чтобы все их причуды исполнялись, посвящали себя смиренной иноческой жизни; люди, потерянные в глазах общества и в собственных глазах, обращались к христианской жизни, отрекались мира и остаток дней своих посвящали Богу.

Как не может град укрытись верху горы стоя (Мф. 5, 14), так и дарования смиреннейшего Старца открывались многим преданным его чадам и даже посторонним посетителям. Одна девица, прощаясь со Старцем, шутя попросила его помолиться, чтобы Господь помог ей выйти замуж. „Да ведь вы не хотите идти замуж“ – сказал он ей. „Хочу“, – настаивала она на своем. Через некоторое время, посетив Старца, она была встречена им такими словами: „Зачем вы меня все обманываете? Я вам хотел даже писать“. И отец Антоний напомнил ей о ее просьбе: „Я по вашему слову три раза принимался

молиться о том и три раза слышал голос: „Не то ей нужно! Зачем же вы меня обманываете?“

Так же ясно о извещении свыше Старцу свидетельствует и другой случай. Одна особа, когда однажды преподобный Антоний устремил на нее проницательный свой взор, чистосердечно объяснила ему, что она боится, когда он так на нее смотрит: „Вы видите все мои грехи“, – прибавила она. „Напрасно вы так думаете, – возразил Старец. – О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, то я и знаю; а если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю“.

Занимавшийся у преподобного Антония письмоводительством послушник сообщает следующее. „В один вечер застал я Старца за перевязкою его больных ног, на которые без содрогания и постороннему зрителю нельзя было смотреть. Сочувствуя Старцу в его страданиях, сердце мое согревалось любовью к нему, и мыслил я так: вот Старец и не предполагает совсем и не знает, как я его сердечно люблю. Только что успел я это про себя подумать, он мне и говорит: „Вот я знаю, что П. П. очень меня любит“, – и спрашивает меня: „Верно ли я это говорю?“ На что я ему и отвечал: „Вы, Батюшка, справедливо изволите говорить, что я вас очень сильно сердечно люблю“ (2, 95).

Благодатное руководство преподобного старца Антония давало дивный плод. Девица из высшего светского круга, Екатерина Александровна П., провела немало лет в Петербурге в обычной светской рассеянности. Познакомившись со Старцем, она с горячей верой предалась его духовному руководству. Родственные связи не позволяли ей совершенно оставить мир, но она и среди мирской суеты проводила благочестивую жизнь и находила духовное утешение в частых посещениях Оптиной Пустыни, где проживала в гостинице.

Мудрое слово Старца, частая глубокая исповедь, откровение помыслов быстро подымали ее на духовную высоту. Наконец достигла она такого блаженного состояния, что помнила только церковь Божию и Старца.

Она имела духовное отношение к преподобному Антонию не более четырех лет и скончалась в тридцать лет. Блаженная, необыкновенная кончина ее показала всем, в какое короткое время и в какую высокую меру духовного возраста приходит человек евангельским путем блаженного послушания своему духовному отцу.

Она готовилась к смерти, как невеста к брачному венцу, со светлым лицом и радостным сердцем. За месяц до кончины она келейно была пострижена в монашеский образ с именем Евфросиния. До самой кончины своей она находилась в молитвенном настроении души, ни на минуту не выпуская из рук четок. За полчаса до кончины попросила зажечь свечи у всех образов и начала радоваться, говоря: „Так теперь весело на душе моей, будто праздник какой!“ Три дня во гробе была похожа не на умершую, а на спящую деву, и руки ее были мягкими, а не окостенелыми.

„Е. А. молится за всех нас, – писал преподобный Антоний ее сестре, – ибо жива душа ее. Я на светлый день Пасхи видел ее во сне, как наяву, во святом храме во время службы, в необыкновенной одежде златотканой, с золотой кадильницей в руках, что означает молитвы, приносимые ею ко Господу за всех. Вот какова ныне ваша возлюбленная Катинька, которая и об нашем спасении молится ныне Богу!“ (2, 111–117).

Пастырскую мудрость и высоту жизни преподобного Антония высоко ценили великие Оптинские старцы Макарий и Лев. Так, преподобный Лев говорил: „Отец Моисей и отец Антоний – великие люди...“ Преподобный Макарий называл отца Антония „и по сану, и по

разуму старшим и мудрейшим себя“. Примечательно и то, что старец иеросхимонах отец Макарий имел с ним духовное содружество, и назидательно было видеть, как они друг перед другом смирялись, „друг друга больше честью творяще“.

Всем была известна всецелая преданность Старца старшему брату отцу архимандриту Моисею как своему духовному отцу и начальнику. Назидательно и трогательно было видеть, как маститый старец с глубоким детским благоговением и искренней любовью смирялся перед отцом Моисеем как последний послушник.

Отец же Архимандрит, со своей стороны, искренне уважал брата, часто имел с ним, особенно в последние годы, духовный совет. Говоря с другими, часто повторял: „Он настоящий монах, а я не монах!“

Велика была сила молитвенного заступления преподобного Антония. Примеров этому приводится особенно много в записках бывшего директора К-ой гимназии С. И.

Когда С. И. вышел в отставку, в его имении не было дома, а жить в городе в наемной квартире при большом его семействе средств не хватало, приходилось постоянно входить в долги. С. И. обратился к преподобному Антонию за благословением строить дом в деревне.

Несмотря на то, что строить дом было не на что, Батюшка благословил. И произошло чудо: по молитвам и благословию Старца Бог неожиданно и совершенно невообразимо послал им все необходимое так, что за одно лето дом был практически построен.

Раз как-то ночью С. И. ехал из Людинова в село Макалки. Поднялась страшная метель. Они сбились с дороги, долго плутали, стали замерзать. Тогда С. И. стал молиться Богу, чтобы Он избавил от беды и указал путь ради молитв раба Своего старца Антония. Вдруг являются два незнакомых человека, выводят их к селу Мак-

лаки и убегают. Так Господь по молитвам преподобного Антония указал им путь (2, 101–102).

В деревне С. И. очень тяжело заболел, у него на спине образовался карбункул. Доктор сказал, что необходима операция, но надежды на благополучный исход болезни мало, учитывая преклонный возраст С. И. (ему было более семидесяти лет) и тяжесть заболевания. Больного повезли в больницу. В это время соседка ехала в Оптину, и С. И. просил через нее старца Антония помолиться о его выздоровлении. Преподобный Антоний передал, чтобы домашние молились и что С. И. поправится. И Господь, по молитвам Преподобного, сотворил чудо: воздвиг С. И. со смертного одра (2, 99).

Проживая в деревне, семейство С. И. часто бывало в нужде и затруднительных обстоятельствах. Случилось, что С. И. был угнетен великой скорбью от недостатков и от наветов даже близких людей. Вдруг неожиданно он получает письмо от старца Антония, который пишет: „Прочитайте вот такое-то житие, и Бог успокоит вас“. Это очень удивило С. И.: как Батюшка за сто верст узнал о его скорби? Это житие чудесным образом соответствовало печали С. И. и его обстоятельствам. Прочитав его, С. И. был поистине утешен и успокоен. Так, благодаря дару прозорливости преподобного Антония, он получил надежду и помощь Божию (2, 103).

В этих же записках приводятся примеры чудесных исцелений по молитвам Старца.

„Дочь моя, девица Е., очень долго была больна, – простудилась, открылся кашель, лекарства не помогали, начиналась чахотка. Мы просили отца Антония помолиться о ней; он обещал, и с тех пор она стала выздоравливать. Бог воскресил ее, она совершенно выздоровела и теперь здорова“.

В 1862 году скончался архимандрит Моисей. Кончина

брата глубоко отозвалась в сердце отца Антония. Скорбь его была невыразима. Он стал все более уединяться и готовиться к исходу. С этого же времени не оставляла его мысль о принятии великой схимы. Но, по глубокому своему смирению, он считал еще нужным испытать свою готовность к принятию оной, и только 9 марта 1865 года, когда Старцу исполнилось семьдесят лет, он был с благословения епархиального архиерея келейно пострижен настоятелем обители преподобным Исаакием в великую схиму. Новопостриженный схиигумен весь предался молитвенным подвигам и богомыслию. „Ведь я теперь новоначальный“, – говаривал он (2, 129).

От всегдашнего пребывания в молитве и преизобилия духовного утешения лицо его просветлело и сияло высокою радостью. Вообще по принятии великого ангельского образа все замечали в нем много нового – видимо, благодать в нем усугубилась.

Духом он отрешился от всего земного, и было заметно, что он, по милости Божией, знал о близости кончины. Так, некоторым лицам, посетившим его в 1864 году, он прямо предсказал, что они более его уже не увидят, а другим тут же объявил, что с ними однажды еще увидится перед смертью. Все это в точности сбылось.

От непомерных подвигов болезненность его и телесные страдания все более и более усиливались. Но, несмотря на это, он продолжал ходить в церковь, опираясь на палку, с трудом переступая с ноги на ногу и стелая от боли.

24 июня, в скитский праздник Рождества Предтечи, Старец понудил себя утешить скитян присутствием своим в их храме на Литургии. Но это посещение любимого им Скита было последним. 7 июля открылась во всей силе его предсмертная болезнь и продолжалась

ровно месяц. Телесные его страдания были весьма тяжки, но он переносил их с великою силою духовною, мужеством и покорностью воле Божией (2, 130).

До последней возможности принимал он всех посещавших его, а за некоторыми даже сам посылал. Старец спешил высказать каждому свое последнее слово на пользу. Как бы читая в душе каждого, говорил он то, что было для этого человека самым нужным, в немногих словах обнимал все главнейшие потребности каждого и преподавал всем наставления, исполненные такой духовной силы, что они проникали в самую глубину сердца, неизгладимо запечатлеваясь в нем.

Старец был особорован 21 июля, приобщался же в последние дни Святых Христовых Таин ежедневно. 7 августа Преподобный мирно почил о Господе (2, 134).

Несмотря на то, что богоносный Старец, по смирению своему, назначил себе место погребения не только не в церкви, но даже и вне монастырской ограды, на „новом“ кладбище, настоятель, по повелению епархиального архиерея, совершил погребение блаженно почившего схиигумена Антония в Казанском соборе, в том же склепе, где покоились останки его родного брата, преподобного старца Моисея.

Преподобный отец наш Антоний в продолжение всей своей подвижнической жизни жил не для себя, а для Бога и ближних. Он всею своею жизнью доказал, что истинное монашество возможно, и заповеди Христовы тяжки не суть; что еще возможны великие подвиги, подобные тем, о которых читаем в Четьи-Минеях и Патериках; возможны и искреннее совершенное смирение, и искренняя совершенная христианская любовь ко всем, возможны и те высокие духовные дарования, которыми сияли древние святые отцы, ибо *Иисус Христос вчера и днесь, Тойже и во веки* (Евр. 13, 8).

Так, по слову Евангелия Христова, в терпении стяжав душу свою, многими трудами, скорбями и болезнями вошел преподобный отец наш Антоний в Царство Небесное, в радость Господа своего Иисуса Христа.

Наставления старца Антония

Царствие Божие

Царствие Божие должно отыскивать не за оградой своей, а внутри, т. е. в сердце своем... Царствие Божие есть добродетельная о Бозе жизнь, т. е. чтобы во смирении, молчании и терпении стяжевать душу свою. И тако пребывая, узрите в себе мир Божий, т. е. Царствие Божие, и себя саму в Царствии Божиим узрите по кончине своей (3, 290).

Об уповании на Бога

...Кто крепко на Бога уповает, тому Бог во всем помогает (3, 24).

О молитве

Молитесь усердно Господу Богу, — писал он одному из своих духовных чад, — и хладное сердце свое разогревайте сладчайшим Именем Его; поелику Бог наш огонь есть. Оное призывание и нечистыя мечтания истребляет, и сердце согревает ко всем заповедям Его (2, 75).

Мир души

Вы жалуетесь, что не спокойны в духе и рассеянны. В таком случае не должно вовсе расслабевать, но дух свой разогревать то чтением духовным, то памятию вечности, то молитвою хотя краткою, говоря ко Господу: рассе-

янный ум собери, Господи, и ожесточенное сердце мое страхом Твоим смири и помилуй мя! (3, 284).

...Душевное спокойствие приобретается от совершенной преданности себя воле Божией (3, 41).

Благодарение Бога

...Сердце и устне, благодарящая Бога за все, привлекают к себе милостивое благоволение Его, а ропотливых не терпит Бог, аще не накажет. И в соображении друг с другом старайтесь друг друга ободрять, а не тоску наводить безумными суждениями своими (3, 99).

Богослужение

Без видимой Святой Церкви не могло бы быть и Святых Таин Христовых, без Которых человек не может наследовать живота вечного. Молитвословие церковное толикую имеет силу и важность, что церковное едино „Господи помилуй“ превосходит все келейныя духовныя упражненія, и потому-то святые отцы, предстоя во святом храме, воображали, что они предстоят на Небеси пред Престолом Божиим (3, 110).

Монастырь

Вы святую обитель нашу назвали своим Иерусалимом, но это наименование слишком уже велико; ибо в этом Иерусалиме вашем обитают люди наиболее убогие и притом не безгрешные. Но если вы, по смирению своему, приемлете их или считаете за праведников, то, по слову Господню, и мзду праведничу примете, толь-

ко бы дал Бог не пристыдиться нам пред вами, если не то увидите в нас (3, 73).

Причастие

...Весьма спасительно питать свою душу Нетленным и Святым Хлебом. Если бы случилось человеку в тот день умереть, в который он приобщался Святых Таин, то душу его приемлют святые Ангелы на руки свои, чести ради приобщения, и все воздушныя мытарства безбедно проходит (3, 139).

Духовный отец

Если же кто, надеясь на свой разум, думает не иметь нужды в руководителе, таковой скоро заблудит от пути правого. Почему и должны со слезами молить Господа Бога, чтобы даровал вам наставника или наставницу незаблудную; ибо по гнилости недугов нужен и врач или лекарка опытная и благоискусная. Потому и должно хворому искать не столько обильную и покойную больницу, сколько врача искуснаго (3, 229).

О духовном руководстве

Вы пишете, что от московских отцов такой пользы не находите, какую ощущаете от пустынных. Это может быть потому, что и пророки в отечествии своем от своих ни чести, ни доверия не имеют; а посему не они виновны, а те, которые без веры ищут пользы. Есть люди смиренные, которые от всякаго отца что-нибудь полезное усваивают; а также есть люди и несмиренные, которые не точию живым, но и отшедшим, то есть прославленным отцам Святой Церкви не во всем доверяют (3, 241).

Когда кого вопрошают, то по мере веры получают и пользу; кто приходит с малою верою, получает малую пользу, а кто с великою – великую. Случалось и мне вначале спрашивать Старца, как бы искушая: что-то он на это скажет? Ну уж и ответы такие выходили. А если положишь на сердце, что услышишь от Старца ответ Бога Самаго, то и Бог известит, и совсем человек другой станет, и услышишь, чего не ожидаешь (2, 85).

Нам дана власть разрешать грехи, а не разрешать на грехи (2, 88).

Благословение

...Весьма приятно то Богу, что делается с благословением, посему и мы с вами будем так жить, чтоб каждая ступенечка наша была благословленною (3, 330).

Болезнь

Когда человек будет снискивать дух бодрый, тогда, при всех немощах и недугованиях плоти, может быть спокоен и доволен своим положением (3, 126).

А когда б вы были всегда здоровы, по всему довольны и покойны, и веселы, то, кто знает, может быть тогда и вы, якоже и прочии человецы, уклонились бы в рассеянную жизнь и жили бы по вкусу нынешняго века. Но Бог, предвидя все, предохраняет нас, как Отец Милосердый, от всего бесполезного и Ему неугоднаго. А посему не смущайтесь вы и не испытывайте, почему случается не то, чего хочется, а то, чего никогда бы не хотелось; ибо Бог лучше знает, что для нас полезнее – здоровье или нездоровье. А наш долг с детскою покор-

ностию все принимать от Отца Небесного... и говорить: „Отче наш, да будет воля Твоя!“, или так говорить, как один старец богомудрый говаривал: „Пришла ко мне болезнь, слава Тебе, Господи! Болезнь моя увеличилась, слава Тебе, Господи! Болезнь моя сделалась неисцельною, слава Тебе, Господи! Ибо мне лучше быть на небе с Тобою, нежели с людьми на земле“. А по сему примеру даруй, Господи, и вам все случающееся благодушно переносить, и за все благодарить, и Бог спасения будет всегда с вами (3, 136).

...Болезни телесные посылаются человеку от Бога не всегда за грех в наказание, но иногда и по благоволению для освобождения или для предохранения нас от недугов душевных, которые не в пример опаснее телесных (3, 140).

К сему если посмотреть на человека здорового, и посмотреть на человека, долговременно страждущаго, и рассмотреть состояние души одного и другаго, то кого из них назвать блаженным или окаянным, — здорового или страждущаго? Например, вы в болезни своей сколько раз приносили раскаяние во грехах своих пред Господом Богом и пред духовным отцем, и приобщались Святых Таин? Между тем здоровому человеку некогда и подумать о грехах, и если случится поговеть однажды в год, то не столько из усердия, сколько из приличия, чтоб сказать: „И я нынче говела“. А исповедь бывает такая, — больше немая, т. е. ничего, кажется, нет на душе. Вы в болезни своей сколько из глубины души испустили пред Богом тяжких вздыханий, которые все видит и слышит Господь. Но у здоровых совсем бывает не то; если же и они когда вздыхают, то больше о том, когда долго не видят кого, когда давно не имеют весточки о чем.

Вы в болезни своей нередко орошали лице свое слезами, а здоровые люди вместо слез сколько каждый день потратят мыла на лице свое, чтоб было чисто, а об душе ни слова. Вы в болезни своей очи свои часто с молитвой обращаете к образу Христа Спасителя и к Пречистой Его Матери, а здоровыя дамы или девы вместо образа раз по сту в день посмотрят на себя в зеркало, а помолиться хорошенько или перекреститься, как должно, некогда. А посему вы ныне в болезненном состоянии своем блаженнее всех здоровых, окружающих вас, а к сему еще и вечное блаженство на Небеси приготовлено для вас от Господа Бога, о чем во страдании своем радуйтесь вы и веселитесь, и от вся души благодарите Милосердаго Бога, что у Него для страждущих приготовлено великое множество милости и утешения, которых в свое время получите вы за молитвы Богородицы (3, 147-148).

Вы слышали слово Христово, что *многими скорбми подобает внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22), а как мы с вами претерпевать скорби как должно не навыкли и трудиться до пота наравне с прочими не можем, то Господь устроил, чтобы поне <по крайней мере> лежа на одре приобрели спасение своей души; посему и благоволил посещать нас частыми болезнями (3, 342).

Учноведь

...Когда духовный отец, по данной ему от Бога власти, сказал вам: „прощаю и разрешаю ти от всех грехов твоих“, эти слова должно принять так, что языком его произнес оныя Сам Иисус Христос, и в ту же самую минуту разрешение оное подтверждается на Небеси Богом Отцем и Святым Духом. Видите, сколь милостив

Бог к кающимся грешникам!.. Одни только те грехи духовный отец разрешить не может, которые грешник с намерением утаивает от стыда и страха, каковых грехов и Сам Бог не прощает... Хотя бы мы с вами грехами своими превзошли от века всех грешников, то и в то время отчаяваться не должно в милосердии Божиим; ибо Он того ради и Сына Своего Единородного послал с Небес в мир, да спасет грешных; убо и нас с вами, премногогрешных, по велицей милости Своей спасет и наследниками Царствия Своего соделает (3, 236).

Крест

...Так устроено Господом Богом, пекущимся о душевном спасении нашем, чтобы всякий человек в жизни сей имел крест, который и должен он с детскою покорностью ко Отцу нашему Небесному несть, взывая к Нему из глубины своей души: „Отче наш! да будет во всем Твоя святая воля, точию не лиши мя Небесного Царствия Твоего!“ (3, 344).

Крестное знамение

...Советую вам, возлюбленным моим, дух благочестия сохранять в себе всеми силами своей души, т. е. ограждать себя крестным знамением и при ястии и при питии, и при выходе из дому и при входе, и при начинании всякого дела; ибо крестом ограждаемы и врагу бывают страшни, хотя неблагомыслящим и кажется это юродством, т. е. (говорят они): что скажут о нас? Но при этом должно воображать не то, что скажут люди, а то, что скажет нам Господь Бог на Страшном Суде за человекоугодие наше! Вот об этом-то должно подумать, а не о том, что высокоумные скажут, или подумают о нас (3, 16).

Диавол

Что нападает на вас диавол, о том сердечно скорблю, и прошу Бога, да разженные стрелы его против вас сокрушатся. Сей душегубец не иным чем отходит от нас, токмо молитвою и постом; и не иным чем гордая и бесстыдная выя его стирается, как токмо смирением. А как мы сразиться с ним не сильны, то посему святой Иоанн Дамаскин научает нас прибегать к Богу, и со смирением говорить: от юности моя мнози борют мя страсти; но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой!.. Притом замечено святыми отцами, что когда человек готовится к приобщению Святых Таин или ожидает встретить какой-нибудь великий праздник, то всеми силами старается диавол причинить человеку досаждение и тем смутить его душу, дабы день той проведен был не в радости о Господе, но в печали бесовской. Причины же к нападению на нас диавола бывают различны; но самая главная есть осуждение ближних наших, каковой грех, кроме блуда и кроме инаго искушения, оскверняет не тело точию, но и самую душу нашу... (3, 282–283).

Келлия

Я удивляюсь тому, что вам лучше нравится быть в нашей обители, чем в своей, и вы бываете у нас и веселее, и покойнее, и здоровее, чем в своей обители. Это я считаю искушением вражиим, который от истинной пользы влечет человека ко мнимой. Святой Иоанн Златоуст не одобряет, если кто, и в своей обители живя, часто и без нужды выходит из келлии, говоря так: „курица, аще часто излазит из своего гнезда, раждает дохлецы; тако и инок, часто исходя из своей келлии, делается бесплод-

ным“. А святой Исаак Сирин говорит: „если кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединенным“. К сему скажу вам и о себе самом, что я хотя и многогрешный и рассеянный человек, но весьма люблю свою келлию; и когда я остаюсь в ней один, тогда бывает у меня праздник на душе. А посему даруй, Господи, и вам усердие отыскивать внутри своей келлии Царствие Небесное, и если обрящете, тогда и вы можете сказать: *добро есть мне zde быти* (Мф. 17, 4) (3, 292).

Помощь родным

Вас еще печаливает и то, что родным своим не можете вы ныне помогать деньгами? Но и эту печаль возложите вы на Бога, Который лучше вашего видит их нужды и может более вашего утешить их в нужде; а наше пособие им должно состоять в усердной молитве о них (3, 387).

Смирение

Прошу вас не унывать, и о своем спасении не обезнадеживаться, ибо Господь не ради праведников, но ради грешников с небеси на землю сошел, дабы их спасти; убо посему и вас (купно и меня грешнаго) спасет. А что мы ныне не так живем, как древние отцы и матери, за то должны в мысли своей сами себя осудить и сказать: „горе нашему нерадению, горе нашему ленивству, горе нашему нетерпению, горе нашему непослушанию“, и прочее, и тако *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 20) (3, 9).

Человек смиренный живет на земле, как в Царствии Небесном, всегда весел и спокоен, и всем доволен (3, 61).

...Бог смиренным людям подает счастье во всем, и благодать во всем, а от несмиренного, и еже мнится имети, возмется от него (3, 52).

Истинно, горе тому человеку, кто не имеет смирения. Кто не умеет сам смиряться, того впоследствии будут смирять люди; а кого не смиряют люди, того смирит Бог (3, 98).

...Без смирения в духе спастись невозможно; а смирению от одних слов научиться нельзя, нужна практика, чтобы кто трепал нас и мял, и выколачивал кострику <строптивость>, без чего и в Царствие Божие попасть не легко, которое многими скорбми приобретается (3, 305).

Кто смирится, тот утешение в духе получит, а кто разгордится, тот после от совести своей терпит несносное огорчение. И так для инока победа есть смирение, а поражение есть неуступчивость и упорство (2, 202).

Устроение души

...Лучше пострадать за истину радуясь, нежели мирволить и кривить душою своею из человекоугодия (3, 19).

Сердечно сожалею я о душевных огорчениях ваших и о неприятностях по должности вашей и прошу Господа Бога о помощи Божией и подкреплении в несении сего нелегкаго креста, который, может быть, задумываете вы сложить с себя и засесть на безмолвие в свою келлию? Но скажу вам, многоболезненная мати моя, что вы свободою от должности не будете свободны от искушений и прискорбий, а только умножите оныя; ибо будут уязвлять ваше сердце еще большее, доколе не изженут, и ре-

кут на вас всяк глагол зол лжуще! А посему Бога ради до времени потерпите, ибо терпение убогих не погибнет, т. е. не останется без награды. К сему скажу вам словами святого Давида: чадо, *аще хочещи видети дни свои благи* (1 Пет. 3, 10), то удерживай язычек свой, т. е. ничего не говори дерзновенно м. Игумении и не делай никаких предосудительных замечаний противу Н. Н., и благо будет вам. Мне покойный старец мой батюшка отец Архимандрит Моисей в подобных случаях говаривал: а ты, брате, знай Бога да себя, так и будет с тебя (3, 348).

Послушание

Когда Сам Христос Спаситель наш послушлив был, не на время некое краткое, но до смерти, посему, если и мы с вами будем всегда послушливы, то будем всегда и счастливы. Но то наше горе, что лютая страсть самолюбия соделала волю нашу железною, то есть непреклонною к послушанию: часто представляется нам, что мы и умны, и лучше можем видеть других, и прочее (3, 242).

Пост

Святая Церковь гласит: пост есть не брашен ошаяние, но злых отчуждение, удержание языка от празднословия и пересудов, охранение от раздражительности, похоти отложение, и лжи и лести удаление. И кто так постится, того пост приятен бывает Богу, чего и желаю вам от души (3, 197).

Мирские увлечения

Вы жалуетесь, что все надежды мирския исчезли для вас; да и можно ли понадеяться на мир? Кому он не

польстил? Кому не солгал? Обещает он много, а дает очень мало. Одни только уповающие на Господа, по слову св. Давида, не погрешают, т. е. не обманутся в надежде своей! (3, 11).

Память смертная

Все мы теперь живем и ходим посреде сени смертной; ибо смерть не за морями, а у каждого за плечами. Страшимся за смерть одного и другого, но мысль о исправлении своем отлагаем впредь, когда язык наш немо будет говорить (3, 137).

Правило келейное

Обетов и канонов на себя не накладывайте никаких без одобрения отца духовного, с советом которого один поклон принесет вам более пользы, нежели тысяча поклонов своечинных, чему верьте без сомнения... (3, 239).

Чтение

Чтение духовных книг советую вам не оставлять; ибо бывает иногда и одна строка, прочитанная в добрый час, оценится дороже всего годового издания и останется навсегда в памяти (3, 18).

...Усердно прошу вас, как искренного друга, не набивать головы своей пустошью и вздором, но употребить память свою на прочтение книг, наиболее духовных и назидательных (3, 20).

Ко чтению себя принуждайте, которое мрак души прогонит (3, 100).

Терпение скорбей

Если вы хотите найти утешение в скорбях, обращайтесь немедленно сердце ваше ко Господу, Единому Утешителю, испытывайте себя, по слову Божию, т. е. кайтесь, исправляйте себя, веруйте и сердцем и душою во Иисуса Христа и прибегайте к Нему, как к Единому Спасителю нашему. Чем более вы будете молиться Богу в скорбях, тем скорее ощутите чувство сладкого утешения. *Призови Мя в день скорби своея,* – сказал Господь, – *и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. 49, 15). Злостраждет ли кто в вас, да молитву деет (3, 92).

Что с нами ни бывает, без поущения Божия не бывает, как сказано праведным Иовом: *якоже Господеву изволися, тако и бысть* (Иов. I, 21). И посему, подобно ему, должны благодушно переносить все, случающееся в жизни неприятное, и удерживать себя от ропотливости, и не говорить: „почему это так, а не так?“ Ибо, как говорит святой Исаак Сирий: „неси ты премудрее Бога?..“ (3, 113).

Какое бы ни постигло тебя огорчение, какая бы ни случилась тебе неприятность, ты скажи это: стерплю это я для Иисуса Христа! Только скажи это, и тебе будет легче. Ибо имя Иисуса Христа сильно; при нем все неприятности утихают, беси исчезают: утихнет и твоя досада, успокоится и твое малодушие, когда ты будешь повторять сладчайшее имя Его. Господи! даждь ми терпение, великодушие и кротость... (3, 264).

Конечно, легче бы было с сытым чревом и с мягкого пуховика, перевернувшись, да прямо в пресветлый рай; но туда со Креста дорожка проложена, ибо Царствие Божие не одною или двумя, но многими скорбми достига-

ется!.. Мы же с вами весьма бессильны и многогемошны, и подумать страшно о распятии, о железных гвоздях и копие! По крайней мере, претерпим, Бога ради, хотя косоу взгляд, холодноу прием и отказ в просимом, и хотя с сих ничтожных степеней начнем свое распятие; и Бог милостив, проберемся и мы за великими страдальцами в Царство Небесное! (3, 276).

Печаль

А о том, что жизнь проходит не без горя,— что делать? Ибо не было на земле ни одного счастливца, кто б прожил весь свой век без печали и без слез; поелику живем мы не в Царствии Небесном, а во юдоли плачевной. Но есть надежда, что сеюЩИИ слезами радостию пожнут. А посему и ты возверзи печаль свою на Господа, и Той тя препитает (3, 112).

Уныние

...Советую вам не отчаяваться и не унывать, а во всем на Бога уповать, Который силен есть сохранить и вас, и ваше дитя. Молитесь всегда Святой Троице и читайте: Пресвятая Троице, помилуй нас, и прочее до конца. И когда приходит, как темная туча, сомнение за жизнь, говорите: упование мое Отец, прибежище мое Сын, покровитель мой Дух Святой, Троица Святая слава Тебе! И Господь оживотворит надежду в сердце вашем на спасение Его (3, 120).

Смерть близких

Что ж касается до вашей печали о том, что родитель якобы без напутствия окончил жизнь, то сие нам неиз-

вестно; может быть кончина ему случилась мученическая, которая завершает все обряды; ибо известно, что и преподобного Афанасия Афонского строение церковное задавило, но душа его во благих водворилась у Господа. Многие и ныне умирают от грома, молний, от огня, от воды, от угара, от падений нечаянных и пр., и всех таковых кончина мученическая, в коей своею кровию очищаются грехи, и Святая Церковь наша особенное о них имеет ходатайство ко Господу (3, 157).

Празднословие

...Живя в одной келлии с другими и слыша праздные и бесполезные слова, тверди больше свой урок, т. е. мысленно взывай к Богу: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного“ – и спасешься от празднословия (3, 383).

Язык

Иногда и много говорится, а слушать нечего, а в другое время и одно услышишь слово, и оно остается на всю жизнь в памяти (3, 23).

Сон

...Пришли мне на память детские уроки из прописей, которые твердил я и писывал так: „аще кто хочет много знати, тому подобает мало спати, рано вставати и на помощь Бога призывати“. А ты, друг мой, очень нежишься и любишь более определенного тебе поспать, отчего и то перезабудешь, что прежде знала, как и св. Давид подтверждает, говоря: *уснуша сном своим, и ничтоже обретоша вси мужие богатства в руках своих* (Пс. 75, 6) (3, 254).

Ропот

Что касается до ропотливости вашей на Всеблагаго и Премилосердаго Господа Бога, что Он будто бы несправедлив и не признателен к вашим добрым делам и пожертвованиям, то такую ропотливость должно отнести или к высшей степени гордыни, или к крайнему неразумию. И за что же роптать? Чем обидел вас Бог? По моему мнению, за такую безрассудную ропотливость свою не только должно стыдиться людей, но и самих стен своей комнаты (3, 162).

Раздражительность

Насчет раздражительности своей должно всеми мерами стараться удерживать себя, дабы не приобрести себе несчастного навыка ко гневу, каковой несносный порок не столько замечен бывает в себе, сколько виден он в других, и гневающиеся все повинны бывают геенне огненной (3, 21).

Лечение

...Вы якобы имеете какую-то уклончивость от лечения, чего одобрить нельзя; ибо здравие есть высочайший дар Божий, которое и должно хранить, а растраченное возвращать медицинскими средствами (3, 409).

Соборование

Соборование святым елеем имеет благодатную силу врачевать не одне только телесныя болезни, но и душевныя недугования, а также дарует оставление грехов, вовсе забытых нами (3, 144).

Хранение сердца

...Чего око ваше не будет видеть и чего ухо ваше не будет слышать, то и на сердце ваше не взывает (3, 217).

Литература

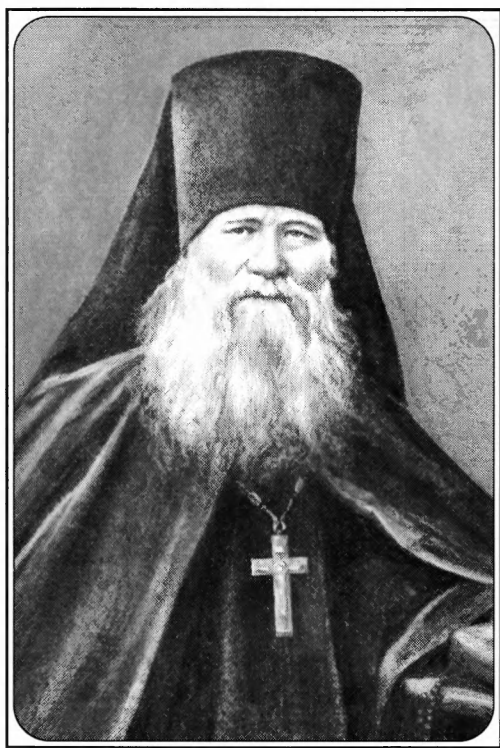
1. Малоярославецкий игумен о. Антоний (Оптинский) // Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Август. М.: Изд. Оптиной Пустыни, 1994. (Репринт).

2. Житие схиигумена Антония. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992. (Репринт).

3. Письма к разным лицам игумена Антония, бывшего настоятеля Малоярославского Николаевского монастыря. М.: Изд. Оптиной Пустыни, 1869.

4. Погожев Е. Н. (Поселянин). Игумен Антоний – настоятель Малоярославского Николаевского монастыря // Поселянин Е. Н. Русские праведники последних веков. Спб., 1917. Кн. 6. С. 380–416. Кн. 7. С. 417–427.

Житие
преподобного
Илариона,
старца
Оптинского

1805 — 1873

Преподобный отец наш Иларион, в миру Родион Никитич Пономарев, один из благодатного сонма великих Оптиных старцев, родился в сельце Ключи Воронежской губернии в 1805 году, в пасхальную ночь на 9 апреля и назван во святом крещении Иродионом, в честь апостола Иродиона. Его будущее монашеское имя Иларион, означающее в переводе с греческого „тихий“ и „радостный“, выявило то главное, что было свойственно этому подвижнику веры и благочестия: тихую, смиренную кротость сердца и постоянное

пребывание души в пасхальной радости о Воскресшем Господе (1, 25).

Родион был третьим сыном Никиты Филимоновича Пономарева и его супруги Евфимии Никифоровны, а всего в семье было четыре сына. Никита Филимонович был известным в округе портным, часто находился в отъезде, выполняя многочисленные заказы, и поэтому надзор за семейством и домашним хозяйством лежал на Евфимии Никифоровне, женщине достойной и богобоязненной. Родион рос тихим и молчаливым, сосредоточенным и впечатлительным, с явной устремленностью к созерцательности и углубленности в свой внутренний мир. Без сомнения, не без мудрой и благой цели промышлял о нем Господь, воспитывая и приуготовляя будущего духовного наставника монашествующих и мирян.

Следование заповедям Господним уже с младенческих лет стало для него непреложным законом. Вот характерный эпизод из отрочества будущего Оптинского подвижника. Однажды, собирая вместе с матерью ягоды в лесу, мальчик набрел на особенно плодоносное место и стал созывать оказавшихся поблизости своих деревенских сверстников. Мать попыталась воспротивиться этому: „Не зови их, сами здесь будем рвать, а они пускай на другое место идут“. Но малолетний сын ее, в искренности и непорочности своего детского сердца, ответил так: „Отчего же? Ведь Бог не дал для нас одних, а для всех зародил ягоды!“

Как видим, Господь воистину многое открывает младенцам из того, что утаено от понимания премудрых. И впоследствии не угасил Родион данный ему от юности светильник, но, постоянно поддерживая и питая его, сохранил сей пламень ярко горящим на пользу и просвещение многих.

Дом Пономаревых в Новохоперске, куда переехала семья, стоял на горе, откуда открывался обширный вид на приречную долину. Эта благодатная ширь и даль оставляла в душе восприимчивого юноши глубокое впечатление и зарождала в нем думы, для него в то время еще неопределенные и неясные, но тем не менее уже и тогда воскрылявшие дух его горе, к созерцанию дивной Божественной красоты и гармонии в этом премудро устроенном мире.

Мать предрекала своему сыну, еще в семилетнем его возрасте, будущее монашество. Да и сам отрок с детства чувствовал в себе стремление стать монахом. Первые соприкосновения с иноческой жизнью состоялись у него в тринадцать и семнадцать лет – во время паломничества с матерью к святыням Киево-Печерской Лавры.

Обучаясь в доме отца своего портновскому ремеслу, рассудительный юноша, помышлявший о монашестве, решил, что в монастыре как раз и пригодится ему эта профессия. Именно тогда утвердилось в нем убеждение, что ко всякому делу следует относиться добросовестно: то, что делаешь, надо стараться делать хорошо. А это как раз и есть то самое правило, на которое как новоначальным, так и возросшим в духовной жизни инокам святые отцы указывают как на необходимое условие для спасения и которое они в своих писаниях называют „хранением совести“. „Аще хочещи обрести исцеление души твоея, потреба имети велие прилежание и попечение, да сохраниши добре совесть свою, яко не обличает тя ни во единой вещи“, – читаем у святого Симеона Нового Богослова. Но не из богословских книг узнал Родион это сызмальства им взятое себе к руководству жизненное правило: то было семя, посеянное в его душе Самим Сеятелем. Роль же человеческого соизволения состояла в том, что, услышав слово Божие и

указание на это правило, юноша не оставил без внимания, уразумел и последовал неуклонно за заповеданным и принес плод многократный.

Будущий великий Оптинский старец, с юности навывая добрым нравам и сердцем своим горя любовью к Богу, стал помышлять о том, как бы угодить Ему. И такое поприще служения Господу и ближним открылось совершенно неожиданно для Родиона, в чем явственно было ощутимо действие Промысла Божия.

Будучи двадцати четырех лет от роду, Родион переехал вместе с родителями на жительство в Саратов. Ревностный исполнитель уставов Православной Церкви, он и дома старался вести строго благочестивую жизнь, живя в страхе Божиим и отечески наблюдая за неуклонным исполнением христианских обязанностей артелью своих рабочих.

На артель, состоящую человек из тридцати, Родион смотрел как на своих детей, за которых надобно будет дать отчет Богу. Он содержал их хорошо и строго наблюдал за их нравственностью. С юных лет воспитанный в страхе Божиим, искренно преданный Православной Церкви и строго соблюдавший ее уставы, он завел, что в воскресные и праздничные дни вся артель непременно бывала в церкви на всенощной и обедни. Кроме того, при помощи знакомого дьячка Покровской церкви он обучал своих рабочих церковному пению, и за работой они вместо светских песен пели песни духовные.

Во всех своих действиях Родион отличался чрезвычайной мягкостью, кротостью и миролюбием, а на рабочих действовал не угрозами или наказаниями, но разнообразными мягкими увещательными способами, влиявшими на нравственное их расположение (1, 56).

Так, еще в миру будущий Оптинский духовник возымел от Господа промыслительную возможность обу-

читься начаткам духовного наставничества, что станет впоследствии важнейшим делом его пастырского служения.

Во время пребывания Родиона в Саратове были относительно него два брачных предложения. Но в судьбах Божиих было о нем предопределено иное, и оба эти предложения не состоялись: одно по особому действию Промысла Божия – вследствие скоротечной болезни и кончины девицы, а другое – по нерасположению к браку самого Родиона.

В эти годы Саратов был наводнен множеством раскольников. Секты враждовали между собой, сходясь только в одном: в ненависти к православным, которых в сравнении с ними было меньше. Кроме того, многие из православных, долго находясь среди раскольников, пребывали в состоянии двоедушия и сомнения.

Именно в этот период Господь открыл Родиону новую возможность для служения людям – служение миссионерское, апостольское, способствовавшее возвращению в лоно Матери-Церкви многих и многих заблудших и погибельно отпавших от нее душ раскольников. Известный в Саратовской губернии старец Семен Климыч посоветовал ему заняться собеседованием с раскольниками с целью побудить их присоединиться к Православной Церкви, ибо прямая обязанность истинного христианина – попечение о спасении ближних и особенно неправомыслящих о вере. Это и есть выражение истинной христианской любви, превосходящей другие благодеяния и состоящей в том, чтобы заблуждающегося научить, согрешившего исправить, погибающего изыскать и приобрести во спасение.

Родион начал вести беседы о вере, основываясь единственно на слове Божиим и на изъяснениях онога святыми отцами Церкви. Постепенно он подводил отпав-

ших от истинной веры к осознанию того, что, оспаривая Священное Писание и святоотеческое толкование, они превращались в противников Христа, Его слов и учения, то есть в „антихристов“. Этот новый оборот, который приняли собеседования, привел в движение раскольников, озадачил их и во многом способствовал убеждению в истине. Раскольники то и дело либо сами приходили к своим противникам, либо зазывали их к себе на беседы. Будущий отец Иларион стал с ними заниматься много и успешно.

Так, в Вольске, значительном городе Саратовской губернии, жил родственник купца, находящегося в близком общении с Родионом Пономаревым. Этот молодой человек попал под влияние раскольников. Его отец и родственники просили Родиона постараться удержать заблудшую овцу от окончательного совращения. Будущий старец проявил в этом промыслительном случае терпение, кротость, убежденность в истинах веры Православной и искреннюю готовность оказать помощь оступившемуся. С помощью Божией удалось возвратить молодого человека в Православие.

Известно также, что личными трудами и стараниями Родиона в разное время были присоединены к Православию несколько человек иных вероисповеданий.

Но не только успехи и радости сопровождали апостольское служение будущего старца – Промысл Божий скорбями и искушениями (терпение которых, по слову преподобного Петра Дамаскина, „порождает разум“) воспитывал его, обращая и неблагоприятные обстоятельства на личную пользу Преподобного и на успех общего дела братства.

Братство, возглавленное Родионом, стало известно далеко за пределами Саратова. Видя, что Господь благословил начальные труды успехами, Преосвященный

Иаков испросил у Святейшего Синода дозволения учредить в своей епархии миссию для обращения раскольников. Сохранились достоверные сведения о том, что Родион Пономарев был одним из самых ревностнейших и деятельнейших миссионеров. Но, рассказывая впоследствии в Оптиной Пустыни об этом периоде саратовской жизни, старец Иларион свое личное участие в делах миссии всегда оставлял в тени, проявляя столь свойственные ему скромность и смирение.

Так прошло девять лет. „Хотя мы и богоугодно старались жить, — вспоминал он в Оптиной Пустыни, — и, казалось, будто и делами благочестивыми занимались, но чувствовалось мне, что мы все еще не так живем, как бы следовало, что монахи лучше нас живут“ (1, 137).

Иноческая жизнь уже и в ранней юности привлекала его, а теперь, тридцати трех лет от роду, он серьезно задался вопросом: не настала ли для него пора вступить на этот путь. Отзвук первых впечатлений от давних паломничеств к Киево-Печерским святыням породил в душе его желание ближе присмотреться к монашеской жизни и к монастырям. В течение девяти месяцев ознакомился он с замечательными русскими обителями: Сарова, Суздаля, Ростова Великого, Белозерска, Тихвина, побывал на Соловках, в Почаеве, на Валааме, в Глинской и Пощанской пустынях. Именно в этих поездках Родион получил благословение непременно побывать у Оптинских старцев Льва и Макария. Так впервые, через подвижников из других обителей, была зримо явлена Родиону воля Божия, направляющая его стопы в Оптину Пустынь.

Приехав в Оптину, нашел он в старцах Льве и Макарии то, чего искала душа его. Отец Макарий много беседовал с будущим иноком, посещал его в гостинице, принося с собою какую-нибудь книгу для разъяснения предложенных им вопросов.

Возвратясь в Саратов и управившись со всеми мирскими делами, он вскорости вернулся в Оптину Пустынь, чтобы вступить на новый, трудный путь подвижнической жизни. Так на тридцать четвертом году от рождения, 13 марта 1839 года, Родион Промыслом Божиим был определен на жительство в Оптинский Иоанно-Предтеченский Скит, в келлию по соседству с келлией игумена Варлаама, только что прибывшего с Валаама. Наряду с руководством старцев Льва и Макария, обрел Родион в первое же время скитской жизни и еще одного опытного наставника – Валаамского подвижника, оказавшего благотворное влияние на духовное преуспеяние новонаначального (1, 141).

Как и другие братия, он исповедовался у скитоначальника преподобного Макария, а на откровение помыслов ежедневно ходил в монастырь к преподобному Льву, до самой кончины которого в 1841 году получал он уроки смирения, любви и кротости.

Вступая в 1839 году в должность скитоначальника, преподобный Макарий избрал себе в келейники Родиона, который 13 августа 1849 года был пострижен в мантию и стал иноком Иларионом (4, 178). С принятием на себя должности келейника отец Иларион, еще в миру бывший ревнителем веры и благочестия и наставником многих, предпринял трудный подвиг очищения своего собственного сердца от внутренних движений самолюбия, самомнения и прочих страстей, подъяв на себя спасительный крест полного послушания своему духовному наставнику старцу Макарию, предав и волю, и помышления в полное его подчинение (1, 145).

Должность келейника, которую исправлял отец Иларион в течение двадцати лет, ставила его в постоянное тесное общение со Старцем, что особенно благоприятствовало достижению твердого, прочного, испытанно-

го многими искушениями отсечения своеволия. По вере своей отец Иларион много пользовался примером богоугодной жизни старца Макария, исполненной любви, смирения, кротости и простоты. Насколько велика была преданность отца Илариона своему Старцу, свидетельствует одно происшествие. Однажды преподобный Макарий отлучился из обители для посещения духовных детей своих. В пути экипаж опрокинулся в ров, и Старец получил вывихи и сильные ушибы, о чем и было сообщено в Оптину Пустынь. В это время отец Иларион был тяжело болен. Однако, получив это известие, он немедленно, забыв собственное недужное состояние, поспешил с врачом к своему духовному отцу, проехав около трехсот верст на перекладных по плохой осенней дороге.

Было у инок Илариона и еще одно послушание – садоводство и цветоводство. После правила, на заре, когда вся братия уже разошлась по келлиям, у инок Илариона в саду шла работа: он прививал деревья, обмазывал яблони, сажал цветы. Любителям цветоводства было чем полюбоваться, посещая Скит, покрытый благоухающими цветниками, – трудно было поверить, что все это дело усердия одного человека, неувядаемый плод послушания и любви к своему наставнику.

Кроме того, преподобный Иларион нес немалые труды и по другим послушаниям скитского хозяйства. Он устроил пасеку, занимался разведением рыбы.

10 февраля 1853 года отца Илариона рукоположили в иеродиакона (1, 155). Будучи диаконом, время, назначенное для отдыха и сна, отец Иларион употреблял преимущественно для чтения отеческих писаний. Для сна он до самой своей кончины отводил не более четырех часов в сутки. По благословению Старца отец Иларион завел домашнюю аптечку и занимался лечением

братии обители и Скита, для чего хаживал к больным и часто исполнял дело фельдшера. Поздней осенью и зимой он занимался еще и ложечным рукоделием.

Старец Макарий, следуя примеру святых отцов и древних подвижников, признавал особую важность телесного труда в деле монашеского воспитания. Через многолетний навык к ежеминутному понуждению себя ко всяким трудам телесным и нравственным, преподобный Иларион обратил трудолюбие и презрение своей воли и покоя как бы в свою природу. Сполна исполнились на нем слова аввы Дорофея: „Инок есть присный понудитель естества“.

В предсмертные дни преподобного Макария многие его духовные чада были переданы им отцу Илариону, ставшему 21 апреля 1857 года иеромонахом (4, 178). Это было начало его духовнического пути, облагодатствованного преемственностью старчества.

На вопрошения Белевской игумении Павлины: „На кого вы нас оставляете, Батюшка?“ – старец Макарий указал на преподобных отцов Илариона и Амвросия и тут же позвал отца Илариона из другой комнатки, сказав: „Не оставь игумении!“ На слова отца Илариона: „Батюшка, я недостойн и сам ничего не знаю“ Старец отвечал ему: „Не оставь ее!“ Мать игумения поклонилась отцу Илариону в ноги.

Тотчас по кончине преподобного Макария руководство отца Илариона предали себя, кроме Белевской игумении Павлины с большею частью сестер ее обители, еще несколько ближайших учениц покойного Старца, сестры Севского монастыря, среди которых были и племянницы отца Макария.

Великолуцкая игумения мать Палладия со многими сестрами, настоятельница Каширская мать Макария с сестрами, Великоустюжская игумения мать Назарета

со многими сестрами и иные имели своим духовным отцом и руководителем преподобного старца Илариона.

Из мирских лиц, предавших себя духовному руководству преподобного Илариона, упомянем преданную духовную дочь покойного старца Макария, благотворительницу Наталью Петровну Киреевскую.

Уже после смерти старца Макария, 8 апреля 1863 года, отец Иларион вступает в должность скитоначальника и духовника обители (4, 178).

Попечением преподобного Илариона в 1864 году была осуществлена задуманная еще старцем Макарием замена двух нижних подгнивших венцов в скитской церкви на новые. Одновременно было решено почтить память Старца устройством при церкви придела в честь преподобного Макария Египетского. Эта работа и была с помощью Божией благополучно закончена за четыре месяца (1, 164).

Много потрудился отец Иларион и над другими скитскими постройками, в том числе над устройением иконостасов, помещений для чтения Псалтири, ремонтом братских корпусов.

И по управлению, и по духовничеству старался Преподобный поддерживать те порядки, которые были заведены его почившим учителем. По воспоминаниям братии, наставления отца Илариона были кратки, ясны, просты и имели силу убедительности, потому что он сам первый исполнял то, что советовал братии.

Старец учил, что по своей воле никто ничего не должен делать и начинать, хотя бы что и доброе было: келейное, молитвенное правило, чтение какой-либо книги, пощение, рукоделие и всякие другие подвиги или труды, – но прежде объявить о них своему духовному отцу, со смирением просить его совета и положиться на его рассуждение.

Ищущий спасения должен добровольно и чистосердечно открывать отцу все свои помыслы, как добрые, так и порочные.

Враг ратует на нас чрез помыслы, развращая ум и сердце и обременяя их страстями, которыми мы порабощены, а чрез откровение помыслов получается и прощение, и примерное духовное наставление о том, как побеждать мир, плоть и диавола. „Не стыдись, – говорил он, – обнажать струпы твои духовному наставнику, будь готов принять от него за грехи свои и посрамление, чтоб чрез него избежать вечного стыда“. Учил также Старец иметь любовь и послушание к настоятелю, хотя бы и случалось когда понести от него оскорбление, обличение, выговор или даже наказание, хотя бы и незаслуженные.

„Все пришли, – учил преподобный Иларион, – ради Бога душу свою спасти; будем же помогать друг другу, ибо брат от брата помогаем, яко град тверд. Будем стараться быть примером для младших, располагать их к себе любовью, чтобы и между ними сохранились мир и единокровие. Тогда и послушание будет легко и полезно обители, а главное, будет благоприятно Богу“.

Учил немощи и недостатки подчиненных нести благодушно, ибо не у всех одинаковые способности и произволение к делу, к слабосильным и немощным должно быть более снисходительным. В случае чьей-либо неисправности или упущения должно сделать замечание или выговор без гнева, с кротостию, сообразуя с устройением каждого, чтобы не оскорбить и не ожесточить брата, а воспользоваться его. „Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанною молитвою и самоукорением не утишится твое сердце; а тогда можешь говорить с братом. Если нужно вразумить брата, а ты видишь, что

он возмущен гневом или смущен, не говори ничего, чтобы еще более не раздражить его. Когда же увидишь, что и ты, и он покойны, говори не укоряя, а с кротостью. Иногда нужно быть и строгим, и взыскательным, но не столько к другим, сколько к самому себе“.

Младших Преподобный учил оказывать старшим почитание, избегать прекословия, ни с кем не быть дерзким, отнюдь не оскорблять. „Когда старший, – увещевал преподобный Иларион, – делает тебе замечание или выговор, который не соответствовал твоему ожиданию, и если это даже случится и при других, ты перемолчи и со смирением скажи: „прости Бога ради“; ибо сказано: „уготовихся и не смутихся“. Ничего ты этим не потеряешь во мнении других, а, напротив, выиграешь. Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а гордым Бог противится, смиренным же дает благодать. Вспомни, что если бы ты был и прав или не так в этом случае виноват, как говорят, то все же мы пред Богом все виноваты и во грехах, аще и один день будет жития нашего на земли. Господь же туне оправдывает только тех, которые в сердце своем сознают себя великими грешниками“ (1, 181–182).

Много занимался он с изъявившими желание поступить в братство, чтобы уяснить себе их внутреннее устройство, и советовал сначала пожить некоторое время в обители в качестве паломника, ходить ко всем службам, испытать себя, присматриваясь к установленным в монастыре порядкам и послушаниям. Если замечал истинное призвание Божие, то благословлял готовиться к генеральной исповеди, а затем, причастившись, помолиться на могилках старцев Льва и Макария и испросить их помощи, согласия и содействия к предначинаемому делу.

„Послушание, – поучал преподобный Иларион, – должно проходить с хранением совести, без небрежения, лености и невнимания, должно наблюдать за собою и быть внимательным ко всем своим даже незначительным действиям, тогда и в важных делах будешь так же серьезен и послушлив. Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь Имени Божия, ибо занятия, освященные молитвою, будут благотворны для нашего душевного спасения“. Старец обыкновенно внушал, что всякое послушание – хождение за больным, работа в трапезной, огороде или какое бы то ни было иное, хотя бы и самое маловажное, должно быть исполняемо со страхом Божиим, со всяким вниманием и осторожностью, ибо всякое послушание есть дело Божие, а сказано: *Проклят всяк творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

Терпеливо наставлял старец Иларион о незлобивом и безгневном перенесении оскорблений, учил принимать их с самоукорением, как посланные Промыслом Божиим за грехи наши для душевной пользы, гнев же свой обращать не на оскорбившего, а на духа злобы и на себя.

Однажды двое немирствовавших между собой братьев попросили Старца позволить им лично между собой перед ним объясниться для прекращения ссоры. Выслушав доводы каждого, отец Иларион сказал: „Из слов ваших выходит, что вы оба правы...“ Каждый по-прежнему стоял на своем. Тогда Старец, видя их непреклонность к примирению, сказал им: „Ну, не ожидал я от вас таких плодов!.. Остаюсь один я виноват, что не научил вас самоукорению“. И, к изумлению их, Старец смиренно поклонился им до земли со словами: „Простите, Бога ради!“ Таким неожиданным поклоном своего наставника братья были глубоко тронуты, осознали свое самолюбие и виновность и просили Старца про-

стить их, обещая положить начало своему исправлению. Но опытный наставник не вдруг их простил, а только после еще некоторого испытания (1, 183).

Возгревая в своих пасомых любовь ко Господу, Старец предостерегал от какой-либо исключительной дружбы и приязни среди братии друг к другу, ибо это не соответствует монашескому жителюству и ведет ко вреду и скорбям, — ко всем должно иметь равную любовь о Христе и расположение.

Не было отказа у Батюшки и в приеме мирян: со всеми бывал он одинаково обходителен и внимателен. Свои беседы с посетителями и исповеди строил он таким образом, чтобы искусными вопросами пробудить воспоминание о нераскаянном грехе, по невниманию человека обратившемся в порочный навик, уяснить причину душевного недуга, вызвать сокрушение о грехах. Главную причину любых страданий видел он в нашем отступлении от Бога и в греховной жизни, поэтому врачеванию заблудшей души нередко целительно способствовала и предписанная Старцем епитимия. Состояла она обычно из молитв, покаянного канона, чтения кафизм, поклонов, раздачи милостыни, в прощении обид и оскорблений, примирении с обидевшими, возвращении долгов.

Дар исцеления душевных недугов, которым наделил Господь всех преподобных Оптинских старцев, в полной мере усвоен был и преподобным Иларионом. Различные причины этих болезней Старец распознавал не только через расспросы страждущих, но и иными, одному ему ведомыми путями, и выносил свое заключение. Непримируемая вражда, раздоры семейные, тяжкие нераскаянные грехи чаще всего были причинами заболеваний, а потому и врачевал Старец болящих, при помощи Божией, благодатию таинства покаяния, на дом же давал им богоявленную воду, артос и масло от

лампадок, горевших на могилах почивших преподобных старцев Льва и Макария.

Любовь его к страждущим была безгранична, о чем свидетельствуют хотя бы такие случаи.

Как-то попала к преподобному Илариону на исповедь упорнейшая душевнобольная, источавшая на него грубую, непристойную брань. Не обращая на это внимания, Батюшка все же добился, чтобы она пришла в полное сознание и покаялась в том грехе, за который так сильно страдает. „Вы бы ее, Батюшка, оставили, коль она такая“, – заметил кто-то, на что Старец ответил: „А у нее ведь душа такая же, как и у нас с тобой. Весь мир не стоит одной души!“ (1, 188–189).

Один молодой купец года два был одержим манией преследования, доводившей его до безумия. Он избегал людей, бродил с блуждающим взором, произнося бессмысленные слова. Старец Иларион долго занимался с ним и из расспросов дознал, что главная причина болезни его была вражда и непокорность отцу, которую он таил в своем сердце. Батюшка долго убеждал его оставить злобу и испросить у отца прощения, доказывая, что только после этого он может надеяться на помощь Божию и избавиться от болезни. Наконец, упорство его было мудро уврачевано, душа очистилась покаянием, и мир водворился в ней.

Кроме братии обители и массы приходящего народа, духовным руководством старца Илариона и его наставлениями пользовались, как уже упоминалось, многие насельницы женских монастырей. Старец вел с ними переписку, отвечая не только на вопросы духовной жизни сестер, но и вдумчиво рассматривая самые различные житейские обстоятельства, искушения, нужды. Сохранившиеся письма Старца не утратили своей духовной значимости и по сей день.

Как не может град укрытись, верху горы стоя (Мф. 5, 14), так не могла укрыться от внимания людей и высокая деятельность старца Илариона. Но наряду с доброжелательным отношением к нему были и случаи явной клеветы на Оптинского подвижника, и в этом горниле испытаний еще более закалилась душа его: не поколебалась мирность батюшкиного сердца, не расстроилась кротость его нрава. „Когда и на святых вопияли и соблазнялись,— говорил он,— то кольми паче мне можно потерпеть что-нибудь с благодарностью, к очищению грехов моих“. Но отвечая даже и своему недоброжелателю, кроткий Старец ни единым словом не обижал его, не раздражал, а, напротив, — прощал и разрешал от греха: „Да поможет вам Господь положить начало своему исправлению, не верить всякому слуху и клевете на ближнего и стараться зреть свои прегрешения“.

Несмотря на многочисленные свои занятия с монашествующими и мирскими особами, невзирая на слабость собственного здоровья, Батюшка с отеческой любовью входил во все нужды своих духовных чад, своим всецелым самопожертвованием ради спасения ближних, личным примером уча пасомых. „Под его руководством, — вспоминала игумения Палладия (Юрьевич), — всякая тягота душевная делалась удобоносимою, его любовь заставляла забывать все временные скорби и быть благодушною при всех обстоятельствах и трудностях жизни. Почти ежегодно посещала я святую обитель, и всегда, бывало, едешь туда с растерзанной, истомленной болезненными скорбями душой, нередко с твердым намерением скинуть с себя бремя начальства, а возвращаешься оттуда с обновленным духом, готовая смирить себя под всемогущую десницу Всевышнего и нести крест свой, пока угодно будет Его святой воле“.

Особенно содействовал Старцу в деле духовного

окормления многочисленных чад присущий ему дар прозорливости, который по чувству глубокого смирения он старательно скрывал от людей. Схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры старец Захария, еще в юности посетивший Оптину Пустынь, побывал и у прозорливого старца Илариона. Когда он подошел к его келлии, то про себя, совсем неслышно, сотворил молитву Иисусову. „Аминь“, – ответствовал через закрытую дверь Старец. Дверь отворилась, и он радушно и ласково принял Захарию. И сказал ему Старец, совсем не зная его и не имея понятия о его жизни и намерениях: „Что, матушка твоя померла? Смотри же, теперь не женись, а отец твой отпустит тебя в монастырь“ (2, 13).

Два случая проявления прозорливости преподобного Илариона связаны с его попечением о тех, кто находился на распутии жизненного пути, особенно при решении вопроса о вступлении в брак.

Мать одного благочестивого семейства, глубоко уважавшая советы Оптинского Старца, своего духовного отца, приехала в обитель посоветоваться с ним относительно замужества своей дочери. Три дня ходили мать с дочерью к Старцу в надежде услышать, кого из трех женихов укажет Батюшка. Но он молчал и только на четвертый день сказал: „Ну, дочка! Когда уж плыть, так плыть. Переплывешь – будешь человек. Видно, Богу так угодно“. Преподобный Иларион подразумевал, что много скорбей придется перенести девице по выходе замуж. И действительно, на первых порах очень трудно было ей в семействе мужа: скорби и огорчения выпали на ее долю – и крепкое здоровье порасстроилось, и духом начала она ослабевать. А по прошествии трех лет неожиданно все изменилось, здоровье снова вернулось к ней, зажили молодые в мире и радости, благословляя память старца-прозорливца (1, 194–195).

Однажды овдовевший молодой купец обратился через своего брата, поехавшего в Оптину Пустынь, за советом к преподобному Илариону и благословением на второй брак. Ответ же был таков: „Пусть он погодит еще годок да приедет к нам, и мы посмотрим, не годится ли он нам“. Не исполнил тот совета Старца – женился, но через три недели умерла и вторая жена. А через некоторое время он все-таки оказался в обители, был принят в Скит и пострижен в монашество.

Мудрость Батюшки была велика: хотя говорил он очень мало, но слова его имели благодатную святую силу, а потому, получив от него наставление, человек чувствовал в себе искреннее желание исполнить его. Знание сердца человеческого было у него такое, что нельзя было не изумляться.

Наступила весна 1872 года. 4 марта преподобный Иларион отслужил свою последнюю Литургию. Возвратясь в келлию, сказал: „Никогда так не уставал, должно быть, пришел конец мой“. 9 марта он принял пострижение в схиму с сохранением имени Иларион. Врачи опасались паралича сердца, но прозорливый Старец так сказал о себе: „Не верю снам, но думаю, что на этот раз останусь жив. Приснилось мне, что вокруг меня сильнейшая гроза: разразился необыкновенный удар грома, но меня миновал, и я остался жив“. Старец не раз повторял: „Нет другого пути, кроме терпения, без этого нет спасения“ (1, 217-218).

Рассуждая во время болезни о своем душевном состоянии, Старец находил, по обыкновению, повод прибегать к смирению, к которому навывкла трудолюбивая душа его. Батюшка говорил так: если человек одержим удобоисцеляемым душевным недугом, то и искушений чаша, по воле судеб Божиих, посылается более растворенная милосердием Божиим. „А у меня, – добавлял

он, — в глубине души лежат неудобоисцелимые страсти кичения, гордости, поэтому должно мне принять и более лютые и менее растворенные милосердием Божиим искушения“. Иногда он приписывал тяжкую болезнь свою тому, что, как старец и духовник, занимался более рассмотрением чужих немощей, а не своих, старался более о врачевании чужих грехов, а не своих.

В эти тяжелые предсмертные дни сподобился сей великий Оптинский старец утешения из Горнего мира. Ему и прежде неоднократно являлся в сновидениях преподобный Макарий, но теперь эти видения участились. В одном из них явившийся наставник сказал: „А я вот к тебе, Иларион, заехал... Я к тебе еще буду, заеду за тобой...“ (1, 229)

В продолжение своей болезни Старец обыкновенно причащался Святых Таин не реже чем через два-три дня, а с 17 августа 1873 года стал причащаться уже ежедневно и таким образом причащался в течение тридцати трех дней, до самой своей кончины включительно. Начиная с 22 августа Преподобный уже не мог ложиться в постель, не мог сам двигаться и до самой кончины своей сидел в кресле.

22 августа приехала Белевская игуменья мать Павлина проститься со Старцем. Он благословил ее иконой преподобного Илариона, а о сестрах сказал, чтобы желающие проститься приезжали не все вдруг, а по несколько сестер. „Еще время терпит, — сказал он, — я еще несколько недель проживу в кресле; в водяной болезни недели по четыре сидят“. Этими словами он, как впоследствии оказалось, как бы предназначил время своего сидения с 21 августа по 18 сентября, то есть четыре недели и один день. Перед кончиною своею он сказал: „Старцы, бывшие в водяной, все сидели перед кончиною своею, а мне, грешному, отчего не посидеть?“

Несмотря на чрезмерную болезненную слабость, на бессонницу, продолжавшуюся в течение почти двадцатимесячной болезни, на постоянную одышку, переходившую по ночам в удушье, на чрезвычайные боли, появлявшиеся в последние дни от некоторых болезненных припадков, Старец до последнего утра своей жизни ни разу не оставил исполнения положенных в Скиту молитвенных правил.

Дней за десять до кончины Старец сам подробно сказывал, что нужно приготовить для погребения после его кончины и в чем его положить; посылал к монаху, опрятывавшему братию, спросить поаккуратнее обо всем, что требуется. „У меня было все приготовлено ко дню кончины, — говорил Старец, — но власяницу свою кому-то отдал и прочее все раздал, теперь у меня ничего и не осталось. Займитесь не откладывая, а то тогда некогда будет!“

На рассвете 18 сентября 1873 года старец Иларион тихо и мирно отошел ко Господу. Погода, бывшая до того пасмурной и дождливой, в день кончины Старца прояснилась. При перенесении тела Старца в монастырь было так тихо, что не погасла ни одна свеча. Отпевание происходило во Введенском соборе, который был полон народа, освещен паникадилами и большими свечами, всем присутствующим также были розданы свечи. По отпевании происходило прощание со Старцем монашествующей братии и мирских. И уступила горечь утраты иному чувству — пасхальной радости о будущем воскресении из мертвых (1, 232).

Почитание памяти старца Илариона началось с первых же дней после его преставления. Тщанием казначея обители отца Флавиана было устроено, в ожидании будущего памятника, над могилой почившего застекленное помещение для распятия, пред которым неугасимо

горела лампада. Кроме того, по предложению духовных детей старца Илариона отец Флавиан предпринял устроить в честь и похвалу Батюшки церковь во имя преподобного Илариона Великого, его небесного покровителя. В день освящения сего храма присутствовавший на торжестве Калужский владыка Григорий сказал: „Да, старец Иларион великую стяжал славу“.

Почитание старца Илариона в Оптиной Пустыни выразилось также и в торжественных поминовениях его два раза в год – 18 сентября/1 октября в день кончины и 21 октября/3 ноября в день Ангела.

Но самая достойная память о Старце та, что осталась в сердцах его многочисленных духовных чад. Вот одно из таких свидетельств: „Мне случалось не раз после беседы с ним испытывать на душе такое спокойствие, такой рай, что решительно забываешь все земное. Это испытывали мы на себе и после того, как он уже скончался. Когда стараешься жить по его советам, бывает отрадно, легко; когда же, по немощи, впадаешь в искушение и сделаешь что-либо не так, как он учил, то бывает очень тяжело. Только с той минуты, как мы узнали его, мы поняли, что такое спокойствие духа, что такое мир душевный; и теперь, что единственно поддерживает в великих и постоянных скорбях житейских, – это память о нем. Вспомнишь его смирение, его терпение непостижимое, его любовь отеческую ко всем, его снисхождение к нашим великим недостаткам душевным, – и невозможно не обратиться на себя, не видеть свою нищету в сравнении с этим благодатственным отцом“.

Различные проявления даров Святого Духа изливались на многих и многих прибегавших к помощи смиренного Старца. Некоторые из сих благодатных действий были известны по своей открытости, но несрав-

ненно большая часть их осталась сокровенной в памяти благодарных сердец, обращенных ко Господу. Молитвенное обращение к Старцу за поддержкой нередко отзывается благодатным ответом.

Купеческий приказчик из Нижнего, средних лет, страдал несколько лет болезнью, не дававшей ему покоя. Он, по словам его, ощущал, что кто-то нашептывал ему мысли о самоубийстве. Подойдет он к воде – голос шепчет ему: „Зачем тебе больше жить на свете? Утопись!“ Увидит он огонь – голос внушает ему кинуться в огонь. Увидит он нож или какое острое орудие, голос внушает ему зарезаться, так как незачем ему оставаться на свете. Исхудалый, изнуренный, со впалыми от душевного недуга глазами, он приехал с матерью своею в обитель, был у Старца и на вопрос, от чего он страдает, объяснил, что, по его убеждению, он болеет оттого, что, когда ему было два года, мать прокляла его. Старец долго занимался с ним, подробно расспросил его, о чем находил нужным, и заключил, что причина болезни не та, которую он приводит, а другая, и болезнь послана ему в наказание за ложные взгляды относительно своей матери. Мать была добрая старушка и очень его любила и желала ему всякого блага, а он думал, что она сделала его несчастным на всю жизнь. Долго он не соглашался с мнением Старца. Наконец, на исповеди Старец, с помощью Божией, убедил его оставить ложное мнение, что его прокляла мать, и вместо того смириться перед нею и с чувством раскаяния испросить у нее прощения в оскорбительном мнении о ней. Исполнив наставления Старца, он удостоился принятия Святых Таин, и явился к Старцу уже в обновленном виде – покойный и счастливый; погибельных внушений он уже не слышал, совесть его умиротворилась, и душа его, освященная таинствами покаяния и

причащения, возвратилась к светлой жизни. Вернувшись в Нижний, он уже вел жизнь свою по наставлениям Старца.

Один купец тридцати пяти лет, Тульской губернии Богородицкого уезда, более года страдал душевной болезнью. Ему представлялось, что все насмеются над ним и над его действиями и что какие-то незнакомые ему люди, куда бы он ни пошел, преследуют его и намереваются лишить его жизни. Эти мысли ни днем, ни ночью не давали ему покоя, и он несколько уже раз приходил к мысли о самоубийстве и тем самым навоевал страх на все семейство. По убеждению матери И. В. приехал в обитель и объяснил свое положение старцу отцу Илариону. Старец несколько раз подолгу с ним занимался и нашел у него затаенный грех, который он не объяснил священнику, сомневаясь в прощении его. Старец убедил его, что нет греха, который бы не прощало человеколюбие Божие, если в нем каются, — и он на исповеди принес в нем покаяние и, получив разрешение, удостоен был причастия Святых Таин. При прощании Старец сказал ему: „Ну поезжай с Богом, теперь тебя преследовать и вязать не будут“. Так действительно и было: И. В. совершенно выздоровел от своего мучительного недуга (1, 192).

Житель города Белева, купеческий сын П. М., занимаясь у отца торговлей, долго страдал душевным расстройством, задумывался, подвергался безотчетному страху, причем часто и видимые предметы представлялись ему не такими, какими они на самом деле были. Наконец, он стал теряться рассудком. Прибыв в обитель, что сделать посоветовали ему родные, больной обратился к старцу Илариону. Старец исповедал его и помог ему советом. С 1870 года П. М. совсем остался в обители, впоследствии став мантийным монахом, хотя прежде не

только желания, но и мысли у него не было о монашеской жизни (1, 193–194).

Студент Московского университета, Тульский помещик А. П. А. дошел почти до полного неверия в Бога. Посетив проездом обитель, он имел продолжительные беседы со Старцем. Полные искреннего участия и теплоты слова преподобного Старца подействовали на молодого человека. Он согласился признать свои заблуждения, провел, по предложению Старца, в обители несколько дней, исповедовался, принес покаяние, сподобился принять Святые Таины, к чему пред тем уже несколько лет не приступал, и поехал в Москву верующим и благочестивым христианином (1, 194).

А вот что случилось с паломницей Марией Анисимовой, побывавшей в Оптиной Пустыни в 1995 году. Она рассказывала: „Осенью отец Наместник благословил меня пошить для братии Оптиной Пустыни теплые безрукавки. Работа эта у меня не получалась: и технологию я не знала, и швейная машинка то и дело ломалась, и я все никак не могла уразуметь, как сшить так, чтобы меньше было внутренних швов и чтобы получилось быстро и хорошо. Уже потеряла надежду и хотела или уехать из монастыря, или проситься на другое послушание. Но милосердый Господь вразумил меня дивным образом. Я читала в это время житие старца Илариона и из него узнала, что у него была мастерская как раз на той улице, где я жила в свое время в Саратове. Я пришла на его могилку и, как могла, со слезами просила Батюшку вразумить меня, грешную, как мне справиться с послушанием и хорошо исполнить дело. С могилки я пошла в пошивочную мастерскую, и вдруг у меня так хорошо все начало получаться, как бы само собой, что я даже поверить не могла. И пошила я братии с помощью Божией по молитве дорогого батюшки Илариона теплые безрукавки“.

И сегодня жива по-прежнему память о преподобном Оптинском старце Иларионе. Все, с верою испрашивающие молитв Оптинского угодника, памятующие о его глубокой любви к страждущим, получают просимое по его небесному заступничеству.

Всем сердцем, всею душою и всем помышлением Единого Бога возлюбив и Ему всею своею жизнью послужив, получил преподобный отец наш Иларион тихое упокоение в Горней Обители Божией, а с ним и великую благодать молиться пред Господом о прощении грехов и спасении душ наших.

Наставления старца Мариона

Об отношении к Церкви

Церковь есть для нас земное небо, где Сам Бог невидимо присутствует и называет предстоящих, поэтому в церкви должно стоять чинно, с великим благоговением. Будем любить Церковь и будем к ней усердны; она нам отрада и утешение в скорбях и радостях (1, 178).

О молитве

Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь имени Божия, ибо занятия, освященные молитвою, будут благотворны для нашего душевного спасения (1, 179).

Ты, верно, понимаешь, что хотя мы и должны молиться друг за друга, но не должны приписывать молитве своей чудодейственную силу, не должны думать, что просимое нами всегда Господом исполнится. Это мнение исходит от гордости и ведет в прелесть (1, 205).

Говоришь, что молила Царицу Небесную, что ежели угодно Ей поставить тебя на страшный путь (игуменства), то чтобы перемена эта совершилась во время моей жизни и ты бы могла руководствоваться моими наставлениями. Ни о чем таком не следует молиться. Молись только об оставлении согрешений твоих; думай о том, как бы только спасти свою душу (1, 206).

Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанною молитвою и самоукорением не утишится твое сердце (1, 181).

О покаянии

В случае какого-либо поползновения в делах, словах и мыслях – тотчас раскаиваться и, познавая свою немощь, смиряться и понуждать себя видеть свои грехи, а не исправления: от рассматривания грехов приходит человек в смирение и сердце сокрушенно и смиренно стяжевает, которого Бог не уничижит (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 25. 03. 1870).

О пользе от повседневной исповеди

О повседневной исповеди твоей пишешь, что чувствуешь в себе большую перемену и большую чувствуешь пользу, пиша о себе каждый день, и на сердце у тебя легко и хорошо, просишь объяснить твое недоумение, отчего с тобою так? – В этом действует таинство откровения или исповеди, которую ты пишешь, объясняя о себе, как на духу. И сама на опыте ты видишь – томившая тебя страшная тоска по написании оставляет – и это всегда так бывает от откровения... (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 13.12. 1870).

О посте

Пишешь, что прежде употребляла пищу в Великую Пятницу и, несмотря на это, изнемогала от поста, теперь же, благословившись от меня, совсем ничего не вкушала в Великую Пятницу и не чувствовала ни сла-

бости, ни головной боли, и приписываешь это мне. Не от меня это, а по твоей вере Господь тебе помог и укрепил... (1, 204).

О смирении и терпении

Когда, по пострижении в схиму, пришли к преподобному Илариону несколько братий принять его благословение и просить наставления, он, благословляя их, только и сказал: „Терпите находящая и спасетесь“ (1, 222).

Монашеское дело наше: смириться, да поклониться, да попросить прощения – тем и оправдан (1, 184).

О любви к ближнему

Замечания делай, – наставлял Старец, – не давая пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого. Знай, когда можно сделать замечание, а когда лучше смолчать (1, 181).

О скорбях

В ободрение скорбящих братий Преподобный часто говаривал: *еще Бог по нас, кто на ны?* (Рим. 8, 31). Потерпим немного и получим вечное блаженство. Предадим забвению все утехи и радости земные, – они не для нас. Сказано: *где сокровище наше, тут будет и сердце наше* (Лк. 12, 34); а сокровище наше на Небеси; поэтому будем стремиться всем сердцем к Небесному отечеству. Там все скорбное наше превратится в радость, поношение и уничижение – в славу, печали, слезы и воздыхания – в утешение, болезни и труды – в вечный безболезненный покой (1, 180).

Нельзя же прожить так, чтобы никто нас не опечалил или не оскорбил, а Апостол говорит: *яко многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22) и: *тяготы друг друга носите и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2). Будем поэтому просить, чтобы нам с самоукорением и смирением нести скорби, не быть побежденными от зла, но благим побеждать злое и с Пророком сказать: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6) (1, 179–180).

Ты скорбела о том, что по возвращении твоём из поездки с артосом Матушка приняла тебя холодно и с выговором за продолжительное отсутствие и не обратила внимания на твои и сопутствовавшей тебе монахини труды. Скорбеть не о чем. Ежели от Игумении не получила воздаяние за труды, то от Бога получишь (1, 206).

Пишешь, что тебя тяготила тоска и предчувствие какого-то неожиданного сильного прискорбия. Ничего не должно впредь предугадывать, а должно все, что Господу угодно будет послать, принимать и считать за великую милость (1, 206).

О послушании

Я прежде писал тебе и теперь повторяю то же, что все спасение твое состоит в твоём послушании, когда будешь проходить его по совести и благодушно. И это также писал, что послушание есть паче жертвоприношения и паче поста и молитвы, потому оно и спасительно, что с трудом и скорбию сопрягается; а ропот твой прогневляет Бога, за что и попускается тебе испытывать твои немощи, это самое и есть наказание Божие. А если бы ты проходила послушание твое с радо-

ственным предложением, то оно не было бы для тебя отяготительно и сестры были бы к тебе лучше, и все дела шли успешнее, помощь Божия посылалась бы тебе за твое тщание. Итак, призови в помощь Бога и положи начало не тяготиться послушанием, а с любовью и ревностью по Бозе проходить его, чего сердечно тебе желаю (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 25, от 27. 09. 1867).

Пишешь, что столкновение и соображение с людьми при твоём послушании обтесывает твоё устройство; благодари Бога, что Он так печется о твоём спасении, а при сравнении ты можешь видеть, насколько настоящее послушание полезнее твоей келейной прежней жизни; ты там была как святая, не знала всех своих немощей, а теперь они у тебя пред глазами и на каждом шагу представляются. Познавая их и смиряя свое мудрование при помощи Божией, полагай исправление (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 25, от 23. 01. 1868).

Об искушении

Отсутствие утешительного чувства и необъяснимая скорбь, которую ты ощущала в первый день Пасхи, были тебе внушены от врага. Одни только противники Христовы в этот день плачут, верные же все радуются (I, 204).

О своеволии и самочинии

Пишешь, что, не будучи от сильного расслабления в состоянии стоять, ты в церкви становилась на колени. Не следует самочинничать; должно или стоять, или уже сидеть. Глядя на тебя и другие будут становиться на колени, когда это не положено уставом (1, 203).

О тщеславии

Пишешь, что за заутреней тебя бороли тщеславные помыслы, говорившие тебе, что твое казначейство принесло монастырю счастье, что с тех пор, как ты казначеей, и Владыка стал милостив к матушке Игумении, и что ты этих помыслов стыдишься, — и надо стыдиться (1, 202).

Об Иисусовой молитве

С новоначальных не взыскивает Бог нерасхищаемой молитвы: она приобретается многим временем и трудами, как Писание святых отец говорит: „Бог дает молитву молящемуся...“ (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 25. 03. 1870).

Помысл мучает тебя, что если будешь горячо стараться о молитве Иисусовой, — впадешь в гордость. Если будешь как должно проходить молитву Иисусову, то ничего этого не будет (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 13. 12. 1870).

О послушании

...С нашей стороны должно быть только произволение с усердием к возложенной обязанности, а совершать все — дело Божие; сделается или что не сделается, как бы тебе хотелось, должна быть покойною, в чем и да поможет тебе Господь! (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 25, от 14. 10. 1867).

Рассуждаешь о том, что не хотела бы быть там-то и там-то, а хотела бы умереть, хотя бы послушницей, но

только в своем монастыре, о чем просишь Царицу Небесную. Свой же монастырь, впрочем, решила бы оставить, для того чтобы быть поближе ко мне. Это ты все составляешь свою волю, желая жить и умереть там-то, а не там-то и тому подобное, ты желаешь исполнять свои желания, чего мы не должны. Ни о чем таком не моли Господа, а молись, да будет на тебе Его Святая воля (1, 203).

О скорбях

Преподобный Иларион писал, что „оныя суть порождения собственных наших страстей и попускаются смотрением Божиим к нашей пользе, чтобы мы познали чрез это наше устройство и попеклись бы о исцелении оного заповедями Божиими, простирающимися даже до любления врагов“ (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 22. 12. 1868).

...Надо ожидать всегда скорбей и быть готовыми благодушно переносить всякую, которая найдет (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, б/д).

О смущении от помыслов

Помыслами не следует смущаться и, не смущаясь, призывать Господа; где смущение, там дух неприязненный действует (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, б/д).

О борьбе со страстями

Почему трудно бывает тебе от беспрестанного нападения страстей – чем больше желаешь противиться им, тем они более восстают? Есть в старческом предании

повесть, как бес говорил одному подвижнику, встававшему на молитву, – ложись и спи, с ленивыми мы не воюем; так и тут, сопротивление вызывает борьбу... (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, б/д).

О прелести

Пишешь, что иногда и чтение, и пение приводят душу в умиление и едва можешь удержать слезы, а иногда душа бывает, как камень и ничто ее не трогает. Не верь много этим слезам и умилению (1, 203).

Об осуждении

Спрашиваешь, ежели спросят твоего мнения про чей-нибудь характер, то как отвечать, правду ли, или еще как-нибудь придумать. Ежели правду, то не будет ли это осуждением? Должно стараться иметь о людях хорошее мнение. Один Бог сердцеведец, мы же не можем безошибочно о них судить (1, 202).

О молитве за обидящих

Мы молимся за обидящего, да и сердимся на него вместе, оттого и нет успеха: стало быть, это дело не нашей меры, а наше дело объясняться, изыскивать расположение у ближняго, и это, кажется, ближе к смирению... (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 27, от 15. 09. 1863).

О слезах

Можно ли давать волю слезам и плакать досыта? Это в келлии надо больше делать, прочти в „Лестнице“ ст. 7-ю и увидишь, с какой стороны они приходят. У

преподобного Варсануфия в отв. 391 и 458-м тоже говорится об осторожности в умилительных чувствах. Богатые люди хранят сокровища в закрепах, так и мы должны свои хранить и иметь осторожность (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 25. 03. 1870).

Не твое дело судить действия Игумении. Она над тобою, а не ты над нею приняла суд (1, 206).

Об откровении помыслов

На вопрос твой, какие исповедывать надо помыслы, <отвечаю:> только те, которые борют душу, а о прочих много беспокоиться не надо, а то чрез это они будут более стужать (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 17. 01. 1871).

О чрезмерном сокрушении

Сокрушение твое, замечаешь, стало превосходить меру, потому что чувствуешь невыносимую тоску. Чрезмерно сокрушаться не следует, это уже не от Бога (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, б/д).

Об отношении к юродивым

Твое рассуждение, что не следует доверять всем юродствующим, потому что многие из них находятся в прелестьи и обманывают других мнимым юродством, и что не следует также и осуждать их – правильно (1, 204–205).

О примирении

Ты верно понимаешь то, что ежели ты свое собственное сердце умиротворишь к гневающемуся на тебя,

то и его сердцу Господь возвестит примириться с тобою (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 04. 08. 1871).

О помыслах против старца

Если когда бывают относительно меня какие-либо недолжные помыслы или чувства, – не падай духом и не смущайся, а пиши (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, б/д).

О похвалах и хвалящих

Похвалам о себе не внимай и бойся их, помни – кто-то из святых отцев говорит: если кто хвалит тебя, жди от него и укоризну (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 26, от 29. 10. 1866).

О монашестве

...Проходя подвиг сей, избегай во всем приумножений и оскудений, а иди среднею стезею, памятуя слова св. Исаака Сирина, что „умеренному деланию цены неть...“ (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 14. 05. 1869).

О самохвалении

В помыслах самохваления надо смотреть свои грехи и помнить, что без помощи Божией мы ничего доброго и полезного не сделаем; наши – одни только немощи и грехи (3, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 12. 02. 1869).

О сне

Ложась спать, не должно иметь страха, что враг представит тебе что-нибудь дурное во сне. Когда так бу-

дешь бояться, всегда что-нибудь с тобой может быть (З, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 13. 12. 1870).

О воздержанности в пище

...Многоалчущей не надо быть, а употребляй пищу за обедом умеренно, ужин оставлять совсем не надо, соблюдай тоже воздержанность и ешь менее обеда (З, ф. 213, к. 63, ед. хр. 29, от 13. 12. 1870).

Литература

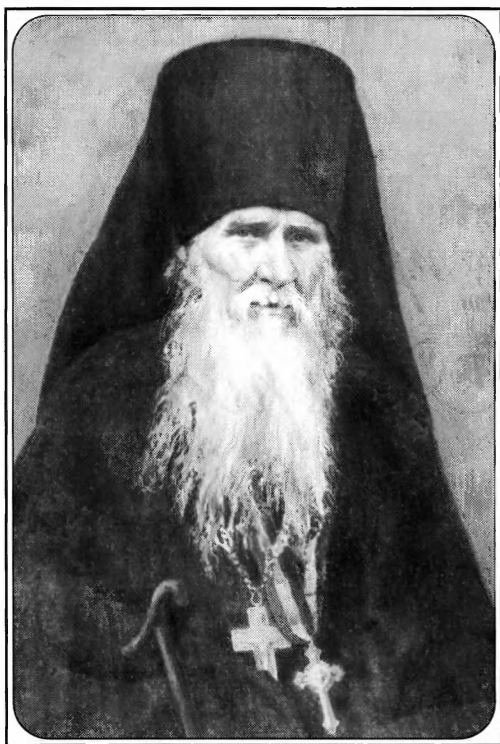
1. Житие иеросхимонаха Илариона. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1993.

2. Старец Захария, схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры: Житие, подвиги, чудеса. М.: Трим, 1993.

3. Собрание писем иеросхимонаха Илариона /РО РГБ. Ф. 213.

4. Летопись Скита Оптиной Пустыни: Избр. страницы 1845–1882 г. по материалам о. Варсонофия (Плиханкова)/Коммент. Р. В. Багдасарова//Православие и русская народная культура/Под ред. М. М. Громыко. М., 1994. Вып. 1. С. 87-180.

Житие
преподобного
Амвросия,
старца
Оптинского

1812 — 1891

Великий Оптинский старец преподобный Амвросий родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье пономаря Михаила Феодоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых. Перед рождением младенца к его деду, священнику этого села, съехалось много гостей. 23 ноября в доме отца Феодора была большая суматоха, — народ толпился и в доме, и перед домом. Родительница была переведена в баню. Старец часто шутливо говорил: „Как на людях я родился, так все на людях и живу“ (1, I, 4).

У причетника Михаила Феодоровича всех детей было восемь: четыре сына и четыре дочери; Александр Михайлович был шестым из них.

В детстве Александр был очень бойкий, веселый и смысленный мальчик. По обычаю того времени учился он читать по славянскому букварю, Часослову и Псалтири. По праздникам он вместе с отцом пел и читал на клиросе.

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, его отдали в первый класс Тамбовского духовного училища. Учился он хорошо и по окончании училища, в 1830 году, поступил в Тамбовскую духовную семинарию. И здесь учеба давалась ему легко. Как вспоминал впоследствии его товарищ по семинарии, „бывало, на последние деньги купишь свечку, твердишь-твердишь заданные уроки; он же (Саша Гренков) и мало занимается, а придет в класс, станет наставнику отвечать, — точно как по писаному, лучше всех“ (2, 12–13). В июле 1836 года Александр Гренков успешно окончил семинарию, но не пошел ни в Духовную академию, ни в священники. Он как будто чувствовал в душе своей особое призвание и не спешил определить себя к конкретному делу, как бы ожидая зова Божия. Некоторое время он был домашним учителем в одной помещичьей семье, а затем преподавателем Липецкого духовного училища. Обладая живым и веселым характером, добротой и остроумием, Александр Михайлович был очень любим своими товарищами и сослуживцами.

В последнем классе семинарии ему пришлось перенести опасную болезнь, и он дал обет постричься в монахи, если выздоровеет (1, I, 10). По выздоровлении он не забыл своего обета, но несколько лет откладывал его исполнение, „жался“, по его выражению. Однако совесть не давала ему покоя. И чем больше проходило времени,

тем мучительнее становились укоры совести. Периоды беззаботного юношеского веселья и беспечности сменялись периодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слез. Однажды, будучи уже в Липецке и гуляя в лесу, он, стоя на берегу ручья, явственно расслышал в его журчании слова: „Хвалите Бога! Храните Бога...“. Дома, уединяясь от любопытных взоров, он пламенно молился Божией Матери просветить его ум и направить его волю. Вообще он не обладал настойчивой волей и уже в старости говорил своим духовным детям: „Вы должны слушаться меня с первого слова. Я – человек уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вам, но это не будет вам на пользу“.

В той же Тамбовской епархии, в селе Троекурове, проживал известный в то время подвижник Иларион. Александр Михайлович пришел к нему за советом, и старец сказал ему: „Иди в Оптину – ты там нужен“ (1, I, 16). Когда наступили летние каникулы 1839 года, Александр Михайлович вместе с товарищем своим по семинарии и сослуживцем по Липецкому училищу Покровским, снарядив кибитку, отправился на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру поклониться игумену земли Русской преподобному Сергию.

Вернувшись в Липецк, Александр Михайлович продолжал еще сомневаться и не сразу мог решиться порвать с миром. Случилось это после одного вечера в гостях: было весело, многолюдно, все шутили, балагурили и поздно вечером, довольные и в прекрасном настроении, разошлись по домам. Что же касается до Александра Михайловича, если и раньше в таких случаях он чувствовал раскаяние, то теперь его воображению живо представился данный Богу обет, вспомнились ему горение духа в Троицкой Лавре и прежние долгие молитвы, воздыхания и слезы, определение Божие,

переданное через отца Илариона (1, I, 18). Наутро решимость его окрепла. Но, опасаясь, что уговоры родных и знакомых поколеблют его, он ушел в Оптину тайно от всех.

В Оптиной Александр Михайлович застал самый цвет ее монашества: таких ее столпов, как преподобный Моисей, преподобные старцы Лев и Макарий. Начальником Скита был равный им по духовной высоте старец Антоний, подвижник и прозорливец, брат преподобного Моисея.

Вообще все иночество под руководством старцев носило на себе отпечаток духовных добродетелей: простота, кротость и смирение были отличительными чертами оптинского монашества. Младшая братия старались всячески смиряться не только перед старшими, но и перед равными, боясь даже взглядом оскорбить другого, и при малейшем поводе немедленно просили друг у друга прощения.

Александр прибыл в обитель 8 октября 1839 года. Оставив извозчика на гостинном дворе, он сразу же поспешил в церковь, а после Литургии – к преподобному старцу Льву, чтобы испросить благословения остаться на жительство в монастыре. Старец благословил его жить первое время в гостинице и переписывать книгу „Грешных спасение“ (перевод с новогреческого) – о борьбе со страстями (4, 5).

В январе 1840 года он перешел жить в монастырь, пока еще не одеваясь в подрясник.

В это время шла канцелярская переписка с епархиальными властями по поводу его исчезновения и еще не последовал от Калужского архиерея указ Оптинскому настоятелю о принятии в обитель учителя Гренкова.

В апреле 1840 года Александр был, наконец, зачислен в число братства и одет в подрясник. Он был неко-

торое время келейником преподобного Льва и его чтением. Работал в хлебне, варил хмелины (дрожжи), пек булки (1, I, 26).

Затем в ноябре 1840 года его перевели в Скит. Оттуда молодой послушник не переставал ходить к преподобному Льву для назидания.

В Скиту он целый год был помощником повара. Ему часто приходилось по службе бывать у преподобного Макария – то благословляться относительно кушаний, то ударять к трапезе, то по иным поводам. При этом он имел возможность говорить Старцу о своем душевном состоянии и получать ответы.

Преподобный Лев особенно любил молодого послушника, ласково называя его Сашей. Но из воспитательных побуждений испытывал при людях его смирение. Делал вид, что гремит против него гневом, часто называл „химерой“, подразумевая под этим словом пустоцвет, который бывает на огурцах. Но другим про него говорил: „Великий будет человек“.

Предчувствуя близкую смерть, преподобный Лев призвал преподобного Макария и сказал ему о послушнике Александре: „Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень стал слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь“.

После смерти преподобного Льва послушник Александр стал келейником старца Макария.

Летом 1841 года Александр был пострижен в рясофор, а 29 ноября 1842 года – в мантию и наречен Амвросием (в честь святителя Амвросия Медиоланского, память которого 7 декабря). 4 февраля 1843 года отец Амвросий был рукоположен в иеродиакона, а 9 декабря 1845 года – в иеромонаха (4, 8).

Здоровье преподобного Амвросия в эти годы сильно пошатнулось. При поездке на иерейскую хиротонию в

Калугу 7 декабря 1845 года он простудился и заболел, получив осложнение на внутренние органы. С тех пор он уже никогда не смог по-настоящему поправиться (1, I, 40–41). Впрочем, он не унывал и признавался, что телесная немощь благотворно действует на его душу. И другим в утешение говорил: „Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения“.

В 1848 году иеромонах Амвросий был вынужден по болезни выйти за штат, будучи признан неспособным к послушаниям, и стал числиться на иждивении обители. С тех пор он уже не мог совершать Литургии; еле передвигался, не выносил холода и сквозняков, страдал от испарины, так что переодевался и переобувался по несколько раз в сутки. Пищу употреблял жидкую или протертую и кушал очень мало (1, I, 43–44).

С сентября 1846 года по лето 1848 года состояние здоровья преподобного Амвросия стало настолько угрожающим, что он был келейно пострижен в схиму с сохранением прежнего имени. Совершенно неожиданно для многих больной начал поправляться и даже выходить на улицу для прогулок. Этот перелом в течении болезни был явным действием силы Божией, а сам старец Амвросий впоследствии говорил: „Милостив Господь! В монастыре болеющие скоро не умирают, а тянутся и тянутся до тех пор, пока болезнь принесет им настоящую пользу. В монастыре полезно быть немного больным, чтобы менее бунтовала плоть, особенно у молодых, и менее пустяки приходили в голову. А то при полном здоровье, особенно молодым, какая только пустошь не приходит в голову“ (4, 7-8).

Не только телесными немощами воспитывал Господь в эти годы дух будущего великого старца. Благотворно действовало на отца Амвросия общение со старшей

братией, среди которых было немало истинных подвижников.

Особенно важным для духовного возрастания преподобного Амвросия в эти годы было его общение с преподобным старцем Макарием. Несмотря на болезнь, отец Амвросий остался по-прежнему в полном послушании у Старца, даже в малейшей вещи давал отчет ему. По благословению преподобного Макария он занимался переводом святоотеческих книг, в частности, им была подготовлена к печати „Лествица“ преподобного Иоанна, игумена Синайского.

Благодаря руководству преподобного Макария, отец Амвросий смог без особых преткновений обучиться искусству из искусств – умной молитве. Это иноческое дело сопряжено со многими опасностями, так как диавол старается ввести человека в состояние прелести, и со значительными скорбями, поскольку неопытный подвижник под благовидными предложениями старается исполнить свою волю. Инок, не имеющий духовного руководителя, может на этом пути сильно повредить своей душе. Преподобный Амвросий смог избежать бед и скорбей при прохождении умной молитвы именно потому, что имел опытейшего наставника в лице старца Макария. Последний очень любил своего ученика, что, впрочем, не мешало подвергать его ударам по самолюбию, воспитывая строгого подвижника смирения, терпения, нищеты и других иноческих добродетелей. Бывало, за отца Амвросия заступятся: „Батюшка, он человек больной!“ – „А я разве хуже тебя знаю? – скажет Старец. – Но ведь выговоры и замечания монаху – это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души; а без сего монах заржавеет“.

Отъезжая куда-либо, старец Макарий поручал духовное назидание отцу Амвросию. Игумен Марк, окончив-

ший жизнь на покое в Оптиной, рассказывал: „Сколько мог я заметить, отец Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему почти ежедневно для откровения помыслов и всегда почти заставлял его за чтением святоотеческих книг; если же не заставлял его в келлии, то это значило, что он находится у старца Макария, которому помогал в переписке с духовными чадами или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставлял его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил перед Богом или как бы ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8), а потому все, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Господу творить. Чрез сие он всегда был сетованен, боясь, как бы чем не оскорбить Господа, что отражалось и на лице его. Видя такую сосредоточенность своего Старца, я в присутствии его всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Ставшему мне, по обыкновению, пред ним на колена и получившему благословение, он, бывало, весьма тихо сделает вопрос: „Что скажешь, брате, хорошенького?“ Озадаченный его сосредоточенностью и благоумием, я, бывало, скажу: „Простите, Господа ради, Батюшка, может быть, я не вовремя пришел?“ – „Нет, – скажет Старец, – говори нужное, но вкратце“. И, выслушав меня со вниманием, преподаст полезное наставление с благословением и отпустит с любовию. Наставления же он преподавал не от своего мудрования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Если он учил духовно относившихся к нему, то в чине учащегося, и предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение святых отцов“.

Если же отец Марк жаловался отцу Амвросию на кого-либо обидевшего его, Старец, бывало, скажет: „Что

я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться пред братом, – и успокоишься“. Такой ответ вызывал в душе отца Марка самоукорение, и он, смиренно поклонившись Старцу и испросив прощение, уходил успокоенный и утешенный, – „как на крыльях улетал“ (1, I, 54–55).

Поручая духовному окормлению старца Амвросия некоторых из братии, преподобный Макарий знакомил его и с некоторыми боголюбивыми посетителями обители, искавшими окормления. По его благословению и указанию отец Амвросий часто вел душеполезные беседы и в хибарке, и вне ее ограды. Видя своего преданнейшего ученика, окруженного толпой и беседующего с народом, Старец иногда, проходя мимо, шутливо промолвит: „Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает!“

7 сентября 1860 года преподобный Макарий преставился. К этому времени отец Амвросий настолько преуспел в жизни духовной, что уже старчествовал в течение двенадцати лет по благословению старца Макария, успешно руководствуя своими духовными советами и наставлениями относившихся к нему в деле спасения. И вот теперь исполнились слова Троекуровского старца Илариона: „Иди в Оптину, ты там нужен“. Он действительно был крайне нужен в Оптиной, ибо никто другой не мог проходить сие великое служение с такою честью и славою и так продолжительно, как судил Господь болезненному старцу Амвросию (1, I, 60).

Через сорок дней после блаженной кончины преподобного Макария старец Амвросий перешел на жительство в другой корпус, вблизи скитской ограды, с правой стороны колокольни. На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая „хибаркой“. Тридцать лет (до отъезда в Шамордино) прожил

здесь преподобный Амвросий, самоотверженно служа ближним (1, I, 61).

При нем были келейники: отец Михаил и отец Иосиф, будущий преподобный старец. Главным письмоводителем был отец Климент (Зедергольм), сын протестантского пастора, перешедший в Православие, ученейший человек, магистр греческой словесности.

Для слушания утреннего правила поначалу Старец вставал часа в четыре утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали утренние молитвы, 12 избранных псалмов и 1-й час, после чего он наедине пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, Старец слушал часы: 3-й, 6-й с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковые акафисты он выслушивал стоя.

После молитвы и легкого завтрака начинался трудовой день с небольшим перерывом в обеденную пору. Пища съедалась Преподобным в таком количестве, какое дается трехлетнему ребенку. За едой келейники продолжали ему задавать вопросы по поручению посетителей... После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся – и так до глубокого вечера. Несмотря на крайнюю болезненность Старца, день всегда заканчивался вечерним молитвенным правилом, состоящим из малого повечерия, канона Ангелу-хранителю и вечерних молитв.

От целодневных докладов келейники, то и дело приводившие к Старцу и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам Преподобный временами лежал почти без чувств. После правила старец Амвросий испрашивал прощение, „елика согреших делом, словом, помышлением“. Келейники принимали благословение и направлялись к выходу. Зазвонят часы. „Сколько

это?“ – спросит Старец слабым голосом, ответят: „Две-надцать“. „Запоздали“, – скажет.

В 1862 году болезненного Старца постигла новая болезнь. Здоровье его, и без того слабое, еще более ослабело. С сего времени он уже не мог ходить на богослужения и даже причащаться должен был в келлии. В 1868 году состояние его здоровья было столь плохо, что стали терять надежду на поправление. Была привезена чудотворная Калужская икона Божией Матери. После молебна с акафистом, келейного бдения и соборования здоровье Старца поддавалось лечению, но крайняя слабость уже не покидала его во всю его жизнь. Такие тяжелые ухудшения повторялись не раз.

Трудно представить себе, как он мог, будучи пригвожденным к такому страдальческому кресту, в полном изнеможении сил, принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем. На нем сбывались слова: „Сила Божия в немощи совершается“. Не будь он избранным сосудом Божиим, через который Сам Бог вещал и действовал, такой подвиг, такой огромный труд не мог быть осуществим никакими человеческими силами. Животворящая Божественная благодать здесь явно присутствовала и действовала и, как из обильного источника, изливалась на души всех, притекавших к его духовному окормлению. Он имел высокий и ясный ум, непреклонную волю и любвеобильное сердце. Старец не только звал к свету и духовному обновлению, но и сам был светильником, который светил и привлекал всех, желавших спасения. Полный глубокого смирения, он исполнен был и бесконечной самоотверженной любви к ближним. Под животворными лучами этой божественной любви смирялось всякое горделивое сердце; холодные и окаменелые проливали благодатные слезы, колеблющиеся утверждались в вере. Преподобный был

одним из глубочайших знатоков сокровенных движений душ человеческих, опытейшим врачевателем духовных недугов, мудрым и любвеобильным наставником.

Дар проникновения в тайники душ человеческих у старца Амвросия удивлял и сразу располагал всецело отдаваться под его руководство. У людей появлялась уверенность, что Старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно [2].

Среди благодатных духовных дарований Преподобного, привлекавших к нему тысячи людей, следует в первую очередь упомянуть о прозорливости. Этот особенный дар, который Господь дает некоторым праведным людям, и благодаря которому праведник может предвидеть будущее и проникновенно созерцать даже сокровенные мысли и настроения сердца человека, очень часто проявлялся в старце Амвросии в период его старчества [2].

Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Легким, никому не заметным намеком он указывал людям их слабости и заставлял серьезно подумать о них.

Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросия, сильно пристрастилась к игре в карты и стеснялась сознаться ему в этом. Однажды на общем приеме она стала просить у Старца карточку. Преподобный внимательно, своим особенным, пристальным взглядом, посмотрев на нее, сказал: „Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?“ Она поняла намек и покаялась Старцу в своей слабости (1, I, 145). Одна молодая девушка, окончившая высшие курсы в Москве, мать которой давно уже была духовной дочерью преподобного Амвросия, никогда не видя Старца, не любила его и называла его „лицемером“. Мать все-таки уговари-

ла ее побывать у преподобного Амвросия. Придя к Старцу на общий прием, девушка встала позади всех, у самой двери. Вошел Старец и, отворив дверь, закрыл ею молодую девушку. Помолившись и оглядев всех, он вдруг заглянул за дверь и говорит: „Что это за великан тут стоит? А, это Вера пришла смотреть лицемера!“ После этого он побеседовал с нею наедине, и отношение к нему девушки совершенно переменялось: она горячо полюбила его, и судьба ее решилась – она поступила в Шамординский монастырь.

Кто с полным доверием предавался руководству Старца, никогда в этом не раскаивался, хотя и слышали они от него иногда такие советы, которые с первого раза казались странными и неисполнимыми.

Вот один из случаев прозорливости старца Амвросия, рассказанный одним из посетителей Старца – неким иконостасным мастером: „Незадолго до кончины Старца, годочка этак за два, надо было мне ехать в Оптину за деньгами. Иконостас там мы делали, и приходилось мне за эту работу от настоятеля получить довольно крупную сумму денег. Получил я свои деньги и перед отъездом зашел к старцу Амвросию благословиться на обратный путь. Домой ехать я торопился: ждал на следующий день получить заказ большой – тысяч на десять, и заказчики должны были быть непременно на другой день у меня в К. Народу в этот день у Старца, по обыкновению, была гибель. Прознал он про меня, что я дожидаюсь, да и велел мне сказать через своего келейника, чтобы я вечером зашел к нему чай пить. Хоть и надо мне было торопиться ко двору, да честь и радость быть у Старца и чай с ним пить были так велики, что я рассудил отложить свою поездку до вечера в полной уверенности, что хоть всю ночь проеду, а успею вовремя попасть. Приходит вечер, пошел я

к Старцу. Принял меня Старец такой-то веселый, такой-то радостный, что я и земли под собою не чувствую. Продержал меня Батюшка, ангел наш, довольно-таки долго, уже почти смеркалось, да и говорит мне: „Ну, ступай с Богом. Здесь ночуй, а завтра благословляю тебя идти к обедне, а от обедни чай пить заходи ко мне“. – „Как же это так?“ – думаю я. Да не посмел Старцу перечить.

Переночевал, был у обедни, пошел к Старцу чай пить, а сам скорблю о своих заказчиках и все соображаю: авось, мол, успею хотя к вечеру попасть в К. Как бы не так! Отпил чай. Хочу я Старцу сказать: благословите домой ехать, а он мне и слова не дал выговорить: „Приходи, – говорит, – сегодня ночевать ко мне“. У меня даже ноги подкосились, а возражать не смею. Прошел день, прошла ночь. Наутро я уже осмелел и думаю: была не была, а уж сегодня я уеду; авось денек-то мои заказчики меня подождали. Куда тебе! И рта мне не дал Старец разинуть: „Ступай-ка, – говорит, – ко всенощной сегодня, а завтра к обедне. У меня опять сегодня заночуй!“ Что за притча такая! Тут уж я совсем заскорбел и, признаться, погрешил на Старца: вот те и прозорливец! Точно не знает, что у меня по его милости ушло теперь из рук выгодное дело. И так-то я был на Старца непокоен, что и передать не могу. Уж не до молитвы мне было в тот раз у всенощной, так и толкает в голову: „Вот тебе твой Старец! Вот тебе и прозорливец! Свистит теперь твой заработок“. Ах, как мне было в то время досадно! А Старец мой, как на грех, ну, точно вот, прости, Господи, в издевку мне, такой меня после всенощной радостный встречает!.. Горько, обидно мне стало: и чему, думаю я, он радуется? А скорби своей все-таки вслух высказать не осмеливаюсь. Заночевал я таким-то порядком и третью ночь. За ночь скорбь моя

понемногу поулеглась: не воротишь того, что плыло, да сквозь пальцы уплыло... Наутро прихожу от обедни к Старцу, а он мне: „Ну теперь пора тебе и ко двору! Ступай с Богом! Бог благословит! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!“

И отпала тут от меня всякая скорбь. Выехал я себе из Оптиной Пустыни, а на сердце-то так легко и радостно, что и передать невозможно... К чему только сказал это Батюшка: „По времени не забудь Бога поблагодарить“? Должно, думаю, за то, что Господь в храме три дня подряд удостоил побывать. Еду я домой неспешно и о заказчиках своих вовсе не думаю: уж очень мне отраднo было, что Батюшка со мной так обошелся. Приехал я домой, и что бы вы думали? Я в ворота, а заказчики мои за мной; опоздали, значит, против уговору на трое суток приехать. Ну, думаю: ах, ты, мой старчик благодатный! Уж подлинно дивны дела Твои, Господи!.. Однако не тем еще все это кончилось. Вы послушайте-ка, что дальше было! Прошло с того времени не мало. Помер наш отец Амвросий. Года два спустя после его праведной кончины заболевает мой старший мастер. Доверенный он был у меня человек, и не работник был, а прямо золото. Жил он у меня безысходно годов поболее двадцати. Заболевает к смерти. Послали мы за священником, чтобы поисповедовать и причастить, пока в памяти. Только, смотрю, идет ко мне от умирающего священник да и говорит: „Больной вас к себе зовет, видеть вас хочет. Торопитесь, как бы не помер“. Прихожу к больному, а он, как увидел меня, приподнялся кое-как на взлокоточки, глянул на меня да как заплачет: „Прости мой грех, хозяин! Я ведь тебя убить хотел...“ – „Что ты, Бог с тобой! Бредишь ты...“ – „Нет, хозяин, верно тебя убить хотел. Помнишь, ты из Оптиной запоздал на трое суток приехать? Ведь нас трое, по моему уговору,

три ночи подряд тебя на дороге под мостом караулили; на деньги, что ты за иконостас из Оптиной вез, позавистовали. Не быть бы тебе в ту ночь живым, да Господь, за чьи-то молитвы, отвел тебя от смерти без покаяния... Прости меня, окаянного, отпусти, Бога ради, с миром мою душеньку!“ – „Бог тебя простит, как я прощаю!“ Тут мой больной захрипел и кончаться начал. Царствие Небесное его душе. Велик был грех, да велико и покаяние!“ (4, 15–18).

Прозорливость преподобного старца Амвросия сочеталась с другим ценнейшим даром, особенно для пастыря, – даром духовного рассуждения. Старец часто делал наставления в полусхематичной форме, чем ободрял унывающих, но глубокий смысл его речей несколько от этого не умалялся. Люди невольно задумывались и надолго запоминали данный им урок. Иногда на общих приемах слышался неизменный вопрос: как жить? В таких случаях Старец благодушно отвечал: „Мы должны жить на земле так, как колесо вертится: чуть одной точкой касается земли, а остальным стремится вверх; а мы как заляжем, так и встать не можем“. Дар рассуждения Старца простирался и на вопросы практические, далекие от проблем духовной жизни. Вот один пример.

Приходит к Батюшке состоятельный Орловский помещик и, между прочим, объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. Просит совета. „Люди говорят, – начинает Батюшка со своих обычных в подобных случаях слов, – что вот как всего лучше“, – и подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, читает об этом предмете; оказывается, Батюшка описал последнее изобретение по этой части. Помещик снова в Оптиной. „Ну, что водопровод?“ – спрашивает Старец. Тот отвечает: „Вокруг яблоки гнили, а у меня – богатый урожай“.

Рассудительность и прозорливость совмещались в старце Амвросии с удивительной, чисто материнской нежностью сердца, благодаря которой он умел облегчить самое тяжелое горе и утешить самую скорбную душу.

Одна жительница Козельска спустя три года после смерти Преподобного, в 1894 году, рассказывала о себе следующее: „У меня был сын, служил на телеграфе, разносил телеграммы. Батюшка знал и его, и меня. Сын часто носил ему телеграммы, а я ходила за благословением. Но вот сын мой заболел чахоткой и умер. Пришла я к нему – мы все к нему шли со своим горем. Он погладил меня по голове и говорит: „Оборвалась твоя телеграмма!“ „Оборвалась, – говорю, – Батюшка!“ – и заплакала. И так мне легко на душе стало от его ласки, как будто камень свалился. Мы жили при нем, как при отце родном. Всех он любил и обо всех заботился. Теперь уж нет таких старцев. А может быть, Бог и еще пошлет!“ (4, 19–20).

Любовь и мудрость – именно эти качества притягивали к преподобному Амвросию людей. С утра до вечера шли к нему с самыми наболевшими вопросами. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ. В продолжение такой беседы решался не просто один вопрос, в это время Старец вмещал в свое сердце всего человека, со всем его миром, внутренним и внешним.

Всех жаждущих напоял он живительной водой из благодатного кладезя – своей богопросвященной души. Его слово горело огнем неотразимого благодатного убеждения, оно согревало любовью каждое сердце. Слово Старца, показывая земную жизнь как подвиг временного странствования на пути к жизни вечной, звало людей к жизни истинно христианской, возвышенной,

духовной. Это было пророческое служение. Все свои силы, разум, сердце и волю отдавал Преподобный великому делу назидания и христианского руководства своих духовных чад. Он горел желанием всем помочь, всех утешить, всем спастись. Эта самоотверженная любовь к людям была характерной чертой Старца [2].

Мелочей для Старца не существовало. Однажды остановила Преподобного женщина, которая была нанята помещицей ходить за индюшками, но индюшки у нее почему-то колели, и хозяйка хотела ее рассчитать. „Батюшка! – обратилась она к нему со слезами, – сил моих нет, сама над ними не доедаю, – пуще глаз берегу, а колют. Согнать меня барыня хочет. Пожалей меня, родимый“. Присутствующие смеялись над ней. А Старец с участием спросил ее, как она их кормит, дал совет, как их содержать иначе, благословил и отпустил. Тем же, которые смеялись над ней, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. После сделалось известно, что индюшки у этой женщины уже не колели.

Что касается исцелений, то им не было числа. Эти исцеления Старец всячески прикрывал. Посылал больных в пустынь к преподобному Тихону Калужскому, где был источник. До старца Амвросия в этой пустыни не было слышно об исцелениях. Иногда преподобный Амвросий посылал больных к святителю Митрофану Воронежскому. Бывало, что исцелялись на пути туда и возвращались назад благодарить Старца.

Духовная сила Преподобного проявлялась иногда в совершенно исключительных случаях.

Однажды преподобный Амвросий, согбенный, опираясь на палочку, откуда-то шел по дороге в Скит. Вдруг ему представилась картина: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней плачет крестьянин. Потеря лошади-кормилицы в крестьян-

ском быту ведь сущая беда! Приблизившись к павшей лошади, Старец стал трижды медленно ее обходить. Потом, взяв хворостину, он стегнул лошадь, прикрикнув на нее: „Вставай, лентяйка!“ – и лошадь послушно поднялась на ноги.

Многим людям преподобный старец Амвросий являлся на расстоянии, подобно Святителю Николаю Чудотворцу – или с целью исцеления, или для избавления от бедствий. Некоторым, весьма немногим, открывалось в зримых образах, сколь сильно молитвенное предстательство богоносного Старца перед Богом. Приведем воспоминания одной монахини, духовной дочери преподобного Амвросия.

„В келлии его горели лампадки и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: „Батюшка, что сказать вам еще? В чем покаяться? – Забыла“. Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постели, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей келлии. Я невольно на коленях повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост, поднял голову и воздел свои руки кверху, как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его голову и лицо. Помню, что потолка в келлии как будто не было, он разошелся, а голова Старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту Батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: „Помни, вот до чего может довести покаяние. Ступай“. Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь проплакала о своем неразумии и нерадении. Утром нам подали лошадей, и мы уехали. При жизни Старца я никому не смела рассказать этого.

Он мне раз и навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозой: „А то лишишься моей помощи и благодати“.

Со всех концов России стекались к „хибарке“ преподобного отца нашего Амвросия бедные и богатые, интеллигенция и простолюдины. Его посещали известные общественные деятели и писатели: Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, А. П. Толстой, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, М. Н. Погодин, Н. М. Страхов и другие. И он принимал всех с одинаковой любовью и благорасположением.

Старец проявлял неустанную заботу об одиноких и обездоленных женщинах, многие из которых не имели даже своего пристанища. Он всячески старался содействовать устройству женских обителей.

В последние годы жизни Старца в 12 верстах от Оптиной, в деревне Шамордино, была устроена по его благословию женская Казанская пустынь, в которую, в отличие от других женских монастырей того времени, принимали больше неимущих и больных женщин. К 90-м годам XIX века число инокинь в ней достигло 500 человек.

Именно в Шамордино суждено было старцу Амвросию встретить час своей кончины. 2 июня 1890 года он, по обыкновению, выехал туда на лето. В конце лета Преподобный три раза пытался вернуться в Оптину, но не смог по причине нездоровья. Через год, 21 сентября 1891 года, болезнь усилилась так, что он потерял и слух, и голос. Начались его предсмертные страдания — столь тяжкие, что подобных им он, как признавался, во всю жизнь не испытывал. 8 октября преподобный Иосиф его пособоровал, а на следующий день причастил. В этот же день к Старцу в Шамордино приехал настоятель Оптиной Пустыни преподобный Исаакий. На

следующий день, 10 октября 1891 года, в половине двенадцатого, три раза вздохнув и с трудом перекрестившись, мирно отошел ко Господу Великий Оптинский старец. Великий утешитель, пастырь монашествующих и мирян, предстал с молитвой о нас, грешных, пред Престолом Царя Небесного (1, I, 133).

14 октября многочисленная процессия сестер обители направилась к воротам – Старец возвращался в Оптину Пустынь. В течение семи часов продолжалось перенесение тела почившего Старца в сопровождении бесчисленного множества народа и сонма священнослужителей [2].

Заупокойная Литургия с чином отпевания была совершена во Введенском соборе Оптиной Пустыни. На погребение съехалось около восьми тысяч человек. 15 октября тело преподобного и богоносного Старца было предано земле с юго-восточной стороны Введенского собора рядом с его учителем преподобным Макарием.

Сразу же после кончины начались чудеса: Преподобный, как и при жизни, исцелял, наставлял, призывал к покаянию.

Никогда не угаснет память об этом великом молитвеннике земли Русской. Поистине к нему приложимы слова ветхозаветного мужа, сказавшего: *Восхвалят разум его мнози, и до века не погибнет, не отидет память его, и имя его проживет в роды родов: премудрость его поведят языцы, и хвалу его исповестъ Церковь* (Сир. 39, 11–13).

И ныне молитвенным предстательством великого ее старца преподобного Амвросия Бог хранит обитель Оптинскую и всех, с верою и любовью призывающих святое имя его.

Наставления старца Авросия

О воле Божией

Напрошенный крест трудно нести, а лучше в простоте сердца предаваться воле Божией. *Не попустит бо Бог искустися паче силы, но сотворит со искушением и избытие* (Ср.: 1 Кор. 10, 13). *Егоже бо любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет. ...Аще же без наказания есте... убо прелюбодейчиши есте, а не сынове.* (Евр. 12, 6, 8) (1, II, 47).

Иди – куда поведут, смотри – что покажут, и все говори: да будет воля Твоя! (1, I, 104).

О заступничестве Царицы Небесной

Надо молиться и прибегать к Царице Небесной: помоги, спаси и помилуй (1, II, 69).

„Богородице Дево“ читать хоть с поясными поклонами, как одной, явившись во сне, сказала сама Божия Мать, прибавив, что это для ея же пользы (1, II, 69–70).

Праведных ведет в Царство Божие апостол Петр, а грешных – Сама Царица Небесная (1, II, 46).

О любви к ближнему

Любовь покрывает все. И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только дол-

гом, то таковому диавол мешать не может; а где только по долгу, там он все-таки старается помешать тем или другим (1, I, 101).

Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твое желание и старание и вложит в сердце твое любовь. А главное, когда заметишь, что погрешила против любви, сейчас же исповедуй это старцу. Это может быть иногда от дурного сердца, а иногда и от врага. Сама ты не можешь этого разобрать, а когда исповедуешь, враг и отойдет (1, I, 101). Любить надо, а привязываться страстно не надо. Заповедь повелевает чтить родителей и даже награду назначает за это. Но если ты любишь отца, или мать, или кого-либо больше Меня, говорит Господь, то недостойн быть Моим учеником. Значит, только пристрастие не позволяется, а не любовь (2, 155).

Кто имеет дурное сердце, не должен отчаиваться, потому что с помощью Божиею человек может исправить свое сердце. Нужно только внимательно следить за собою и не упускать случая быть полезным ближним, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сделать вдруг, но Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление (1, I, 101).

О любви к врагам

Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какое-нибудь добро врагам своим, а главное – не мстить

им и быть осторожным, чтобы как-нибудь не обидеть их видом презрения и уничтожения (4, 30).

О молитве

Молитва с понуждением выше произвольной молитвы. Не хочется, но понуждай себя: *Нудится бо Царство Небесное* (Мф. 11, 12) (4, 27-28).

Когда усердно молишься, то так и смотри, что искушение будет (4, 28).

Нужно молиться без злопамятности (4, 28).

Во всех делах требуется человеку помощь Божия, а потому всегда и во всем надо просить помощи Божией, то есть необходима усердная молитва (4, 27).

Читайте „Отче наш“, но не лгите: „...остави нам долги наша, яко же и мы оставляем...“ (4, 27).

Говорил Старец: „Один брат спросил другого: „Кто тебя обучил молитве Иисусовой?“ – А тот отвечал: „Бесы“. – „Да как же так?“ – „Да так, – они беспокоят меня помыслами греховными, а я все творил да творил молитву, – так и привык“ (4, 32).

Один брат жаловался Старцу, что во время молитвы множество бывает разнообразных помыслов. Старец на это сказал: „Ехал мужик по базару, вокруг него толпа народу, говор, шум, а он все на свою лошадку: „Но-но! Но-но!“ Так помаленьку, помаленьку и проехал весь базар. Так и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дело делай – молись!“ (4, 32).

Враг нападает на человека страстями, и человек делает все, что ему враг внушает. ...Если же человек призовет Бога, то молитва победит и отгонит все напасти вражьи, и тогда стрелы его будут, как стрелы младенцев (2, 153).

О страхе Божием

На вопрос „Как стяжать страх Божий?“ Старец отвечал: „Должно всегда иметь Бога пред собою. *Предзрех Господа предо мною выну*“ (1, II, 76).

Страх Божий приобретается еще исполнением заповедей Божиих, и чтобы делать все по совести (1, II, 76).

Отчего человек бывает плох? Оттого, что забывает, что над ним Бог (1, II, 45).

О покаянии

Какое ныне настало время! Бывало, если кто искренно раскается в грехах, то уже и переменяет свою греховную жизнь на добрую, а теперь часто бывает так: человек и расскажет на исповеди все свои грехи в подробности, но затем опять за свое принимается (1, I, 103).

Один все грешил и каялся, — и так всю жизнь. Наконец, покаялся и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: „Он мой“. Господь же говорит: „Нет, он каялся“. — „Да ведь хоть каялся и опять согрешал“, — продолжал диавол. Тогда Господь ему сказал: „Если ты, будучи зол, принимал его опять к себе после того, как он Мне каялся, то как же Мне не принять его после того, как он, согрешив, опять обращался ко Мне с покаянием? Ты забываешь, что ты зол, а Я благ“ (1, I, 103).

Бывает, что хотя грехи наши чрез покаяние и прощаются нам, но совесть все не перестает упрекать нас. Покойный старец отец Макарий для сравнения показывал иногда свой палец, который давно когда-то был порезан, боль давно прошла, а шрам остался. Так точно и после прощения грехов остаются шрамы, то есть упреки совести (4, 37).

Свои грехи говори и себя больше вини, а не людей (4, 29).

О приобщении

Пред причастием читать св. Ефрема Сирина о покаянии (1, II, 71).

После приобщения надо просить Господа, чтобы Дар сохранить достойно и чтобы подал Господь помощь не возвращаться назад, то есть на прежние грехи (1, II, 70).

Нужно более читать книги в этот день (когда причастишься), особенно Новый Завет, Послание к Ефессеям и Апокалипсис (1, II, 71).

Когда Батюшку спросили: „Отчего после приобщения иногда чувствуешь утешение, а иногда холодность?“ – он ответил: „У того холодность бывает, кто ищет утешения от приобщения, а кто считает себя недостойным, у того остается благодать“ (2, 172).

Когда приобщаешься, то один только день не полоскать рот и не плевать. ...И не обращать внимания на хульные помыслы, а укорять себя за гордость и осуждение других (1, II, 70).

О смирении

Смирение состоит в том, чтобы уступать другим и считать себя хуже всех. Это гораздо покойнее будет (1, II, 73).

Смирись, и все дела твои пойдут (4, 28).

Лишь только смирится человек, как тотчас же смирение поставляет его в преддверии Царства Небесного (1, I, 99).

...Кланяйся всем, не обращая внимания, отвечают тебе на поклон или нет. Смиряться нужно пред всеми и считать себя хуже всех (1, I, 98).

Если не имеешь любви (к ближним), смирись. Если кто сердится на тебя, то спроси у него причину. Если кто не покоен (т. е. не мирен на тебя, а не выказывает сего), то угождай ему, будто не замечаешь сего. Если помысл будет говорить тебе: отчего ты этому человеку, который оскорбил тебя, то и то не сказала? – то скажи своему помыслу: теперь поздно говорить, – опоздал (1, II, 74).

Кто нас корит, тот нам дарит, а кто хвалит, тот у нас крадет (4, 29).

Будь сама к другим снисходительна (1, II, 74).

Нужно ближнего успокаивать, – и с тобой то же может быть. Ты молчи пред всеми, и тебя будут все любить (1, II, 74).

Если делаешь добро, то должно его делать только

лишь для Бога, почему на неблагодарность людей не должно обращать никакого внимания (4, 29).

Если очень зацепят тебя, скажи себе: не ситцевая, не полиняешь (1, II, 73).

На жалобы сестер, что досаждают им, укоряют или даже бранят, Преподобный обыкновенно отвечал: „Благословляющие уста не имут досаждения“ (1, II, 47).

Бог посещает Своею милостию только смиренных... (1, I, 98).

Кто уступает, тот больше приобретает (4, 28).

Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение (4, 29).

Не люби слушать о недостатках других – у тебя будет меньше своих (4, 29).

Кто-то сказал Батюшке: „Гордость мешает во всем“, он ответил: „А ты закутайся в смирение; тогда, если и небо к земле прильнет, и то не страшно будет...“ (1, I, 98).

Царствие Божие не в словах, а в силе; нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать, и всем – мое почтение (1, I, 99).

О терпении

Когда тебе досаждают, не спрашивай никогда: „зачем“ и „почему“. Этого нет нигде в Писании. Там сказано, напротив: ударят тебя по правой щеке, подставь и

левую, т. е. вспомни свои неправые дела, и увидишь, что достоин наказания (2, 177).

„Батюшка! Научите меня терпению“, – сказала одна сестра преподобному Амвросию. – „Учись, – ответил Старец, – и начинай с терпения находящихся и встречающихся неприятностей“. – „Не могу понять, как можно не возмущаться обидами и несправедливостями“. Ответ Преподобного: „Будь сама справедлива и не обижай никого“ (1, I, 100).

Чтобы жить в монастыре, надо терпения не воз, а целый обоз (1, I, 98).

Чтобы быть монахиней, надо быть либо железной, либо золотой. Железной – значит иметь большое терпение, а золотой – большое смирение (1, I, 98).

О скорбях

Тому, кто жаловался на скорби, Старец говорил: „Если солнце всегда будет светить, то в поле все повянет, потому нужен бывает дождь. Если все будет дождить, то все попреет, потому нужен бывает ветер, чтобы продувал. А если ветра недостаточно, то нужна бывает буря, чтобы все пронесло. Человеку все это в свое время бывает полезно, потому что он изменчив“. (2, 171).

Что каждый человек причиною своих скорбей бывает сам, Преподобный нередко повторял поговорку: „Всякий сам кузнец своей судьбы“ (1, II, 46).

Воли человека и сам Господь не понуждает, хотя многими скорбями и вразумляет (4, 30).

Сказано: многи скорби праведным; и многи раны грешным. Такова жизнь наша здесь – все скорби и скорби; а ими-то и достигается Царствие Небесное. Когда будешь непокойна, повторяй чаще: *взыщи мира и поже-ни и* (Пс. 33, 15), (1, I, 103).

О гордости

Гордых сам Бог исцеляет. Это значит, что внутренняя скорби (которыми врачуется гордость) посылаются от Бога, а от людей гордый не понесет. А смиренный от людей все несет и все будет говорить: достоин сего (1, II, 72).

Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы других тебя надмевают (4, 29).

Гордость и непокорство порождают ложь – начало всякого зла и бедствий. Горделивость и на небе жившим не помогла, а лишила благодати Божией и низвергла долу, – почему нам, хотящим взыти горе, потребно смиряться зело (2, 149).

О тщеславии

Тщеславие и гордость – одно и то же. Тщеславие выказывает свои дела, чтобы люди видели, как ходишь, как ловко делаешь. А гордость после этого начинает презирать всех. Как червяк сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, взлетает наверх. Так и гордость (1, II, 73).

Тщеславие, если его тронуть пальцем, кричит: „Кожу дерут“ (1, II, 73).

Тщеславие не дает нам покоя, подстрекая к ревности и зависти, которые мятут человека, возбуждая в душе бурю помыслов (2, 178).

Не хвалися горох, что ты лучше бобов, размокнешь – сам лопнешь (1, II, 49).

О самолюбии

Памятозлобие, зависть, ненависть и подобные страсти кроются внутри и рождаются, и произрастают от внутреннего корня самолюбия. Ветви снаружи как ни обрубай, пока корень этот будет сыр и свеж и не будет употреблено средств подсесть внутренние разветвления этого корня, чрез которые проникает зловредная влага и произращает наружные отпрыски, – труд будет напрасен (4, 38).

Секира к истреблению корня самолюбия – вера, смирение, послушание и отсечение своих хотений и разумений (4, 39).

Царствие Божие не в словах, а в силе; нужно меньше толковать, больше молчать, никого не осуждать, и всем – мое почтение (1, I, 99).

Об осуждении

Как будешь кого осуждать, то скажи себе: „Лицемере! Изми первое бревно из очесе твоего“ (1, II, 72).

Об унынии

Скука унынию внука, а лени дочь. Чтобы отогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись; тогда

и скука пройдет, и усердие придет. А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь (1, I, 103).

Когда найдет хандра, не забудь укорять себя; вспомни, сколько ты виновата пред Господом и пред собою и сознай, что ты недостойна ничего лучшего, и ты тотчас почувствуешь облегчение.

Уныние – значит, та же лень. От уныния и телом ослабеешь, и духом. Не хочется ни работать, ни молиться, в церковь ходишь с небрежением, и весь человек ослабевает (1, II, 77).

О раздражительности

Никто не должен оправдывать свою раздражительность какою-нибудь болезнью, – это происходит от гордости. А *гнев мужа*, – по слову св. апостола Иакова, – *правды Божия не соделовает* (Ср.: Иак. 1, 20). Чтобы не предаваться раздражительности и гневу, не должно топиться (1, I, 100).

Нетерпеливость и раздражительность обличают в нашем устроении горделивость и немалое самолюбие, а нередко происходят от нашего своеразумия и самочиния. В чьей душе закрадутся и утаятся они, оттуда мир и спокойствие бегут, а мятежливость и смущение водворяются (2, 169).

О хульных помыслах

Если придут хульные помыслы, то укоряй себя в гордости и не обращай на них никакого внимания (1, II, 75).

Человека постоянно смущают греховные помыслы, но если он не соглашается с ними, то не бывает в них виновен (4, 30).

Древних христиан враг искушал мучениями, а нынешних – болезнями и помыслами (4, 30).

Когда нападут помыслы и не в силах бороться, тогда сказать: „Господи, Ты видишь немощь мою, я не в силах бороться, помоги мне!“ (2, 165).

О похвале и хвалящих

Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала (2, 166).

Преподобный учил: „Сказать (хвалящей): не хвали, а то после рассоримся. Лествичник велит опасаться таких людей. Лучше принять злословившаго человека“ (1, II, 73).

Награду ожидай не здесь, а от Господа на Небесах (4, 29).

О пище и питии

Спасался в пустыне один старец, и пришла ему в голову мысль: сколько раз надо есть в день? Встретил он однажды мальчика и спрашивает его о сем, как он думает. Мальчик ответил: „Ну, захочется есть, поешь“. – „А если еще захочется?“ – спросил старец. „Ну, так еще поешь“, – сказал мальчик. – „А если еще захочется?“ – спросил старец в третий раз. – „Да разве ты осел?“ – спросил в свою очередь старца мальчик. – „Стало быть, – добавил Батюшка, – надо есть в день два раза“ (1, II, 48).

Если будешь пить после правила вечернего, то нужно положить за это 12 поклонов. Не осуждать людей, а сказать себе: „Ах, я окаянная!“ (1, II, 72).

О смехе

Смеяться поменьше, а то от этого недолжные помыслы приходят (1, II, 75).

Смех изгоняет страх Божий (1, II, 75).

За столом не смеяться. Надо знать время на все (1, II, 75).

О поведении в храме

Когда в церковь идешь и из церкви приходишь, должно читать: „Достойно есть“. А в церковь пришедши, положить три поклона: „Боже, милостив буди мне, грешнику“ и прочее (1, II, 69).

К образам прикладываться, как все делают: прежде положить пред иконой два поклона и приложиться, а потом еще один поклон (1, II, 70).

В церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби (1, II, 69).

Если пьешь воду или лекарство до обедни, то не должно антидор и вынутую просфору есть. Просфору можно стоя есть, – это дело благочестия, а кто сидя ест, того не осуждать (1, II, 70).

К началу ходить к службе, – трезвеннее будешь (1, II, 69).

Литература

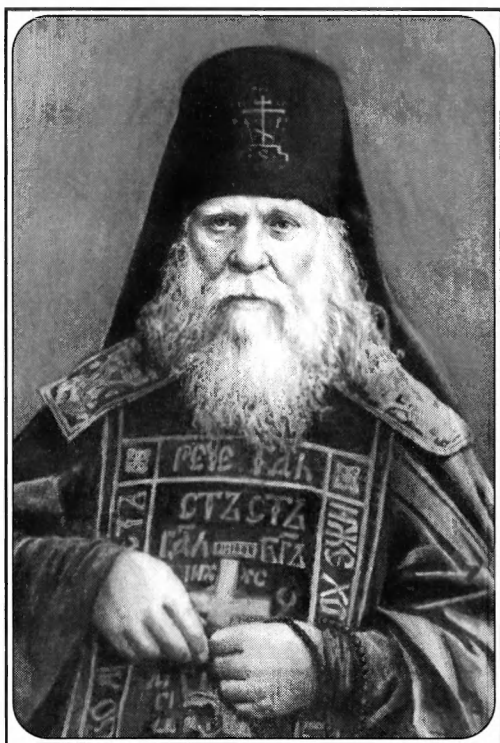
1. Агапит (Беловидов), архим. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1900.

2. Иоанн (Маслов), архим. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М.: Изд. Братства святителя Алексия, 1993.

3. Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. В 3 ч. М.: Паломник, 1995.

4. Житие и наставления преподобного Амвросия, старца Оптинского. М.: Изд. Свято-Введенской Оптиной Пустыни, 1990.

Житие
преподобного
Анатолія
(Верцалова),
старца
Оптинского

1824 — 1894

Оптинский старец Анатолий, в миру Алексей Моисеевич Зерцалов, родился 6 марта 1824 года в селе Бобыли Калужской губернии, в семье диакона и во святом крещении был назван Алексеем, в честь святого Алексия, человека Божия. В семье Алексея особенно чтили монашествующих, и родители выражали желание, чтобы кто-нибудь из детей, а их было шестеро, был в монастыре. Впоследствии одна из дочерей – Анна стала инокиней. Во всей полноте желания благочестивых родителей сбылись на сыне их Алексее (1, 7).

Мальчик рос тихим, кротким и любознательным. Отличался особенной добротой, очень любил ходить в храм Божий и там всегда чинно стоял возле матери. Учился охотно и старательно. Закончил Боровское духовное училище и Калужскую духовную семинарию. После окончания семинарии Алексей несколько лет прослужил в Казенной палате, помышляя о монашестве и ожидая определенного указания Божия. Вскоре это произошло. Он, в одно время с двумя товарищами-чиновниками, заболел. Доктор определил чахотку. Тогда Алексей дал в сердце своем твердый обет: если выздоровеет, то поступит в монастырь. Товарищи Алексея вскоре умерли, а он стал поправляться. По выздоровлении он отказался от службы, сходил с матерью на богомолье и решил поступить в монастырь. Придя в Оптиную Пустынь, он остался там навсегда. Родители радостно благословили сына на подвиг (2, 72).

В Оптиной 31 июля 1853 года Алексей был принят схииерхимандритом Моисеем в число братства и всей душой отдался под духовное водительство старца Макария. Преподобный старец духовным взором видел во вновь пришедшем из суетного мира юноше особую ревность о спасении и потому с большой любовью стал руководить им.

Когда мать приехала проведать молодого послушника, то старец Макарий, приняв ее, сказал: „Благословенна ты, добрая женщина! На какой хороший путь ты отпустила сына!“ (1, 11–12).

17 ноября 1862 года Алексей был пострижен в монахи с именем Анатолий – в честь св. Анатолия, патриарха Цареградского (1, 12).

Много скорбей и тягот пришлось перенести молодому иноку. Мудрый наставник его, преподобный Макарий, не отнимал этих скорбей от усердного ученика

своего, напротив, благословлял на несение тягот с благою целью создать в нем доброе иноческое устройство и закалить его дух в терпении.

Видя в молодом иноке особое расположение к молитвенному подвигу, Старец сам стал обучать его Иисусовой молитве.

Хорошо известен случай, когда за послушание Старцу и только после двукратного приглашения инок Анатолий осмелился беседовать со святителем Игнатием (Брянчаниновым), желавшим видеть того из братии, кто бы опытно проходил святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Преосвященный долго беседовал с отцом Анатолием. Беседа ему очень понравилась. Святитель Игнатий не мог не выразить своего удивления и уважения и говорил, что рад был встретить такого инока, образованного и опытного в духовных предметах, знакомого также и со светскими науками.

Почетный этот гость очень расхваливал его, называя Иосифом Прекрасным и приписывая ему большие достоинства. По выходе от святителя Игнатия, на полдороге к Скиту, отца Анатолия встретил преподобный старец Макарий, окруженный людьми, и, едва услышал о похвале из уст святителя Игнатия, тотчас принял грозный вид и при всех начал укорять отца Анатолия... Закончил Батюшка словом, увещающим его не возноситься: „А ты что вообразил о себе, что ты такой умный? Ведь Преосвященный из любезности сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая что это правда“. Сам же Старец потом сказал бывшим с ним: „Ведь как вот не пробрать? Он монах внимательный, умный, образованный и уважаемый вот такими людьми. Долго ли загордиться?..“ – чем подтвердил оценку, данную будущему старцу Анатолию богомудрым Игнатием. Не зря преподобный Макарий иногда называл отца Анатолия

высочайшим, — с одной стороны, обращая как бы внимание на его высокий рост, с другой же — указывая на высоту его духовного устройства (2, 77).

Когда преподобный Макарий на время уезжал из обители или был занят делами по управлению Скитом или по духовному окормлению братии, он благословлял отца Анатолия относиться, кроме него, и к преподобному Амвросию. Таким образом, отец Анатолий стал одним из первых учеников преподобного Амвросия.

Будущий великий молитвенник и старец проходил теперь Иисусову молитву под строгим руководством обоих старцев: преподобного Макария и преподобного Амвросия, находясь в их полном послушании, ежедневно открывая помыслы, точно (несмотря на немалые скорби) исполняя послушания и блюдя совесть по отношению к братии и даже к вещам, что в целом составляет, по учению святых отцев, основу молитвенного делания. Преуспевание и внутренний духовный рост отца Анатолия были поэтому быстрыми и значительными.

Среди трудов, чтения святоотеческих книг и откровения каждой мысли перед старцами зачиналась и развивалась та духовная опытность, которая впоследствии поставила преподобного Анатолия в ряд великих Оптиных старцев.

5 июля 1866 года он был рукоположен в иеродиакона, а 7 сентября 1870 года в сан иеромонаха (1, 12).

После кончины старца Макария, которого отец Анатолий горько оплакивал, большим утешением для него было то, что у него остался другой его наставник — старец Амвросий, на которого он перенес теперь всю свою любовь и преданность. Старец Амвросий, увидев, что отец Анатолий уже стал достигать меры высокого духовного устройства и достаточно созрел, чтобы быть наставником других, стал вводить его в старческие труды.

Еще в бытность его иеродиаконом старец Амвросий посылал его на гостиницу утешать скорбных и печальных, а когда в Оптину приехал Преосвященный Григорий, то старец Амвросий просил Владыку дать ему отца Анатолия в помощники. Вскоре после посвящения во иеромонаха его назначили благочинным.

В 1873 году скончался скитоначальник отец Иларион, и в феврале 1874 года отец Анатолий был назначен скитоначальником и братским духовником (1, 12). В должности скитоначальника он показал себя ревностным хранителем старческих заветов и добрым пастырем иноков, находившихся под его началом. В то же время он, как смиренный ученик старца Макария, ничего не делал без благословения благодатного преемника своего старца, преподобного Амвросия, скромно стоял на коленях среди прочих монахов во время духовных бесед.

Отец Анатолий благоговел пред преподобным Амвросием, который любил его как сына или брата. Слово батюшки Амвросия было для отца Анатолия законом. Когда к старцу Амвросию обращались с вопросами по делам Скита, он всегда отсылал их к своему начальнику, как он называл отца Анатолия. Своих духовных детей отец Анатолий по всем важным делам направлял за советом к батюшке Амвросию, который в таких случаях всегда спрашивал: „А что сказал отец Анатолий?“ И когда узнавал, что тот не советовал делать так, как просили, то и сам не давал своего благословения.

Шамординская игуменья мать София была очень расположена к отцу Анатолию и всегда радовалась его приездам. Батюшку Амвросия она называла великим, а отца Анатолия – большим и „нашим апостолом“. Оба они, и отец Анатолий, и мать София, удивительно сходились во взглядах и действовали единодушно. Батюшка Амвросий был как бы главою, а они – единодушными

учениками, во всем покорными Старцу и согласными между собою (1, 20).

Преподобный Амвросий про отца Анатолия говорил, что ему дан особый дар утешать молодых. К старцу Амвросию инокини обращались как к старцу, а к батюшке Анатолию как к отцу, который всегда входил во все их нужды. Преподобный Амвросий не раз говорил шамординским насельницами: „Я редко вас беру к себе на беседу, потому что я за вас спокоен: вы с отцом Анатолием“.

В своей духовнической и скитоначальной деятельности отец Анатолий сохранял и приумножал главное достояние Оптиной – священные старческие традиции. В одном из писем он писал: „Не посетуйте, что беседую с вами не лицом к лицу, – верьте, сердце мое с вами и будет с вами, пока будете держаться заветов блаженных отцов наших – Макария и Леонида. Мир вам и спасение!“ (1, 336).

В праздники он почти всегда служил или в Скиту, или в монастыре. Служение его было особенно благолепное. Совершая Литургию, он совершенно погружался в созерцание великого таинства, вся его фигура выражала необычайное благоговение, и лицо его нередко как бы озарялось внутренним светом. Требовал он и от своих духовных детей благоговейного внимания в церкви. „В церкви стой как Ангел, – говорил он, – не разговаривай и не оглядывайся, потому что церковь есть земное небо. Идя из церкви, читай: „Богородице Дево, радуйся...“ и ни с кем не заговаривай, а то будешь подобна сосуду, который был полон, да дорогой расплескался. Когда говеешь, особенно прилежно читай молитву Иисусову“.

Как только выдавалась свободная минута, старец Анатолий спешил уйти в лес, и там, зримый одним

Богом, питал душу свою богомыслием, неустанно совершая высокое делание умно-сердечной Иисусовой молитвы.

Свидетельство о старце Анатолии как великом молитвеннике, принадлежащее преподобному Амвросию, донесла до нас одна из учениц преподобных старцев Амвросия и Анатолия. Она вспоминала: «Иногда Батюшка (преподобный Анатолий) по два часа объяснял нам, как проходить молитву Иисусову. Он был такой молитвенник! Батюшка отец Амвросий однажды сказал: „Отцу Анатолию такая дана молитва и благодать, что единому от тысячи дается“ (2, 91).

Не дерзая приоткрывать завесу сокровенной, ведомой только Богу и, видимо, старцам Макарию и Амвросию, внутренней жизни преподобного Анатолия, мы тем не менее не вправе умолчать о духовной его высоте. Говоря о молитвенной благодати старца Анатолия, необходимо на первое место поставить именно то, что он был не только делателем молитвы, но и ее учителем и наставником для многих и многих иноков и инокинь... *Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5, 19).

Не одной только молитве, но всем евангельским добродетелям учил старец Анатолий вверившихся его спасительному наставничеству. Трудно переоценить плоды его старческого руководства в отношении Оптинской, преимущественно скитской, братии. Его отеческое, любвеобильное и в то же время твердое пастырское окормление взрастило таких великих старцев Оптиной Пустыни последних времен, как схиархимандрит Варсонофий и иеросхимонах Нектарий. Особенно заботился он о стяжании таких добродетелей для иночествующих, как терпение, даже лучше сказать долготерпение без ропота всех находящих прискорбностей,

смирение нелицемерное, искреннее послушание и более всего – откровение помыслов.

Батюшка Анатолий принимал и устное, и письменное откровение помыслов оптинской братии и сестер Шамордина. Всем, живущим в удалении от старцев Оптиной и не могущим ежедневно открывать помыслы, он, не обязывая, настойчиво советовал иметь такое откровение к непосредственному руководителю, – конечно, испытанному, опытному, но не обязательно наделенному особыми дарами. Так, шамординским сестрам он предписывал ходить на откровение к матушке Игумении (или другой старице, имеющей благословение принимать откровение), зная по своему опыту, какую великую пользу это приносит.

Монашествующих чад своих преподобный Анатолий наставлял такими словами: „Держитесь отеческих преданий“; „Монашество выше всяких наук, оно учит Небесному ангельскому жительству“; „Образ истинного монашества есть искреннее смирение, а смирение св. Исаак Сирий называет одеянием Божества“; „Доля монашествующих чрезвычайно высока, оттого она и тяжела здесь“.

О молитве он говорил так: „Надо так молиться, чтобы между душой молящегося и Богом ничего не было и никого, а только Бог и душа. Когда молишься под впечатлением хорошего пения, это не есть еще истинная молитва“.

Большинство сестер Шамординской обители было самым преподобным Амвросием передано старческому окормлению отца Анатолия, который стал духовником-утешителем любимого детища святого Амвросия. Кроме того, по благословению Преподобного к нему обращались как к духовнику и старцу насельницы других женских монастырей шести епархий.

Всю силу любви и молитвы вкладывал старец Анатолий в свой нелегкий духовный труд. Он был для возлюбленных чад своих чутким отцом, взыскательным учителем, сокровищем мудрости, веры, твердости и особой пасхальной радости. Его заботливая, нежная душа жила скорбями и трудами духовных детей; до слез, до сердечной боли переживал Старец за своих чад.

Нечастое счастье личной беседы, исповеди Старец сполна возмещал письменными наставлениями. Ни одно из писем, к нему обращенных, он не оставлял без ответа, а их порой приходило очень много. С бесконечным терпением и любовью день за днем молился он, чтобы воссиял в больной, мятущейся душе свет Христов, помогал человеку найти путь к духовной жизни, познать волю Божию, укрепиться в истинах Православной веры.

Старец Анатолий обладал удивительным даром в нескольких словах сказать человеку самое важное, утешить, поддержать, наставить. Каждое из его духовных чад было самым дорогим и любимым – других у Батюшки просто не было. Всех вмещало его сердце, на всех хватало у него слов утешения и Христовой любви.

Обучая сестер Иисусовой молитве, он занимался с ними как с маленькими детьми; зная, что они по молодости своей еще не могут понять ее духовной глубины и в то же время на опыте изведав ее таинственную силу, он старался хоть чем-нибудь приохотить юные души к этой дивной молитве и говорил, бывало: „Я буду тебе гостинцев давать, только читай непрестанно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную“. Он указывал и на другие краткие молитвы, но при этом говорил, что лучшая и главная именно эта (2, 87).

Но не только к поучениям о молитве сводилось наставничество старца Анатолия. Из его переписки с

инокинями видно, что он, по благословению преподобного старца Амвросия, вел некоторых из них по стезе высокого совершенствования, постепенно и с великой мудростью обучая умной и сердечной молитве, проверяя свое руководство, постоянно советовался с преподобным Амвросием.

В переписке с инокинями обретаются настоящие духовные сокровища. Старцу Анатолию был присущ особый дар утешения: он не просто убеждал терпеть, но и подавал действенное врачевство от уныния, раскрывая ясным и высоким языком смысл дивных обетований, данных Спасителем в Евангелии верным рабам Его. „Жены с миры Богомудрыя вслед Тебе течаху... – пишет он. – И ты, маленькая монашенка, в числе их, т. е. жен-мироносиц, находишься. Ибо и ты оставила дом, отца и людей и потекла за Господом. И вот теперь служишь Ему, Царю царей; служишь, ибо терпишь скорби, болезни, стараешься не поддаваться страстям... Глупенькая, ты не понимаешь, какая ты счастливица!.. Ибо послушница, волею-неволею терпящая скорби, есть невеста Христова, и там ей готовит Жених ее царский трон и почести вместе с Божиею Матерью, как читаем: *Приведутся Царю девы вслед Ея, приведутся в веселии и радости, введутся в храм Царев* (Пс. 44, 15). А кто эти девы? Это ваша братия, молоденькие послушницы, терпящие скорби Господа ради“ (1, 120–121).

Таким же утешителем был Старец и в жизни. Многие из сестер оставались в монастыре только благодаря силе его влияния на них. Иногда малодушные высказывали свое недовольство, что он с ними меньше занимается, чем с другими. „Потому что ты бестолковая, – отвечал в таких случаях Старец, – ты не понимаешь того, что тебя хоть гони – не отгонишь, а она того и гляди из монастыря уйдет; живите – друг друга не оскорбляйте,

друг друга тяготы несите, несите без ропота свое послушание и спасетесь, — ведь мы пришли ради Бога, так надо все терпеть“.

Двадцать один год служил Старец своим чадам-насельницам юной обители, и не удивительно, что все привыкли к нему, как к родному отцу.

Преподобный старец Анатолий особенно любил детей. Когда в Шамординской обители устроился детский приют, Преподобный, несмотря на множество дел, стал его усердным и заботливым попечителем, с любовью вникал во все их интересы и нужды, имел на их нравственное воспитание весьма доброе влияние. Дети питали к нему искреннее доверие и были с ним вполне откровенны. Иногда после исповеди некоторые вспоминали что-нибудь не сказанное и писали ему письма, и он, несмотря на свою занятость, отвечал им и давал наставления (1, 27).

Трогательно воспоминание о том, как отец Анатолий, приезжая, поддерживал бодрость духа унывающих от тяжелой работы сестер, воодушевлял их своим примером. Однажды сестры раскидывали на поле навоз и плакали, утомленные непривычной работой. Отец Анатолий, приехав, взял вилы и сам стал раскидывать. Уныния как не бывало!

Привозил он труженицам то пряников мятных, то баранок Оптинских, утешая юных искательниц Горнего мира. Приезжая, всех благословлял, утешал, и не удивительно, что сестры, увидев его, радостно бежали навстречу дорогому Батюшке.

Преподобный всегда участливо входил в горести сестер, разбирал, примирял, наставлял и помогал. Был случай, когда сестры, живя в лесу на даче, боялись страхований: им казалось, что кто-то ходит около дома и ревет. Старец отслужил молебен, посоветовал читать

чаще молитву Иисусову; сестры последовали его совету и успокоились.

В обращении преподобный Анатолий был очень прост; весело, шутливо что-нибудь рассказывал, но в этих рассказах очень метко обличал чьи-нибудь греховные мысли или недостатки. Был очень доверчив и, относясь сам ко всем просто, не подозревал ни в ком обмана. Старец Амвросий говорил про него: Это израильянин, в немже лъсти несть (Ин. 1, 47). Ко всем он имел искреннюю любовь, но особенно, конечно, он любил своих духовных детей, видя их привязанность и преданность. Когда он узнавал что-нибудь дурное о ком-либо из своих духовных детей, то никогда не делал выговора, но ждал, когда сам человек сознается и раскается, и тут только давал строгие наставления. Матушка Игумения говорила о нем: „Это не отец, а нежная мать своим детям“.

Закладку Шамординского храма совершали архимандрит Исаакий и отец Анатолий.

Нередко старцу Анатолию приходилось ездить в Шамордино в дурную погоду, весною – в разливы реки; не раз он подвергался опасности утонуть, ломались экипажи, не раз его уговаривали оставить эти труды, – Старец был верен своему наставнику и его завету служить Шамордину. Он и мысли не мог допустить, чтобы оставить сестер без исповеди, говения, утешения беседою и наставлениями. Он говорил: „Никогда не оставлю Шамордина и своих духовных детей. Старец дал мне послушание, и я не могу отказаться“ (1, 22).

Однажды в бытность его в Шамордине случился в приюте ночью пожар. Старец с Казанскою иконою пришел к огню, и, когда тушили пожар, он своею молитвою содействовал прекращению бедствия.

Пламенный молитвенник, преподобный Анатолий при своей поездке в конце 1892 года в Петербург и

Кронштадт встретился там со святым праведным Иоанном Кронштадтским, которого весьма почитал. Вместе с отцом Иоанном старец Анатолий 10 октября служил в память преподобного Амвросия и утешился беседою с отцом Иоанном (2, 106). Как вспоминал старец Варсонофий, когда началась Литургия, отец Иоанн увидел, что с батюшкой Анатолием сослужат два Ангела; неизвестно, видел ли их сам батюшка Анатолий, но отец Иоанн ясно видел их.

Многими дарами наделил Господь преподобного Анатолия. Он имел те же дары духовного совета, прозрения в тайники души человеческой и знания будущего, которыми были так богаты его наставники, великие старцы преподобный Макарий и преподобный Амвросий.

Будущего старца Варсонофия принял в Оптину Пустынь именно старец Анатолий, скитоначальник, встретил его радостно, с любовью и преподал вскоре новому ученику первые уроки духовного рассуждения. „Вообще, – сказал он, – постарайтесь при моей жизни утвердиться здесь. А то, что будет после меня, неизвестно. Я молю Бога, чтобы мне протянуть еще полгода или год, чтобы вас укрепить. Помните, – сказал он еще, – что монашество есть сокровенный сердца человек, а не подрясник и внешние подвиги“. Преподобному Анатолию будущее отца Варсонофия было, очевидно, открыто (4, 79).

Преподобный предугадывал о смерти людей, близких его духовным детям, их болезни и невзгоды и осторожно предупреждал тех, к кому приближалось испытание. Об этом свидетельствуют воспоминания его духовных детей.

Одной инокине и одному иноку еще задолго он предреказал на ожидавшие их обстоятельства; одной девушке приоткрыл скорую смерть; а инокине – болезнь ног;

предупреждал о готовящихся испытаниях и отрешении от постигших скорбей.

Был и такой случай. Осталась одна молодая девушка в монастыре; родные, узнав об этом, рассердились и отвернулись от нее. Мать приехала было, но, увидя твердое решение дочери, в тот же день уехала, не захотев даже с ней проститься; почувствовав свое сиротство и одиночество, смутилась духом юная подвижница и, горько заплакав, пошла к батюшке Анатолию. Сидя в приемной, она через несколько минут услышала за дверью в коридоре сначала шаги, а затем голос, певший: *Отец мой и мать моя остависта мя. Господь же восприят мя...* (Пс. 26, 10). При этом дверь отворилась и на пороге показался преподобный Анатолий, светлый, радостный. Несомненно, что Старцу свыше было открыто происшедшее, и смысл его он выразил словами псалма (1, 26–27).

В воспоминаниях одной ученицы великих старцев преподобных Амвросия и Анатолия есть описание настоящего чуда исцеления за молитвы Старца.

„Я по поступлении в монастырь заболела. Мне было 15 лет, доктора нашли у меня порок сердца и горловую чахотку и сказали, что я скоро умру, но мне не хотелось умирать. Батюшка сказал мне: „Читай, как можешь, и сидя, и лежа молитву Иисусову, и все пройдет“. Так я и сделала, и за святыми его молитвами выздоровела. С тех пор прошло 23 года, и я живу, и послушание несу по силам, и по келлии делаю все для себя, хотя и не имею большого здоровья; а прежде не могла и по келлии ходить“ (2, 91).

Вот еще пример прозорливости. Одна сестра была предназначена к пострижению в мантию, но почему-то отказывалась; Старец огорчился и, когда она на его вопрос: „Что, приехала в мантию постригаться?“, сделанный троекратно, отвечала: „Нет, но думаю, что слова ва-

ши так не пройдут“, ответил: „Нет, пройдут“, – и действительно, он скоро умер, а эта сестра так и осталась не постриженной им в мантию, о чем потом много горевала.

Тяжело заболев, старец Анатолий 15 декабря 1893 года тайно принял схиму и до последнего дня жизни приобщался Святых Таин. Молясь, он особенно часто призывал святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, святителя Григория Богослова, Архистратига Божия Михаила и великомученицу Варвару. Часто вспоминал Антония и Пахомия Великих, Оптинских старцев Льва, Макария, Амвросия и отцов настоятелей Моисея и Антония, и также мать Софию (2, 106–107).

Знаменательно событие, относящееся ко времени предсмертной болезни отца Анатолия, свидетельствующее о живом, благодатном богообщении Старца.

Как-то поздно вечером он велел подать стол, положить на него крест, зажечь свечи и принести кадило. Когда все было готово, он запел: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...“ – и всем велел петь и кадить кругом; затем благословил везде окропить богоявленной водой. Когда все кончили и разошлись, больной как бы задремал, склонив голову. Через несколько минут он вдруг поднял голову и руки, как делает служащий священник во время пения Херувимской, и воскликнул: „О, Троице!“ Взор его был устремлен куда-то вверх.

Нередко он благословлял читать акафисты или Евангелие, особенно от Иоанна, главы 14 и 15. Очень чтил святого Архистратига Михаила и великомученицу Варвару, а также святого Григория Богослова, в день памяти которого он и скончался. Молился пред святыми чудотворными иконами Пречистой Божией Матери: Ахтырской Козельской, Казанской Оптинской, Казанской Шамординской и Калужской, приносимыми к нему. Сестер Шамордина, за полтора месяца до своей

кончины, благословил иконою Знамения Пресвятой Богородицы, Самой Пречистой вручая в своих молитвах юную обитель (1, 33).

Иногда кротко говорил: „Ничего не имеет грешный Анатолий, разве только кто вздохнет о нем к Богу“.

В понедельник 24 января ему сделалось очень плохо, он почти не открывал глаз, глубоко вздыхал, и слышно было, что он непрестанно творил Иисусову молитву. Иногда произносил: „Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое“. После 12 часов полуночи он с большим благоговением приобщился и снова впал как бы в забытие. Кто-то сказал тихонько, что надо бы читать отходную, и умирающий сам сотворил начало: „Благословен Бог наш...“ Стали читать отходную, дыхание становилось все реже, наконец, он глубоко вздохнул три раза и мирно почил о Господе. Было это в 4 часа 20 минут утра во вторник 25 января 1894 года на 70-м году его жизни (1, 35).

По положении тела в гроб оно было вынесено в скитскую церковь, откуда на другой день скитская братия проводила своего Старца в монастырь; всю дорогу служили литии. Похоронили преподобного между Введенским и Казанским соборами.

Вся жизнь преподобного отца нашего Анатолия, великого и благодатного молитвенника, духовника и старца, наставника многих душ, всегда была озарена светом веры, истинного послушания и смирения. Так и ныне, по отшествии своем от жизни земной, великий и благодатный молитвенник, присный делатель умно-сердечной молитвы Иисусовой остается для нас незаменимым наставником и учителем молитвенного делания, продолжает ходатайствовать о спасении душ наших в Небесном Иерусалиме пред Престолом Божиим.

Наставления старца Анатолия

О молитве

Будь готова встретить скорби. Ибо всех, кому слюбится Иисусова молитва, враг никогда не оставит без отмщения, но непременно научит или старших, или младших, а уж пакостей непременно натворит (1, 49).

...А молитву Иисусову творить привыкнуть скоро нельзя. Ты только старайся не забывать о Боге и кайся в забвении и развлечении... (1, 63).

...Пока держится молитва, не оставляй ее. А главное – во время молитвы окайвай себя, как недостойную произносить имя, непрестанно славословимое на Небеси и на земли Ангелами и человеками. А скорби собирай, как сокровище, – ибо это очень способствует Иисусовой молитве (1, 65).

...Скучно тебе бывает оттого, что не помнишь Иисуса Христа... Иисусову молитву творить скоро привыкнуть нельзя. Тогда все бы творили ее, ибо она слишком дорога (1, 80).

Молитва Иисусова не может быть без тучи помыслов вначале. А после мало-помалу очищается (1, 101).

...Молитва Иисусова не только не мешает, но даже способствует слушать чтение и пение, и помогает обыкновенной церковной и келейной молитве, и услаждает,

очень улаживает сердце, и дух делает мирным, и мысль дает светлую... старайся смирять себя, и молитва скоро привьется к тебе. Только не спеши, а жди помощи Божией (1, 106).

Молитву умственно держать можно и по болезни, и по немощам, и по случаю народа, и в службе. Только от этого иногда голова болит, но что же делать? Зато слюбится. Тысячу раз слюбится. Ты старайся держать мысль с Иисусом не в голове собственно, а направляя несколько к персям. Тогда, конечно, грудь заболит, но без этого нельзя. Бог наш огонь поядаяй есть. И где нечисто – там и больно. Такая боль за недостойнство посылается, но со временем пройдет... (1, 53).

А что радость разливается в сердце – это я тебе, кажется, говорил – бывает. Иногда Господь желает подвижника утешить, видя, что он уже изнемогает; иногда же от усиленного напряжения к этой молитве. Сказано: Бог – т. е. Иисус – *огнь есть* (грехи и немощи) *попалаяй!* (Евр. 12, 29) И потому, часто призываемый, Сладчайший Иисус не может не веселить сердце (1, 143).

Молитва прекращается – это обыкновенно от празднословия, обжорства, осуждения и главное – от гордости (1, 143).

Только таких вещей, как благоухание, принимать не должно. Об этом пишет св. Симеон новый Богослов во 2-м образе молитвы. Сердечного места упруго отыскивать не должно: когда возрастет молитва, она сама отыщет оное. Наше старание – заключать ум в слова Г. И. Х. С. Б., п. м. грешную. Святитель Димитрий учит: „Где ум, там и сердце“ (1, 149).

...Когда будет утверждаться молитва, отнюдь не спускай внимания вниз. Иначе блудная страсть замучит. И это не прелесть, а дело естества, происходящее от неправильного умного делания. Вот если бы ты эту сладость приняла за благодать, тогда была бы прелесть (1, 146).

А когда прекращается молитва умная, берись за устную или за чтение. А когда и это нейдет, берись за поделение (1, 149).

А что прекратилась молитва – тому, конечно, есть причина: или самомнение, или осуждение. А главное, чтобы мы были смиренными... (1, 151).

Бывает у тебя в прохождении молитвы сон, леность, тоска и охлаждение ко всему по несколько дней и даже неделю. Очень может быть, что ты окрадена была пред этим сопротивником тайным тщеславием, гордостью или осуждением, или гневом, или чем другим. Вот враг душевный и насилует нашу природу, чтобы в праздности и разлениении иждивали дни свои вместо того, чтобы готовиться к вечности. *А сон моя лености*, – сказано в Писании, – *готовит вечную муку* (Притч. 19, 15). И промыслительно бывает с великими подвижниками, что благодать как бы на время отступает, чтобы познал человек более немощь своего естества и более прибегал к Богу, прося Его помощи и заступления. Это время для великих подвижников, борющихся и труждающихся в молитве, самое благоприятное для восприятия великих венцов: так как *Царствие Божие нудится и нужды восхищают оное* (Мф. 11, 12). А если мы и побеждаемся своею немощию, не будем унывать от сего, но паче смиряться и подвизаться при помощи Божией. *Сила Божия в немощи совершается* (1, 152).

Молитву не спускай книзу. Держи вверху сердца. А то потужишь. Если начнется у тебя внизу теплота, то старайся перевести ее наверх или, по крайней мере, в середину сердца, а то лучше оставь. Блудные помыслы есть верный признак прелести (1, 155).

Молитва прекратиться может только от больших грехов. Или если кто не кается и не зазирает себя. А кто кается, тому-то и нужна эта молитва. Только нужно держать себя во глубине смирения и непотребства... А чтобы утвердилась молитва, лучшее самое средство – терпеть скорби и презрение! (1, 157).

А если устная молитва сама собою переходит в умную, то прекращать не нужно. Только все укорять себя и не смущаться... (1, 158).

А лучше всех крестиков и крестоносцев, всех портретиков и их подлинников – вырисовывать на мягком юном сердце Сладчайшее Имя, светозарную молитовку: Г. И. Х. С. Б., п. м. грешную. Вот тогда-то будет верх радостей, бесконечное веселие. Тогда, т. е. когда утвердится в сердце Иисус, не захочешь ни Рима, ни Иерусалима. Ибо Сам Царь, со Всепетою Своею Материю и всеми Ангелами и святыми придут сами к тебе и будут жить у тебя (1, 184).

Иисусова молитва, когда прививается, непременно у всех страстных сопровождается болями. От устной болят прежде всего губы. Это пройдет. Чай пей как можно меньше и жиже, а больше холодную воду: это облегчит тебе и грудь, и жжение сердца, и утолит страсть (1, 223).

...Молитву Иисусову всеми силами старайся держать – она вся наша жизнь, вся краса, все утешение;

что вначале она трудна – это всем известно; но зато неоцененна, всерадостна, вселюбезна (1, 204).

Очень ты меня утешила, что желаешь учиться молитве Иисусовой. Начинай с устной. А прежде всего, вместо фундамента, положи терпеть скорби. Тогда она скоро привьется (1, 219).

Иисусову молитву читать на помыслы – единственное против них средство; но и всегда ее мы обязаны иметь в устах, хотя бы и сокровенно. А собственно умную без разрешения и руководства учителя нельзя (1, 298).

О поведении в храме

В церкви, когда диавол затыкает тебе уши и смежает глаза, старайся читать Иисусову молитву. Внимай по силе кафизмам, они после тебе усладятся. В них много красоты и сладости, которые разгонят сон и уныние (1, 76).

В церкви не бесчинствуй, т. е. не говори и глазами не води, а то Бог попустит диаволу сквернить и твою храмину (1, 76).

Об образе жизни в монастыре

Дева, посвятившая себя Богу, должна всячески удаляться не только худых дел, но и мыслей; ее душа должна блеснуть чистотою и предстать непорочно Жениху-Христу. Идя по монастырю, не размахивай руками, не гляди в окна, всем, кого встретишь, кланяйся; не ходи без дела по келлиям, сиди дома и будешь покойна. Если монах будет держаться келлии, то будет преуспевать в духовной жизни и молитве, а если он ходит по

келлиям, то потеряет мир душевный и будет никуда не годным (1, 25–26).

О покаянии

Для покаяния не разбирай ни лица, которому приносишь покаяние, ни места, но во всем чистосердечно кайся и каждую минуту устремляй мысль на то, чтобы искренно покаяться. Если бы вы знали, что значит покаяние, – через него мы можем получить прощение грехов и сподобиться принять в себя Самого Господа! Если бы вы это понимали, то о том только бы и думали, как очистить свою душу (1, 26).

О несении скорбей

Увещевая нести все неприятное без ропота, Преподобный в назидание передавал рассказ об одной белевской монахине. „Жила там хорошей жизни схимонахиня, имевшая много скорбей. Когда она скончалась, то одна близкая ей монахиня пожелала знать ее загробную участь. После усиленной молитвы она увидела во сне умершую. Сидела она в великолепной комнате и необыкновенном свете, но сама была невесела. На вопрос, почему она, находясь в хорошем месте, невесела, та ответила: „Мне хорошо, но несравненно было бы лучше, если бы я видела лицо Божие, а этого мне нельзя. Я не несла скорбей без ропота, а чтобы видеть лицо Божие, нужно пронести крест скорбей без ропота“ (1, 29).

Скорбей у Бога не проси, а пошлет – терпи (1, 158).

Так и все земное, пока не отдаст долг земле (пока не выстрадает все земное), не может не страдать... Конеч-

но, кто всем сердцем обращается к Богу и часто Ему молится, тот избегает многих скорбей; а уж если мы не хотим трудов вольных, то должны терпеть скорби невольные, чтобы не отстать там от святых. Сказано: *ничтоже скверно не внидет в Царство Небесное* (Ср.: Апок. 21, 27): значит, имеющему войти в сие Царство, непременно нужно потомиться (1, 227).

...Кому нужно и полезно понести скорбь, то вся мудрость Соломона не поможет. Потому что мудрость и совет научают, а скорбь выбаливает страсть или грех. И научает человека не словом, а делом. Потому-то и велики святые, что научились духовной мудрости от опыта и боли сердечной. Дажь, сказано, кровь и приими Духа (1, 234).

Богом, спасающим нас, устроено так, что никто не обойдется без скорбей, потому что Господу всех хочется спасти, а без скорбей спастися невозможно (1, 258).

В скорбях сокровенна есть милость Божия! (1, 258).

Если обьимут тя скорби – радуйся, ибо ты тогда идешь истинным путем. А кто не отбегает от скорбей и несет оные по силе, тот и получит Царство вечное (1, 274).

Если хочешь возрадоваться радостью неизглаголанною, то потерпи те скорби, которые от Бога посылаются тебе, и не раскаешься (1, 281).

Если скорби твои смиряют, дают духу спокойствие и влекут к молитве, знай: чувство твое не обманчиво (1, 295).

(Если) будет, пожалуй, мало скорбей, – тогда будет мало и приобретения, мало обучения. А уж это плохой купец, который радуется, что на торгу мало народа и его мало тревожат требователи и продавцы! (1, 297).

Общежитие умервщляет страсти, а то в норе и змея тихо сидит. Если разных камней положить в мешок и трясти, то камни сделаются гладкими и круглыми; так и в общине монахов сглаживаются скорбями.

Страсти искоренять начиная с самоукорения, познания своих (а не сестринских) немощей и считай себя достойной скорбей. Такая жизнь успокоит тебя.

Враг ничего не может посеять там, где все открывается духовному отцу.

О мире душевном

...Считай себя хуже всех, не ищи ни любви, ни чести ни от кого, а сама ко всем онья имей – вот и улучишь мир! А как только начнешь искать, чтобы другие тебя заметили, да отыскиали бы в тебе достоинства и некоторые добродетели, тогда прощай, мир душевный! (1, 274–275).

О видении грехов

А когда грехов за собою не видишь, тоща бываешь в дьявольском устроении; он тоже своих грехов не видит и, никогда не каюсь, не обвиняя себя, думает, что Бог пристрастен к человеку, ибо любит его, а Бог за то и любит человека, что он кается и смиряется (1, 143–144).

О борьбе со страстями

Надо облегчать брань, поменьше есть и спать, не зазирать других, не забывать Бога и иметь память смерти, и главное – смиряться, без сего брань со страстями тяжела. А спастись кающемуся грешнику всегда можно за неизреченное милосердие Божие (1, 108).

Об искушениях

Бог прибегающих к Нему никогда не оставит через силу на искушения... Ведь Он, человеколюбец, видит и очень знает, что ради Него, Святого, терпишь от диавола приражения страстей бесчестия, но ждет, чтобы видеть наше произволение, и томит нас. А для чего? Для того, чтобы мы, во-первых, осознали свою немощь и смирились; во-вторых, для того, чтобы, увидавши свое бессилие и приражения врага, обратились к Богу, Помощнику в скорбях, обретших ны зело; а третье и главное, чтобы мы, перешедши огонь и воду, сделались искусны (1, 97).

О плаче

Плакать могут не все, а кому Бог даст слезы. А новоначальным Бог редко дарует слезы. А то возгордятся и будут хуже неплачущих (1, 169).

Плач по Бозе очень полезен, и сеющие слезами радостью, сказано, пожнут, взимающе рукояти своих благих произволений и дел. Разумеется, хорошо избирать удобное место в церкви, чтобы от других скрывать этот Божий дар. И ложась и вставая, иметь плач по Бозе – хорошо. Святой царь-пророк Давид и на царственном

престоле имел досуг и привычку омочать слезами постелю свою. А нам грешным еще более приличествует сие делать (1, 152).

Странно спрашивать, как воду греть? Разумеется, положить углей и поджечь, и поддуть. А слезную воду, рождающуюся от теплоты чувств, подогревать тоже горячим углем – огнем. Бог наш огонь поядаяй есть. Видишь – охладевает вода – слеза, емлись крепче за Бога Иисуса Христа Сына Божия, и закипит вода – слеза (1, 233).

О помыслах

От блудных помыслов средства: смирение, самоукорение, воздержание, а паче всего – любовь к ближним, – к слабым, немощным, больным, плененным страстями сестрам (1, 91).

Блудный помысл и боязнь попускаются за гордость нашу. Укоряй себя и старайся не глядеть на соблазняющего – и минует искушение (1, 98).

А когда хульные помыслы смущают тебя, ты и не борись с ними, а просто презирай, т. е. не обращай на них внимания: они не наши помыслы, а диавольские, а потому мы за них и не ответим. А мы, монахи, любим Бога, ибо ради Господа оставили мир. А хулы подмещет <тайно подкидывает> диавол, а не мы (1, 114).

От помыслов, которых не любишь, и по крайней мере от которых стараешься избавиться – не погибнешь. Только кайся и смирайся. И Бог простит тебя (1, 154).

Хульные помыслы умножаются и укрепляются от гордости и осуждения других (1, 202).

Когда блудные помыслы нападают, молись св. мученице Фомаиде. И твори сильнее Иисусову молитву... (1, 120).

Просишь меня сказать тебе средство, как избавляться от блудных помыслов. Разумеется, как учат святые отцы: 1-е дело – смириться, 2-е – не глядеть ни на дяконов, ни на ребят молодых, а 3-е, главное, – потерпеть. Венец девства есть высшая христианства добродетель, она есть красота и венец Церкви (1, 124).

А влечение к похотям плоти неизбежно немощным подвижникам, иначе и целомудрие было бы дешево... (1, 238).

При напоре блудных помыслов клади поклончики по силе. А без брани ни одна душа не вошла в рай. Победители же венчаются (1, 324).

О послушании

Послушание всякое спасительно и потому почти всегда тяжело, по мере пользы его; а отрадное послушание не так полезно, а бывает, что и вредно. Святый Лествичник говорит: „Если послушник в своем послушании исполняет свое желание, то он прелюбодей“ (1, 199).

О посте

Посты, поклоны, труды даются для усмирения волнений плоти, но немощному они вредят, ибо делают

его бесполезным и негодным ни для чего. Св. Василий Великий учит, что мы не должны быть плотоубийцами, а страстоубийцами, а сему помогает более смирение и сознание своей немощи (1, 175).

...Не есть хлеба и не пить воды или чего иного не есть еще пост, ибо и бесы не едят и не пьют совершенно ничего. И все-таки злы и Богу ненавистны. Нам же пост есть (как поет Церковь) злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления. Сих отчуждение – пост истинный есть и благоприятен (1, 273).

Жажда и меня мучила страшно. Это от непривычки к посту. За немощь пей воду и прибавляй кислоты. Вода чтобы была не слишком холодная и комнатная... (1, 172).

О смирении

Начни со смирения, делай со смирением и кончай смирением, и вчинишься со святыми. Этот путь, т. е. путь смирения, самый надежный и, как говорят отцы, „непадательный“. Ибо куда может упасть смиренный, когда он считает себя хуже всех? (1, 61).

Делай все со смирением, памятуя слово Господне: Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы (Лк. 17, 10). Главное – не возносись и не думай, что твоя жизнь лучше других; а напротив, думай, что хуже. Если так будешь идти по пути благочестия, незаметно очутишься во вратах Царства Божия (1, 221).

Чистота и бесстрастие даются не по летам (седина есть мудрость человекам), а по смирению. Святый Иоанн Лествичник учит: дарования (значит, и чистота) даются не трудам (тем больше не годам), а смирению. Смиримся, и Господь покроет, и будем святы. А пока не смиримся и не умиловивим Бога, – хоть лоб об пол поклонами разбей, страсти не умялятся (1, 239).

...Имей истинный и верный залог к смирению – самоукорение и приложи к этому терпение, да вооружись молитвой Иисусовой с памятью о смерти, тогда и станет для тебя благо иго заповедей Евангельских и правил монашеской жизни, и бремя послушания отныне легко будет (1, 279).

...Сказываю тебе самое лучшее средство обрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, потерпеть. И ждать день и ночь милости от Всемиловитового Спаса. Кто так ждет, непременно получит... эта-то боль, это-то самое горькое острое жало, укалывающее чувствительность сердца, и есть настоящий источник милостей Божиих и смирения. В них-то сокровенна есть милость Божия (1, 125).

Больше всего помни, что смирение и без дел может спасти, а дела, как бы они ни были велики, не спасут (1, 218).

Нам вменится великая жертва, принесенная Сладчайшим Иисусом на кресте Вечной Правде; а у нас нет ничего хорошего. Делай по силе и не цени сама своих заслуг, и не считай добродетелей, а зри и счисляй свои немощи и грехи, и Господь тебя не оставит никогда... (1, 44).

Ты знаешь, лукавый не ест, не пьет и не спит, – а все в бездне живет, потому что у него нет смирения. Покоряйся во всем воле Божией – вот тебе и подвиг; смирайся перед всеми, укоряй себя во всем, неси с благодарением бозни и скорби – это выше всяких подвигов! (1, 28).

Образ истинного монашества есть искреннее смирение, а смирение святой Исаак Сирий называет одеянием Божества (1, 60).

О терпении

Но только и терпение твое не должно быть нерассудное, т. е. безотрадное, а терпение с разумом – что Господь зрит во все дела твои, в самую душу твою, как мы зрим в лицо любимого человека, т. е. ясно, внимательно зрит и испытует: каковою ты окажешься в скорбях? Если потерпишь, то будешь Его возлюбленною. А если и не стерпишь и поропщешь, но покаешься, все-таки будешь Его возлюбленною (1, 100).

Но терпение наше посильное, но скорбение наше, но недоумение наше, но самую гниль нашу может [Светодавец] очистить, разукрасить, просветить, облагоухать паче фимиама и кадила благовонного (1, 208).

Все терпи – будешь и сама мирна и другим доставишь мир! А начнешь считаться, мир потеряешь, а с ним и спасение... (1, 267).

Ты, матушка, просишь научить тебя терпению... Чудная ты какая! Ее учит Бог! Ее учат люди – сестры! Ее учат обстоятельства всей жизни! И все они учат тебя терпению, учат делом, самую вещь, самым естеством способности

терпеть – а ты просишь у меня урока теоретического терпения... Терпи все находящее – и спасешься! (1, 285).

Потерпишь – и будет мир. А станешь воздавать злом за зло – то и мир отступит, и Бог оставит самосудку. Где мир – там Бог (1, 269).

О гордости

А гордость страшна тогда, когда не замечаем ее, а если замечаем и каемся и сокрушаемся, то Господь не поставит в грех (1, 101).

Отчаяние есть порождение гордости. Если ожидаешь от себя всего плохого, то никогда не отчаешься, а только смиришься и будешь мирно каяться (1, 30).

О смехе

Смеяться – большой грех: смех и дерзость производит бес блуда (1, 102).

О чтении

Читать книги монаху, если он желает быть монахом не по одежде только, а делом и истиною, необходимо. А без книг не только не будешь монахом, но понятия об истинном монашестве не приобретешь (1, 68).

...Книга не есть существо и сущность ведения: она – одно из средств к нему. А потому может человек знать тайны Царствия без книги, может и прочитавши воза книг не знать оных тайн. Кто подготовил себя делом, тот не крепко нуждается в книге (1, 286).

Вижу, что ты много читала – и это тебе не помогло. Попробуй – начни читаное, по силе, приводить в дело. Да к этому присовокупи (опять по силе) непрестанную Иисусову (устную) молитву и узришь милость Божию. Чтоб ты туне не ретилась и не смущалась тем, что читаешь, читаешь, а в остатке нет ничего, скажу тебе секрет, добытый долголетним опытом: приступая к книге, прицеливайся прежде всего улучшить ту мету, которой, как ты говоришь, нет у тебя, но которая во всякой добродетели неизбежна, т. е. терпеливо ждать милости Божией в разумении, ибо Бог – разумов Господь, давая премудрость и разум (1, 285).

О церковном пении

...Пение твоё должно быть не петушье, а ангельское, т. е. с глубоким смирением, страхом, горячею любовью и самоукорением – таковое пение истинное и Богу приятное. А тщеславное, не из угождения Богу, а людям – такое хуже петушиного (1, 180).

Литература

1. Житие и поучения иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова). М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1994.

2. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Июль. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1994. (Репринт)

3. Избр. письма Оптинского старца скитонаачальника Анатолия к монахиням// Душеполезное чтение, 1902. № 10. С. 282–289; № 12. С. 671–676.

4. Житие схиархимандрита Варсонофия/Сост. В. Афанасьев. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995.

5. Собрание писем Оптинского старца скитонаачальника иеросхимонаха Анатолия к монахиням. Сергиев Посад: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1910.

Житие
преподобного
Исаакія
(Антимонова),
старца
Оптинского

1810 — 1894

Настоятель Введенской Оптиной Пустыни преподобный отец наш Исаакий, в миру Иван Иванович Антимонов, родился 31 мая 1810 года в Курске. Его отец Иван Васильевич происходил из старинного, весьма зажиточного купеческого рода Антимоновых (2, 8). Семья, во главе которой стоял дед, Василий Васильевич, придерживалась строгого патриархального образа жизни старого русского купечества. Дед проводил благочестивую христианскую жизнь, отличаясь особой ревностью к посещению храма Божия и требуя

исполнения религиозных обязанностей от всей своей многочисленной семьи. Великое усердие и горение ко Господу имел и молодой Иван Антимонов – будущий архимандрит Исаакий.

С самого раннего детства Иван отличался сердечностью, скромностью, молчаливостью, ясным умом, простотой и честностью. Любовь к уединению и молитве рано обнаружила в нем склонность к монашескому образу жизни, чему способствовало также и воспитание в строго христианском духе, благоговейное отношение к храму Божию и ежедневные посещения богослужений. Эти ранние юношеские уроки веры и благочестия были усвоены им настолько глубоко, что много лет спустя, пребывая уже в настоятельстве, Старец требовал того же и от своих Оптинских братьев.

Твердая вера в Промысл Божий возгревалась в будущем иноке многими знаменательными событиями его жизни.

Еще за год до рождения Ивана, его отец поехал в Киев поклониться Киево-Печерским святыням. Лаврский старец Парфений встретил его такими словами: „Блаженно чрево, родившее монаха“. Это был первый знак Божиего произволения, указующий на будущую судьбу его младшего сына (2, 9).

Уже будучи Оптинским старцем, вспоминал преподобный Исаакий такой случай из своей жизни. Однажды в праздник пришлось ему, тогда еще молодому купцу, по необходимости перевесить товар. Внезапно обрушилась перекладина, на которой были утверждены весы, и Ивану грозила неминуемая гибель; но тяжелое железное коромысло весом в пятнадцать пудов, не задев его, упало к его ногам. С тех пор он дал обет не работать более по праздникам, а благоговейный страх Господень еще более укоренился в душе будущего подвижника (2, 13).

Несмотря на весьма достаточные средства, Иван привык еще с юности переносить всевозможные лишения, довольствуясь самой грубой пищей и стесняя себя во всех отношениях. Этим он уже как бы подготовлялся провидением к будущей суровой подвижнической жизни, без послабления своим немощам.

Желание уйти в монастырь созревало в нем постепенно. Еще живя в миру, он ежедневно, становясь на молитву, полагал по тысяче поклонов. Но свое воздержание и подвиги тщательно скрывал от домашних. Даже в скоромные дни он умел обходиться без мяса, не будучи в этом замечен (2, 12).

Особенная ревность к посещению храма Божия, поощряемая благочестивым дедом, возбудила в нем любовь к церковному пению. Он пел на клиросе, а по праздникам собирал у себя дома певчих, устраивал хоры.

При все усиливавшемся желании удалиться от мирских соблазнов Иван все-таки не сразу последовал влечению своего сердца, ожидая особого указания Промысла Божия для принятия окончательного решения.

Уступая настояниям отца, Иван несколько раз делал попытки сватовства, но все они расстраивались: Господь явно хранил свой избранный сосуд для высшего служения.

В 36 лет он в последний раз съездил посмотреть предполагаемую невесту, но тут же заявил отцу, что она не пришлась ему по сердцу. После этого он твердо решил привести в исполнение свое желание уйти в монастырь.

К этому времени Иван уже вполне осознал, что дело человека на земле сводится прежде всего к очищению собственного сердца от греховных страстей и затем только, по мере их искоренения, к полезному служению ближним.

Оптина Пустынь уже была знакома ему: там несколько лет уже жил его старший брат Михаил. Навещая его, Иван познакомился с великим старцем Львом, который предсказал молодому преуспевающему торговцу Ивану, что со временем и он будет в монашестве. У Ивана завязались самые сердечные духовные отношения со старцем Львом, а затем, после его смерти, и со старцем Макарием.

Он выжидал лишь удобного случая, чтобы окончательно развязаться с миром. Полученное от старца Макария письмо, приглашавшее безотлагательно ехать в Оптину, помогло ему порвать, наконец, мирские привязанности. И когда в 1847 году отец послал Ивана по делам на Украину, то он, исполнив поручение, отправился прямо в Оптину Пустынь, известив отца письменно о своем решении поступить в монастырь (2, 20).

По благословению игумена Моисея и старца Макария Иван был принят в Иоанно-Предтеченский Скит. Новонаначальному послушнику назначили послушание печь хлебы, которое он выполнял с великой ревностью; кроме того, он вместе с братией убирал покос, рыл картофель и выполнял другие общие послушания.

Неся с усердием внешние труды, новоначальный послушник ревновал и о внутреннем своем устроении. Неопустительно посещал все скитские богослужения с таким усердием, что всегда являлся первым и уходил последним, сохраняя свойственное ему смиренное молчание. Возгревая дух своей молитвой, молодой подвижник старался в то же время сохранять мирное расположение ко всей братии, чем и заслужил всеобщую любовь и уважение.

Но не без искушений жил будущий старец в скитском безмолвии. Позднее он вспоминал, как в первые годы поступления в обитель тесны становились ему

стены Скита и как исконный враг рода человеческого смущал его душу помыслами. „Шел я однажды, – вспоминал Старец, – по дорожке вдоль скитской ограды. Ай, махнуть через ограду? – мелькнул помысл. Но, образумившись, подумал: да уж если уходить, так ведь и ворота не затворены. Такое, хотя и нечаянное, противоречие помыслу, с призыванием помощи Божией, ослабило брань“. Низлагать хитрости врага помогало непрестанное откровение помыслов Старцу, бдение и усердная молитва (2, 30–31).

Уже тогда высокие качества души послушника Иоанна обратили особенное на него внимание старца Макария, духовному руководству которого Иоанн вверил себя всецело. Послушание его Старцу было так велико, он так покорно склонялся перед волей Старца, полностью отсекая свою волю с самого поступления своего в обитель, что до последнего своего вздоха ничего не делал без старческого совета и благословения.

Смирняя дух, молодой подвижник непрестанно порабощал тело, удручая его подвигами поста, который соблюдал во всей точности. Особенно подвизался он Великим постом и на первой неделе в первые два дня и в четвертый не вкушал ничего.

Обстановка его келлии отличалась необыкновенной простотой. Одежда его была самая скромная, богатого убранства он не терпел.

По облачении в рясофор в 1851 году отец Иоанн сделался еще строже к себе и усилил ревность к выполнению монашеских правил (2, 35).

В 1854 году он принял постриг в мантию и был наречен Исаакием. С этого времени он оставил даже невинные шутки, к которым имел склонность по своему природному остроумию, и стал заметно уклоняться от всяких излишних бесед. Безмолвие постепенно становилось

его естественным состоянием. Большую часть времени стал отец Исаакий проводить в умном делании и чтении творений святых отцов, в которые он любил углубляться и размышлять в уединении о прочитанном. Смиренный подвижник, думавший лишь о спасении своей души, он всеми силами старался избегать славы мира сего, уклоняясь даже от принятия сана священства и только по убеждению своего духовного отца, преподобного Макария, со слезами согласился на посвящение (2, 36).

19 июня 1855 года он был рукоположен в иеродиакона, а 8 июля 1858 года – в иеромонаха (2, 36).

Приняв сан священства, отец Исаакий продолжал вести подвижническую жизнь. Строгое исполнение скитских послушаний, неопустительное посещение богослужений, беспредельная преданность Старцу, благодатная простота, смирение, необыкновенное простодушие в обращении с братией, сострадание к страждущим оставались его отличительными чертами.

В 1860 году впервые зашла речь о возможной кандидатуре отца Исаакия на место уже престарелого настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Моисея.

Старец Макарий предпринял поездку в Москву к митрополиту Филарету и получил благословение на избрание отца Исаакия настоятелем. Когда слух об этом дошел до смиренного отца Исаакия, он тотчас отправился к Старцу, стараясь отклонить это назначение. Но преподобный Макарий ответил: „Если воля Божия будет на это и будут тебя избирать, то не отказывайся. Только не гордись!..“ (2, 39).

В конце этого же года преподобный старец Макарий почил в Бозе, оставив отца Исаакия на попечение своего присного ученика и преемника старца преподобного Амвросия.

В 1862 году скончался и настоятель преподобный Моисей, и отцу Исаакию пришлось заменить его в управлении обителью (2, 40).

8 сентября 1864 года он был возведен в сан игумена с вручением ему настоятельского жезла (2, 51).

Трудно было смиренному подвижнику, любителю безмолвия, проводившему большую часть времени в молитве и уединении, принять на себя это тяжкое бремя.

Его настоятельство длилось 32 года, вплоть до самой смерти. „Я принял обитель с одним гривенником“, – вспоминал он позже. Но это затруднительное финансовое положение, явившееся в первые дни настоятельства тяжелым испытанием для отца Исаакия, послужило к еще большему утверждению его веры в Промысл Божий о святой обители. Пришлось как-то ему в который раз скорбеть о невозможности содержать братию. И вдруг приходит известие об уплате долгов обители усердием одного помещика и о завещании еще одного благочестивого жертвователя в ее пользу 15 тысяч рублей. Он возблагодарил Господа, воскликнув: „Господи! Я, неблагодарный, не имея на Тебя надежды, стал было сетовать, а вот уже и помощь Тобою послана“ (2, 53).

С тех пор преподобный Исаакий уже не переставал возлагать молитвенное упование на Господа и более не имел материальных нужд, ибо доходы монастырские ощутимо стали увеличиваться и не оскудевали почти во все время его управления обителью.

В историю Оптиной Пустыни преподобный Исаакий вошел как многопопечительный строитель: в пору его настоятельства возводились новые монастырские корпуса, обновлялись храмы, завершено было строительство водопровода и воздвигнуты новые гостиницы.

В 1874 году, по завещанию скитоначальника препо-

добного Илариона, скончавшегося в 1873 году, отец игумен Исаакий приступил к постройке новой больницы с церковью во имя святого Илариона Великого. При больнице была устроена аптека, снабженная всеми необходимыми медицинскими средствами для братии и посетителей обители (2, 57-59).

Ввиду все возраставшего спроса на духовно-нравственное чтение, был построен новый большой корпус для книжной лавки. Простому народу, во множестве приходившему в обитель, раздавались безвозмездно крестики, священные изображения, книжечки и „Троицкие листки“.

При преподобном Исаакии в Скиту устроен был придел во имя преподобного Макария Египетского в память почившего старца Макария, приобретен большой колокол весом в 750 пудов. Были куплены лесные и луговые участки, построен свечной заводик (2, 67-68).

Но, обращая большое внимание на внешнее благоустройство монастыря, еще большее попечение имел отец настоятель о внутреннем благоустройстве насельников его, которое после отца архимандрита Моисея было в цветущем состоянии. Духовные силы обители преимущественно были сосредоточены в Скиту, откуда, как светлое солнце, сияло старчество, столь прославившее Оптину Пустынь.

С самого вступления своего в должность настоятеля игумен Исаакий в лице великого Оптинского старца преподобного Амвросия обрел духовного отца и руководителя, относясь к нему с неизменной преданностью и послушанием, уважением и сыновней любовью. Без совета Старца отец настоятель не приступал никогда ни к какому важному делу. Каждую субботу, накануне служения, он отправлялся для исповеди в Скит и, сидя в приемной преподобного Амвросия вместе с другими,

смиренно дожидался своей очереди, которая иногда доходила до него не скоро.

Не изменил он этому обычаю и после кончины Старца, продолжая, несмотря на ослабление своих телесных сил, аккуратно посещать его преемника, старца Иосифа, хотя он был из числа постриженников настоятеля Исаакия. Только незадолго до кончины, когда силы уже стали оставлять его, он начал приглашать Старца к себе.

Узнав на собственном опыте пользу старчества, отец Исаакий духовное окормление братий возложил на Старца, не оставляя их и своим духовным попечением.

Особенное внимание обращал отец Игумен на непустительное посещение братиями храма Божия. Сам наблюдал за строгим соблюдением церковного устава, а равно и за благоговейным отправлением церковных служб, неспешным чтением и чинным стоянием братий в храме.

Обращая главное внимание на внутреннюю жизнь иноков, отец Исаакий требовал исполнения и наружного благочиния, ибо внешнее с внутренним связано так тесно, что внутреннее устройство выражается во внешнем поведении, а последнее отражается на первом. Начало исправления монаха всегда идет от внешнего к внутреннему. Поэтому Преподобный, если замечал в ком из братии гордость или тщеславие, желание выказать свои таланты перед ним или братией, то старался смирять их, напоминая о монашеском обете плакать о грехах своих, а не кичиться природными дарованиями. Особенно стремился отец Настоятель искоренять дерзость и упрямство, причем если брат даже после старческого внушения и наложенного на него наказания не исправлялся, то отец Исаакий высылал его из обители, предупреждая вред, могущий быть для немощных от его дурного примера. Впрочем, в случае

чистосердечного раскаяния милостивый настоятель вновь принимал его, если благословлял на это Старец. Однако к таким крайним мерам отец Игумен прибегал только в редких случаях, когда встречал закоснелое упрямство со стороны виновного (2, 82).

Преподобный снисходил по возможности к немощам брата и старался с каждым поступать сообразно его духовному устроению и даже мирским привычкам, но при случае не стеснялся делать замечания и выговоры, иногда в довольно резкой форме. Некий послушник из ученого люда, слушавший некогда лекции в университете, ушел из Оптиной Пустыни, долго скитался по разным местам и через некоторое время опять явился к игумену Исаакию, наговорил ему немало дерзостей и, наконец, сказал: „Вот ты игумен, а не умен“. Спокойно выслушав речи безрассудного, Настоятель ответил: „А ты вот хоть и умен, да не игумен“.

Забываясь о нравственном преуспейании братства, преподобный Исаакий неохотно отпускал кого-либо из стен обители даже на богомолье, особенно на долгий срок, считая для монаха пребывание в миру столь вредным, что он не может уже вернуться в обитель с прежним духовным устроением. Исключение он делал только для поездок по монастырским делам, полагаясь здесь на силу послушания, которая способна покрыть инока и сохранить от всех мирских искушений.

Не любя свободного обращения братии с мирянами, а равно празднословных бесед, Преподобный строго воспрещал им, особенно молодым послушникам, ходить без нужды в гостиницу, принимать по келлиям мирских посетителей, а также делать где бы то ни было сборища после вечерних правил.

Отличаясь в отношении к братьям простотой и смирением, вне начальственных отношений Преподобный

считал всех равными себе, сажал их рядом с собой пить чай или беседовать. Если во время своих неоднократных поездок на монастырские дачи встречал там кого-либо из иноков, приехавших туда же по делу, и если тот из почтения к Настоятелю хотел удалиться в отдельное помещение, шутил: „Что, разве со мною конфузно?“ Проявляя нежную отеческую заботливость к братии, часто спрашивал у старых и нуждавшихся монахов: „Не нужно ли тебе чего? Может быть, чайку или сахарку?“ Впрочем, особенной любви к кому-либо старался не выказывать, дабы не возбудить зависти в других, а отличаемого брата не привести в гордость. Оценивая столь мудрое и любвеобильное отношение к себе Старца, братия, в свою очередь, питали и к нему нелицемерную любовь и уважение как к строгому начальнику и любвеобильному отцу, всегда заботившемуся обо всех, и называли его между собой не иначе как „дедушкой“.

Веря в благодатную силу молитв своего „дедушки“, некоторые иноки, случалось, получали благополучный выход из тесных обстоятельств при молитвенном к нему обращении. Так, один монах, будучи в опасности погибнуть при переправе через реку осенью, когда лед был еще некрепок, избавился от опасности, призвав на помощь молитвы своего „дедушки“ (2, 87).

Многие иноки познавали силу и действенность его слова, по которому, входя к нему часто очень расстроенными, выходили вполне покойными, забыв свои скорби. „Какие у нас скорби? – говорил им при этом Преподобный, – у нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру так скорби: жена, дети, обо всем забота; а у нас что? Полно Бога гневить, надо только благодарить Его...“

Его духовные наставления были просты и лаконичны, их назидательность и учительность, как правило, всегда оказывали благотворное воздействие, ибо были

плодом благодати и многого опыта и исходили из сердца любящего, при искреннем желании добра духовным своим чадам. „Ну, вот, брат, я тебя предупреждаю, а там смотри сам, чтобы мне за тебя не отвечать пред Богом“, – нередко говаривал он, глубоко сознавая тяжкую ответственность Настоятеля пред Судом Божиим за каждого брата, оставленного им без вразумления. И так всегда и во всем: в своем стоянии пред Господом старец Исаакий каждый внешний поступок и каждое глубинное движение сердца поверял Христовыми заповедями и ответственностью перед Судом Всевышнего.

Молитва Иисусова была непрерывно на устах его, где бы он ни находился. Преподобный неопустительно посещал храм Божий до самой своей предсмертной болезни, приходил всегда к началу службы, а к утрени выходил из келлии иногда до звона, причем будильщик постоянно находил его уже бодрствующим. Впоследствии открылось, что Старец вставал в 12 часов ночи, исполняя положенное в Скиту келейное правило, и затем уже шел к утрени (2, 116).

Во время поздней обедни и после краткого полуденного отдыха отец Исаакий принимал посетителей или ходил по работам, а при первом ударе колокола к вечерне опять спешил в храм Божий.

Когда по великим праздникам, воскресным и торжественным дням Преподобный совершал Божественную службу, сослужащие замечали, что во время главных моментов богослужения он исполнялся чувством особенно благоговения и голос его от умиления прерывался.

Великим постом, несмотря на возраст и немощи, канон св. Андрея Критского на первой седмице, первые Евангелия на часах Страстной и утренний канон преподобный Исаакий читал всегда сам, причем с умилением твердым голосом пел светилен „Чертог Твой виж-

ду, Спасе мой, украшенный“. Голос его был по-прежнему силен, и каждое слово, произносимое им при чтении (например, молитвы в день святой Пятидесятницы), внятно раздавалось по всему храму, и чтение его было глубоко прочувствованно.

Вера преподобного Исаакия в Промысл Божий укреплялась неоднократным посещением его во время настоятельства милостью и помощью Божией.

Был с ним такой случай. Поехал он однажды на монастырскую мельницу под Болховом. Время было зимнее. Переночевав в Белеве, отец Настоятель, по обыкновению, сел в возок, и лошади тронулись далее. Неизвестно отчего, но они вдруг быстро понеслись и начали бить. Кучер успел соскочить с облучка и только видел, как бешено мчался возок с сидевшим в нем отцом Исаакием, подпрыгивая по дороге. Преподобный, не имея возможности освободиться из закрытого со всех сторон возка, мысленно обратился с усердною молитвою о помиловании к Святителю Николаю Чудотворцу. Вдруг лошади моментально остановились. Отец Исаакий вылез из возка, подошел к ним и начал их оглаживать. Оказалось, что тройка остановилась на самом краю глубочайшего оврага. Еще бы одна минута, и Преподобный с возком и лошадьми оказались бы на дне его. Так по молитвам Святителя Христова Николая отец Исаакий остался жив и не чувствовал даже боли от толчков в возку, а уже после, через некоторое время, стал ощущать боль в теле и несколько похворал. С того времени Преподобный особенно благоговел к скорому заступнику в бедах Святителю Николаю Чудотворцу (2, 127-128).

К присылаемым в Оптину Пустынь под начало на исправление преподобный Исаакий относился с отеческим попечением и заботливостью, стараясь по возможности облегчить их тяжелое положение. Строго наблюдая за

их поведением, он, в случае их неисправности, приглашал к себе, усовещевал и старался возбудить в них раскаяние в непристойных поступках. Только в крайних случаях, если видел в подначальном ропот или неудовольствие, старался через начальство удалить его из обители, причем обращал внимание начальства на неудобство держать человека против воли в непривычной для него обстановке и даже на опасность в этом отношении для его духовного устроения, всегда имея в виду лишь пользу братии и подначального. Обыкновенно же, по истечении срока епитимии, преподобный Исаакий отпускал его с одобрительной аттестацией.

Вполне отрехшись от почестей и славы мира сего, Преподобный относился совершенно равнодушно к наградам и повышениям и даже уклонялся от них. Так, когда в начале 1870-х годов ему предложили сан архимандрита, он по своему смирению отказался от него и потому вместо архимандритства был награжден палицей. И все же внимание начальства к непрерывным и примерным трудам его по управлению обителью не раз вознаграждало подвижника помимо его собственной воли, и честь, от которой он бегал всю жизнь, как бы нарочно преследовала его. В 1885 году отец Исаакий был возведен в сан архимандрита уже без предварительного его согласия (2, 129).

В свое время он получал и ордена: св. Анны третьей и второй степени и св. Владимира четвертой и третьей степени. Последняя награда (орден св. Владимира третьей степени) была ему пожалована за несколько месяцев до его блаженной кончины.

В 1887 году Оптину Пустынь посетил Великий Князь Константин Константинович. Высокому гостю был подан ужин в настоятельских покоех. Простота и духовная мудрость Настоятеля произвели отрадное впечатле-

ние на Великого Князя, и он впоследствии не раз говорил, что подобных людей ему не приходилось видеть. Посетив затем Скит и преподобного старца Амвросия, августейший гость отбыл из Оптиной, унося о ней светлое и отрадное воспоминание. Впоследствии он возжег в Скиту неугасимую лампаду пред чудотворным образом главы святого Иоанна Предтечи. С тех пор общение между Великим Князем и отцом Исаакием не прекращались до самой блаженной кончины последнего.

Таким образом, в продолжение своего почти 32-летнего управления обителью преподобный Исаакий всячески старался поддерживать все добрые, завещанные Оптиными старцами предания, заботясь о духовном преуспении вверенной его попечению братии. Если и случались при нем среди братства некоторые нестроения, то не должно забывать, что время его правления совпало со всеобщим ослаблением нравов среди мирских людей, а это отразилось на нравственном строе и монастырей. Сам Преподобный, жалуясь на упадок монашества в России, особенно за последние тридцать лет, относил это печальное явление к нестроениям мирской жизни, которая, вследствие ослабления уважения к благочестию и вере Православной, утратила прежнюю свою чистоту. А потому и поступающие из мира в монастырь, зараженные духом гордости, самомнения и противления власти, естественно, вносили в обитель эти немощи. Поэтому и меры строгости, применявшиеся прежде, должны были смениться некоторым снисхождением. Вот почему главным образом отец Исаакий, вполне сознавая великую ответственность настоятеля пред Богом, так тяготился бременем правления, нередко высказывая это в беседах с некоторыми лицами.

Летом 1890 года преподобный Амвросий уехал в основанную им Шамординскую женскую общину и там за-

держался, что очень огорчало отца Исаакия. „Двадцать девять лет провел я настоятелем при Старце, – говорил он, – и скорбей не видал. Теперь же, должно быть, угодно Господу посетить меня, грешного, скорбями“.

Вскоре с отцом Архимандритом приключился первый удар – паралич, впрочем, легкий, так что он довольно быстро оправился. Но здоровье его стало заметно ослабевать, а потому он пожелал келейно принять пострижение в схиму, которое и совершил над ним в 1890 году братский духовник скитоначальник преподобный Анатолий (2, 132).

Несмотря на разные скорби и огорчения, выпавшие на долю преподобного Исаакия в последние годы жизни, он не падал духом, благодушным терпением их приготовлялся он к переселению в вечность, продолжая по-прежнему заниматься делами обители.

В июне 1894 года началась у него предсмертная болезнь. Братия, убедившись в неминуемости печального исхода, начали понемногу ходить к Старцу за получением последнего благословения. Каждого благословлял он иконою и говорил слово на пользу, а на просьбу указать своего преемника отвечал: „Матерь Божия Сама укажет вам игумена“ (2, 134–135).

Во все время болезни он неопустительно слушал чтение келейного правила, а за две недели до блаженной своей кончины начал ежедневно причащаться Святых Христовых Таин. Он был покоен духом, впрочем, готовился к исходу из сей жизни не без страха: „Страшно умирать. Как явлюсь пред лицом Божиим и на Страшный Суд Его? А сего не минуешь“, – говаривал он. Последнее его наставление ко всем братиям, из которых многие спрашивали его: „Как, Батюшка, жить после вас?“, было следующее: „Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо“ (2, 136).

20 августа со Старцем случился второй удар. Он уже не мог говорить, но в тот же день знаками выразил желание причаститься Святых Таин, что и было исполнено. В таком положении Преподобный прожил еще два дня, не теряя сознания и постоянно молясь.

22 августа в восемь часов вечера он мирно почил о Господе, в глубокой старости, 85 лет от роду (2, 137).

На девятый день по кончине преподобного Исаакия иеромонах Трифон, будущий митрополит, обратился к собравшимся с вдохновенным Словом на кончину возлюбленного аввы: „Всю жизнь ты шел путем Христовым и им же вел и врученное тебе стадо; не переставая „дея“, учил ты великим началам, на которых зиждется духовная жизнь обители Оптинской: глубокому, всецелому повиновению Старцу и твердому, неустанному подвижничеству... В лице почившего обитель потеряла Старца, чистого сердцем, который никогда не солгал пред Богом и не дал безумия Богу, сурового подвижника в бедных ризах, со словом правды на устах... И теперь, уповаем, возлетел он в светлые небесные обители... Надеемся, что и с высоты небесной будет он взирать на чад своей обители и радоваться их духовному преуспеянию и исканию себе спасения... Господь да ублажит тя и упокоит, и нас святыми твоими молитвами да помилует, яко Благ и Человеколюбец. Аминь“ (2, 143–148).

Тело его с честью было погребено множеством монашествующих и мирян, светлая душа же его воспарила в Обитель Отца Небесного в вечную блаженную жизнь.

Так великий по своей жизни и просвещенный добродетелями преподобный отец наш Исаакий воспринял конец здешних трудов и Господь призвал его к Небесному блаженству, по слову евангельскому: *Кто*

*убо есть верный строитель и мудрый, егоже поставит
Господь над челядью своею даяти во время житомерие.
Блажен раб той, егоже пришед Господь его обрящет
творяща тако. Воистинну глаголю вам, яко над всем
имением своим поставит его (Лк. 12, 42–44).*

Наставления старца Исаакия

О Церкви

Особое внимание обращал Старец на неопустительное посещение храма Божия. Если замечал, что некоторые начинают редко ходить к службам Божиим, то обращался с увещанием к братии: „Отцы святые! Забываете Церковь. Надо знать, для чего мы пришли в обитель. Ведь мы должны за это пред Богом отвечать. Прошу всех вас не забывать храма Божия“ (2, 76).

Возгревая же ревность братии к общественной молитве, преподобный Исаакий говорил: „За это вас Царица Небесная не оставит и пошлет Свою милость“, – причем собственным исправным посещением церковных служб сам первый подавал всем добрый пример (2, 77).

О смирении и терпении

Старец старался убедить в необходимости терпения при случающихся скорбях: „Надо терпеть. Как же святые-то терпели? Что же после этого мы за монахи, если и малых оскорблений переносить не будем!“ (2, 81).

Считая послушание высшей добродетелью инока, он выражался так: „Смирение – это высота“ (1, 79).

Вот так-то будет лучше – повиноваться и отвергать свою волю. Будешь так поступать, и впредь во всем тебе будет хорошо и радостно (2, 80).

На вопрос инока, вопрошавшего его, как победить гордость, Старец сказал: „Для этого необходимы борьба и самопонижение к смирению. Это не вдруг приходит, а со временем. Это то же, что пролить кровь. Проси Бога. Постепенно будешь осваиваться со смирением, а после оно и в навык обратится“ (2, 124).

О скорбях

„Какие у нас скорби, – говорил преподобный Исаак, – у нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру так скорби: жена, дети, обо всем забота; а у нас что? Полно Бога гневить, надо только благодарить Его; живем на всем готовом“ (2, 88).

О нестяжательности

Однажды, войдя к одному монаху в келлию и увидев постланный у его кровати половик из серого сукна, Старец сказал: „Это излишество, – достаточно постлать рядно (грубый деревенский холст)“ (2, 86).

Как жить (последние наставления Преподобного)

Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо (2, 136).

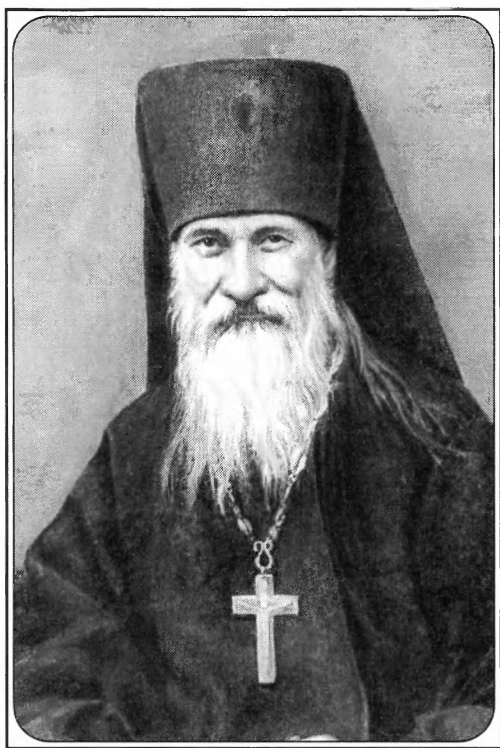
Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите благ не земных, а небесных; здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни, и оканчивайте дни свои (2, 140).

Литература

1. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: Август: Оптинский архимандрит Исаакий. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1994. С. 413–448. (Репринт).

2. Житие схиархимандрита Исаакия I. М.: Изд. Оптиной Пустыни, 1995.

Житие
преподобного
Иосифа,
старца
Оптинского

1837 – 1911

Оптинский старец иеросхимонах Иосиф, в миру Иван Евфимович Литовкин, родился 2 ноября 1837 года в селе Городище Харьковской губернии, в семье благочестивых родителей. Как мать, так и отец были очень милостивы к бедным, раздавая свои достатки щедрой рукой. Любили принимать сборщиков-монахов и непременно каждому из них подавали на устройство обители (1, 9).

В семье было шестеро детей. Маленького Ивана, названного так в честь святого Иоанна Милостивого, с

самого раннего детства воспитывали в любви к молитве и благочестию, он рос кротким, чутким, добрым и застенчивым. „Из этого мальчика выйдет что-нибудь особенное“, – говаривал отец. А надо заметить, что если о ком-то из своих детей Евфим Емельянович говорил что-нибудь, то после все сбывалось в точности.

Избранность будущего подвижника проявилась очень рано, когда восьмилетний отрок был удостоен явления Божией Матери. Однажды, играя во дворе, он вдруг изменился в лице, поднял голову и руки кверху и тут же упал без чувств. Когда его стали спрашивать, что с ним случилось, он ответил, что видел в воздухе Царицу Небесную. „Да почему же ты так думаешь?“ – „Потому что на Ней была корона с крестиком“, – отвечал он. „Ну, а почему же ты упал?“ – снова спросили у него. На это он тихо сказал: „Около Нее было такое солнце... Я не знаю, не знаю как сказать!“ – быстро добавил он и заплакал.

С тех пор он очень изменился, сделался тих, задумчив и стал уклоняться от детских игр, находясь неотлучно при матери; взгляд его кротких глаз сделался еще глубже, и в его детском сердечке загорелась живая вера и любовь к Царице Небесной (1, 12).

В одиннадцать лет мальчик остался круглым сиротой, и началась жизнь скорбная, полная трудов и лишений. Отрок перебивался поденной работой и жил по чужим углам. Юный Иоанн постоянно подвергался опасностям, но Господь хранил сироту. Так, однажды он, таская доски с плотов, оступился, упал в воду и стал тонуть, так как попал между двух плотов и выплыть было некуда. Но вдруг какая-то невидимая рука точно вытолкнула его на поверхность воды, и Господь спас его от смерти (1, 17).

В этот период молитва была неизменной спутницей его скорбной жизни, а храм – единственным местом утешения, куда его всегда влекла боголюбивая душа.

Через несколько лет он поступил на службу к Таганрогскому купцу, который, сердечно расположившись к старательному, добросовестному и смиренному юноше, решил женить его на своей дочери, но этого не произошло. Позже, когда его, уже монастырского старца, спрашивали, нравился ли ему кто, пока он жил в миру, он отвечал смиренно и простодушно: „Да ведь я был близорук и никого не мог хорошо рассмотреть издали, а близко подходить совестился – был застенчив“.

Предоставив все воле Божией, Иван испросил у хозяина разрешение сходить на богомолье в Киев. По дороге зашел в Борисовскую женскую пустынь. Там мудрая старица схимонахиня Алипия посоветовала ему идти в Оптину, к старцам. Монахини Белевского монастыря, ехавшие в Оптину, взяли его с собой. В Оптиной они шутя сказали старцу Амвросию, что привезли с собой „брата Ивана“. На это прозорливец со всей серьезностью ответил: „Этот брат Иван пригодится и нам, и вам“, промыслительно указав на предстоящее старческое служение будущего своего преемника, которому суждено будет окормлять иноков Оптиной и инокинь Шамордина. Встреча старца Амвросия и „брата Ивана“, определившая всю его дальнейшую судьбу, произошла 1 марта 1861 года. С трепетом предстал он перед Старцем, рассказал ему всю свою жизнь и просил благословения пойти в Киев, куда давно стремилась его душа. Прозорливый старец Амвросий сказал: „Зачем тебе в Киев, – оставайся здесь“. Иван глубоко верил, что в словах Старца заключается для него указание воли Божией, и потому со словом „благословите“ он поклонился богоносному Старцу и вручил ему себя (1, 25).

Вскоре новоначальный послушник был определен одним из келейников Батюшки. Новый келейник перешел в „хибарку“ старца Амвросия, где он и прожил более

полувека – тридцать лет вместе с преподобным старцем и еще двадцать – без своего великого наставника.

Здесь в „хибарке“ старца Амвросия, сделавшейся для него „училищем благочестия“, он восходил по лестнице добродетелей, постигал монашеское делание и стал со временем сам наставником монахов.

15 апреля 1864 года Иван был пострижен в рясофор, а 16 июня 1872 года – в мантию с именем Иосиф (в честь преподобного Иосифа Песнописца) (1, 31).

Глубочайшее смирение отца Иосифа соделало его душу сосудом, способным вместить, удержать и приумножить добродетели и духовные дарования своего великого отца и старца. Слова Спасителя: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29) так и напрашиваются эпиграфом ко всей его жизни. Он никогда ничем не выделял себя, тихо делал свое дело, был преданнейшим помощником старца Амвросия, держал себя чрезвычайно скромно и добросердечно. Любовь отца Иосифа к преподобному старцу Амвросию была такая же тихая и благоговейная, как и вся его жизнь. Он не любил выказывать своих чувств, но приверженность его к Старцу была глубока и искренна.

Однажды скитская братия была перепугана приходом какого-то неизвестного человека, который размахивал пистолетом и кричал: „Иду к отцу Амвросию!“ Никто не решался подойти к нему, боясь, что он выстрелит, а он между тем направился в „хибарку“. Кто-то предупредил отца Иосифа. Он нисколько не смутился, со спокойным видом и, вероятно, с тайной молитвой вышел к этому странному человеку и кротко спросил его, что ему нужно. „Мне нужно видеть отца Амвросия“, – отвечал тот, потрясая пистолетом. Преподобный Иосиф, невозмутимо глядя ему в глаза, осенил его знаменiem креста; незнакомец сейчас же опустил руку,

и одному из присутствующих удалось отнять пистолет. Человек этот оказался душевнобольным, а случай этот показал, какая самоотверженная любовь к старцу Амвросию была у его ученика (1, 45–46).

В 1877 году отец Иосиф был посвящен в сан иеродиакона, а 1 октября 1884 года, в день торжественного открытия Шамординского монастыря, устроенного заботами батюшки Амвросия, – в сан иеромонаха. Его священнослужение всегда было неторопливое, благоговейное, и сам он в дни служения делался особенно радостным (1, 31, 35).

Несмотря на хлопотливое послушание и постоянное пребывание на народе, преподобный Иосиф очень много читал творений святых отцов, черпая для себя те неистощимые дарования мудрости духовной, которою так богат был впоследствии сам и прибегал к ней, наставляя приходивших к нему за советом и утешением. Внутренняя же его жизнь была слишком сокровенна, чтобы можно было говорить о ней – ведома она только Богу и Старцу. Ясно лишь было, что Преподобный – человек глубокого внутреннего мира, хранивший сердечное безмолвие и непрестанную молитву (1, 38–39).

Преподобный Амвросий, провидя в своем келейнике и ученике достойного преемника в старчестве, с любовью приуговаривал его к этому высочайшему служению. Старец не возбранял ему входить в общение с посетителями, а некоторых даже прямо благословлял относиться со своими духовными нуждами к отцу Иосифу. Замечательно было при этом то, что ответы преподобного Иосифа всегда почти совпадали с ответами на тот же вопрос самого Старца.

Старец Амвросий доверял отцу Иосифу во всем, называя его своей правой рукой, и в течение тридцати

лет, до самого своего отъезда в Шамордино, никогда не разлучался с ним (1, 41).

Жил при Оптиной Пустыни инок-прозорливец, блаженный отец Пахомий. Он очень любил отца Иосифа; и когда тот был еще простым монахом, отец Пахомий всякий раз, как с ним встретится, непременно попросит у него благословение. „Отец Пахомий, да я не иеромонах“, – улыбается отец Иосиф. – „Удивляюсь, – отвечает отец Пахомий, – отец Иосиф все равно что отец Абросим“.

Одна раба Божия, юродивая, была у преподобного старца Амвросия и, увидев отца Иосифа, сказала ему: „Вот было у одного старца два келейника; один из них и остался на его месте“. Так промысл Божий почти с самого начала предсказывал его старчествование, на которое он был предназначен Самим Богом (1, 43).

В феврале 1888 года отца Иосифа постигла тяжелейшая болезнь. В ожидании неминуемой, казалось бы, смерти его 14 февраля постригли в схиму, а на другой день прочли отходную (1, 50). После этого отец Иосиф сказал ходившему за ним брату пойти к Старцу и передать ему, что он просит отпустить его с миром. Однако Старец велел посланному вернуться к болящему со словами: „Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф“. Брат в точности исполнил приказание Старца, и только он произнес эти слова, как больной попросил чаю и с этой минуты ему стало лучше.

Во время этой болезни, которая, как оказалось, была не к смерти, а к славе Божией, Своего избранника снова, как некогда в детстве, посетила Царица Небесная. „Потерпи, любимче Мой, немного осталось“, – утешала Она его. Эти слова услышал послушник, ходивший за отцом Иосифом. Думая, что за ширмой, где лежал больной, кто-то есть, он заглянул за ширму и был

поражен: там никого не было. „А батюшка Иосиф, – рассказывал он старцу Амвросию, – лежал как пласт, с закрытыми глазами. Меня такой объял страх, что волосы дыбом встали“. И после старец Амвросий говорил некоторым, что отец Иосиф в болезни сподобился видеть Царицу Небесную (1, 51).

Как и другой светильник земли Российской, великий Серафим Саровский чудотворец, преподобный Иосиф сподобился от Самой Честнейшей Горних Сил Царицы Богородицы услышать слова сии: „Любимче Мой...“

Настало лето 1890 года. Собираясь, как обычно, в Шамордино, старец Амвросий вдруг в первый раз за всю тридцатилетнюю совместную жизнь говорит отцу Иосифу: „Тебя не возьму нынешний раз, ты здесь нужен“. Мало того, приказал отцу Иосифу перейти в его келлию, а в приемную велел перенести большую икону „Споручницы грешных“. Грустно сделалось отцу Иосифу от всех этих распоряжений. „Не вернется сюда больше Старец...“ – промелькнуло у него в голове.

С отъездом старца Амвросия монахи, привыкшие к старческому окормлению, стали ходить к отцу Иосифу, и многие начали у него исповедоваться. Во время Рождественского поста батюшка Амвросий, сильно ослабевший, стал посылать своих шамординских духовных чад в Оптину исповедоваться у отца Иосифа. Этим Старец как бы показывал, что он их передает отцу Иосифу.

10 октября 1891 года преподобный старец Амвросий блаженно почил. В это-то скорбное время обнаружилась во всем величии сила духа преподобного Иосифа. В нем многие скорбящие нашли духовную поддержку и почувствовали, что дух почившего батюшки Амвросия живет в новом старце. И Оптинская братия, никем не понуждаемая, стала относиться со своими душевными

нуждами к прямому наследнику духовных дарований Оптинского старчества отцу Иосифу. Шамординская обитель также вручила себя его руководству, а за ними и другие обители и миряне (1, 57, 59).

Одна мирская особа, окормлявшаяся у преподобного Амвросия, после его кончины сильно скорбела и недоумевала, к кому ей теперь обращаться. Сидя раз с такими мыслями в глубокой задумчивости, она, как бы в полудремоте, ясно слышит голос старца Амвросия: „Держись отца Иосифа, — это будет великий светильник“. Это положило конец ее колебаниям, и она с полной верой поехала к отцу Иосифу (1, 65).

Во всех взглядах, поступках и решениях преподобный Иосиф был так проникнут духом своих великих учителей, преподобных и богоносных старцев Амвросия и Макария, что действительно становился как бы их отражением.

Старческое руководство батюшки Иосифа отличалось сдержанностью, ровностью отношений ко всем, немногословностью. Его краткие ответы и сжатые наставления были сильнее и действеннее самых обстоятельных и продолжительных бесед. Он умел в двух-трех словах сказать так много, что сразу все становилось ясным и понятным. Самые убедительные доводы самолюбия и горделивого самооправдания разбивались тотчас от одной его фразы: „Надо потерпеть“. Своей любовью он смирял самые бурные сердца, от него веяло всегда такой небесной тишиной, что в его присутствии самые неуступчивые, гордые и строптивые совершенно изменялись. А сколько вопросов задавали в своих письмах старцу Иосифу его духовные чада! В его ответах на эти письма были наставления, необходимые для спасения души, советы, как поступать в трудных жизненных обстоятельствах.

Преподобный старец Амвросий говаривал иногда: „Вот я пою вас вином с водою, а отец Иосиф будет поить вас вином неразбавленным“. Действительно, старец Иосиф был весь сосредоточенность, речь его была сдержанна и дышала одним лишь святоотеческим учением. Несомненно, что Старцу был присущ особый дар исповеди, дар учительного, действенно сильного и вместе с тем утешительного слова, дар благодатного воздействия на внутреннее состояние кающегося.

На исповеди Батюшка был всегда серьезен, замечания его как-то особенно проникали в глубь сердца и будили сознание своей греховности пред Богом. Безнадежный грешник, побывав у преподобного Иосифа, обновлялся духом, изменялся к лучшему. Преданные старцу Иосифу духовные дети говорили: „Иногда и один взгляд его говорил мне более, чем тома проповедей“ или: „Точно шубу, снял с меня Батюшка мою скорбь, — так мне стало легко...“. Кроме таинственного влияния своего благодатного слова на душевное расположение человека, отец Иосиф имел еще несомненный дар исцеления как от страстей, так и от телесных болезней (1, 80).

Одна особа, живя в Оптиной, сильно заболела; она попросила привести себя в „хибарку“ к Батюшке. Он ее принял и, дав в руки свои четки, прошел в келлию, сказав: „Подожди“. А когда он вышел, она совершенно забыла про свою болезнь.

У крестьянки А. была большая опухоль околошейных желез. Два раза ей делали операцию, но опухоль вновь стала расти, так что она даже не могла повернуть шеи. Она обратилась к Батюшке за советом: делать ли еще одну операцию? Он сказал: „Операцию не надо делать, отслужи молебен великомученику Пантелеимону и поправишься“. Крестьянка отслужила молебен, и ее болезнь прошла безследно (1, 83).

Старец еще при жизни явился во сне одной болящей и исцелил ее. Попав потом к Батюшке, она рассказала, как он исцелил ее во сне. Батюшка, выслушав, сказал: „Ну, слава Богу! Совсем прошло? Теперь не болит? Ну, благодари Бога!“

Сохранилось множество свидетельств и удивительной прозорливости богопросвещенного Старца.

Одно семейство встречало в Оптиной Пустыни Пасху. После вечерни пришли к Старцу проститься, так как за ними должен был приехать нанятый извозчик, но Батюшка сказал: „Нет, оставайтесь и завтра отстойте утрению и обедню; служба будет торжественная и служить будет архимандрит Агапит“. Они на это ответили, что остаться им никак нельзя, так как уже нанят извозчик. Но Старец снова проговорил: „Нет, он не приедет“. Придя в номер, они стали ждать извозчика, который действительно не приехал, и они остались. Оказалось, что река была беспокойна и нельзя было переехать (1, 92).

Одна раба Божия спросила у Батюшки на общем благословении: „Я очень скорблю, – говорят, моя дочь на стороне умерла“. Батюшка говорит: „Неправда, она жива. Молись о здравии за нее“ (1, 107).

Дама приехала просить благословения переделать дом в имении. Батюшка принялся пальцем чертить на столе план дома, говоря: „Вот тут ведь у тебя вход, а тут столовая, а здесь вот то-то“. Дама, поясняя, что она думает переделать, до того увлеклась этим, что, только выйдя от Старца, поразились: откуда же Батюшка мог так точно знать расположение ее дома? (1, 99).

У одной барышни, духовной дочери отца Иосифа, болел желудок. Она приезжает к Батюшке и говорит, что лечится и поэтому по постным дням ест скоромное. Батюшка отвечает: „Займись-ка ты лучше своим

горлом – полечи его, а постное есть надо“. Она пошла к доктору, показала свое горло и выяснилось, что если бы не захватили вовремя, то могла быть горловая чухотка (1, 111).

Одна козловская помещица предложила своим двум дочерям поехать в Оптину Пустынь. Младшая охотно согласилась, а старшая не захотела. Помещица с младшей дочерью приехали в Оптину Пустынь, пошли к Старцу просить благословения пожить здесь подольше, так как им здесь очень понравилось. На это Батюшка сказал им решительно и серьезно: „Нет, надо ехать скорее домой“. Этот ответ очень удивил их, и на следующий день они опять пришли к нему в „хибарку“. Старец, выйдя на благословение и увидя их, строго сказал: „Как, вы еще здесь? Скорее поезжайте!“ и быстро пошел к себе, проговорив, уже поднимаясь по ступенькам: „А то, пожалуй, и гроба не застанете“. Помещица, очень встревожившись, тотчас собралась, и они уехали. Подъезжая к дому, они были удивлены, увидев у крыльца большое стечение народа, а вскоре из дверей показался гроб. Оказалось, что старшая дочь, отказавшаяся от поездки в Оптину, катаясь верхом, упала с лошади и убила насмерть (1, 90–91).

Дар прозорливости в преподобном Иосифе во многих случаях соединялся с даром оказания молитвенной помощи тем людям, о которых Старцу было открыто, что они находятся в опасном положении. Одна женщина спрашивала у Батюшки: „Как быть, вот уже четыре года неизвестно где пропадает мой сын“. Она уже считала его умершим. Преподобный отвечал: „Отслужи молебен Казанской Божией Матери, молись о здравии – сын твой найдется“. Через некоторое время сын прислал ей десять рублей и написал, где он. Мать целый день плакала от радости (1, 118).

Одна раба Божия вспоминала: „Получила я от одной знакомой из Севастополя письмо, что она подверглась сильному винопитию. Бывши в Оптиной, показываю Батюшке письмо. Батюшка говорит: „...Надо отслужить молебен Спасителю, Божией Матери и мученику Вонифатию“. Дал для нее иконочку и уверенно прибавил: „Она больше не будет больна этой болезнью“. Действительно, в короткое время она перестала пить и прислала благодарственное письмо“ (1, 106).

Сохранились свидетельства лиц, явно зревших угодника Божия, осиянного благодатным светом, светом нетварным. Одна благочестивая монахиня Л. вспоминала: „Мы пришли прощаться с Батюшкой. Не желая утомлять Старца, остались в коридоре в ожидании, когда он выйдет. Вскоре щелкнула дверь, вышел Батюшка. От его лица буквально исходил свет, оно было так бело и юношески светло, что мы невольно вздрогнули. Батюшка взглянул на нас непередаваемым, благодатным взглядом и так быстро ушел, что мы не успели проститься. Пришлось прийти прощаться на другой день. После нам сказали, что в этот день Батюшка общился Святых Таин“.

Протоиерей Павел Левашов, посетивший старца Иосифа в 1907 году, был свидетелем дивного чуда: „Когда я пришел <в приемную хибарки>, там был только один посетитель, чиновник из Петербурга... Он, побыв у Старца минуты три, возвратился... Взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из Скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, Батюшка выходил из „хибарки“ и молился; тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него, молящегося. Через несколько минут и меня позвали к Старцу... Мы поздоровались; через мгновение я увидел необыкновенный

свет вокруг его головы четверти на полторы высотой, а также широкий луч света, падающий на него сверху, потолок келлии как бы раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо Старца сделалось благодатным, и он улыбался. Мой рассказ будет „иудеям соблазн, эллинам безумие“, маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере – выдумкой, фантазией, галлюцинацией. Что же? Молчать? Да не будет! ...Все вышесказанное передаю как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью“ (1, 149–152).

Известно, что старец Иосиф обладал даром Иисусовой молитвы. Его ближайший келейник рассказывал, что, входя по какому-либо делу в келлию Старца, он часто заставлял его творящим молитву Иисусову. Особенно же умирительна и трогательна была эта молитва после приобщения Святых Таин, когда благодатный Старец весь погружен был в молитвенное созерцание и от сильного движения молитвы не мог даже сдерживать ее внутри, громко призывая Имя Божие. В своих наставлениях Батюшка говорил о молитве, как о самом необходимом для каждого человека деле.

В конце 1893 года заболел предсмертной болезнью скитоначальник и общебратский духовник преподобный Анатолий; и тогда по общему выбору и желанию всей братии духовничество было передано старцу Иосифу. Он так же просто и покорно, как и все принимал, принял на себя и это великое и тяжелое служение. В январе 1894 года старец Анатолий скончался, и старец Иосиф был назначен скитоначальником (1, 159).

Будучи человеком внутренней жизни, он тем не менее удивительно умел соединять в себе свойства, требуемые начальническими обязанностями и долгом старчества.

По отношению к братии он был тверд, строг и взыскателен; учил смирению, терпению, нелицемерному послушанию, монашескому поведению. Но учил этому не властью начальника, а любовью отца. Братия говорили про него: „Наш Батюшка чего не сделает приказанием, то доделает своим смирением: так скажет и взглянет, что и не хотелось бы смириться, да смиришься“.

Старец любил повторять и всегда держался мудрого изречения „Аще не от Бога дело сие, то само разорится“.

Преподобный Иосиф двенадцать лет был скитоначальником и духовником всей братии. С 1905 года Старец стал как-то особенно часто прихварывать и, видимо, ослабевал телесно, но духом был все так же бодр. Силы ему изменяли настолько, что он не мог уже исполнять должность скитоначальника и после серьезной и опасной болезни просил об увольнении его на покой. Затем он отказался и от духовничества. Преданные ему люди приняли это с большой скорбью, но, любя Старца, безропотно подчинились этой необходимости. Но духовная связь детей со своим отцом не прекратилась – по-прежнему братия шли к нему со своими скорбями и недоумениями (1, 172).

Наступила Пасха 1911 года. Первые дни Пасхи Преподобный принимал всю братию, был оживленный, бодрый и чувствовал себя хорошо, но на третий день Пасхи, 11 апреля, Старец занемог. В последующие дни болезнь усилилась. 20 апреля в келлию Старца была принесена скитская чудотворная икона Знамения Пресвятыя Богородицы и отслужен молебен. Через два дня Преподобный пожелал проститься со скитской братией. После них приходило братство монастырское. „Умираю“, – говорил он близким по духу инокам. Он ясно видел приближение исхода из сей жизни и готовил-

ся к этому часу спокойно, радостно, весь погруженный в молитву и созерцание (1, 176).

Когда все братство простилось со Старцем, он благословил прийти проститься шамординским сестрам. В продолжение нескольких дней между Шамордино и Оптиной тянулись непрерывной вереницей плачущие сестры. К этому времени стали съезжаться и из других обитателей, а также мирские духовные дети Старца. С 28-го числа Преподобный совсем перестал принимать пищу, только ежедневно приобщался Тела и Крови Христовых. Все время, до самой кончины, он находился в полном и ясном сознании.

Блаженной, мирной кончины сподобил Господь верного раба Своего. На одре смерти его „лицо было озарено таким неземным светом, что все присутствовавшие были поражены: мир и глубокое спокойствие запечатлелось на нем. Дыхание становилось все реже, губы чуть заметно шевелились, что свидетельствовало, что присный делатель молитвы окончит ее только тогда, когда дыхание смерти заключит его уста... 9 мая 1911 года в 10 часов 45 минут Старец испустил последний вздох; его чистая праведная душа тихо отделилась от многотрудного тела и воспарила в небесные обители; та же ангельская улыбка озарила его благолепный лик и застыла на нем. В эту ночь некоторые из иноков, не зная еще, что Старец скончался, видели его во сне светлым, сияющим и радостным. В последующие дни он также являлся многим и на вопрос: „Как же, Батюшка, ведь вы умерли?“ отвечал: „Нет, я не умер, а напротив, я теперь совсем здоров“ (1, 185).

Один иеромонах, будучи на послушании, не мог прийти в церковь проститься и очень скорбел, что ему так и не пришлось видеть лицо почившего Старца, когда по просьбе почитателей его открывали. Через некоторое

время он видит во сне, что Старец, лежащий во гробе, сам приподнимает наглавник и говорит: „Ты скорбишь, что не видал меня,— вот смотри“. Затем Преподобный сказал ему еще несколько касающихся его лично слов, которые, по уверению иеромонаха, привели его в трепет и умиление. „Из этих слов я увидел,— говорит он,— какое великое дерзновение Старец имеет уже теперь; что же будет с ним после сорокового дня?“ (1, 192).

Другое посмертное явление во сне старца Иосифа связано с его благодатной помощью. В ту ночь, когда Старец скончался, одна белевская монахиня, жившая по своей бедности лишь помощью Старца и очень скорбевшая, как она теперь будет жить, видит его во сне. Батюшка приходит к ней светлый, радостный и говорит ей: „Не скорби, вот тебе батюшка Амвросий посылает на нужды 25 рублей“. Проснувшись и узнав, что батюшка Иосиф скончался в ночь, она подумала, что не только батюшка Амвросий, но и батюшка Иосиф теперь уже никогда не пришлет ей денег, а больше получать ей их неоткуда. Но каково же было ее удивление, когда через несколько дней она получила по почте 25 рублей. Вскоре та же благодетельница прислала ей еще 25 рублей, вспомнив, что когда-то отец Иосиф просил ее помочь этой бедной монахине (1, 192–193).

Драгоценно сообщение о нетлении тела старца Иосифа во дни перед погребением. „Когда по просьбе монахинь и почитателей Батюшки иеромонахи поднимали наглавник и открывали батюшкино лицо, он был как живой, так хорош, светел, покоен, только очень, очень худ. 11 мая, на третий день после кончины, когда обычно усопших предают земле, я и другие заметили, что личико Батюшки с утра сделалось темнее, но 12 мая опять посветлело и стало еще лучше прежнего. Все четыре дня от батюшкиного тела не ощущалось ни малей-

шего запаха: небольшой признак тления показался только перед погребением на ручке, в том месте, к которому мы прикасались, когда прикладывались наши грешные уста, да и то в размере трехкопеечной монеты; выше же этого места, под схимою, ручка была совершенно беленькая. Замечательно, что ручка была мягкая и теплая, гораздо теплее, чем в болезни, а иеросхимонах о. Л., подкладываявший под головку Батюшки вторую подушку, чтобы личико было повыше, говорил, что и все тело батюшкино мягкое, не заоченелое“ (1, 227-228).

Возженная на могиле блаженнопочившего старца Иосифа неугасимая лампада, кроме напоминания о прошлом, свидетельствует еще и о том, что почивший Старец не перестает и по смерти согревать и освещать всех, с верою приходящих к нему.

На девятый день на его могиле совершенно исцелилась одна бесноватая. Она долго болела непонятною болезнью, и, сколько ни лечилась, ничто не помогало и никто не мог определить, чем она больна. Случайно придя в Оптину в то время, когда скончался старец Иосиф, она в церкви приложилась к его мертвой руке и тотчас же начала кричать. После она никак не могла спокойно проходить мимо могилы Старца, всякий раз упиралась и кричала: „Боюсь, боюсь его!“ Наконец сопровождавшие ее крестьянки решили насильно подвести ее к могиле; больная упиралась, неистово кричала, но те все-таки положили ее на могилу. Тогда она вдруг успокоилась и, полежав несколько времени, поднялась совсем здоровая. Пробыв в Оптиной довольно долгое время, она говела, причащалась, и болезненные припадки больше к ней не возвращались (1, 190-191).

Память о преподобном старце Иосифе неотделима от молитвенного почитания преподобного Амвросия Оптинского, рядом с которым и судил Господь упокоиться

присному чаду и ученику его. Закончим строками, взятыми из жизнеописания духовного сына незабвенного отца: „Приидите к нему, на его святую могилку, все труждающиеся и обремененные, воздохните ко Господу о упокоении праведной души его, поведайте ему, как живому, ваши скорби и поистине обрящете покой душам вашим, тот покой и мир, который при жизни его так обильно изливался на всякого, с верою приходившего к нему“.

Верим, что и ныне, предстоя Престолу благодати Божией, испрашивает преподобный отец наш Иосиф у Владыки Христа и Его Пречистой Матери прощение грехов наших. Его молитвами да сподобимся и мы услышать Божественный глас, вещающий: *благий рабе и верный, вниди в радость Господа своего* (Мф. 25, 21).

Наставления старца Иосифа

Об уповании на Господа

Будущее же наше в руках Божиих. И без искушений прожить век нельзя. Не то, так другое, не другое, так третье. Потому и Господь предостерегает: „будите готовы“. Впрочем, если всегда будете молитвенно прибегать ко Господу, с упованием на Его милость, то всегда будете обретать благовременную от Него помощь (1, 263).

Но что внутри неладно, очень печально. Молись Богу, проси у Него терпения и не унывай. Делай все ради Бога, не ради чего-нибудь временного, и Господь никогда не оставит тебя и труды не забудет. Потерпеть же всем надо, скорби у всех, без них и в покой не войдешь (1, 264).

Всегда должно помнить мудрую пословицу: „Живи не как хочется, а как Бог велит“. Как устроились обстоятельства, так и должно жить, потому что окружающие нас обстоятельства устроятся не просто случайно, как думают многие современные нам новомодные умники, а все делается с нами Промыслом Божиим, непрестанно пекущимся о нашем душевном спасении (1, 269).

О молитве

Рассеиваешься иногда при молитве Иисусовой. Трудно, чтобы никогда не рассеиваться. Это свойственно только совершенным; а мы с тобой люди грешные. На

языке, говоришь, молитва, а на уме Бог весть что; и потому, думаешь, не оставить ли в таком случае молитву. Нет, не оставляй. Лучше сухим хлебом питаться, нежели оставаться совсем без хлеба (1, 249).

Иисусову молитву твори всегда, потому что призывание Имени Господа помогало даже и язычникам. От рассеянности и празднословия воздерживайся трудом с молитвой Иисусовой, а от уныния спасайся плачем о грехах. Когда унываешь, – говорит Апостол, – молись, а когда весела – то пой псалмы и песни духовные (1, 251).

Молиться с самопонужением состоит в нашей воле; а молиться с умилением зависит от Бога. Мы же должны молиться молитвою, какою можем; а за самопонужение Бог даст и умиление в свое время, когда Ему благоугодно будет (1, 249).

Если и не достигнешь вполне плодов и совершенства молитвы, то хорошо и то, если скончаешься на пути к ней. Высокого (т. е. утешения и духовных озарений) не ищи: оно приходит, когда Богу угодно. Как в древние времена, так и теперь упражнение в молитве возможно и даже необходимо для всех; молитвою все получается, даже самая молитва, и поэтому не нужно никогда оставлять ее.

Как спасаться

Надобно стараться быть кроткой и смиренной, и тогда взятое иго Христово будет благо и бремя легко. Ухаживай за больным как за самим Христом, и за это ты получишь спасение и на земле будешь избавлена от тяжелых страстей. Не бросай больную, а то Господь по-

шлет другую, добрую, а ты лишишься уготованной тебе награды. Враг потому больше и нападает, что твое послушание ему очень не по вкусу, а может быть, он, пронырливый, и заметил близкий конец и хочет лишиться награды. Кто за мзду делает что, то за что же еще ему будет награда? Кто охотно ради Христа делает туне, тот и получит от Него во сто крат больше и následует жизнь вечную (1, 281).

О пути духовном

Старайся избавиться от разных страстей, и когда сердце станет ко всем мирное, тогда всюду будет жить легко. Если напрасно гневаешься на кого, то, по слову святого Апостола, – человекоубийца. Нужно за обижающих нас, за тех, которые почему-либо не нравятся, молиться по примеру Самого Спасителя. В церковь ко всякой службе спеши придти до начала и до конца не уходи, иначе не получишь в помощь Божией благодати и будешь всегда с окаменелым нечувствием сердца. Во время службы старайся ничего из читаемого и поемого не пропускать, иначе будешь рассеянна. Сама знаешь, что плохо, а что хорошо, а поэтому и старайся хорошего держаться, а от дурного уклоняться. Проси всегда помощи Божией, ибо сказано: *Без Меня не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Будешь удерживать чрево от пресыщения и услаждения, а также и тело от излишнего покоя, и Господь вскоре поможет тебе более работать для души, чем для тела. Сама за себя дашь ответ Господу, а потому смотри слишком не угождай телу, иначе уготовишь ему вечный огонь (1, 265–266).

...Не осуждай, не укоряй, не злись, не гордись, не ропщи. За все Бога благодари (1, 270).

Всячески надо себя нудить на все: к молитве, покаянию, терпению и самоукорению. Ты говоришь: не хочется трапезной пищи – это тоже искушение. Святые отцы в сладость сухой хлеб вкушали; а нам вареная пища не нравится (1, 277).

Отцы святые всегда помнили, что они здесь маловременные гости, поэтому мало заботились о брании, которое скоро должно паки обратиться в гной, пищу червей; ...всячески ее [плоть] утруждали, смиряли постом, бдением, молитвою; посредством сего смирялась и душа. А без первого не может быть второго (1, 277).

Думай о спасении

...Будь внимательней к своему спасению, пока есть день, т. е. надо себя всячески понуждать на всякое доброе дело, повторяю тебе: понуждать надо себя, ибо нуждницы получают Небесное Царство (1, 282).

О грехах

То, что мы еще живы, означает, что Господь терпит наши грехи и ожидает нашего исправления, а если кто законно потрудится о спасении, то того берет Господь в то время, когда он становится достойным милости Божией. Ленивых же и нерадивых берет смерть после того, как они перестанут подавать какую-либо надежду на свое спасение. Нам дана свобода выбирать вечную радость или горе; потщимся же избрать первое (1, 268–269).

Во втором письме описали вы случай, бывший с вами в Петербурге: одну половину скоромного пирожка в среду вы скушали по забвению, а другую половину ску-

шали, уже опомнившись. Первый грех извинителен, а другой не извинителен. Это похоже на то, как если бы кто по забвению бежал бы к пропасти, но среди дороги опомнился бы и все-таки продолжал бы бежать, презирая угрожающую ему опасность (1, 276).

О смирении и терпении

Пишешь, что после приобщения хорошо чувствовала себя, – то слава Богу, утешающему наше недостоинство. А что скоро прошло, – то и в этом отеческий Его Промысл о нас виден. Ибо постоянное утешение расслабляет душу и приводит ее к лени, а то и к большому вреду. Потому Господь и отнимает вскоре и дает нам опять почувствовать немощь нашу, и бессилие, и греховность. Надо больше смиряться, себя укорять, покаяние приносить в прегрешениях и не желать утешений, а с терпением переносить попускания. И за тщеславие попускается сухость и охлаждение (1, 264–265).

Ты говоришь, хочется тебе нарядиться в ангельскую одежду, т. е. мантию. Тогда надо и жить ангельски. И потом говоришь, что ты достойна не мантии, а грязного кафтана. Хорошо это смиренное сознание своего недостоинства. Только бы не на одних словах, а и на деле исполнять (1, 262).

...Терпи, сестра, утешая себя тем, что за терпение скорбей уготовляется Господом вечная неизглаголанная радость. Иногда, при унынии духа, скажи себе (как говорил нам в свое время покойный наш батюшка Амвросий): „Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, потерплю и я“. Помни еще, что никто из людей без скорбей не наследовал жизнь вечную (1, 257).

Царствие Божие нудится, и без понуждений его никто не получал. Надо сносить тяготы других, а для этого проси у Господа терпения (1, 265).

О покаянии

Покаяние тогда истинно, когда после него усиленно будешь стараться уже жить как должно, а без этого оно мало действительно, если каешься лишь бы проговорить о грехах, а жить по-старому (1, 254).

Когда видишь, что не исправляешься, а только прилагаешь грехи к грехам, то надо стараться приносить в них покаяние. Спешి открывать язвы душевные пред Господом и ищи разрешения и прощения. И если по прощении паки в то же впала, паки прибегай к покаянию, и так до конца. И Бог, видя твой труд, твое покаяние, не оставит тебя без Своей помощи и милости. Если Он нам завещал прощать кающемуся брату семьдесят раз седмицею, то не больше ли Сам подаст нам прощение, когда мы прибегнем к Нему с покаянием. А что страсти не отступают, то сие по смотрению Божию. Пишут св. отцы, что страсти и падения смиряют человека, приводят его в сокрушение сердечное и тем привлекают ему Божие милосердие (1, 254).

О скорбях

Вы думаете, что за грехи Господь наказал вас. – Может быть, и так, а может быть, к испытанию вашей веры; а скорее всего – по той и другой причине. Впрочем, как бы то ни было, ваше дело – в постигшем вас временно наказании усматривать должно благодать Божию к вам и любовь. Ибо Господь Премилосердный временны-

ми скорбями хочет избавить вас от вечных ужаснейших мучений, о которых подумать страшно. А потому взывайте ко Господу с праведным Иовом: *Буди Имя Господне благословенно от ныне и до века!* (Иов 1, 21) (1, 256).

Господь да поможет тебе. Трудись по совести, молись Богу и проси терпения. Скорби – добрый знак; показывают, что на тесном пути стоим. Смиряться больше и себя укоряй (1, 256).

Пишешь, что скорби и скорби, и о том только и думаешь, что скорби. А скорби ведут на Небо: так устроено Богом для очищения грехов и недопущения до больших проступков, и для получения вечнорадостной блаженной жизни на Небе. А ты обижаешься на Бога, что Он в Рай тебя как бы насильно тащит. А ты эти мало-временные скорбишки часто-часто сравнивай с адскими огненными мучениями бесконечными, которые ты заслужила грехами. Одумайся и скажи: „Господи, благодарю Тебя за скорби. Мало мне, грешной, этих скорбей, пошли их больше мне, только избавь от адских вечных мучений и томлений бесконечных“ (1, 257).

...Царствие Небесное не дается лежащим на боку, а только трудящимся и скорби терпящим (1, 258).

Оскорбления... по необходимости должно потерпеть; ибо за грехи что-нибудь должно терпеть; если не здесь, то в будущей жизни. Только в будущей-то жизни скорби очень ужасны. От них да избавит нас Господь Своєю благодатью и человеколюбием... (1, 258–259).

...Если терпеть не будем скорбей, а если и будем терпеть, да с ропотом, с гневом, с досадою, с раздражением,

то что это за терпение. Это только укоренение в себе злобы, гнева, а от сего гордость. Ничего нет удивительного, что монах терпит скорби, которых мир не знает. Путь в Царство Небесное узкий и тернистый, по которому прошел первый Сам Спаситель мира... В него иного пути нет, как только узкий и прискорбный (на малое время). Так вот, радость моя, монах не на скорби и трудах должен смотреть, а на то, что следует за скорбями: там – неизглаголанная вечная радость, там свет Трисолнечного Божества никогда-никогда не престаёт веселить злотерпящих на юдоли земной (1, 259).

Все угодники Божии достигали вечной жизни скорбным путем. А потому и вы, если желаете увестись Христу в чертоге небесном, не отрицайтесь нести иго начальствования, возложенное на вас Самим Господом; а лучше предайтесь в Его Святую волю, ибо без воли Его ничего с нами не бывает. Вы жалуетесь на слабость здоровья; но сила Божия в немощи совершается (1, 260).

О самоукорении

Спрашиваешь: как сделать, чтобы считать себя за ничто? Помыслы высокоумия приходят, и нельзя чтобы они не приходили. Но должно им противоборствовать помыслами смиренномудрия. Как ты и делаешь, припоминая свои грехи и разные недостатки. Так и впредь поступай и помни всегда, что и вся наша земная жизнь должна проходить в борьбе со злом. Кроме рассматривания своих недостатков, можешь еще и так смиренномудрствовать: „Ничего доброго моего у меня нет, и никаких своих преимуществ я не имею. Тело у меня не мое, оно сотворено Богом во чреве матернем. Душа дана мне от Господа. Потому и все способности душевные и теле-

сные суть дары Божии. А моя собственность – только одни мои бесчисленные грехи, которыми я ежедневно прогневно и прогневаю Милосердного Господа. Чем же мне после этого тщеславиться и гордиться? Нечем“. И при таких размышлениях молитвенно проси помилования от Господа. Во всех греховных поползновениях одно врачевство – искреннее покаяние и смирение (1, 279).

О неприязни к ближнему

Жалуешься, что не можешь смотреть на сестру. – Изгоняй этого беса из сердца твоего поклонами земными твоей сестре и проси ее, чтобы она помолилась о тебе, чтобы ты была помирней, поумажительней со своей сестрой, а если не будешь исполнять, как я тебе советую, – то всегда ты будешь в смущении, потому что злой дух будет всегда тобой обладать, если не выгонишь ты его поклонами смиренными сестре твоей. Пожалей сама себя, смиряйся, и Бог даст, будешь покойна, а то ведь погибнешь (1, 283).

О спорах

...Спорить не нужно, так как через спор выходят иногда большие неприятности. Сказано: тот велик пред Богом, кто смиренно уступает ближнему, и смиренных Бог возносит, а гордых и спорливых Бог смиряет. Укорять надо только себя, а не ближнего за свои недостатки (1, 279).

О помыслах

Открывать помыслы духовным отцам или матерям есть предание древнее и имеет великую пользу. Откры-

вать надо все, что смущает; а одно открывать, а другое утаивать – нет пользы. Это не вред, если будут знать недостатки и погрешности твои, но больший вред, если хвалить тебя будут или считать за исправную (1, 280).

Смирйся пред младшими тебя, живи воздержанно, не наедайся до сытости, ибо от сего умножаются помыслы. Если будешь себя очень смело и вольно держать, то не миновать тебе лютой плотской борьбы (1, 262).

О чтении

...Достань книгу „Поучения Аввы Дорофея“... Эту книгу читай постоянно, прилагая к себе уроки нравственности и стараясь по ним исправлять и направлять жизнь свою. Наши покойные старцы называли книгу эту азбукою монашеской жизни (1, 277).

Читать иногда лишние главы из Святаго Евангелия и акафисты можете, наблюдайте только, чтобы все это исполнялось Вами без особенного отягощения... (1, 277).

О христианском браке

...А если ей не пришлось выбрать себе мужа по страсти или по плотской любви, то за это должна благодарить Бога; потому что вступающие в брак по влечению страсти чаще всего бывают несчастливы в жизни (1, 269).

О целомудрии

Никогда за руку не бери мужчин, а то не уйти тебе от лютой бесовской плотской брани. У нас не принято

даже между монахами брать друг друга за руку, – а вам, как более немощным сосудам, тем более не должно прикасаться друг к дружке. Если Царица Небесная управила твой путь, то не оскорбляй Ее своими нерадениями и небрежностью в деле своего спасения. *Царствие Небесное нудится, и только одни нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12), а ленивые услышат грозный глас: *лукавый рабе и ленивый... вверзите [его] во тму кромешнюю...* (Мф. 25, 26, 30) (1, 278).

Как жить в монастыре

...Что делать, что трудно тебе достается; надо потрудиться ради святой Обители. За это Господь наградит, и Обитель будет помнить твои труды с благодарностью. Молитовку не оставляй. Если в церковь не можешь ходить всегда, то помаливайся почаще во внутренней клети своей – в сердце своем. Там можно молиться и во время работы. Бог да поможет приучиться к сему. Вспоминай почаще и о последнем часе нашей жизни (1, 265).

Литература

1. Житие иеросхимонаха Иосифа. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1993.
2. Екатерина (Лебедева), ин. Оптинский старец Иосиф: Жизнеописание и записи. М., 1911.
3. Михайлов А. Память Оптинского старца иеросхимонаха Иосифа//Журнал Московской Патриархии. 1988. № 10. С. 69–73.

Житие
преподобного
Варсонофия,
старца
Оптинского

1845 — 1913

Преподобный и богоносный отец наш Варсонофий, в миру Павел Иванович Плиханков, родился 5 июля 1845 года в городе Самаре в день памяти преподобного Сергия Радонежского, которого он всю жизнь глубоко почитал. Семья его была состоятельной и благочестивой. Отец происходил из Оренбургских казаков и занимался торговлей (1, 9). Боголюбивая мать его рано отошла ко Господу, и отец женился вторично. Брак этот был промыслительным, ибо мачеха оказалась богобоязненной, доброй и любящей

женщиной. Звали ее, как и покойную мать мальчика, Наталией.

Каждый день она брала маленького Павла в храм к утрени и Литургии. Бывало, она уже одета и готова, а малыш все еще кутается в одеяло. „Ах, а Павел-то все еще спит, подай-ка холодной воды“, – обращалась она в таких случаях к горничной. Павел высовывался из-под одеяла и отвечал: „Мамуся, а я уже проснулся“. Мальчика одевали, и они по темным улицам спешили в храм. Всю жизнь Старец был благодарен своему отцу и добросердечной мачехе за привитую ему любовь к Церкви и храмовому богослужению.

Семья любила молиться и дома. Случалось, читают взрослые акафист, а маленький Павел распевает тоненьким голоском на всю квартиру: „Пресвятая Богородице, спаси нас!“

Когда Павлу было шесть лет, произошел удивительный и достойный особого внимания случай. Прогуливаясь с отцом по парку, окружающему их дом и охраняемому сторожами и собаками, они увидели какого-то убеленного сединами странника. И удивительно, как он мог попасть в сад, куда собаки без лая никого не пропускали. Тихо подойдя к отцу, странник сказал: „Помни, отец, это дитя в свое время будет таскать души из ада!“ И после этих слов он внезапно исчез. Напрасно потом везде разыскивали загадочного старичка – никто его больше не видел (1, 11).

Девяти лет Павел был отдан в гимназию. После ее окончания он обучался в Полоцкой военной гимназии (бывшем кадетском корпусе), затем в военном училище, из которого вышел в офицерском чине. Не раз приступали к нему в этот период жизни с предложением обзавестись семьей. „Подумай, Павлуша, – советовала ему мачеха, – может быть, захочешь жениться, при-

глядись к барышням, не понравится ли тебе которая из них?”

Однажды, за послушание, пошел Павел Иванович на большой званый обед, чтобы приглядеться к невестам. „Ну, думаю,— вспоминал Старец,— с кем мне придется рядом сесть, с тем и вступлю в пространный разговор“. Господь премудро устроил так, что рядом с молодым офицером поместился священник, человек высокой духовной жизни, и завел с ним беседу о молитве Иисусовой. Павел Иванович так увлекся, слушая его, что совершенно забыл о своем намерении присматриваться к невестам. Когда же закончился обед, в сердце молодого человека созрело твердое желание никогда не жениться, о коем он немедленно и сообщил своей доброй мачехе, чем обрадовал ее, ибо она всегда имела тайное желание, чтобы Павел целиком посвятил свою жизнь Господу.

Но мир пока не хотел отпускать его из своих коварных сетей. „Приходилось,— говорил впоследствии Батюшка,— делать по службе вечера, приемы... Меня это очень тяготило...“.

Павел Иванович окончил офицерские штабные курсы, дослужился до чина полковника Оренбургского казачьего войска и стал старшим адъютантом штаба Казанского военного округа. Жизнь готовила ему блестящую военную карьеру, но Господь иначе устраивал жизнь будущего подвижника...

Постепенно он почти перестал посещать аристократические дома, шумные дружеские собрания, полюбил тихие монастырские службы. Сослуживцы часто называли его идеалистом. „Слыхали, Павел Иванович-то с монахами сошелся!“ – „Неужели? Вот несчастный человек!“ – таково было плотское мудрование мира...

Однажды по долгу службы Павлу Ивановичу пришлось оказаться в Москве; уже на вокзале он узнал, что

в одном из храмов Божественную литургию служит великий Иоанн Кронштадтский. Немедленно отправился в этот храм и, затаив дыхание, вошел в алтарь. Литургия заканчивалась. Отец Иоанн переносил Святые Дары с Престола на жертвенник. И вдруг случилось неожиданное: поставив Чашу, всероссийский молитвенник подошел к молодому офицеру, поцеловал его руку и молча отошел к Престолу. Присутствующие переглянулись, – конечно, это какое-то важное предзнаменование, не будет ли этот полковник священником?.. (1, 52).

Павел Иванович все более утверждался в мысли оставить мир и уйти в монастырь, чтобы посвятить жизнь Богу. Посещая монашеские обители, расположенные на берегах великой Волги, он переживал, как впоследствии сам вспоминал, минуты высокого духовного восторга...

Как-то ему в руки попала книга „Вера и разум“, в которой он прочитал, что в Калужской губернии, недалеко от города Козельска, находится монастырь Оптиная Пустынь и в ней есть великий старец Амвросий, к которому ежедневно со всех концов России стекаются тысячи богомольцев за разрешением своих недоумений.

В конце августа 1889 года Павел Иванович Плиханков в белом кителе с полковничьими погонами прибыл в благословенную обитель и сразу же направился в Иоанно-Предтеченский Скит к преподобному старцу Амвросию.

Вид военного никого здесь не удивил: бывали в Оптиной и верующие военные. Но этот офицер все же был особенным. Это почувствовала бывшая тогда в келлии старца Амвросия блаженная мать Параскева. Еще не видя Павла Ивановича (он только подъезжал к гостинице), она сказала: „Павел Иванович приехал!“ – „Слава Богу“, – спокойно ответил о. Амвросий.

Оба они духом знали, что приехал будущий старец (1, 55).

Павел Иванович сказал Старцу, что имеет желание поступить в монастырь. Старец сказал: „Искус должен продолжаться еще два года, а после приезжайте ко мне, я вас приму“ (1, 56).

Осенью того же года молодой полковник внезапно заболел воспалением легких, и доктора определили положение больного безнадежным. Очень остро почувствовал он дыхание смерти, велел денщику читать Святое Евангелие, и с трепетом стал слушать строчки Божественного Писания. Внезапно увидел он Небеса отверзшимися и весь содрогнулся от великого страха и света. В одно мгновение вся прошлая жизнь пронеслась перед ним. Со слезами уразумел он необычайную глубину евангельских слов, и глубочайшее покаяние пронзило внезапно душу умирающего офицера. „Из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал великим старцем“, — говорил о случившемся преподобный Нектарий. К немалому удивлению врачей и сослуживцев, больной стал быстро поправляться и, наконец, выздоровел окончательно (1, 60–61).

Однако искус продолжался. В Петербурге, вместо отставки, Павлу Ивановичу предложили генеральскую должность. Окружающие нашли ему красавицу невесту. Кроме того, он не находил денег, чтобы расплатиться с долгами. Наконец все устроилось, и он, получив благословение мачехи, бросив все, под Рождество Христово 1891 года приехал в Оптину Пустынь (1, 76).

К этому времени преподобный Амвросий уже отошел ко Господу. Павла Ивановича встретил преемник Старца, скитоначальник отец Анатолий. Сорокашестилетний Павел Иванович Плиханков был принят в число послушников Иоанно-Предтеченского Скита и определен

келейником к иеромонаху Нектарию – будущему преподобному старцу.

Три года каждый вечер ходил послушник Павел к преподобному старцу Анатолию, великому делателю молитвы Иисусовой, для духовных бесед и обучения умной молитве. Уже послушником он стал делателем Иисусовой молитвы.

Подобно многим, ставшим на путь монашеской жизни, он нес многообразные скорби. „Когда я был рясофорным послушником, – вспоминал Старец, – я терпел много гонений, и до того скорбел, что даже приходил к мысли оставить Скит. Но я сказал себе: лучше умру, а не уйду, – все, все буду терпеть“. Это были годы его духовного возмужания, постепенного возрастания в нем богодухновенного пастыря стада Христова.

После кончины в 1894 году старца Анатолия почти целое десятилетие Господь сподобил подвижника вкушать сладость уединенного жития. Пользуясь уединенностью и тишиной Скита, в котором все располагало к внутренней уединенной молитвенной жизни, он опытно занимался изучением святоотеческой аскетической литературы и деланием Иисусовой молитвы.

И все это время духовником его был преподобный старец Нектарий, с которым у отца Варсонофия всегда сохранялось глубокое взаимопонимание.

И вот когда в тишине уединенной келлии подвижник вошел в „меру возраста духовного“, Господь поставил его на служение обители и православному народу.

Послушник Павел был пострижен в рясофор 26 марта 1893 года, а в декабре 1900 года, во время, казалось бы, неизлечимой болезни, его келейно постригли в мантию с именем Варсонофий (1, 86, 124).

Через два года, 29 декабря 1902 года, отца Варсонофия рукоположили в иеродиакона, а 1 января 1903 го-

да – в иеромонаха. В этом же году указом Калужской консистории иеромонах Варсонофий стал помощником скитона начальника, духовником Скита (1, 128, 133), а также духовником Шамординской обители.

От Господа стопы человеку исправляются и пути его восхощем зело (Ср.: Притч. 20, 24). И вот в 1904 году, когда началась русско-японская война, иеромонах Варсонофий был отправлен на фронт в качестве священника при лазарете (1, 136). Тяжело было Батюшке оставлять любимый благословенный Скит и возвращаться в шумную военную среду, которую он когда-то покинул.

По пути на фронт он заехал в Московский Богоявленский монастырь, чтобы попросить напутственного благословения у Преосвященного владыки Трифона, с которым его связывала глубокая духовная дружба.

С честью нес преподобный Варсонофий свое послушание на фронте, за что в мае 1904 года был награжден наперстным крестом.

1 ноября 1905 года Старец возвратился в Скит (1, 153). „Рука Господня была со мною, и я возвратился благополучно в родную мне Оптину Пустынь. Чаял я тогда, оставив все попечения внешние, в тишине келейного безмолвия оплакивать грехи мои, слезами очищать и уготовлять свою душу к переходу в вечность, но Бог судил иначе“, – вспоминал Батюшка.

14 мая 1907 года преподобный Варсонофий был возведен в сан игумена, а 29 июня назначен скитона начальником, так как старец Иосиф по болезни уже не мог заниматься делами (1, 158). Не искал и не желал Старец сего, даже наоборот, не решался принять на себя это многотрудное бремя, понимая, что придется расстаться с тишиной и безмолвием своей смиренной келлии... И только по долгу монашескому, за святое послушание принял он на себя этот тяжелый крест.

Новый скитоначальник быстро уплатил долги, отремонтировал скитские храмы и келлии, обновил ризницу и пополнил библиотеку. Строгость аскетической жизни, богословская начитанность и дар рассуждения очень скоро привлекли к нему многих людей, ищущих спасения души.

С кончиной праведного Иоанна Кронштадтского и старца Варнавы Гефсиманского приток богомольцев в Оптину особенно увеличился. Ежедневно принимал преподобный старец Варсонофий для духовных бесед лиц самых разных сословий, отвечал на множество приходящих к нему писем...

„Вера Христова есть дыхание и жизнь русского народа, — писал Старец. — С утратою и оскудением этой веры в сердце народа неминуемо прекратится и жизнь его. Каждый народ ставит те или иные задачи, которые и составляют сущность, содержание его жизни, но у русского народа одна задача, которая коренится в глубине его души. Это вечное спасение его души, наследие вечной жизни, Царства Небесного“.

Преподобному Варсонофию был дан от Господа дар сразу располагать к себе душу кающегося грешника. Батюшка умел одновременно и подвигнуть человека к чистосердечной исповеди, и показать ему всю тяжесть и безобразие грехов, и влить в душу надежду на спасение. Слово его было властно, и наставления его неизгладимо запечатлевались в сердцах приходящих, ибо исходили они из благодатного опыта и знания тайн человеческой души. Всякого обращающегося к нему умел он принять, выслушать, дать совет и наставление, будучи умудрен благодатью Божией. И благодать эту, почивавшую на нем, чувствовал всякий, кто приходил к Старцу с любовью и доверием.

Игумен Иннокентий, духовный сын Преподобного,

впоследствии вспоминал: „...Один раз в неделю, именно в четверг, Старец никого из мирян не принимал, и этот день у него был назначен исключительно для монашескую братии монастыря и Скита. Ангелоподобный Старец, облаченный в полумантию, в епитрахили и поручах, с великой любовью принимал каждого, не спеша задавая вопросы, выслушивая и давая наставления. При этом он имел совершенно одинаковое отношение как к старшим, так равно и к самым последним. Все ему были с беззаветной любовью преданы, и он знал до тонкостей душевное устроение каждого. Бывало, после исповеди или откровения помыслов какая бы скорбь или печаль, или уныние ни угнетали душу, все сменялось радостным настроением и, бывало, летишь от Старца, как на крыльях радости и утешения...“ (8, 347-348).

Старец Варсонофий был наделен Господом и даром прозорливости. Один благоговейный почитатель вспоминал первую встречу с ним: „Я онемел от ужаса, видя перед собою не человека, а ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл, лиц и прочее. Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: „Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить“ (8, 347).

Дар прозорливости давал Преподобному возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни душевные и телесные, изгонять бесов. Это требовало от подвижника непрерывного пребывания в Боге, святости жизни. Многие видели старцев, озаренных светом при их молитве. Видели и старца Варсонофия как бы в пламени во время Божественной литургии.

„Однажды я присутствовала при служении отцом Варсонофием Литургии, – вспоминала монахиня Александра. – В этот раз мне пришлось увидеть и испытать нечто неопишное. Батюшка был просветлен ярким светом. Он сам был как бы средоточием этого огня и испускал лучи. Лучем исходявшего от него света было озарено лицо служившего с ним диакона“ (8, 348).

Одному из обращавшихся к нему Преподобный говорил: „Старцев называют прозорливцами, указывая тем, что они могут видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству, – это дар рассуждения. Это есть наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У них, кроме физических очей, имеются еще очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникнет у него мысль, они видят ее духовными очами, даже видят причину возникновения такой мысли. И от них не сокрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты думаешь и делаешь...“

Предсказывал старец Варсонофий о наступлении революции и гонениях на веру Христову. Он говорил, что, возможно, повторятся гонения и мучения первых христиан. Все монастыри будут закрыты, и это время не за горами... (12, 116). Еще в период расцвета Оптиной Старец говорил, что монастырь будет разрушен, а в Скиту будет пастись скот.

В 1907 году приехал в Оптину Пустынь скромный юноша Николай Беляев, будущий преподобный старец Никон. Скитоначальник преподобный Варсонофий, светлый, величественный, с головой, покрытой белыми серебристыми волосами, с тихой улыбкой, по-отечески тепло приветствовал его. Опытный в духовной жизни седовласый старец и девятнадцатилетний молодой че-

ловек после первых же бесед почувствовали глубокое духовное родство. Они, столь разные по возрасту и развитию, понимали друг друга с полуслова. Незримые духовные нити между ними все более и более укреплялись, образовав прочную привязанность. Прозорливый Старец явно видел это с первых же дней их знакомства: „Наши сердца настроены на один лад, – слышал от него однажды послушник Николай. – Они звучат в один тон“ (11, 51, 53). Весь свой духовный опыт, все знания, накопленные за годы подвижничества, передавал старец Варсонофий своему любимому ученику, послушнику Николаю, как достойному принять и сохранить этот дар. Особенно укреплял Батюшка послушника Николая в стремлении к стяжанию непрестанной молитвы: „Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий, идущий этим путем, испытывает скорби. Раз решился идти этим путем, пошел, то не ропщи, если встретятся трудности, скорби – нужно терпеть...“

И еще старец Варсонофий любил повторять: „Смиряться, смиряйтесь, смиряйтесь. Краеугольный камень иноческого жития есть смирение“. Истинный образец древнего старчества и ученичества являли собой отношения батюшки Варсонофия с его духовным чадом Николаем Беляевым.

И замечательным плодом этого удивительного окормления явилось то, что послушник Николай сам стал впоследствии духовным старцем – преподобным Никоном, достойным продолжателем и преемником своего старца...

В июле 1910 года здоровье преподобного Варсонофия резко ухудшилось, ему стало так плохо, что его постригли келейно в великую схиму. „Схима – это край: или смерть, или выздоровление... Я чувствую, что

схема меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка“, – говорил Батюшка инок Николаю Беляеву (11, 194).

В ноябре 1910 года старец Варсонофий, по благословению Синода и по решению духовного собора монастыря, ездил на станцию Астапово для принятия возможного покаяния умирающего Льва Толстого. Но Преподобного не допустили к нему. Вернувшись в монастырь, старец Варсонофий сказал: „Хотя он и Лев был, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана“. Впоследствии Старцу всегда было очень трудно рассказывать об этом случае и всегда он испытывал сильное волнение (1,346).

„До страшных времен доживете вы, – пророчествовал Старец, – но благодать Божия покроет вас. Теперь повсюду ненавидят христианство. Оно есть ярмо для них, мешающее им жить, вольно и свободно творить грех. Разлагается, тлеет, вырождается новое поколение. Хотят жить без Бога. Ну, что же! Плоды такой жизни очевидны. Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Это сила посторонняя, злая сила. Источник ее – диавол. Что-то мрачное, ужасное грядет в мир...“.

Но, несмотря на великие духовные дарования Преподобного, нашлись люди, недовольные его трудами. Целое море коварства, клеветы и лжи поднялось на Старца, но он все принял с кротостью, как многострадальный Иов. Ни одно слово осуждения на клеветавших не вырвалось из его уст. Старец шел на крест. В одно из воскресений Великого поста, вспоминая в келлии Евангелие, которое читалось за Литургией, указывая на слова: *Се, восходим во Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет архиереям и книжником, и осудят его на*

смерть, и предадут Его языком. И поругаются ему, и уязвят его, и оплюют его, и убьют его, и в третий день воскреснет (Мк. 10, 33–34), – сказал: „Вот степени восхождения в Горний Иерусалим: их надо пройти. На какой степени находимся мы?“

В 1912 году Святейший Синод принял решение перевести старца Варсонофия настоятелем в Старо-Голутвин монастырь с возведением в сан архимандрита (1, 379). Со слезами, коленопреклоненно прощалась Оптина со своим Старцем...

В апреле того же года преподобный Варсонофий прибыл в Москву. Весть о приезде Старца облетела весь город. Народ сразу же окружил его, каждый почитал за счастье получить старческое благословение.

5 апреля 1912 года на Литургии в Богоявленском монастыре владыка Трифон возвел преподобного Варсонофия в сан архимандрита (1, 397). „Как под терновый венец приклонил я главу свою под золотую митру“, – вспоминал перед смертью Старец.

Благословив Батюшку облечься в архимандричью мантию, Владыка сказал с умилением: „Я привык окормлять приходящих в сей храм лишь словесным млеком, но ты требуешь твердой пищи, которой я не имею, поэтому не слово назидания намереваюсь я сказать тебе, но только хочу выразить те чувства, которыми переполняется душа моя в эту священную минуту...“.

Уже на следующий день схиархимандрит Варсонофий прибыл в Коломну, в древний Свято-Голутвинский монастырь, настоятелем которого ему пришлось быть в последний год своей жизни.

Мужественно перенося скорбь разлуки с любимой Оптиной, Преподобный принялся за благоустройство вверенной ему обители, крайне расстроенной и запущенной. И здесь не укрылся светильник, горящий

благодатию Христовой, ибо и сюда, как прежде в Оптину, стекался к Преподобному народ за помощью и утешением, и как прежде он принимал всех без отказа, врачевал телесные и духовные недуги, наставлял на тесный и скорбный, но спасительный путь. Сколько душ человеческих и здесь спас он из самых челюстей ада, как и предсказывал загадочный старец ему еще в далеком детстве!

В Старо-Голутвинском монастыре совершилось по его молитвам чудо исцеления глухонемого юноши. „Страшная болезнь – следствие тяжкого греха, совершенного юношей в детстве“, – поясняет Преподобный его несчастной матери и что-то тихо шепчет на ухо глухонемому. „Батюшка, он же вас не слышит, – растерянно восклицает мать, – он же глухой...“ – „Это он тебя не слышит“, – и снова произносит что-то шепотом на самое ухо молодому человеку. Глаза его расширяются от ужаса, и он покорно кивает головой... После исповеди преподобный Варсонофий причащает его, и болезнь оставляет страдальца... (1, 403).

И так день за днем в трудах и наставлениях протекала жизнь изнемогающего от многочисленных мучительных недугов Преподобного. „Вот здесь мое место упокоения, мне недолго осталось жить“, – говорил он.

Силы Преподобного угасали с каждым днем. Уже на смертном одре писал он своему преемнику, скитоначальнику отцу Феодосию: „В минуты скорбных дум по поводу разных тягот уношусь мысленно в милую Оптину, в родной Скит... Быть может, Господь сподобит меня затвориться в нем и подготовиться к смерти, которая, видимо, приближается“.

Несколько последних дней перед кончиной преподобного Варсонофия читалось у его одра по его благословию Святое Евангелие. Любимые ученики Ба-

тюшки, окружившие его постель, со скорбью взирали, как уходил в вечность этот великий носитель лучших заветов Оптинского старчества, благоговейно, затаив дыхание, жадно ловили каждое его слово, ясно сознавая, что иссякает уже навеки этот источник живой воды. „Не угашайте духа, но паче возгревайте его терпеливо молитвою и прилежным чтением святоотеческих и Священных Писаний, очищая сердце от страстей, — завещал умирающий Батюшка. — Лучше соглашайтесь подъять тысячу смертей, чем уклониться от Божественных заповедей Евангельских и дивных установлений иноческих. Мужайтесь в подвиге, не отступайте от него, хотя бы весь ад восстал на вас и весь мир кипел на вас злобой и прещением и веруйте: *Близ Господь всем... призывающим Его во истине* (Пс. 144, 18).

Между тем уже кончался март 1913 года и истекало 365 дней со времени выезда из Оптиной Пустыни, — число, с которым должна была совпасть и кончина Батюшки по прискорбному пророчеству блаженной Параскевы Саровской...

„Батюшка Лев, батюшка Анатолий, батюшка Амвросий, помогите мне вашими святыми молитвами“, — призывал умирающий подвижник преподобных Оптиных старцев. Последние слова его были о рае.

1 апреля 1913 года он предал душу свою в руке Господа, Которого возлюбил всем сердцем и ради Которого распинал себя всю свою жизнь до последней минуты. Святейший Синод благословил хоронить преподобного Варсонофия в его родной обители, в Оптиной Пустыни... (1, 431).

Печальным колокольным гулом, со слезами встречала Оптина Преподобного... Здесь, близ гробниц Оптиных старцев, рядом со своим духовным отцом и наставником преподобным Анатолием (Зерцаловым), нашел

место своего последнего упокоения великий Оптинский молитвенник и утешитель, преподобный отец наш Варсонофий.

После своей кончины преподобный Варсонофий являлся многим Оптинским монахам. Так, отец Феодосий однажды днем прилег отдохнуть и вдруг видит, что прямо против него сидит Преподобный и с ласкою на него смотрит. Видение продолжалось довольно долго.

Скитоначальник отец Феодосий любил читать акафист Божией Матери, желал знать его наизусть, но не мог запомнить. И вот однажды, в прохладное время, он затверживал этот акафист по книжке и, продрогнув, накинул на плечи одеяло, которое ранее принадлежало преподобному Варсонофию. С этой минуты он вдруг запомнил акафист весь целиком, получив этот дар, как некогда Елисей с милотью пророка Илии (8, 401).

В „Летописи Скита“ 12 ноября 1913 года записано: „Скитский уставщик иеромонах Кукша видел на днях во сне почившего старца схиархимандрита Варсонофия, который, подойдя к нему в храме, попросил, чтобы после Литургии пропели: „Под Твою милость...“ По окончании обедни отец Кукша спросил Старца, понравилось ли ему пение. „Да, – ответил Батюшка, – и вы всегда так делайте“. По этому случаю по распоряжению скитоначальника отца Феодосия в Скиту введено вышеназначенное пение“. Это правило свято соблюдается и поныне.

На сороковой день по преставлении преподобного Варсонофия скитоначальник отец Феодосий произнес в храме Скита исполненное глубоких чувств слово. „Батюшка, – говорил он, – всякого приходящего к нему умел выслушать и дать соответствующий совет и наставление, будучи умудрен от благодати Божией. И благодать эту, почивавшую на Старце, мог испытать вся-

кий, кто приходил к нему как к старцу. А к старцу приходят не ради чего иного, как ради того, чтобы смирить свое мудрование и преломить свою злую волю, дабы сделать ее покорною воле Божией. Здесь Батюшка являлся во всем величии старца. Даже внешний вид и обращение его производили сильное благотворное впечатление... Господь так умудрил Старца, что через него изрекал волю Свою всесвятую. И слава о батюшке Варсонофии росла и росла, хотя сам он боялся сего и даже старался закрыться, по смирению считая себя грешником... Но светильник для того и был зажжен и поставлен на свещник, чтобы светил. И он светил всем нам, при помощи благодати Божией, наставляя нас и руководя во спасение...

Будем же непрестанно молитвенно памятовать о Старце, платя за любовь любовью и питая надежду, что и за гробом не оставит он нас, как не забывал при жизни. И несомненно, величественный духовный облик Старца может служить всем, не говоря уже о тех, кто знал его, духовной поддержкой в борьбе с превратностями, скорбями и злоключениями, столь неизбежными в жизни человеческой, напоминая, что наше Отечество на Небесах, а все земное временно и тленно, и возбуждая всех к жизни по вере, к терпеливому несению жизненного креста и упованию всегда и везде на всеильную помощь Всеблагого Бога“ (1, 453–455; 459–460).

И ныне преподобный старец Варсонофий в сонме великих старцев Оптиной Пустыни предстоит пред Престолом Господа Вседержителя и своими святыми молитвами хранит эту обитель, и все российское монашество, и всех нас, с верою обращающихся к нему.

Наставления старца Варсонофия

О вере и неверии

Был человек богат, стал вдруг нищим, это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным, и это поправимо, ибо с нищим и с больным есть Христос. А потеряешь веру – великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека никакой опоры (12, 85).

Много появилось у нас воров. Не тех, которые лезут в карман или ограбляют дома, нет, эти воры злее и опаснее. Они являются к вам в костюме, говорят громкие фразы, а в результате крадут самое дорогое – веру. Когда же у человека выкрали веру, он спрашивает у своих учителей: „А как же теперь жить?“ – „Живите по разуму“, – отвечают. Разум же, как известно, без веры не всегда бывает хорошим советчиком, и человек начинает следовать хотениям своей плоти и падает все ниже и ниже (1, 262).

Деточки, берегите святую веру, это неоцененное сокровище, с ним войдете в Царство, ведь не для малого мы трудимся, а для завоевания Царства, да еще какого – Небесного! (7, от 04. 08. 1909).

Хулой на Духа Святаго, непростительной и ведущей к гибели, называется упорное неверие и отрицание бытия Божия, несмотря на воочию совершающиеся чудеса, несмотря на множество фактов, неопровержимо доказывающих существование Бога. Упорное отрицание и неверие являются хулой на Духа Божия, не прощается ни в

сем веке, ни в будущем; и человек, умерший не покавшись в своем неверии, погиб (7, от 15. 06. 1909).

О Промысле Божиим

Вся жизнь есть дивная тайна, известная только Одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, все промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства. Перед нами множество шкатулок, а ключей к ним нет... (11, 37).

О церковной службе

...Нужно приходить к службам до звона, чтобы звон заставлял вас уже в храме. Почему так? Потому что в это время Матерь Божия входит в храм. Это я читал где-то прежде. Потом читал про Киевского отца Паисия... Это был подвижник-монах, юродствовавший. Однажды он пришел к вечерне, отзвонили. В храме нет никого. Пономарь, оправив все, вышел из храма. Остался он один. Вдруг он слышит шелест, как будто кто идет. Он посмотрел и видит Величественную Жену высокого роста в сопровождении св. апостола Петра и еще кого-то. Она оглянула храм и произнесла такие слова: „К вечерне отзвонили, а монахов нет“. Затем обратилась к отцу Паисию, благословила его, осенив широким крестным знаменем, и пошла из храма, поднимаясь в то же время от земли. Отец Паисий вышел за Ней из храма, провожая ее взглядом. Она поднималась все выше и выше, пока не исчезла совсем из глаз отца Паисия (12, 162–163).

В церковь и на правило ходите неопустительно и старайтесь приходить всегда до начала. Первым старайтесь прийти. Утренняя у нас в Скиту имеет большое

значение. На ней держится вся скитская жизнь. Но она включает в себе и немалую трудность. А для нас, привыкших в миру поздно вставать, утренняя – одно из самых трудных постановлений скитской жизни (11, 115).

Об Иисусовой молитве

Страшная эта молитва, очень не любит ее сатана и старается всеми силами отомстить тем, кто ее совершает. Без руководства эту молитву проходить опасно. Если хочешь начать ее, начни с небольшого. Возьми четки. По четкам сто молитв Иисусовых в день с поклонами, хочешь земными, хочешь поясными, все равно (7, от 30. 05. 1910).

Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий идущий этим путем испытывает скорби (12, 66).

...Принуждение себя и понуждение на молитву очень нужно в молитвенном подвиге (12, 169).

Псаломские слова, троекратное повторение слов: *Обышедше обыдоша мя, и Именем Господним противляхся им* (Пс. 117, 10–12) вполне понимают все делатели молитвы Иисусовой без толкований. Это одно из самых ясных мест о молитве Иисусовой, коих очень много в Псалтири... (11, 120).

Враг внушает различные помыслы для смущения неразумных, говоря, что молитва требует сосредоточенности, умиления и т. д., а если этого нет, то она только прогневляет Бога; некоторые слушают эти доводы и бросают молитву на радость врагу... Не следует вни-

мать искусительным помыслам, надо гнать их далеко от себя и, не смущаясь, продолжать молитвенный труд. Пусть незаметный плод этого труда, пусть человек не переживает духовных восторгов, умиления и т. д., – все-таки бездейственной молитва остаться не может. Она бесшумно совершает свое дело... (7, от 11. 08. 1909).

У Батюшки спросили про Иисусову молитву: нельзя ли читать ее сокращенно. Батюшка не позволил, говоря, что ее всю целиком заповедали читать наши старцы, и ударение делать на последнем слове: грешнаго (12, 23).

...Чтобы всегда иметь память о Боге, для этого и молитва Иисусова (12, 24).

О посте

Пост бывает двоякий: внутренний и внешний. Первый есть воздержание зрения, слуха и всех наших чувств от всего скверного и нечистого, второй – воздержание от скоромной пищи. Тот и другой пост неразрывно связаны друг с другом. Некоторые люди все внимание обращают только на внешний пост, совсем не понимая внутреннего. Так, например, приходит такой человек в общество и в разговорах начинается осуждение ближних. Он принимает в них деятельное участие и много похищает от чести ближнего. Наступает время ужина. Ему предлагают скоромную пищу: котлеты, поросенка и т. д. Он решительно отказывается. „Ну, покушайте, – уговаривают хозяева, – ведь не то, что входит в уста, оскверняет человека, а что исходит из уст“. „Нет, я в посте“, – заявляет он, совершенно не сознавая, что, осуждая ближнего, он уже нарушил и даже совсем уничтожил пост (7, от 27. 12. 1912).

От невоздержания всякое зло происходит (12, 153).

Пост возбуждает к молитве (12, 153).

О покаянии

Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности. Что спасло мытаря? Конечно, это сознание своей греховности: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13). Вот эта молитва, которая прошла уже почти два тысячелетия. Заметьте, мытарь сознает себя грешным, но в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись... Господь сказал: *Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию...* (Лк. 5, 32). Кто здесь разумеется под праведниками? Люди, не сознающие своей греховности, и все-таки грешные (12, 56–57).

Вы знаете, какая у диавола тактика? Он, зная, что какой-либо человек имеет грех более или менее тяжелый, старается, чтобы человек в нем не покался. С этой целью он всячески старается умалить степень тяжести греха, внушая такие мысли: „Это не важно, Бог тебе это простит“, и тому подобное. И даже старается, чтобы человек забыл об этом грехе. Но когда этому человеку удастся как-либо исповедать духовнику на исповеди грех, то диавол всячески увеличивает тяжесть греха, внушая, что грех этот настолько велик, что Бог никогда его не простит. И старается привести человека в уныние и отчаяние. Видите, как хитер враг. Он отлично знает, что исповедью смываются все грехи, поэтому и не допускает человека до исповеди, а если он исповедуется, то враг всячески смущает... (1, 218).

О скорбях

Посещайте чаще храм Божий, особенно в скорби: хорошо встать в каком-нибудь темном уголке, помолиться и поплакать от души. И утешит Господь, непременно утешит. И скажешь: „Господи, а я-то думал, что и выхода нет из моего тяжелого положения, но Ты, Господи, помог мне!“ (1, 418–419).

Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признак особого Божия помышления о человеке. Смысл скорбей многообразен: они посылаются для пресечения зла или для вразумления, или для большей славы... (12, 161–162).

По мере того как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше (9, 38).

О смирении

Основание монашеской жизни – смирение. Есть смирение – все есть, а нет смирения – ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись (12, 33–34).

Авва Дорофей поучает нас рассматривать свою жизнь, чтобы видеть, в каком мы устроении, много ли преуспели. Это рассматривание себя, это внимание себе необходимо нужно. И кто этого не делает под предлогом неумения, тот пусть знает, что преуспевание главным образом заключается в смирении. Преуспели мы в смирении, значит, идем вперед. И никто пусть не смеет отговариваться... Оскорбил один брат другого, рассердился, обиделся обиженный брат, – идет жаловаться к начальнику на своего брата, а если и не идет, то волнуется внутренне,

может быть, ответит ему. Какое же тут смирение? Смолчать, перенести обиду, простить, – вот что нужно было сделать. Это и сделал бы смиренный (11, 136).

Не гордитесь и не тщеславьтесь ни сами в себе, ни перед другими. Считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслью, что вы приговорены к адским мучениям и что избавиться от них можете только по милости Божией. Это нелегко. Только святые достигали того – считали себя достойными адских мучений, считали себя хуже всех (11, 135).

...Более всего потщимся стяжать смирение. Пророк Давид сказал: *Смирися, и спасе мя Господь!* (Пс. 114, 5). Для спасения достаточно одного смирения. Опять сказано в псалме: *Виждѣ смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя...* (Пс. 24, 18) – так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда... (12, 60).

...Все ничего, если укоряем себя и смиряемся. А то вот многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Смиряться, смиряйтесь. Да, я скажу вам, не хотят смиряться. Это язва, язва современного монашества... (12, 102).

О помыслах

Охранять свою душу от помыслов – это трудное дело, значение которого даже непонятно людям мирским. Нередко говорят: „Да зачем охранять душу от помыслов? Ну, пришла мысль и ушла – что же бороться с нею?“ Очень они ошибаются. Иная мысль может погубить душу человека, иной помысл заставляет человека

вовсе повернуть на жизненном пути и пойти совсем в другом направлении. Святые отцы говорят, что помыслы есть от Бога, помыслы от себя (т. е. от своего естества) и помыслы от бесов. Для того, чтобы различать, откуда приходят помыслы, внушаются ли они Богом или враждебной силой, или происходят от естества, требуется великая мудрость (7, Б. д.).

Когда беспокоят помыслы страха о предстоящих скорбях, то не надо входить в разговор с ними, а просто говорить: „Да будет воля Божия!“ Это очень успокаивает (11, 167).

Об искушениях

Всякому человеку нужно претерпеть время искушений и борьбы. Тяжелое, болезненное состояние... Про эти муки говорится в псалме: *объяша мя болезни, яко рождающую...* Всякий человек, рождаясь духовно в новую жизнь, испытывает болезнь, пока еще не вышел на широту. Кто не испытал этих *болезней рождающей* в миру, тому придется испытать их в монастыре... Эти болезни заключаются в борьбе со страстями. Страсти будут восставать на вас. Враг вас не оставит. Здесь нужно терпение. Нужно терпеть самого себя и не слагать оружия, зная, что это неизбежно (11, 165).

О многоспании

...Со сном надо бороться. Надо иметь желание и решение встать, тогда вы встанете вовремя. А если нет желания и решения встать во что бы то ни стало, то если бы над тобой колокольная была, и то проспишь. Кроме того, молитесь своему Ангелу-хранителю, а также

св. Варсонофию, епископу Тверскому и Казанскому, которому дана благодать помогать от многоспания (12, 162).

О старчестве

Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, — у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление: им разрушаются все его силы. Везде он старался его погасить, и погасил! Есть монахи, исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась одна только форма монашеского жития, одна внешность (12, 29).

За советом надо обращаться к одному кому-нибудь. То, что я сейчас говорю, чрезвычайно важно, и блаженны те, кто это знает. Бывает так, что придет кто-нибудь в Оптину, посоветуется с одним, потом с другим, иногда у трех-четырех побывает. Каждый советует по-своему, и у вопрошающего получается смущение: он не знает, как поступить, чьему совету последовать. А нужно было спросить у того, к кому он первому пришел, и что тот посоветует, принять во внимание, считая это за волю Божию (12, 105).

О душеспасительном чтении

Дух Святый и теперь действует через Священное Писание и через преданных Богу людей. Оттого-то святые книги, в частности, жития святых, так благотворно влияют на душу человека, т. к. здесь слово жизни; в писаниях же неверов — Ренана, Ницше и т. п. слово смерти, потому что таким мраком, тоской и отчая-

нием покрывается душа от подобного чтения, точно мрачные туманы опускаются со всех сторон и облегают сердце человека, а Слово Духа Святого животворит (7, от 27. 12. 1912).

...Незаменимое чтение представляют собою жития святых, особенно же на славянском языке. В настоящее время славянский язык не всегда понимают, а между тем он несравненно красивее и богаче русского... В миру чтение житий святых, а в особенности на славянском языке, совсем оставили; вы же не следуйте обычаям века сего, а занимайтесь этим спасительным чтением (7, от 02. 01. 1911).

...Авва Дорофей – это азбука монашеской жизни, читая ее, можно открывать все новое и новое, и для каждого она является сообразной его состоянию. Она имеет берег, а от берега можно ходить сначала по колено, потом глубже и глубже. Иной раз сразу в глубину... (12, 37-38).

О монашестве

Монашество есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его. Полное блаженство – на небе, в будущей жизни, но нижняя ступень его – на земле. В той жизни оно только продолжается (12, 100–101).

Монах – это битые черепки... Его все бьют: и бесы, и мирские люди. От всех он постоянно терпит унижения и унижения. Бьют его, и остаются от него одни

битые черепки... А Господь возьмет его да и склеит... Только это происходит не здесь, а там... (Батюшка указал рукой на небо). Вот что такое монах... (11, 56–57).

Святой Иоанн Лествичник говорит: „Ангелы – свет монахам, монахи – свет миру“... Вспомните, что мы должны быть светом миру... Вспомните, как милостив Господь, призвавший нас в эту святую обитель. Сами посудите, какие дела мы творили, как жили до призвания нашего сюда, в эту святую обитель... (12, 68).

Есть два монашества: внешнее и внутреннее... Внешнее монашество – это упражнение в подвигах: пост, бдение, сюда же относится исправное по внешности посещение церковных служб, трезвенность и прочее. А внутреннее монашество – это борьба со страстями, очищение сердца... (12, 142).

Литература

1. Житие схиархимандрита Варсонофия / Сост. В. Афанасьев. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995.

2. Василий Шустин, свящ. Старец отец Варсонофий Оптинский // Василий (Шустин), свящ. Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах: Из личных воспоминаний. М., 1991. С. 15–39.

3. О перевозке тела архимандрита Варсонофия в Оптину в 1913 г. / Калужский обл. архив, ф. 903, оп. 4, д. 473.

4. Письмо о. Варсонофия (Плиханкова) к настоятелю Оптиной Пустыни // Калужские епархиальные ведомости, 1904. С. 534–541.

5. Пять писем иеромонаха Варсонофия к С. Н. / Б-ка МДА. Рукопись, № 212342, к. № 4.

6. Памяти Оптинского старца схиархимандрита Варсонофия. Венок на могилу батюшки. М., 1913.

7. Беседы старца схиархимандрита оптинского Скита старца Варсонофия / Б-ка Оптиной Пустыни.

8. Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Изд. отд. Владимирской епархии, 1995. (Репринт).

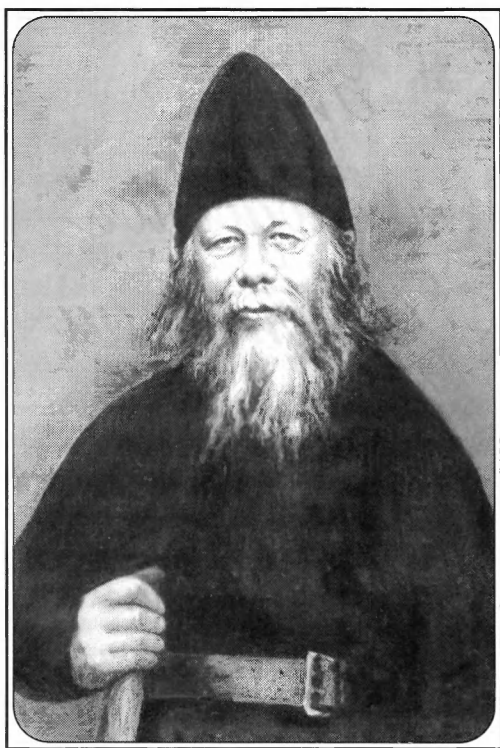
9. Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков). Келейные записки 1892–1896. М., 1991.

10. Беседы схиархимандрита оптинского Скита старца Варсонофия с духовными детьми: Надгробная речь митрополита Трифона: Посмертное завещание старца Варсонофия // Надежда. 1980. Вып. 6.

11. Житие иеромонаха Никона. М.: Изд. Оптиной Пустыни, 1996.

12. Никон (Беляев), иером. Дневник последнего духовника Оптиной Пустыни. СПб.: Сатис, 1994.

Житие
преподобного
Анатолія
(Потанова),
старца
Оптинского

1855 — 1922

Оптинский старец преподобный и богоносный отец наш Анатолий, в миру Александр Алексеевич Потапов, родился 15 февраля 1855 года в городе Москве, в старинной купеческой семье. Родителями воспитан был в благочестии и страхе Божиим, и еще с ранних лет в сердце его возгорелось желание всецело посвятить свою жизнь Богу и стать монахом. Однако мать не благословила раннее стремление сына оставить мир и пожелала, чтобы из всех сыновей именно он пребыл с нею до ее кончины. Так старец Анатолий, подобно

преподобному Сергию Радонежскому, исполнил заповедь о почитании родителей, прожив с матерью еще одиннадцать лет до ее кончины, и, таким образом, еще в миру положил начало исполнению главного монашеского обета – послушания (1, 5).

Александр закончил уездное училище, а затем занимался торговлей, служил приказчиком в Калуге. Жизнь в миру промыслительно готовила его к будущему старческому служению: занимаясь торговым делом, он узнал мир, увидел множество людей, что пригодилось ему в духовном руководстве всех, обращающихся к нему за помощью.

После кончины матери 15 февраля 1885 года, когда Александру было тридцать лет, он поступил в Оптину Пустынь и был определен в Скит келейником преподобного Амвросия. Послушник Александр стал свидетелем духовных подвигов и старческого служения великого Старца в последние годы его земной жизни, и как свеча от свечи получает пламя, так и он принял благодать старчества от преподобного Амвросия. Старец Анатолий всегда хранил благоговейную память о своем духовном отце, молитвенно обращался к нему за помощью, почитал старца Амвросия как угодника Божия.

23 апреля 1888 года, в Великую Субботу, в скитской церкви послушник Александр был пострижен в рясофор (1, 8).

Одновременно с отцом Александром, келейником преподобного старца Амвросия был инок Нектарий (Тихонов). Преподобный Амвросий, провидя их совместное старческое служение в последующие годы, часто посылал их друг к другу за разъяснениями в различных духовных вопросах, приучая к духу советования и сотрудничества.

Еще будучи келейником старца Амвросия, преподобный Анатолий уже проявлял благодатные дары про-

зорливости и любви. Был он доброты необыкновенной, все переносил с благодушием.

О его первых шагах на пути старчества сохранилось воспоминание одной сельской учительницы. Будучи духовным чадом преподобного старца Амвросия, в одну из своих поездок в Оптину она пригласила с собой знакомую. Та собиралась неохотно: „Ну, что теперь в Оптиной! Это когда-то были старцы, а теперь уж их нет больше!“ А приехав в монастырь, после службы отправилась прямо в гостиницу, ничего не желая знать о Ските. Прошло несколько дней, и она решила прогуляться. Нарядная, в шляпе, в красной мантилье, подошла к Скиту, села с книгой на лесенке старческой „хибарки“. Вышел келейник с ведерком, пошел за водой к колодцу. „Откуда ты, раба Божия?“ – спросил смиренно и ласково. – „Вот они, хваленые монахи, пристают с вопросами“, – с гневом подумала дама и отвернулась в гордом молчании. А инок Александр, набрав в колодце воды, опять подходит. И начинает рабе Божией сам рассказывать, кто она, откуда, и такое напоминает ей, что хотелось бы забыть навсегда. „Ах, – думает дама, – эта болтуня Марья Михайловна все про меня тут разболтала“. А отец Александр уже о том рассказывает, чего не только Марья Михайловна – ни одна живая душа не знала. Тут уж она сообразила, что перед нею необыкновенный монах, и повалилась дама в красной мантилье в ноги келейнику: „Вы – святой!“ Пришел тут конец и недоверию, и нарядам, и шляпкам: платочек, скромная одежда и сосредоточенная, доверчивая любовь к дорогому батюшке... (1, 17).

После блаженной кончины преподобного старца Амвросия 10 октября 1891 года отец Александр был определен келейником к его преемнику, скитона начальнику преподобному старцу Иосифу.

3 июня 1895 года в скитской церкви инок Александр был пострижен в мантию с наречением имени Анатолий, в честь св. Анатолия, патриарха Константинопольского. Имя при постриге давалось в Оптиной с каким-нибудь прикровенным смыслом. „Анатолий“ в переводе с греческого означает постоянную обращенность к Христу-Востоку, для монаха – к Иисусовой молитве, делателем которой он и стал (1, 13).

5 июля 1899 года отец Анатолий был рукоположен Калужским епископом Макарием в сан иеродиакона. Уже в это время многим посетителям Оптиной Пустыни стала открываться его духовная опытность. К нему обращались за советами, как к старцу. В начале 1900 года отец Анатолий, не имея еще священнического сана, становится уже общепризнанным Оптинским старцем (1, 14).

На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в 1906 году отец Анатолий был рукоположен в сан иеромонаха и почти одновременно, указом Калужской духовной консистории, назначен духовником Казанской Амвросиевской женской пустыни, что в Шамордино, и исправлял это служение до самой своей кончины (1, 18).

К 1908 году число приходящих к старцу Анатолию так увеличилось, что даже настоятелю монастыря архимандриту Ксенофонту не удавалось протиснуться сквозь толпу, чтобы попасть на исповедь к Старцу. Тогда Преподобный по благословению отца Настоятеля переселился в монастырь, в келлию при больничной церкви Владимирской Божией Матери.

Во Владимирской церкви преподобный Анатолий принимал народ без ограничения. Около храма с раннего утра постоянно стояла, терпеливо ожидая Батюшку, толпа народа, в которой можно было увидеть и священников, и монашествующих, и военных, и дворян, и представителей интеллигенции, и учащуюся молодежь

со всех концов России, но более всего было простых крестьян. Даже в часы, когда в монастыре наступал покой и монахи расходились по келлиям, около Владимирского храма оставался народ.

Преподобный Анатолий считался „народным старцем“. В отличие от преподобного старца Нектария, который был духовником скитской братии, старец Анатолий окормлял прежде всего мирских людей.

С юных лет впитал преподобный Анатолий дух оптинского подвижничества – напряженное бодрствование духа, делание молитвы Иисусовой, строгий аскетизм, с одной стороны, а с другой – простое, искреннее отношение к братии, посетителям, ко всякому нуждающемуся. Всех посетителей более всего поражала не знавшая границ любвеобильность Старца, воспринимавшаяся как настоящее чудо.

Духовный писатель В. П. Быков одним из первых запечатлел образ старца Анатолия: „Глядя на него, невольно хочется воскликнуть: „Какое это великоеместилище любви!“ Вечно приветливый, постоянно ласковый, изумительно сердечный, готовый, кажется, всего себя, всю свою душу, всю свою жизнь отдать тому, кто приходит к нему с той или другой нуждой, с той или другой скорбью... Какое-то чудное неотразимое влияние оказывает он этими своими духовными качествами на человека, прямо не хочется уходить из его кельи, отрывать от упоительного созерцания той духовной красоты, находясь под влиянием которой, мне кажется, можно из самого закоренелого грешника превратиться в хорошего чистого человека. Каждый его поступок, каждое его движение, каждый его шаг – все как будто говорит само собою за непреодолимое желание его чем-нибудь утешить человека, что-нибудь доставить ему большое и приятное. Если так можно выразиться,

у того старца в Оптиной Пустыни преизбыточествует по отношению ко всем одинаковое чувство какой-то материнской любви“ (4, 226, 230).

Другой очевидец так описывал Старца: „Отец Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преподобного Серафима Саровского. В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих Оптиных старцев“ (5, 112).

Своим смирением и подвигом любви к ближнему Преподобный стяжал один из великих даров Духа Святого – дар утешения, который обильно изливался на всех приходивших к нему и исцелял, подобно бальзаму, всякую душу христианскую, скорбящую и озлобленную.

Старец Анатолий имел „сердце милующее“, он словно орошал приходивших дождем благодати, близость к нему сама по себе утешала. Батюшка Анатолий был необыкновенно прост и благостен. Всякий проходящий к нему испытывал счастье попасть как бы под золотой благодатный дождь. Само приближение человека к этому Старцу уже как бы давало ему чудесную возможность очищения и утешения. Православный народ так и называл старца Анатолия „утешителем“. Пасхальная радость и особое Оптиное веселие светилось во всем облике Преподобного.

Полагая душу свою за овцы своя (Ин. 10, 11), преподобный старец Анатолий без отдыха принимал народ в течение всего дня до глубокой ночи. Только за полночь он становился на келейную молитву. На сон оставалось не более двух часов. Единственное время, когда Батюшка позволял себе отдохнуть, – это время чтения кафизм на утренней службе, когда монахи в церкви по уставу сидели, – в это время он погружался в легкий короткий сон.

От молитвенных бдений и стояний у преподобного Анатолия развилась болезнь ног. От многих земных поклонов он страдал грыжей, отчего в последние годы принимал исповедь, сидя на маленькой скамеечке.

Исповедь у Старца обновляла и возрождала. Совершая исповедь в келлии, Преподобный обычно подводил посетителя к божнице, ставил на колени, давал читать вслух общее исповедание грехов, а после каждого исповедовал наедине. Во время исповеди он горячо молился за своих духовных чад. На исповеди преподобный Анатолий не оставлял на душе кающегося даже самых малых грехов и не разрешал, если видел нераскаянным даже малый помысл. После же исповеди давал наставления, всегда поражавшие точностью и прозорливостью.

В исповеди монашеской братии главное место занимало откровение помыслов. Старец действовал с отеческою любовью и властью. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. Это совершалось два раза в день: утром и вечером. И действительно, все монахи в Оптиной были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные (1, 51).

Большое значение придавал преподобный Анатолий таинству елеосвящения, благословлял собороваться всем, в том числе молодым и внешне здоровым людям.

Как и все старцы, имел он великий дар исцелений, но совершал их прикровенно, посылая болящих, как правило, на источник преподобного Пафнутия близ Оптиной или на могилку старца Амвросия или посредством какой-нибудь вещи.

Одна шамординская монахиня Мария (Саутина) тяжело страдала болезнью зубов. Врачи ничем не могли облегчить ее страдания, признавая болезнь неизлечимою. Но по молитвам старца Анатолия, пославшего ее на могилку преподобного Амвросия, мать Мария совершенно

исцелилась. Другая духовная дочь Старца, сельская учительница, рассказывала: „Однажды послал Батюшка со мною грушу моему брату. Я удивилась, почему именно младшему. Приезжаю, – брат очень болен, и доктор сказал, что мало надежды на выздоровление. Грушу стал есть по маленькому кусочку и стал поправляться, а вскоре и совсем выздоровел“ (1, 53–54).

Исцеляющая сила исходила даже от одежды Преподобного. Та же духовная дочь свидетельствовала, что исцелилась от простуды, укрывшись подаренным Батюшкой подрясником.

Многочисленны рассказы о случаях прозорливости Старца. В 1909 году инокине Матроне (Зайцевой) он предсказал, что через четыре года она поедет в Италию. И действительно, когда в Бари, где хранятся мощи Святителя Николая, приступили к постройке православного храма, то к участию пригласили мать Матрону, впоследствии принявшую при постриге в мантию имя Николаи и прожившую после революции долгие годы в Бари (1, 56).

Будущему священнику отцу Адриану (Рымаренко, впоследствии архиепископу Андрею) перед принятием сана в 1921 году Батюшка предсказал место его будущего служения – в храме у чтимой Иверской иконы Божией Матери в Ромнах (11, 11).

Одной рабе Божией, Т. А. А., старец Анатолий предсказал возвращение ее давно пропавшего без вести мужа. Когда же она пришла к Старцу со своим сыном Дмитрием, Батюшка хотел подарить ему икону вмч. Димитрия Солунского, но тут же сам себе сказал: „Нет, не то“ – и благословил образом святителя Димитрия Ростовского, имя которого носил мальчик (2, 32).

Преподобный был особым хранителем святыни христианской семьи, помогая разрешать сложные вопросы

семейной жизни. К нему несколько раз приезжала одна замужняя женщина, О. П. Н., горевшая любовью ко Господу, но имевшая при этом большую скорбь – ее муж был лютеранином. Все ее попытки склонить мужа к Православию были неудачны, из-за чего дружная семейная жизнь расстроилась. По этому поводу она просила совета и помощи старца Анатолия. Старец твердо сказал ей, чтобы она не настаивала и не уговаривала мужа, но сохраняла семейный мир и не теряла надежды. Впоследствии муж сам принял Православие, не желая разлучаться с женою в вечной жизни. Скончался он православным, и жена похоронила его в Оптиной Пустыни; сама же поступила в Шамординский монастырь (1, 60).

Другой случай связан с именем священника отца Александра Б. из Самарской губернии, который так увлекся строительством нового храма, что мало стал уделять внимания жене и детям, отчего в семье произошел разлад. Священник обратился к старцу Анатолию с вопросом: как ему быть? Что предпочесть? Старец строго наказал ему хранить мир семейный, не забывать и „домашнюю церковь“, иначе Богу неугодно будет и строительство храма. А хитрый враг-диавол, под видом добра, хочет причинить зло: нужно разуть нам козны его. А тут добро-то добро: строить храм, но к нему тайно примешивается и тщеславие... Нужно сочетать и храм, и семейный мир. После этого совета дела семейства поправились (1, 61–63).

Полюбивших друг друга юношу и девушку Батюшка никак не благословлял вступать в брак. Когда они уже в третий раз приехали к Старцу и, упав ему в ноги, просили благословения, он сказал: „Ну ладно, венчайтесь. И вот вам мой подарок“, – Преподобный подал им полотенце, на одном конце которого была праздничная вышивка, а на другом – узор черной ниткой. Обвенчались,

пошли дети, но тут неожиданно пришло горе: чахотка враз унесла жизнь мужа. И осталась молодая вдова с сиротами, – всю жизнь маялась (1, 65).

Оставшегося с семьей без крыши над головой крестьянина-ямщика Батюшка спас от отчаяния и губительного поступка... Отделился молодой крестьянин от отца, всего-то добра – 50 рублей да жена с детишками, ни кола ни двора. Сунулся к монастырскому эконому – дай в долг леску! Милостив был отец эконома к небогатому люду – а тут ни в какую. Видно, искушение нашло. Закручинился молодой хозяин, подумал горько: „Одно нам теперь бесплатное удовольствие предоставлено – ложись и умирай“. Да и решил, как издавна на Руси ведется, пропить последние деньги, оставить семью в деревне, а самому пойти на чужую сторону, в Москву, на заработки. С тем и заснул. А наутро – первая мысль: „Сходи к старцу Анатолию!“

Пришел, а там – толпа. Ладно, хоть под благословение подойти. Но послал Бог минутку – рассказал все как есть, и про отчаяние, и про то, что деньги пропить собрался. Ведь если не расскажешь все по порядку – правильного ответа от Старца за свое лукавство никогда не получишь.

Старец помолчал немного, видимо молясь, потом сказал: „Не падай духом, через три недели в свой дом войдешь“.

– Да откуда не то что через три недели – через три года свой дом появится? С неба, что ли, упадет? Но раз сказал Батюшка, так тому и быть. Не спрашивай, терпи и жди, душа православная.

А ближе к вечеру подрядился ездок до Шамордина. Когда проезжали через деревню, окликнул их чей-то голос: „Слушай, скажи там своим, может, кто хочет у меня за четвертную сруб купить?“ Через три недели,

уже из нового дома, пошла молодая семья в Оптину, благодарить Батюшку (4, 228–229).

Духовное руководство Старца основывалось на свободной воле человека, отличалось особой кротостью и мягкостью. Советы и благословения он зачастую давал не сразу, а после некоторых расспросов, давая возможность духовным чадам самим уразуметь волю Божию о себе. Обычно перед принятием важного решения Старец благословлял прежде всего высказать свое желание в молитве ко Господу: „Молись, чтобы Господь утвердил тебя и указал путь“.

Однако послушание ему требовало терпения и отречения своей воли. Одна его духовная дочь вспоминала, как Старец посылал ее в октябре, когда стояли сильные холода, купаться в Пафнутьевском колодце. Она долго не решалась, но Батюшка строго повторил свое благословение. Наконец она отважилась искупаться, и по молитвам Преподобного вода оказалась совсем теплой. Пришедшая же с нею без благословения подруга даже не смогла от холода влезть в воду.

В своих духовных беседах и наставлениях Старец всегда указывал на корень всех человеческих бед – гордость, открывал, как подчас тонко проявляет себя гордыня и как только смирением возможно обрести обетованные Господом покой и духовную радость даже в страданиях.

Один духовный сын просил Преподобного разрешить ему не поститься в Петровский пост, на что Старец ответил: „Святые отцы установили. Простите, я нарушать не могу. Как хотите, дело вашей совести. Если здоровье есть, зачем же против совести делать?“ (1, 91).

О молитве Иисусовой и трезвении Старец учил так: „Просто, от души, взывай ко Господу; за простоту Господь пошлет сердечную молитву...“ (2, 33).

Духовное руководство Преподобного не прекращалось никогда. Молитвенно он всегда был рядом со своими духовными чадами. Одна духовная дочь Батюшки была смущена тем, что Старец несколько дней не принимал ее. И ей в тонком сне было знаменательное видение: „Нахожусь я в большой комнате, где Батюшка обыкновенно благословляет. Там меня встречает женщина приятной наружности и говорит: „Ты обижаешься, что Батюшка тебя долго не принимает, но посмотри,— и указывает рукой на дверь его келлии,— он за тебя молится“. И я вижу в дверь, что Батюшка стоит как бы на воздухе с поднятыми кверху руками и молится. Этот сон так утешительно на меня подействовал, что с этих пор я со спокойной душой стала ожидать, когда Батюшка меня примет“ (2, 34).

Любимыми словами Старца в наставлении своих чад были „великодушие“ и „кротость“.

Помимо слов назидания, преподобный Анатолий часто давал посетителям духовные книжки для чтения. Эти книжечки всегда оказывались необходимыми и полезными именно этому человеку, содержали ответы на его вопросы или же имели прикровенное указание Старца на будущее. Сам Преподобный особенно любил сочинения святителя Тихона Задонского, творения аввы Дорофея, св. Иоанна Лествичника, творения св. Иоанна Златоуста, любил перечитывать книги об Оптиных старцах и их писания.

Преподобные старцы Анатолий и Нектарий были сотаинниками в старческом служении. Между ними существовала глубокая духовная связь. Часто старцы посылали друг к другу приходивших к ним людей на благословение и наставление, выражая взаимное почтение и смирение друг перед другом. Старец Анатолий говорил о старце Нектарии: „Он великий муж“, старец же Нектарий о старце Анатолии: „Я кормлю лишь кро-

хами одними, а батюшка Анатолий – целым хлебом“. Перед кончиной преподобный старец Анатолий многих своих духовных чад передал отцу Нектарию (1, 110).

Такие известные подвижники, как архиепископ Серафим (Соболев), епископ Трифон (Туркестанов), священник отец Валентин (Свенцицкий) и отец Николай Загоровский, были духовными детьми Старца.

Памятным событием в истории Оптиной Пустыни было посещение ее в 1914 году преподобномученицей Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. В первый же день пребывания в Оптиной Великая Княгиня познакомилась с отцом Анатолием, исповедовалась у него, имела со Старцем продолжительную беседу. Осталось тайной, о чем беседовали они, но безусловно эта поездка в Оптину стала духовным приуготовлением Преподобномученицы к ее крестному подвигу (1, 105).

Благоговейным почитателем старца Анатолия был знаменитый московский „старец в миру“ отец Алексей Мечев, служивший в храме Святителя Николая Чудотворца, что на Маросейке. Между старцами существовала молитвенная связь, которую близкие шутя называли „беспроволочным телеграфом“. Отец Анатолий москвичей всегда посылал к отцу Алексею, а отец Алексей говорил о старце Анатолии: „Мы с ним одного духа“ (2, 36).

Осенью 1916 года старец Анатолий приезжал в Петроград на закладку Шамординского подворья. Он останавливался в доме известного благотворителя купца Михаила Дмитриевича Усова, бывшего большим почитателем Батюшки. Пребывание Преподобного в Петрограде вызвало настоящее паломничество в дом Усова. Огромная очередь людей, желавших получить благословение и наставление Старца, в течение нескольких дней заполняла лестницу дома, тянулась по залам и комнатам квартиры. Очередь объединила самых разных людей: простых го-

рожан, студентов, представителей духовенства, высшего света, чиновников, даже семейство обер-прокурора. Для приема Старец избрал маленькую комнатку наподобие приемной келлии в Оптиной Пустыни (1, 117-118).

Пребывание в столице накануне февральского переворота открыло преподобному старцу Анатолию ту бездну, перед которой стояла Россия. К этому же времени относятся грозные пророчества Старца о грядущих судьбах России и царя. Вообще надо сказать, что он был великим почитателем царя Николая II, много и горячо молился о нем. Именно Преподобному принадлежат знаменательные слова о смысле царского служения и значении Православного царя для судеб России: „Коли царь зовет – значит зовет Бог. А Господь зовет тех, кто любит царя, ибо Сам любит царя и знает, что и ты царя любишь...Нет греха больше, как противление воле Помазанника Божия... Береги Его, ибо им держится земля Русская и вера Православная... Молись за царя... Судьба царя – судьба России. Заплачет царь, заплачет и Россия, а не будет царя, не будет и России... Как человек с отрезанной головою уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без царя будет трупом смердящим“ (1, 127-128).

В феврале 1917 года Старец вновь собирался в Петроград, но был застигнут революционными событиями в Москве и остановился в благочестивой семье Шатровых. В доме Шатровых собрались духовные чада и почитатели Преподобного. Все тревожно спрашивали его: что же будет? Тогда Старец произнес свои пророческие слова о России: „Будет шторм, и русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. Не все же, не все погибнут... Бог не оставит уповающих на Него. Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо... А что после шторма бывает? Штиль... И явлено будет великое чудо Бо-

жие, да. И все щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе и пойдет своим путем, Богом предназначенным. Так это и будет, явное всем чудо“ (1, 129–130).

Сразу после этого преподобный Анатолий вернулся в Оптину Пустынь, где своим духовным чадам и приходившему к нему народу он открывал тайну движимой на Россию бури, приуготовливал всех к подвигу терпения, призывал верить, и верить крепко, в спасительные судьбы Божии о России.

Смятение и растерянность в народе, вызванные революционным безбожием, устремляли множество верующих к старцам за духовной поддержкой.

Преподобному определено было стать свидетелем исполнения грозных пророчеств Оптиных старцев, встретить и пережить все бедствия революционной смуты, военного времени и безбожия.

Начались гонения на монахов со стороны новых властей. Монахов ссылали, арестовывали, издевались над ними. Когда духовные чада предложили преподобному Анатолию на время оставить Оптину, он ответил решительным отказом: „Что же в такое время я оставляю святую обитель? Меня всякий сочтет за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил: терпите – Бог не оставит, а когда пришло испытание, первый удрал. Я хотя больной и слабый, но решил так, и с Божией помощью буду терпеть. Если и погонят, то тогда оставляю святую обитель, когда никого не будет. Последний выйду и помолюсь, и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду“ (1, 150–151).

Вскоре последовал арест Старца. Его повезли в Калугу, но в дороге он сильно занемог. Решили, что это тиф, и Преподобного сдали в тифозную больницу. Обрили волосы и бороду. Он принимал все благодушно, терпеливо, с

молитвой за врагов. Как Старец и предсказал, ровно через неделю он вернулся в Оптину. Когда его увидели остриженным, многие не узнали Батюшку, а узнав, опечалились. Батюшка же, веселый, вошел в келлию и сказал, перекрестившись: „Слава Тебе, Боже!.. Посмотрите, каков я молодчик!“ К мучителям же своим Преподобный относился беззлобно. По возвращении он рассказывал своей духовной дочери: „Как там хорошо! Какие люди хорошие!.. Знаешь, тот, кто меня арестовывал, после сказал, что он по ошибке меня арестовал, и просил простить его и даже руку у меня поцеловал; я сказал, что это ничего, что я очень рад, что съездил в Калугу“ (1, 155–156).

Уже во второй половине 1918 года в Оптиной Пустыни стало не хватать хлеба. Братия и старцы терпели голод, и после службы из церкви все выходили в большой физической слабости. Старец в письмах смиренно просил духовных детей привезти для братии хлеба, благословлял шамординских сестер ездить в другие губернии выменивать хлеб, и каждый раз, по молитвам старца Анатолия, чудесно находились жертвователи хлеба и всегда, несмотря на военные действия, хлеб удавалось благополучно доставить в монастырь.

В послереволюционные годы зимой в келлии Старца почти не топили. Не хватало дров. Ослепленная красной пропагандой молодежь выбивала в его келлии стекла. Одну зиму дом простоял с несколькими выбитыми окнами. В морозные ночи вода, если ее забывали вылить, застывала в кружке на столе. Все это расстроило и без того слабое здоровье Преподобного.

Каждый день приходили все более тревожные вести, страшные слухи. Старец при этом сохранял удивительное спокойствие, ободряя тем самым и монашескую братию.

Летом 1921 года, за год до кончины, он пережил сильное обострение болезни – грыжи. За две недели до кон-

чины, идя от обедни, отец Анатолий зашел на могилку преподобного Амвросия и, став на место, где был потом погребен, стоял долго и все повторял: „А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки“ (1, 160).

Хотя Батюшка был очень слаб, но все это время в келлии утром и вечером неопустительно совершали молитвенное правило. Старец лежал в постели, а келейник читал. Даже во время больших страданий он не переставал заботиться о следивших за ним врачах и келейниках, спрашивал, есть ли у них что поесть и не нуждаются ли в чем. Несмотря на все старания, состояние Преподобного ухудшалось. Он все более слабел, ничего не ел, часто впадал в забытие.

Настоятель монастыря, преподобный Исаакий, в 1921 году предложил Старцу принять схиму. Во время пострига преподобный Анатолий был так слаб, что не мог сам держать свечу и схимнические обеты произносил едва слышным голосом. Казалось, надежды на выздоровление нет. Но после принятия схимы, по милости Божией, ему сделалось лучше, он стал есть и понемногу подниматься с постели. Во время болезни Батюшка просил прочесть ему одну книжку, где описывалось, как на море тонул корабль и каждый спасался, как мог: кто садился в лодку, кто на доску, кто просто уплывал, только капитан парохода стоял у руля и молился; никуда не уходил, стоял и молился до конца, и перед ним разверзлись Небеса – он увидел Спасителя... Это было прикровенным указанием на смысл подвига последних Оптинских старцев (1, 158).

Едва Преподобный немного окреп, как вновь стал принимать народ. Православные люди шли к Батюшке, как к печальнику и утешителю, за духовным укреплением, с вопросами о том, что делать, чему следовать в

это смутное время. В одном из последних наставлений на вопрос, как жить, Старец сказал: „Живи просто, по совести, помни всегда, что Господь видит, а на остальное не обращай внимания“ (2, 42).

Преподобный Анатолий не оставил страждущий народ без духовного оружия в брани против торжествовавшего безбожия, составив особую молитву против антихриста: „Избави мя, Господи, от обольщения богомерзкого и злаго антихриста, близ грядущаго, и укрой меня от сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения. Дажь ми, Господи, крепость и мужество твердаго исповедания Имени Твоего Святаго, да не отступлю страха ради дьявольскаго, да не отрекусь от Тебя, Спасителя и Икупителя моего, от Святой Твоей Церкви. Но даждь ми, Господи, день и ночь плач и слезы о грехах моих и пощади мя, Господи, в час Страшного Суда Твоего. Аминь“ (1, 149–150).

Преподобный предвидел и то время, когда старцы будут сохраняться прикровенно, и дал совет для тех времен, когда не у кого будет спросить, как поступать: „Если некого спросить, далеко от Старца, можно после усердной молитвы открыть Святое Евангелие или Псалтирь“.

Началось новое гонение на братию, насельников монастыря арестовывали и высылали. Более всего новую власть не устраивало пророческое служение старцев, которые в своих наставлениях укрепляли народ стоять в Православии, с терпением нести попущенные Богом скорби. Монастырь был объявлен „рассадником контрреволюционной пропаганды“.

В монастырь 29 июля 1922 года приехала чрезвычайная комиссия. Старца Анатолия долго допрашивали и хотели увезти. Батюшка сохранял мирное расположение духа и смиренно попросил отсрочить арест на один день, чтобы ему можно было подготовиться „в путь“. Чекисты согласились, пригрозив келейнику, что-

бы назавтра Старец был обязательно готов к отъезду. После этого Преподобный уединился у себя в келлии. К утру Старец сильно ослабел. Келейник, отец Евстигней поспешил к казначею и фельдшеру отцу Пантелеимону. Когда он возвратился, Батюшка неподвижно сидел в кресле со склоненной набок головой: Старец в молитве предал свою душу Богу. Преподобный скончался 30 июля 1922 года в 5 часов 40 минут утра (1, 163).

На другой день утром приехала комиссия. Спросили келейника: „Старец готов?“ – „Да, – ответил он, – готов“ и открыл перед посетителями дверь келлии, посреди которой уже стоял гроб с телом почившего Старца. Так Господь чудно призвал к Себе Своего верного раба, исполнившего все Его повеления и заповеди, сподобив Своего угодника в последнюю ночь молитвенно приготовиться „в путь всяя земли“ и не попустив надругаться над Своим избранным сосудом.

Отпевание совершалось в Казанском соборе. В храме непрерывно служились панихиды, ночью духовные чада читали над гробом почившего Псалтирь. Когда копали могилу, случайно задели гроб преподобного старца Макария. Тело великого Старца почивало нетленным (1, 164).

Это чудесное знамение стало утешением для братии накануне закрытия Оптиной и как бы залогом будущего ее открытия и прославления преподобных Оптинских старцев.

Старец Анатолий сподобился быть погребенным возле преподобного Амвросия. По свидетельству очевидцев, могила преподобного старца Анатолия после погребения в течение нескольких дней благоухала неизреченными ароматами.

По своей святой кончине преподобный отец наш Анатолий не оставлял своих духовных чад, вознося о них молитвы пред Престолом Божиим, ибо тайна

старческого окормления простирается далеко за пределы земной жизни. Об этом свидетельствовал старец Нектарий, говоря духовной дочери старца Анатолия: „Ведь отец Анатолий тебя видит. Вот и теперь мы с тобою говорим, а он на тебя смотрит и радуется“.

Святость Своего избранника Господь засвидетельствовал чудесами и благодатными знамениями. По прошествии девяти месяцев после блаженной кончины в конце Великого поста Преподобный явился в сонном видении своей духовной дочери монахине Амвросии в облаке Славы Божией: „Я увидела во сне батюшку Анатолия так ясно, в схимнической скуфье, в которой он снят на последней карточке, недалеко от меня на высоте роста человека: весь в облаках, только верхняя часть туловища видна, благословляющая рука его поднята, он благословляет, слышу голос: „Как же не благословить тебя, когда ты столько ожидала...“ (1, 166).

И в наше многотрудное время еще раз вспомним слова богомудрого Старца: „Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Положись не словами, а делами. Пред кончиной своей будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу“ (1, 88).

Так готовил к мужественному терпению, испытаниям и скорбям преподобный Анатолий чад своих, так учил он их и жизнью своей, и блаженной кончиной.

И ныне, получив упокоение от трудов и скорбей, предстоит преподобный отец наш Анатолий с сонмом святых пред Престолом Божиим, своими молитвами умоляя Господа о ниспослании нам, грешным, прощения грехов и богатые милости.

Наставления старца Анатолия

О воле Божией

Чрез всех и все с тобою говорит воля Божия, доставляя тебе богато случаи запечатлеть, засвидетельствовать мыслью, словом или делом добротность твоего направления к Свету Лица Божия, а не на поиски изменения жизни с полезностью душевной работы твоей над собою. Направь сначала себя молитвой на путь спасения, тогда и станешь христианкой, кротким молчаливым примером, влекущей других на путь сей (1, 89).

Окончательно ничего не предпринимайте, не отслужив молебна Спасителю, Матери Божией и всем святым. Если духом будете покойны, то намерение можете приводить в исполнение, если же страх и боязнь по болезни почувствуете, то не следует (1, 89).

„Если благодарят, выражают любовь, я себя чувствую как бы виноватой, на душе тяжесть, как отвечать?“, – спрашивала одна инокиня у Старца. – „Все на помощь Божию отдавай, – отвечал Преподобный, – говори: „Господь помог, а не я, Его надо благодарить“ (1, 95).

Трудно было бы жить на земле, если бы и точно никого не было, кто бы помог нам разобраться в жизни... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Положись не словами, а делами... Оттого и трудна стала жизнь, что люди запутали ее все своим

мудрованием, что вместо того, чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться к своему разуму да на него один полагаться... Не бойся ни горя, ни болезней, ни страданий, ни всяких испытаний – все это посещения Божии, тебе же на пользу... (2, 33).

О храме и святых иконах

Говорят, храм скучен. Скучен – потому что не понимают службы! Надо учиться! Скучен, потому что не радуют о нем. Вот он и кажется не своим, а чужим. Хотя бы цветов принесли или зелени для украшения, приняли бы участие в хлопотах по украшению храма – не был бы он скучен! Не скучна же своя изба... (1, 92).

Говорят, икон не нужно... Но ведь иконы – портреты Бога, Его Пречистой Матери, святых Угодников... Свой портрет, небось, стараются получить, когда можно, а портрета Божиего – не нужно! Хороша любовь! (I, 92–93).

О Православной Церкви и вере

Своих духовных чад Старец учил строго хранить и соблюдать Уставы святой Православной Церкви: „Если увидишь, чадо, иноверцев, спорящих с православным и хотящих лестью оторвать его от Православной Церкви, помоги православному. Этим ты избавишь овца из пасти льва. Если же смолчишь и оставишь без помощи, то это все равно, как если бы ты отнял искупленную душу у Христа и продал ее сатане“ (2, 44).

„Если кто тебе скажет: „Ваша и наша вера от Бога“, то ты, чадо, ответь так: „Кривовер! Или ты и Бога считаешь двоеверным?! Не слышишь, что говорит Писа-

ние: *Един Господь, една вера, едино крещение*“ (Ефес. 4, 5), (2, 44).

О молитве

На вопрос о молитве: „Как молиться Иисусовой молитвой, как за сердцем следить?“ Старец ответил таким наставлением: „Просто, от души взывай ко Господу; за простоту Господь пошлет сердечную молитву; взывай и взывай к Нему, и пошлет тебе“ (1, 94).

Просите молитвенного правила. Неопустительно читайте утренние и вечерние молитвы по молитвеннику..., со вниманием вникая в смысл каждого слова и углубляясь в него. Четочки употребляйте в церкви, а когда и дома при самом начале враждебного настроения мыслей и чувств. Читайте каждодневно по главе из Евангелия и Апостольских Посланий и Деяний. Если же захочется поближе беседы с Господом, прочтите кафизму или акафист Сладчайшему Иисусу, Богоматери... (1, 90).

О смирении

...Гордость бывает разная. Есть гордость мирская – это мудрование; а есть гордость духовная – это самолюбие. Оно и точно, люди воистину с ума сходят, если на свой ум полагаются да от него всего ожидают. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, браться не за свое дело. Бери от него то, что он может дать, а большего не требуй... Наш учитель – смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. А благодать Божия – это все... Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смирись, да скажи себе: „Хотя я и песчинка

земная, но и обо мне печется Господь, и да свершается надо мною воля Божия...“ Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем, и действительно смело, как и подобает истинному христианину, положишься на Господа, с твердым намерением безропотно подчиниться воле Божией, какова бы она ни была, тогда рассеются перед тобою тучи и выглянет солнышко, и осветит тебя, и согреет, и познаешь ты истинную радость от Господа, и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет на душе... (1, 86).

Вот вы спрашиваете скорейший путь к смирению. Конечно, прежде всего следует сознать себя немощнейшим червяком, ничего не могущим сделать доброго без дара Духа Святаго, от Господа нашего Иисуса Христа, подаваемого по молитве нашей и ближних наших и по Своему милосердию... (1, 90).

О ересьях и расколах

Чадо мое, знай, что в последние дни, как говорит Апостол, наступят времена тяжкие. И вот, вследствие оскудения благочестия, появятся в церквах ереси и расколы, и не будет тогда, как предсказывали святые отцы, на престолах святительских и в монастырях людей опытных и искусных в духовной жизни. От этого ереси будут распространяться всюду и прельстят многих. Враг рода человеческого будет действовать с хитростью, чтобы, если возможно, склонить к ереси и избранных. Он не станет грубо отвергать догматы Святой Троицы, о Божестве Иисуса Христа, о Богородице, а незаметно станет искажать Предание святых отцов от Духа Святаго – учение Церкви самой. Ухищрение врага и его уставы заметят только немногие, наиболее

искусные в духовной жизни. Еретики возьмут власть над Церковью, всюду будут ставить своих слуг, и благочестие будет в пренебрежении. Но Господь не оставит своих рабов без защиты и в неведении. Он сказал: *По плодам их узнавайте их* (Мф. 7, 16). Вот и ты по плодам их тоже, что по действию еретиков, старайся отличить их от истинных пастырей. Эти духовные тати, расхищающие духовное стадо, *не войдут они во двор овчий, но перелезят и нуде* (Ср: Ин. 10, 1) – как сказал Господь, т. е. войдут путем незаконным, истребляя насилием Божии устави. Господь именует их разбойниками...

Большое притеснение от еретиков будет монахам, и жизнь монашеская тогда будет в поношении. Оскудеют обители, сократятся иноки; которые останутся, будут терпеть насилие. Сии ненавистники монашеской жизни, имеющие только вид благочестия, будут стараться склонить иноков на свою сторону, обещая им покровительство и житейское благо, непокорным же угрожая изгнанием. От сих угроз будет на малодушных тогда большое унижение. Если доживешь до этого времени, сын мой, то ты радуйся, ибо тогда верующим, не пожавшим других добродетелей, будут уготованы венцы за одно только стояние в вере, по слову Господа: *Всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32).

...С ересью войдет в обитель и бес, будет она уже тогда не святой обителью, а простыми стенами...

Не бойтесь скорбей, а бойтесь наглостей еретиков, стремящихся разлучить человека со Христом, почему и повелел Христос считать их за язычников и мытарей.

Итак, сын мой, укрепляйся благодатию Иисуса Христа. С радостью спешి к подвигам исповедничества и переноси страдания как воин добрый Иисуса Христа, рекшаго: Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни

(Апок. 2, 10). Ему со Отцом и Святым Духом слава и держава во веки веков. Аминь. (2, 44).

О посте

Посты непременно надо соблюдать, в среду и в пятницу, и весь Великий пост. Вот теперь Страстная неделя, и ты непременно постись... Непременно постись! (1, 91).

О приобщении

Пишете вы о желании вашем часто приобщаться Святых Таин Тела и Крови Господа нашего. Дело благое; только нужно приступать с должным благоговением и подготовкой по чину церковному (1,90).

Об осуждении

...Пожалей и не осудишь (1, 95).

О почитании духовенства

Как же можно смеяться над духовным лицом? Ну что ж, что плохо служит? Все-таки на нем благодать. Он носит сан. Нельзя, нельзя смеяться! (1, 92).

Литература

1. Житие иеросхимонаха Анатолия. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1995.
2. Беловолов Г., иерей. Оптинский старец Анатолий (Потапов) // Русский паломник. 1993. № 7. С. 19–45.
3. Вениамин Федченков, митр. Божии люди. М.: Современник, 1991.
4. Быков В. П. Тихие приюты для отдыха страдающей души. М.: Изд. Е. И. Быковой, 1914.
5. Четвериков С., протоиерей. Оптина Пустынь, 2-е изд. доп., 1988.
6. „Укрепляйся, сын мой...“: Из письма Оптинского старца Анатолия (Потапова) // Град Китеж. 1992. № 38. С. 26–27.
7. Беседа со старцем Анатолием (Потаповым) // Обитель. 1991. Янв. С. 7.
8. Иеромонах Анатолий (Потапов), иеромонах Нектарий. Письма к С. Н. и А. С. / Б-ка МДА. Рукопись. № 212842, Тетрадь № 2.
9. Житие преподобного отца нашего Анатолия „Младшего“ Оптинского // Оптинские старцы: Заря, 1990, С. 64–67.
10. Екатерина (Руманова), монахиня. Рассказы об Оптинских старцах // Православный путь. 1992. № 9.
11. Рассказы о старце Анатолии // Цветочки Оптиной пустыни. М.: Паломник, 1995.
12. Воспоминания товарища Обер-прокурора Св. Синода князя Жевахова. Т. 1. сент. 1915 – март 1917. Мюнхен, 1923. С. 160–161.

Житие
преподобного
Нектария,
старца
Оптинского

1853 – 1928

Преподобный Оптинский старец Нектарий, в святом крещении Николай, родился в 1853 году в городе Ельце Воронежской губернии. Родители его, Василий и Елена Тихоновы, были глубоко верующие и благочестивые люди. Отец работал на мельнице, мать была наемной работницей. Семья очень бедствовала. Мальчика крестили в Елецкой церкви Преподобного Сергия Радонежского. Крестных его звали Николай и Матрона (1, 5).

Когда мальчик достиг отроческого возраста, отошел ко Господу его отец, перед кончиной благословив сына

иконой Святителя Николая. С этой иконой Преподобный не расставался всю жизнь. Кроме Николая, на руках матери оставалось еще несколько младших детей, которые вскоре поумирали от голода и болезней.

Кроткий, тихий, боголюбивый отрок был утешением матери. Она внушала ему светлые и добрые чувства, воспитывала сына в страхе Божиим и молитве.

Из раннего детства преподобного Нектария известен один случай. Когда Николай еще не умел ходить, играл он как-то с котенком, а глаза у того ярко светились. Мальчик схватил иголку и хотел проколоть глаз котенку, чтобы посмотреть, что там светится. Но мать успела предупредить его: „Вот как выколешь глаз кошке, сам потом без глаза останешься. Боже тебя сохрани!“ (1, 6).

Через много лет, уже монахом, Старец вспомнил этот случай. Подошел он однажды к скитскому колодцу, где был подвешен ковш с заостренной рукояткой, а другой монах, не заметив Батюшки, ковш поднял так, что острие пришлось прямо против его глаза, и лишь в последнее мгновение преподобному Нектарию удалось уклониться от острия. Впоследствии он говорил: „Если бы я тогда кошке выколол глаз, и я был бы сейчас без глаза. Видно, всему этому надо было случиться, чтобы напомнить моему недостойнству, что все в жизни от колыбели до могилы находится у Бога на самом строгом учете“. Вскоре после этого рукоять у черпака наполовину срезали...

Из-за крайней нужды учиться ему пришлось не в городской, а в сельской церковно-приходской школе. Там он научился читать, писать, считать, изучил Закон Божий.

Когда отроку шел одиннадцатый год, матери пришлось отдать его на работу в лавку богатого купца Ха-

мова. Вскоре она преставилась, и мальчик остался круглым сиротой.

Скромный и трудолюбивый Николай работал с примерным усердием, исполнительностью, истинно христианской честностью и со временем дослужился до младшего приказчика. Когда юноше исполнилось двадцать лет, старший приказчик задумал женить его на своей дочери. В городе был благочестивый обычай: во всех важных делах советоваться со схимницей Феоктистой, столетней старицей, духовной дочерью святителя Тихона Задонского. Хозяин направил Николая к ней взять благословение на брак. Схимница сказала юноше: „Пойди в Оптину к Илариону, он тебе скажет, что делать“. Хозяин охотно отпустил Николая, и он отправился в путь.

Весной 1873 года Николай подошел к Оптиной Пустыни. „Господи, какая красота здесь! Солнышко тут с самой зари и какие цветы, словно в раю“, – так вспоминал Преподобный о своем первом впечатлении от Оптиной. Разыскал отца Илариона, а тот отправил его за советом к старцу Амвросию. О чем была их беседа, преподобный Нектарий никому не открывал, но после нее он навсегда остался в Оптином Скиту. Так промышленником Божиим боголюбивый юноша обрел свое истинное назначение, ибо во власти Господа, а *не во власти идущего давать направление стопам своим* (Иер. 10, 23) (1, 12, 14).

Первое послушание, которое дали Николаю, – уход за цветами; потом назначили его на пономарское послушание. Нелегко было мирскому юноше привыкать к строгому уставу святой обители. Утренняя в Скиту началась около часа ночи, а он должен был первым прийти в храм, подготовить алтарь к богослужению. По ночам молодой послушник читал или молился в своей

келлии и постоянно ходил с красными, опухшими глазами. А святой Амвросий пророчески говорил: „Подождите, Николка проспится – всем пригодится“. Так Преподобный предсказывал его будущее старческое служение (1, 27).

Любое послушание Николай выполнял с великим смирением и большим усердием. И позже, когда стал старцем, всегда указывал на высокое значение послушания, называя его высшей и первой добродетелью, самым главным приобретением для человека. Говорил, что Христос ради послушания пришел в мир и жизнь человека на земле есть послушание Богу. Без послушания человека охватывает порыв и как бы жар, а потом бывает расслабление, охлаждение и окоченение и человек не может двинуться дальше. А в послушании сначала трудно – все время точка и запятая, а потом сглаживаются все препинания.

Когда Николай был на пономарском послушании, его поселили в келлию, дверь которой выходила в церковь. В этой келлии он прожил двадцать пять лет почти безвыходно, не разговаривая ни с кем из монахов. Только сбегает к Старцу и к своему духовнику и назад. Старец Нектарий вспоминал: „Через год после поступления в Скит батюшка отец Амвросий благословил меня обращаться как к духовному отцу к начальнику Скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины последнего в 1894 году“. Спустя годы старец Нектарий говорил о своем духовном отце: „Я к нему двадцать лет относился и был самым последним сыном и учеником, о чем и сейчас плачу. К старцу же Амвросию я обращался в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру“ (1,15). Преподобные отцы вели послушника Николая строго, истинно монашеским путем. Провидя

в юноше своего достойного преемника, прикрывая свою святую любовь к нему полуюродством и шутками, обучали его высшей и спасительной добродетели – смирению.

Случалось, придет он к батюшке Амвросию, а тот скажет: „Ты чего без дела ходишь? Сидел бы в своей келлии и молился“. Идет Николай к духовному отцу своему батюшке Анатолию, а он: „Ты чего без дела ша-таешься, празднословить пришел?“ Уйдет Николай в свою келлию, упадет пред образом Спасителя на колени и всю ночь плачет: „Господи! Какой же я великий грешник, если и старцы меня не принимают!“ (1, 20).

Впоследствии, наставляя уже своих духовных чад, преподобный Нектарий говорил: „Вот некоторые ропщут на старца, что он в положение не входит, не принимает, а на себя не обернутся, не подумают: „А не грешны ли мы? Может быть, старец меня не принимает потому, что ждет моего покаяния, испытывает меня?“

Преподобный Нектарий всегда очень высоко ставил старческое руководство, повторяя слова преподобного Анатолия: „Там, где есть вера и любовь к старцу, возникает вера и любовь старца к своему духовному сыну“. Он говорил, что старец и его действия не подлежат суду учеников. Его указания должны приниматься без всяких рассуждений. Рассказывал, как явился ему во сне отец Анатолий (еще при жизни своей) и грозно сказал: „Никто не имеет права обсуждать поступки старцев, руководствуясь своим недомыслием и дерзостью. Старец за свои действия дает отчет только Богу, значения их мы не постигаем“.

Уже в годы первых послушаний Николай не раз испытывал проявление к нему любви старцев, их благодатной помощи. Так, года через два по поступлении его в Скит вышло распоряжение властей о высылке из

обитатели всех послушников, подлежащих военному призыву. „И мне, – рассказывал позже отец Нектарий, – вместе с другими объявили о высылке из Скита. Но, к счастью моему, по святым молитвам старца Амвросия опасность эта миновала“. Пришел он к Старцу благодарить за молитвенную помощь, а тот отвечает: „Если будешь жить по-монашески, то и на будущее время никто тебя не потревожит“. Так и случилось (1, 16).

3 апреля 1876 года Николай был пострижен в рясофор, а 14 марта 1887 года, пройдя более чем десятилетний искус послушания, – в мантию. При монашеском постриге ему дано было имя Нектарий, в честь преподобного Нектария Киево-Печерского (1, 34).

Принятие ангельского образа было для него великой радостью. Уже в старости Преподобный вспоминал: „Целый год после этого я словно крылышки за плечами чувствовал“. Монашество преподобный Нектарий ставил очень высоко. Оптинскому монаху отцу Георгию говорил: „У тебя <должно быть> три страха: первый страх – отречения от монашества бояться; второй страх – начальства бояться; третий – молодости своей бояться. Какого же страха тебе надо больше всего бояться? Я заповедую тебе монашество больше всего хранить. Если тебе револьвер приставят, и то монашества не отрекайся!“ (1,35).

Получив мантию, преподобный Нектарий почти совсем перестал выходить из своей келлии, не говоря уже об ограде Скита. Несколько лет даже окна его келлии были заклеены синей бумагой. Впоследствии он любил повторять: „Для монаха только два выхода из келлии – в храм и в могилу“.

В своем полузатворе старец Нектарий неустанно молился и пребывал в постоянном покаянии. В старости об этих годах иноческого подвига он со смирением го-

ворил: „Сидел я в своей келлии и каялся, а потом еще тридцать лет отмаливал свои грехи“.

И в начале своего пребывания в Скиту, и будучи опытным духовным наставником, преподобный Нектарий со смирением говорил о себе: „Я в новоначалии, я учусь... Я наистарейший в обители летами, а наименьший по добродетели“. И еще: „Я мравий, ползаю по земле и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высоко, до облаков подымается“.

Любимая поговорка его была: „Всюду нужно терпение и смирение“. В смирении видел Старец начало и основу духовного пути.

Уже будучи монахом, пришел как-то к старцу Амвросию, а тот спрашивает:

– Как живешь, как храмину свою воздвигаешь духовную?

– Одно горе, – отвечает, – кирпич заложишь, а два вытащишь, камень вмажешь, а три вывалятся. Какая это постройка, мусор один. Впору плакать.

И тогда преподобный старец Амвросий рассказал отцу Нектарию про барыню, во время болезни которой челядь весь мусор вываливала в кучу посреди двора. Когда же хозяйка выздоровела и велела кучу разобрать, то выяснилось, что почти ничего выбрасывать и не надо – все пригодилось.

– Видишь, братец, – утешал Старец, – и тебе о твоём мусоре нечего отчаиваться. Посмотришь на тебя – мусор мусором, а начнешь тебя разбирать, тоже что-нибудь гожее отберется (1, 25–26).

В эти годы преподобный Нектарий много читал и учился по благословию старцев, которые провидели будущее предназначение своего духовного подопечного – приводить к вере и истине ищущую интеллигенцию. Читал не только святоотеческую и духовную литературу,

но и книги светских авторов, занимался историей, географией, изучал французский язык, латынь и приобрел столь обширные знания, что позже, выйдя из затвора на общественное служение, свободно беседовал на любые темы с учеными, писателями, художниками.

Однажды пришли к Батюшке семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать слово на пользу. И Старец посоветовал им жить и учиться так, чтобы ученость не мешала благочестию, а благочестие – учености. При этом уточнил, что науки приближают человека к истинному знанию, но глубина его не поддается разуму человека.

Одна духовная дочь преподобного Нектария говорила подруге в его приемной: „Не знаю, может быть, образование вообще не нужно и от этого только вред? Как его совместить с православием?“ Старец, выйдя из своей келлии, возразил: „Ко мне однажды пришел человек, который никак не мог поверить, что был потоп. Тогда я рассказал ему, что на самых высоких горах в песках находятся раковины и другие остатки морского дна и как геология свидетельствует о потопе. И он уразумел. Видишь, как нужна иногда ученость!“ (1, 38).

В беседах о литературе всегда уточнял: „Заниматься литературой и искусством можно, как всяким делом, но все это надо делать как бы пред взором Божиим“. И добавлял: „Все стихи в мире не стоят строчки Божественного Писания“. Он учил прежде всего пристально и внимательно читать Священное Писание. Беседуя, часто ссыался на него, приводил примеры, рассказывал всегда подробно, живо, со всеми деталями, как будто сам был участником или очевидцем давних событий Священной истории.

О том, какой духовной высоты и дара прозорливости достиг старец Нектарий уже в те годы, говорит та-

кой случай. Когда преподобный Варсонофий был еще послушником, проходит он как-то мимо домика преподобного Нектария, а тот стоит на своем крылечке и говорит: „Жить тебе осталось ровно двадцать лет“. По слову Старца так и случилось.

19 января 1894 года отец Нектарий был рукоположен в сан иеродиакона, а 21 октября 1898 года – в сан иеромонаха (1, 45).

Позже преподобный Нектарий вспоминал: „Когда меня посвящал в иеромонахи бывший наш владыка Макарий, то он святительским своим оком прозревал мое духовное неустройство и сказал мне по рукоположении моем краткое и сильное слово... Я его до конца дней своих не забуду. „Нектарий, – сказал он мне, – когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, ты только одно тверди: „Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего иеромонаха Нектария!“ Только всего ведь и сказал мне Владыка, но слово его спасало меня не раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властью“ (1, 45–46).

Пробыв более двадцати лет в уединении и молчании, преподобный Нектарий ослабил свой затвор, начал изредка появляться среди людей. Из великого смирения благодатные дары свои первое время скрывал юродством, на которое имел Божие благословение через старцев. Приняв этот новый подвиг, преподобный смущал некоторых из братии и паломников своим поведением. Он носил яркие кофты поверх подрясника, цветные платки...

Писатель Сергей Нилус, который в 1907-1912 годах жил в Оптиной Пустыни, писал о необычных уроках и наставлениях преподобного Нектария. Как-то у писателя перед исповедью и причастием произошло искушение с отцом настоятелем, которое лишило мира его душу и

омрачило душевное состояние. Когда Нилус вернулся домой, то увидел на недавно написанном масляными красками этюде надпись углем: „Туча“. Нилус сразу догадался, что автором озорства был старец Нектарий. „Это так было похоже на склонность его к некоторому как бы юродству, под которым для меня часто скрывались назидательные уроки той или иной христианской добродетели“, – писал Сергей Александрович. Старец же сидел в уголке террасы и благодушно посмеивался, выжидая, что выйдет из его шутки. Потом подошел к этюду, смахнул рукавом своего подрясника надпись и с улыбкой сказал: „Ну вот, видите, ничего не осталось“. – „Ничего не осталось и в сердце моем от утренней смуты, – вспоминал писатель, – несомненно у друга нашего есть второе зрение, которым он видит то, что скрыто от глаз обыкновенного человека“ (9, ч. 1, 205).

В эти годы преподобный Нектарий редко наставлял прямо, чаще через притчи и разные истории. Ответит на вопрос и при этом скажет: „Какие мысли у человека, который утром скорбен, а вечером уныл?“ – и обличит себя в недостойнстве и худоумии.

Когда в 1912 году Оптинская братия собралась, чтобы избрать старца, отец Нектарий не пришел, ссылаясь на свое недостойнство. Сначала старчество предложили архимандриту Агапиту, жившему в Оптиной на покое, но тот уклонился и указал на отца Нектария. „Нет, отцы и братия, – отказывался преподобный Нектарий, – я скудоумен и такой тяготы понести не могу“. Тогда отец Архимандрит сказал: „Отец Нектарий, прими послушание!“ – и Преподобный беспрекословно согласился.

Так за послушание преподобный Нектарий принял великий крест старчества – пророческое служение народу в тяжелейшие для России годы. Уже тогда Господь открыл ему все грядущие, следовавшие вскоре страш-

ные события: революцию, закрытие Оптиной, арест и смерть его на чужбине.

Немногим в то время открывался пророческий смысл поступков богоносного Старца. Вот накинёт халатик и ходит, сверкая босыми пятками, а в 20-е годы так ходили студенты, курсистки, служащие – в пальто, накинутом на рваное белье. Или насобирает разного хлама: камешков, стеклышек, бумажек, – сложит в шкафчик и показывает: „Это мой музей!“ И действительно, после закрытия Оптиной в Скиту, где жил Старец, был открыт музей. Незадолго до революции преподобный Нектарий стал ходить с красным бантом на груди, предсказывая грядущие события (1, 58).

Принимал старец Нектарий в домике покойных старцев, преподобных Амвросия и Иосифа, где и сам поселился. Но по великому своему смирению старцем себя не считал, говорил, что посетители приходят не к нему, а к батюшке Амвросию, и добавлял: „Это был небесный человек и земной ангел, а я лишь поддерживаю славу старчества“.

В приемной его было тихо и благоговейно, никто не разговаривал. Перед большой иконой „Достойно есть“ горела красная лампада и озаряла сосредоточенные лица присутствующих. Он выходил на благословение в шапочке, в фиолетово-малиновой ветхой епитрахили. Двигался медленно и осторожно. „Подобно всем святым, которые хранят в себе благодать Божию и боятся нарушить ее каким бы то ни было неблагоговейным душевным движением, отец Нектарий смотрел все время как бы внутрь себя, предстоя сердцем пред Богом, – вспоминал митрополит Вениамин (Федченков), – все в поведении Старца производило на меня благоговейное впечатление, как бывает в храме перед святынями, перед иконами, перед исповедью, перед причастием“.

Внешне Батюшка был невысокого роста, согбенный, с округлым лицом и небольшой клинообразной бородкой. Лицо его как бы не имело возраста – то древнее, суровое, то молодое по живости и выразительности мысли, то младенческое по чистоте и покою. Ходил он легкой, скользящей походкой, как бы мало касаясь земли. Лишь перед самой смертью он передвигался с трудом, ноги распухли, сочились сукровицей – сказались многолетние стояния на молитве.

По воспоминаниям, основными чертами Старца были смирение, кротость, мудрость. Духовных чад своих он особенно приучал к смирению и терпению. Часто наставлял: „Всюду надо терпение, смирение и покаяние“. В смирении видел преподобный Нектарий начало и основу духовного пути. Указывая владыке Вениамину рукой на природу, говорил: „Смотрите, какая красота – солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего этого не было. Ничего! И Бог из ничего сотворил такую красоту! Так и человек: когда он искренне придет в сознание того, что он – ничто, тогда Бог начнет творить из него нечто великое“.

В Старце была великая духовная проницательность. Когда он беседовал с посетителями, то обычно смотрел куда-то вниз; создавалось впечатление, что он слушает их не ухом, а каким-то другим, внутренним органом восприятия, что ему важны не сами слова, а нечто другое, скрывающееся в их душе, что Старец и старался уловить.

К каждому человеку у Преподобного был свой подход, своя мера. Он часто говорил: „Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы. Каждому надо давать по его мерке, нельзя всем одинаково“.

Преподобный испытывал сердца проходящих к нему, предлагая им не столько утешение, сколько путь по-

двига; он ставил человека перед духовными трудностями, не жалея его малой человеческой жалостью, потому что верил в разумение души и великую силу благодати, помогающей ищущему правды.

С некоторыми посетителями Старец много и оживленно беседовал, других оставлял в одиночестве, в тишине „хибарки“ побыть наедине со своими мыслями. Но этот молчаливый прием в овечьей благодатью келлии великих старцев, немногие слова их смиренного преемника, одинокое чтение и размышления оказывали на душу высокое и благодатное действие. Был случай, когда посетил Старца один протоиерей-академик. „Что же я мог ему сказать, ведь он ученый, – рассказывал потом отец Нектарий, – я и оставил его одного в батюшкиной келлии. Пусть сам Батюшка его и научит“. Протоиерей же горячо благодарил Старца за его прием, говорил, что, когда остался один, обдумал всю свою прошлую жизнь, многое понял и пережил по-новому в этой тихой старческой келлии (1, 67).

Каждый, кто приходил к старцу Нектарию, ощущал ту великую силу любви, о которой сам Преподобный сказал однажды: „Чадое мое, мы любим той любовью, которая никогда не изменится. Ваша любовь – однодневка, а наша и сегодня, и завтра, и через тысячу лет все та же“.

На исповеди Старец был очень серьезен, сосредоточен, строг. Но при строгости своей был всегда благодатен, никого не ругал, не наказывал, даже когда того ожидали. Казалось, что он всегда заранее знал, что скажут ему. О такой исповеди одна из его чад вспоминала: „Сегодня в первый раз исповедовалась у Батюшки. Вошла самая последняя. Батюшка усадил на диванчик, а сам стоял рядом в епитрахили и поручах. Опять начались разговоры и расспросы. Пересмотрена была

вся жизнь, при этом часто не я рассказывала, а сам Батюшка как бы вспоминал некоторые важные события и поступки. Все время была мысль: а вдруг я что-нибудь забуду или не так объясню? Но чем дальше, тем все больше и больше чувствовалось, что Батюшке ничего объяснять не надо, он сам объяснял, почему и отчего то или иное случилось в моей жизни“.

Как-то пришла к нему на исповедь его духовная дочь. Грехи записала, а раскаяния нет. Батюшка встречает ее: „Давай помолимся, – и стал говорить: – „Господи, помилуй!“ И такой это был молитвенный вопль, что та вздрогнула. Тогда он поставил ее перед иконами и сам ушел к себе. Она молится, а как голос слабеет, Старец из-за стены произносит: „Господи, помилуй!“ Лишь когда она всю греховность свою осознала, он вышел и стал ее исповедовать. „Причащение, – вспоминает она, – было чудным и торжественным“ (1, 85–87).

Однажды спросили преподобного Нектария, может ли он брать на себя грехи людей, чтобы облегчить их. „Иначе облегчить нельзя, – ответил он. – И вот чувствуешь иногда, что на тебе словно гора камней – так много греха и боли принесли к тебе, и прямо не можешь снести их. Тогда по молитве приходит благодать, разметывает эту гору камней как гору сухих листьев. И можешь исповедовать дальше“ (1, 90).

Вспоминали, что молился преподобный Нектарий с детской верой и простотой, простирая порой к образам руки. Когда Старец читал „Отче наш“, казалось, что Господь тут, совсем рядом со Старцем, и Батюшка к Нему обращается.

Духовных чад своих Преподобный учил постоянству в молитве, считая, что если не сразу исполняется прошение, то это добрый знак от Господа. „Надо продолжать молиться, не унывать, – наставлял отец Некта-

рий, – молитва – это капитал: чем дольше лежит, тем больше плода приносит. Господь посылает Свою милость тогда, когда Ему это благоугодно, когда нам полезно ее принять. Пример надо брать с Иоакима и Анны, они всю жизнь молились и не унывали. И какое Господь послал им утешение!“

„Все испрашивается молитвой, – повторял богоносный Старец. – Вы еще только подходите к первой ступеньке, не поднимаетесь, а только подходите, а еще надо пройти сквозь дверь и никакими усилиями невозможно в нее войти, если не будет милости Божией, а потому первым делом надо просить: „Милосердия двери, Господи, отверзи ми!“ Когда будешь скорбен и уныл и найдет на тебя искушение тяжкое, ты только одно тверди: „Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего!“ И скорбь облегчится. На вопрос, как молиться, Старец отвечал: „Молитесь просто: «Господи, даруй мне благодать Твою!» И Господь пронесет мимо вас грозу“.

„Есть люди, – рассказывал преподобный Нектарий, – которые никогда не обращаются к Богу, не молятся. И с ними вдруг случается в душе тоскливость, в голове мятежность, в сердце грусть. И чувствует человек, что в этом бедственном положении другой человек не поможет – он его выслушает, но бедствия его не поймет. И тогда человек обращается к Богу и с глубоким вздохом говорит: „Господи, помилуй!“ И Господь слышит и сначала человек чуть-чуть ощущает благодать, а потом все больше и больше, и получает облегчение“.

Говорил старец Нектарий и о великой силе церковной молитвы, богослужения: „Не надо требовать или искать чудес на земле, у нас есть чудо – Божественная литургия“. При подготовке духовных чад к причастию особенно строго требовал, чтобы было прочитано все правило перед Святым Причащением. Рассказывал,

как ему явился после смерти своей один Оптинский монах и сказал, что он избавлен от мытарств, так как всегда совершал Литургию в мире со всеми и вычитывал все положенное правило.

„Но главное правило,—учил отец Нектарий,—это любовь и мир. Вот и вы,—обратился он как-то к отцу Сергию (Сидорову),—запомните завет батюшки отца Моисея, великого основателя нашей обители: „Люби всех и не смей быть во вражде, когда готовишься приступить ко Святому Таинству, а то причастишься как Иуда“. И еще наставлял: „Вот вам наказ — когда готовитесь к причастию, поменьше словесности и побольше молитвенности. Молитвенность же в душе человека возгорается, когда душа воззовет к Богу: „Отец мой и Вождь девства моего!“ Тогда Бог и душе блудницы возвращает девственность и она становится невестой Христовой“.

Слово Старца всегда имело действительную силу — благословение приводило к успеху, послушание никогда не проходило даром. Так, одна женщина дважды спрашивала преподобного Нектария, как ей жить, он благословил ее идти в монастырь, но она не послушалась; через некоторое время тяжело заболела, ослепла и остаток дней своих провела в богадельне.

Порой Преподобный говорил, казалось, невероятные вещи, но со временем они сбывались, иногда через годы. Монахиням Алексии и Ксении, тогда еще молодым паломницам, он предсказал: „Вот уедете на Святую Землю и у вас будет много деток“. Девушки очень удивились, ибо решили посвятить себя Богу, а не создавать семью. Однако в 1933 году пророчество преподобного Нектария стало сбываться: матушки были уже на Святой Земле, когда привели к ним девочку-сироту (впоследствии мать Иоанну), потом ее двоюродную сес-

тру. Позже владыка Анастасий благословил их взять на воспитание арабских детей. Со временем матушки переехали в Чили, организовали там детский приют. Так сбылось пророчество Старца, имели они „много деток“ (1, 102).

Разговаривая как-то с одной петербургской барышней, которая любила шумные компании, развлечения, Преподобный сказал: „Душа ваша мечется, страдает, а вы думаете, что ее можно удовлетворить внешними вещами. Нужно оставить все. Я вижу около вас благодать Божию, вы будете в монастыре“. – „Что вы, Батюшка, – удивилась она, – я-то в монастыре? Да я совсем туда не гожусь, да я не в силах там жить!“ Но вскоре она уехала на Алтай и поступила в монастырь. „Вот как дивно исполнились слова, сказанные Батюшкой, – писала потом та посетительница, – благодарю Господа, вразумившего меня съездить в этот благодатный уголок – Оптину Пустынь“ (1, 101).

Преподобный старец Нектарий не только провидел духовным взором своим беды, радости, помышления людей, врачевал не только душевные страсти и недуги, но исцелял и телесные болезни тех, кто обращался к нему за молитвенной помощью.

Приехала к нему женщина просить помолиться о больной дочери, которая много лет страдала неизлечимой болезнью: у нее были приступы слепоты, дурноты и чего-то вроде летаргии. Мать ее возила за границу, показывала лучшим докторам, но безрезультатно. Однако глубоко религиозная мать не теряла надежды на помощь Божию. Вместе с другими богомольцами в приемной дождалась Старца, приняла благословение. Еще ничего не сказала Батюшке, но он вдруг обратился к ней: „Ты пришла молиться о больной дочери, она будет здорова“. Вечером, посетив Старца, получила она от

него семь пряников и наставление о том, чтобы каждый день дочь съедала по одному, затем причастилась, и будет здорова. Так и случилось. Дочь с верой приняла пряники, на восьмой день причастилась и пошла на поправку (1, 110).

Раба Божия Татьяна Галицкая по дороге к Старцу простудилась и заболела, не могла разогнуть спину. Превозмогая боль, положила три земных поклона со словами: „Молитвами старца иеромонаха Нектария, Господи, исцели!“ После третьего поклона боль прошла и она полностью исцелилась.

У всех вызывала удивление способность Старца читать запечатанные письма. Протоиерей Василий (Шустин) в своих воспоминаниях свидетельствует, как преподобный Нектарий разбирал письма, не читая их. Одни он откладывал в сторону со словами: „Сюда надо дать ответ, а эти благодарственные, их можно оставить без ответа“. Некоторые письма он благословлял, а иные целовал. Одной из посетительниц Преподобный дал прочесть письмо, в котором речь шла о некоем петербургском священнике, при этом сказал: „Он впоследствии будет занимать очень большой пост, ...но получит эту власть вследствие того, что уклонится от истины“. Предсказание Старца сбылось, этот священник имел действительно большую власть, но в обновленческой церкви.

Наделенный Богом даром пророчества и провидения, преподобный Нектарий часто говорил о тяжелом времени, которое скоро настанет. Задолго до революции Господь открыл ему видение грядущей страшной беды.

Когда одного послушника при Батюшке укоряли за страсть к накоплению книг, Старец это поощрил: „Скоро будет духовный книжный голод, не достанешь духовной книги. Хорошо, что он собирает духовную библиотеку – духовное сокровище. Она очень и очень пригодит-

ся“. „Тяжелое время наступает теперь. В мире прошло число шесть и наступает число семь. Наступает век молчания. Молчи, молчи“, – говорит Старец, и слезы текут из глаз его. „И вот Государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит. 1918 год будет еще тяжелее: Государь и вся семья будут убиты, замучены...“ (7, 498).

О будущем России богоносный Нектарий предсказывал, что через годы испытаний Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов. Незадолго до революции отец Нектарий говорил С. А. Нилусу: „Пока старчество еще держится в Оптиной, заветы его будут исполняться. Вот когда запечатают старческие „хибарки“, повесят замки на их двери, тогда все-го ожидать будет можно“ (1, 128).

После революции, с окончанием гражданской войны, новая богоборческая власть обрушилась на Христову Церковь. Закрывали монастыри и храмы, ссылали и казнили священнослужителей. В это тяжелое для России и церкви время продолжалось старческое служение преподобного Нектария.

В апреле 1920 года старец Нектарий принял великую схиму, согласно прошению наместника монастыря, преподобного Исаакия, поданного Преосвященному епископу Феофану Калужскому (1, 131).

В 1922 году мирно отошел ко Господу преподобный старец Анатолий. С этого времени весь поток паломников устремился в келью преподобного Нектария. Все ужасы революции и гражданской войны, голод, болезни, утраты, которые были почти в каждой семье – все это множество скорбей приходилось ежедневно переживать Старцу, сострадая каждому человеку во время исповеди. И только великая Божественная благодать помогала ему нести это тяжкое бремя. По молитвам

Преподобного люди, утратившие смысл жизни, выходили из его келлии утешенные, хотя он никому не обещал, что беды скоро прекратятся, напротив, говорил, что надо готовиться к еще более тяжелым испытаниям, и наставлял о необходимости терпения и молитвы.

Монахиня Нектария (Концевич) вспоминала, что когда голодные, близкие к отчаянию люди обращались лично или через кого-нибудь к Старцу, то по его молитвам Господь всегда помогал им. Стоило только написать просьбу о чем-либо, как тут же, еще до отправления письма, приходила помощь. Очевидно, по милости Божией душа его слышала все просьбы, обращенные к нему (1, 134).

Так, Лидия Б. целый год искала работу и не могла найти, отчаялась. Матушка Нектария посоветовала ей помолиться о здравии Старца, и уже через три дня она получила место учительницы в деревне. Одному духовному сыну, который тоже долгое время был без работы, преподобный Нектарий посоветовал зайти к знакомым на Аптекарский остров в Петрограде. Тот пришел и встретил там бухгалтера завода, который предложил ему работу (1, 134–135).

С каждым годом положение страны становилось все бедственнее, а подвиг старчества все тяжелее. От непрестанных слез, которые проливал Преподобный перед Господом и Богородицей в своей келлии, у него началось воспаление глаз. Когда он выходил на прием, в руке у него всегда был платок, который он прикладывал к глазам. В 20-е годы он многим являлся в сновидениях плачущим, с платком в руке.

В Вербное Воскресенье 1923 года монастырь был закрыт, а преподобный старец Нектарий арестован, разделив участь многих своих собратьев. В Страстной Четверг он был отправлен в Козельскую тюрьму. Обитель

покинул великий Оптинский старец, который провел здесь в подвиге молитвы и служения Господу пятьдесят лет своего земного бытия. Вскоре преподобного Нектария освобождают из тюрьмы с предписанием уехать подальше от Оптиной. Духовная дочь Старца Надежда Павлович по благословению Преподобного везет его на хутор Плохино, недалеко от Козельска. Но вскоре власти потребовали, чтобы Старец покинул Калужскую область, и ему пришлось переехать в село Холмищи Брянской области (1, 138–140).

В Холмищах к Старцу потянулся поток людей со всех концов России. Он вновь принимает, утешает, наставляет на путь спасения. Снова светлый и радостный, весь преисполненный благодати. За советами и молитвенной помощью к преподобному Нектарию обращались и простые миряне, и великие святители. Известно, что Святейший Патриарх Тихон советовался через доверенных людей со Старцем. Ни один важный церковный вопрос не решался без благословения преподобного Нектария. Знали, что через него Господь открывает Свою волю. И когда Святейший Патриарх Тихон узнал, что Старец не благословил принимать новый стиль церковного богослужения, он, уповая на всемогущую помощь Божию, решительно отказал осаждавшим его врагам Церкви (1, 146–147).

Существует множество свидетельств прозорливости Старца, чудесной помощи людям в эти годы. Приехал к Преподобному молодой московский врач Сергей Александрович Никитин (будущий владыка Стефан) решить вопрос: кем ему работать после окончания института – врачом-практиком или посвятить себя науке. Увидев изможденного Старца, едва передвигающего ноги, молодой врач не только не задал вопроса, но и высокомерно подумал: „Что может посоветовать мне, человеку

науки, этот дряхлый старикашка?“ А преподобный Нектарий вдруг оживленно заговорил о том, какого высокого уровня развития достигло человечество перед потопом – процветали науки, искусства, ремесла, а тут, представьте себе, какой-то дряхлый старикашка Ной строит допотопный Ковчег!“ Посетитель Старца сгорал от стыда, понимая, что преподобный Нектарий знает его потаенные мысли, и уже не удивился, услышав ответ на незаданный вопрос: „Врач-практик, врач-практик!“ Владыка Стефан всю жизнь с благодарностью вспоминал Старца, ибо в годы, когда он был арестован и сослан, именно профессия врача-практика была необходима ему, помогла спасти множество людей.

Оптинскому иеромонаху отцу Никону Старец предсказал ссылку на Север, которая вскоре последовала (1, 152).

Когда возник вопрос, не поискать ли для Старца место с более хорошими условиями жизни, преподобный Нектарий уезжать отказался: „Меня сюда привел Бог“. Позже он рассказал, что тогда было ему явление Оптинских старцев, повелевших ему остаться там навсегда.

Несмотря на телесные немощи, преподобный Нектарий продолжал неустанно нести свое высокое духовное служение. В конце 1927 года он стал серьезно недомогать, но продолжал принимать посетителей, отвечать на множество писем.

Кончину свою Старец предвидел. За два месяца до нее он стал давать последние советы духовным чадам, направлять их к тому или иному духовнику.

Незадолго до кончины на вопрос монахини Марии, где его хоронить, Старец не велел погребать его возле Покровской церкви в селе Холмищи, сказав, что там будет хуже свиного пастбища. Так и случилось: храм разрушили, а на соборной площади устроили ярмарку и танцплощадку.

29 апреля/12 мая 1928 года великий молитвенник, преподобный Нектарий тихо и мирно отошел ко Господу. Угас светильник Божий, просвещавший души людей светом Христовой веры и любви в тяжелое и многотрудное время. Исполняя желание Старца, погребли его на местном сельском кладбище (1, 158).

Обретение святых мощей Оптинского старца иеросхимонаха Нектария и перенесение их в Оптину Пустынь совершилось 3/16 июля 1989 года (1, 163).

Торжественным колокольным звоном встретила Оптина честные останки Старца. Когда процессия с мощами двигалась по обители, все ощущали чудесное благоухание, исходившее от них. Волею Божией преподобный Нектарий вернулся в родную обитель через десятилетия разлуки с ней. Теперь останки богоносного Старца почивают во Введенском соборе монастыря.

Как свидетельство того, что богоносный старец Нектарий не оставил нас своими молитвами и после кончины, были явлены посмертные чудеса.

Священник города Белева рассказывал: одна из его прихожанок не могла ходить в храм из-за болезни ног. Врачи лечить ее отказались, ссылаясь на преклонный возраст женщины. Тогда священник передал ей песок с могилы старца Нектария и посоветовал приложить к больным ногам. На другой день старушка сама пришла в храм, благодарила Бога и Старца за исцеление (1, 170).

Последний соборно избранный Оптинский старец иеросхимонах Нектарий нес крест старческого служения в годы самых тяжелых испытаний для Русской Православной Церкви и страны – в годы гонения на христиан, богоборчества, братоубийственных войн, голода, разрухи. Он разделил участь многих своих соотечественников – был сослан, гоним, почил в изгнании.

В своем служении Преподобный брал на себя все беды, горести, лишения людей, бремя их грехов в годы жестоких искушений. Он молился за весь страждущий народ, исцелял людей, укреплял их в вере.

И ныне преподобный отец наш Нектарий в чертогах Небесных в лике святых дерзновенно ходатайствует и о нас, в земном странствии пребывающих, да помилует, очистит и укрепит Господь в вере и благочестии и спасет души наши.

Наставления старца Нектария

О пути духовном

Духовный путь, как канат, натянутый высоко над землей. Пройдешь по нему – все в восторге, а упадешь – стыд-то какой! (5, 385).

Смысл жизни христианской, по слову св. апостола Павла, писавшего Коринфянам: *...прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 6, 20). Итак, начертав сии святые слова в душах и сердцах, следует заботиться, чтобы расположение и поступки в жизни служили славе Божией и назиданию ближним (1, 179).

...Только в общении с Господом, в послушании Слову Его, в чтении оного, только вера и праведность (или стремление к ним ежечасное), взятые вместе, а не раздельно, только безропотность и благодарение Бога за все посылаемое избавляют нас от всяких болезней, скорбей, напасти, возмещая все сии средства миром и радостью о Духе Святе (1, 176).

Ко всему нужно принуждение. Вот если подан обед, и вы хотите покушать, и обоняете вкусный запах, все-таки сама ложка вам не поднесет кушанья. Нужно понудить себя встать, подойти, взять ложку и тогда уже кушать. И никакое дело не делается сразу – везде требуется пождание и терпение (5, 385).

Молитве

Во всякое время, что бы вы ни делали: сидите ли, идете ли, работаете ли, читайте с сердцем: „Господи, помилуй!“ (1, 91)

Когда будут скорби и вы будете не в силах перенести их, тогда от всего сердца обратитесь к Господу, Матери Божией, Святителю Николаю, святому, имя которого носите, и скорбь облегчится (1, 91–92).

При разных неудачах говори: „Господи, верю, что терплю должное и получаю то, что я заслужил. Но Ты, Господи, по милосердию Твоему, прости и помилуй меня“, – и так повторять, пока не почувствуешь мир в душе (1, 92).

Казалось бы, нам в молитве довольно один раз сказать: „Господи, помилуй“, а мы говорим и три, и двенадцать, и сорок раз. Это за тех страдальцев, которые даже не могут вымолвить: „Господи, помилуй“. Вот Церковь за них и молится (1, 93).

Как найдет на тебя раздражение, тверди только: „Господи, помилуй“. Молитвой всякая скверна очищается (1, 93).

Молись, чтобы Господь воцарился в сердце твоём, тогда преисполнится оно великим ликованием и радостью, и никакая печаль не в силах будет потревожить его (1, 93).

Врага и приносящие искушения злые мысли отгоняйте молитвою: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Бо-

жий, помилуй мя грешную“. Молитва эта может совершаться при всех занятиях (1, 174).

Как скажешь: „Вси святии, молитвe Бога о мне!“ так все святые воскликнут на небе: „Господи, помилуй!“ – и будет тебе приобретение (1, 96).

Положение Иова – закон для каждого человека. Пока богат, знатен, в благополучии, Бог не откликается. Когда человек на гноище, всеми отверженный, тогда является Бог и Сам беседует с человеком, а человек только слушает и взывает: „Господи, помилуй!“ (1, 92–93).

Хорошее житейское общение можно иметь и с неверующими, только молитвенного общения с ними нельзя иметь, и споров о религии нельзя заводить, чтобы имя Божие в споре не оскорблялось (7, 513).

Сила молитвы не в многословии, а в искренности молитвенного вздоха (1, 98).

Если кому-то удастся сделать что-либо доброе или подать милостыню, то надо говорить: „Твоим благословением, Господи, совершил я это!“ (7, 512).

О смирении и послушании

Спрашиваете: „Каким путем идти к Богу?“ Идите путем смирения! Смирением несением трудных обстоятельств жизни, смиренным терпением посылаемых Господом болезней; смиренной надеждою, что не будете оставлены Господом, скорым Помощником и любвеобильным Отцом Небесным; смиренною молитвою о помощи свыше, об отгнании уныния и чувства безнадежия,

которыми враг спасения тщится привести к отчаянию, гибельному для человека, лишаящему его благодати Божественной и удаляющему от него милосердие Божие (1, 179).

Примите совет на всю вашу жизнь: если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то как бы трудно ни было или как бы высоко ни казалось, не отказывайтесь. Бог за послушание поможет (1, 30).

Всякое послушание, которое нам кажется тяжелым, при исполнении бывает очень легко, потому что делается как послушание (7, 495–496).

Об исполнении заповедей

Творите добро ближнему, — постоянно напоминал Старец, — делайте внешнее, а когда оно будет в исправности, то и внутреннее образуется. Но, сделав добро, не гордитесь, а благодарите Господа: „Твоим благословением, Господи, совершил я это“. Помните завет: ...*без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5) (1, 81).

Чтобы не потерять благодати Божией, паче старайся к приобретению памяти Божией. Нужно соблюдать слово Божие, или заповеди, как и Сам Господь сказал: *Имей заповеди Моя и соблюдая их, той есть любяй Мя* (Ин. 14, 21). Таким же образом достигается искреннее служение Богу всем сердцем (1, 178).

...Надо ближнего возлюбить, но возлюбить искренно, а не с расчетом. Любовь — это самое прекрасное, самое святое. Это такая красота! Но люди исказили ее, а она должна быть как у Христа, когда Он за нас пострадал (1, 79).

О покаянии

Дело не в сложности исповеди, а в сокрушении сердца: „Господь зрит сердце“ (1, 82).

Как только придет в голову осуждение, так сейчас же со вниманием обратитесь: „Господи, даруй мне зрети мои согрешения и не осуждати брата моего“ (1, 79).

О христианской семье

Счастье в брачной жизни дается только тем, кто исполняет заповеди Божии и относится к браку как к Таинству христианской Церкви (1, 172).

Замужество для женщины есть служение Пресвятой Троице – вот как велика для женщины участь быть женой и матерью (7, 511).

Литература

1. Житие иеросхимонаха Нектария. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1996.

2. Шустин В., протоиерей. Запись об отце Иоанне Кронштадтском и об Оптиных старцах: Скит; Ставр. ком. Общества Красного Креста, 1991.

3. Вениамин (Федченков), митр. Божии люди. М.: Современник, 1991.

4. Галицкая Т. Воспоминания о батюшке о. Нектарии/Б-ка Оптиной Пустыни. (Машинопись).

5. Жития преподобных старцев Оптиной Пустыни. Джорданвиль; Нью-Йорк: Типогр. преп. Иова Почаевского, 1992.

6. Из воспоминаний монахини Иларии/Б-ка Оптиной Пустыни. (Машинопись).

7. Концевич И. М. Оптина Пустынь и ее время. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Издат. отд. Владимирской епархии, 1995. (Репринт).

8. Надежда: Душеполезное чтение. Вып. 16. Базель – Москва, 1993.

9. Нилус С. А. На берегу Божьей реки. Ч. 1–2. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1916.

10. Последние дни старой Оптиной Пустыни//Град Китеж. 1992. № 3.

11. Павлович Н. А. Оптинский старец Нектарий//Журнал Московской Патриархии. 1994. № 6.

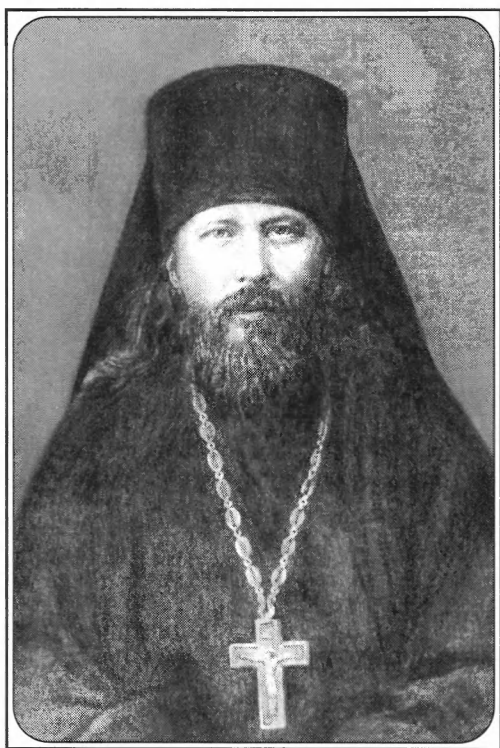
12. Рассказы о старце Нектарии//Цветочки Оптиной пустыни. М.: Паломник, 1995.

13. Схимонахиня Фомаида. Рассказ подруги/Б-ка Оптиной Пустыни. (Машинопись).

14. Чулкова Н. г. Воспоминания о старце Оптиной пустыни Нектарии/Б-ка Оптиной Пустыни. (Машинопись).

15. Быков В. П. Тихие приюты для отдыха страдающей души. М.: Изд. Е. И. Быковой, 1914.

Житие
преподобного
Никона
исповедника,
старца
Оптинского

1888 — 1931

Преподобный Оптинский старец Никон родился 26 сентября 1888 года в московской купеческой семье. Во святом крещении был назван Николаем, в честь Святителя Николая, Мирликийского чудотворца. В его семье свято чтили православные праздники и посты, родители часто посещали храм Божий, нередко и в свой дом приглашали священников для совершения молебнов. Особенным благочестием отличался его дедушка, Лаврентий Иванович. В течение тридцати трех лет, до самой смерти, он состоял церковным старостой

в храме Святых равноапостольных Константина и Елены в Кремле, в котором находилась дивная икона Божией Матери „Нечаянная Радость“, особо почитаемая Лаврентием Ивановичем и всей семьей Беляевых (1, 15, 19).

Николай был четвертым ребенком, а всего у Митрофана Николаевича и Веры Лаврентьевны было восемь детей, которых они воспитывали в духе христианской веры и любви. Детей с малых лет приучали молиться Богу и утром, и вечером, причем для них было составлено маленькое правилце. Молитвы читались наизусть, вслух и по очереди.

Со дней младенчества вся жизнь Николая была глубоко промыслительна. Так, в год его рождения дом Беляевых посетил святой праведный Иоанн Кронштадтский. Отслужив молебен, он благословил молодую мать и подарил ей свою фотографию с собственноручной подписью и датой – 22 марта 1888 года – за полгода до рождения сына Николая (2, 112).

Еще более знаменательный случай произошел с маленьким Колей, когда ему было около пяти лет. Он заболел какой-то горловой болезнью, возможно, дифтерией. Болезнь протекала очень тяжело, и врач дал понять родителям, что состояние ребенка безнадежно. К ночи мальчик уже был без сознания, тельце посинело, похолодело, дыхания не было. Но мать не переставала растирать его и, проливая горячие слезы, усердно молила Святителя Николая о ниспослании помощи свыше. Отец уговаривал ее оставить „покойника“ и не мучить его. Но она продолжала растирать мальчика, призывая на помощь угодника Божия, помогающего там, где человеческая помощь бессильна. И совершилось чудо: ребенок вздохнул. Всеведущий Господь явленным чудом дал понять, что жизнь этого младенца предопределена на служение Ему, Творцу и Промыслителю нашему.

Впоследствии преподобный старец Варсонофий особенно подчеркивал таинственное значение этого случая, указывающего на будущую иноческую жизнь Николая.

И в дальнейшей его жизни было много случаев явного проявления Промысла Божия о нем.

Однажды Коля ехал на велосипеде по одной из окраинных улиц Москвы. Улица была пустынная, поэтому он был спокоен, беспечен и поглядывал по сторонам. Вдруг его словно что-то толкнуло. Он повернул голову, увидел мчавшегося на него рысака и успел увернуться от удара. Если бы он повернулся на несколько мгновений позднее, рысак сбил бы его и задавил насмерть или искалечил (1, 24).

Отличительной чертой характера Коли еще в детстве было большое терпение. По словам матери его, он по сравнению с братьями своими был исключительно терпеливым ребенком еще с пеленок. Даже во время болезней и вообще физических страданий он поражал всех своим не по годам мужественным терпением.

На четырнадцатом году жизни Николая постигла первая скорбь, 14 января 1902 года умер дедушка. Кончина его была истинно христианской: в дом к Беляевым привезли чудотворную икону, и служивший молебен иеромонах, заметив тяжелое состояние Лаврентия Ивановича, предложил приобщить его Святых Христовых Таин, что и было исполнено около полудня, а вечером того же дня Лаврентий Иванович мирно отошел ко Господу. Через полгода умерла бабушка, а еще через полтора года скончался Митрофан Николаевич, отец Николая (1, 28).

Можно с уверенностью предположить, что еще в эти, скорбные для всей семьи годы, в душе Коли начал совершаться перелом. Жизнь впервые ставила перед

ним неразрешимую слабым человеческим умом загадку – тайну жизни и смерти. С особенной остротой переживал он первую смерть близкого человека – смерть бабушки. Две последующие смерти – бабушки и отца он перенес сравнительно легче.

С этого времени у Николая стала заметна большая сдержанность в проявлении чувств – отличительная черта мужественной и терпеливой души. Так, во время последней панихиды, когда вся многочисленная семья Беляевых окружила гроб с телом Митрофана Николаевича и рыдания сотрясали воздух, – Коля не издал ни звука. Он стоял у гроба отца, сдерживая слезы, и только свеча дрожала в его руке...

Вскоре после смерти отца, он начал петь на клиросе в церкви „Всех Скорбящих Радости“, прислуживал в алтаре и читал поминания. В этот период своей жизни Николай особенно сблизился со своим братом Иваном. Они до такой степени сошлись, что все мысли, желания, чувствования у них были общими. Часто у братьев завязывались продолжительные беседы на богословские, моральные и социальные темы. В результате этих бесед они начали сознавать, что их жизнь идет не так, как должно. Наконец, они пришли к убеждению, что для истинно христианской жизни недостаточно частого посещения храма, чтения и пения на клиросе. Сознание своего несовершенства, возникшее при сопоставлении своей жизни с Евангельскими заповедями, породило горячее стремление к исправлению своих недостатков.

Закончив гимназию, Николай поступил в университет на физико-математический факультет. Но учеба в университете перестала его интересовать. Утром оба брата уходили в храм на молитву, не говоря об этом никому из домашних. Даже мать долгое время и не подозревала, где они проводят время по утрам. Посещение

церковных богослужений сделалось для них насущной потребностью. Читали они в это время только Евангелие и Апостольские Послания, да еще сочинение епископа Феофана Затворника „Путь ко спасению“. Отсюда и появилось у Николая большое желание бросить мирскую жизнь, уйти в монастырь. Такие же чувства были и у Ивана.

Иван в старых дедушкиных книгах нашел справочник под заглавием „Вся Россия“, в котором перечислялись все русские монастыри, их было более тысячи. Он порезал листы с перечислением монастырей на полоски и, перемешав их, предложил Николаю вытянуть полоску, сказав: „Какой монастырь вытянешь, туда и пойдем“. Помолившись Богу, потянули жребий. На вытянутой полоске бумаги было напечатано: „Козельская Введенская Оптина Пустынь“. До этого момента они не имели ни малейшего представления о существовании монастыря „Оптина Пустынь“. Случай этот поистине удивителен! В нем ясно был виден Промысл Божий.

Изумлению Веры Лаврентьевны не было границ, когда в один поистине прекрасный день, — 11 февраля 1907 года, пред нею предстали Иванушка и Коля, объявили ей о своем решении поступить в монастырь и просили благословить их на этот путь. Со слезами на глазах благословила она крестами коленопреклоненных и приникших лицом к полу своих сыновей на монашескую жизнь (1, 42, 43).

Получив благословение матери на монашество, братья 24 февраля 1907 года, в день Обретения главы св. Иоанна Предтечи, приехали в Оптину. Была суббота перед масленицей. Встреча со скитона начальником преподобным Варсонофием, беседа с ним и его наставления навсегда запомнились братьям. Их поразило изумительное по своей стройности пение мужского хора, необычность

древних, почти повсеместно вышедших из употребления напевов. Здесь они впервые слышали неподражаемые, неповторимые по своей красоте дивные оптинские напевы стихир „на подобны“ (1, 50).

Через несколько дней из гостиницы, согласно правилам Оптиной Пустыни, братья переселились в „странноприимную“. Первоначально Николаю с Иваном было дано первое послушание – помогать на конном дворе: рубить хвою для подстилки скоту.

Пробыв весь Великий пост в Оптиной Пустыни, братья на Светлой неделе возвратились в Москву.

При прощании преподобный Варсонофий преподавал им общие правила молитвы и жизни, а Николаю сказал: „Благословляю вас, Николай Митрофанович, на радость родных и знакомых и на пользу души вашей“, – и дал ему иконочку Божией Матери „Споручница грешных“.

По совету и благословению старца Варсонофия съездили они и в Ростов Великий Ярославской губернии, помолились перед мощами святых угодников и насладились чудным звоном ростовских колоколов, единственным по своей красоте в России того времени.

За этот период своей жизни в Москве братья не один раз посетили Оптину Пустынь. Она неудержимо влекла их умы и сердца.

И вот, в первых числах декабря 1907 года, прожив в миру около восьми месяцев, братья снова поехали в Оптину Пустынь. 9 декабря, на праздник иконы Божией Матери „Нечаянная Радость“, они поступили в Скит и были назначены на общие послушания. Братья Николай и Иван вступили в новую жизнь (1, 62).

Простота, безмолвие и тишина Скита поразили их души. Скитоначальник, преподобный Варсонофий, светлый, с лучезарной улыбкой, по-отечески наставлял их: „Как вы должны благодарить Бога, что Он привел

вас сюда, в Скит! Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли. *Никтоже может прийти ко Мне, еще не Отец пославый мя привлечет его* (Ин. 6, 44). От Бога дана вам свобода, и с вашей стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, а не мы спасаемся. Он, Милосердый, спасает нас при нашем на то желании. Благодарите Бога, что привел вас сюда, в монастырь, в наш тихий Скит...“ (1, 68).

В конце февраля 1908 года послушника Николая назначили помощником библиотекаря. Одновременно он стал петь на клиросе и читать.

В октябре того же года его назначили письмоводителем начальника Скита старца Варсонофия. Почти все свое свободное время послушник Николай проводил у преподобного Варсонофия, помогая ему вести официальную, деловую и личную переписку. Старец Варсонофий по своей глубокой проницательности и духовному опыту видел, что в этом юноше он найдет не только примерного ученика и монаха, но и достойного последователя. Опытный в жизни седовласый старец и еще не сформировавшийся в своем духовном развитии юноша после первых же бесед почувствовали какую-то необъяснимую связь друг с другом – то, что называется духовным родством. Николай же чувствовал к Старцу не только любовь, безграничное уважение и преданность, но и глубокую веру. Он всецело предал себя в волю Старца.

Весь день его был занят у Старца. В келлию свою он приходил только ночевать. Но близкое общение с преподобным Варсонофием восполняло все – в Старце нашел он богатую духовную сокровищницу.

Как-то преподобный Варсонофий сказал Николаю: „Вас Сам Господь послал сюда... Как будто бы вы – для Оптиной и Оптина для вас“.

В отношениях между ним и Старцем был истинный образец древнего старчества и ученичества, ибо была полная возможность открывать свои помыслы немедленно и во всем исполнять волю не свою, а Старца. Как и в древности, новые старцы вырастали из истинных учеников, и притом за сравнительно короткое время, что невозможно для подвизающихся без старца. Истинно блажен тот, кто обретает своего старца. Пойдет он от силы в силу, что и сбылось впоследствии с послушником Николаем.

„Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, все промыслительно. Мы не понимаем значения того или другого обстоятельства. Перед нами – множество шкатулок, а ключей нет... Замечайте события вашей жизни. Во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам непонятны они, а впоследствии многое откроется...“ – так говорил преподобный Варсонофий послушнику Николаю.

Обычно после общего благословения братии преподобный Варсонофий подолгу беседовал с Николаем. Весь свой опыт и знания он передавал ему как достойному принять и сохранить этот дар.

В апреле 1910 года брата Николая постригли в рясофор. „Вы постригались в рясофор 16 апреля, в день памяти святых мучениц Ирины, Хионии и Агапии, – говорил ему Старец. – Что значат эти имена? Агапия – любовь, Ирина – мир, Хиония – снежная. Значит, вы должны, по слову Апостола, иметь мир и святыню со всеми (Евр. 12, 14). Кроме сих добродетелей, мира и любви, должно очиститься от страстей, то есть убелиться, очистить свою душу, чтобы она была белоснежная“ (6, 159).

Однажды преподобный Варсонофий сказал: „Тяжелые дни приближаются... Трудно стало жить всем, везде,

а в особенности – монаху... Трудно вам придется, но Господь не оставит вас и не лишит Небесного Царствия...”

Весной 1912 года указом Святейшего Синода преподобного Варсонофия перевели в Московскую епархию на должность настоятеля Коломенского Старо-Голутвина монастыря (1, 218). И вот 2 апреля, в понедельник на Фоминой неделе, старец Варсонофий навсегда покинул родной Скит и всех близких и дорогих ему духовно братьев. После тихого, благоухающего Скита, укромно спрятавшегося от мира среди векового леса, он направился на страну далече, в далекий Голутвин.

Для отца Николая наступила, как и предсказывал Старец, полоса скорбей. Вначале скорби не были настолько тяжелы, чтобы надолго омрачить его светлую душу. Господь постепенно, не сразу, вводил Своего избранника на предназначенный ему крестный путь. Болезнь Старца, свои немощи и болезни, тяжелые переживания в связи с братом Иваном, перевод из Скита в канцелярию монастыря – все эти скорби были только предвестниками несравненно больших страданий, которые предвидел и предсказывал преподобный Варсонофий.

Ровно год пробыл старец Варсонофий в Голутвине, по прикровенному предсказанию блаженной Параскевы Саровской о таинственных 365 днях, и, по истечении этих дней, отошел ко Господу. 1 апреля 1913 года пришло известие о кончине преподобного Варсонофия. С глубокой скорбью встретили оптинские братья известие о смерти Старца (1, 229–230).

Преподобного Варсонофия предали земле рядом с его наставником, преподобным Анатолием, против южных дверей Введенского собора монастыря. Отца Николая на погребении не было. Он лежал в больнице. Только через месяц после погребения Старца вышел он оттуда.

И первые шаги его, слабые и неуверенные, были направлены на дорожную могилку. И вспомнились ему слова Старца, сказанные когда-то: „Когда я буду лежать в земле сырой, придете вы на мою могилку, помолитесь о душе моей и скажете: „Милый Батюшка! Вот он действительно любил меня“. Осиротеете вы тогда... осиротеете...“

В 1915 году, 24 мая, на день памяти преподобного Симеона Дивногорца, отца Николая постригли в мантию. При постриге было дано ему новое имя – Никон, в честь святого мученика Никона, вспоминаемого Церковью 28 сентября (1, 246).

Менее чем через год, 10 апреля 1916 года, отец Никон был рукоположен в первую степень священства – в сан иеродиакона. Всей братией и богомольцами было замечено, что отец Никон с первых же дней очень хорошо служил. Ровно, спокойно и в то же время одушевленно произносил он надлежащие возгласы, благоговейно и со страхом Божиим предстоя со служащим иеромонахом Престолу Божию (1, 246).

3 ноября 1917 года, на день памяти святого великомученика Георгия Победоносца, отец Никон был посвящен в сан иеромонаха (1, 250).

Он по-прежнему работал письмоводителем в канцелярии, но уже не монастыря, а сельскохозяйственной артели „Оптина Пустынь“. Молодой, полный нерастратченных сил и энергии, он ревностно трудился, имея высшей целью своих трудов прославление Имени Божия на земле. Сохранить монастырь до последней возможности – вот что подсказывала ему эта святая и высокая цель. „Умру, а не уйду“, – писал он в дневнике в дни своей юности.

Сельскохозяйственной артели „Оптина Пустынь“, под видом которой некоторое время держался монас-

тырь, были выделены части огородов, садов, луга, которые обеспечивали материальные нужды братии. По-прежнему совершалась в храмах монастыря Божественная служба, трудилась братия, полагаясь во всем на милость Божию.

Впоследствии преподобный Никон не раз говорил своим духовным чадам, что „жить надо так, чтобы вся жизнь была окружена железным кольцом заповедей Божиих, и не только всякое предпринимаемое дело, но и каждое слово надо проверять, согласно ли оно с законом Божиим“. Одному своему духовному чаду он писал: „Я – монах, а монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. Ни прельщения, ни угрозы, ни даже смерть не должны заставить монаха презреть заповедь Божию. Умиляют мое грешное сердце слова псаломские: *Твой есмь аз, спаси мя, яко оправданий Твоих взысках* (Пс. 118, 94). Говорю их Господу, когда грозят мне люди или помыслы мои при исполнении долга моего священной-ноческого. Буди воля Господня!“

С самого начала революции Церковь Православная испытывала великое гонение и притеснение. Один за другим закрывались монастыри и храмы. Поруганная Церковь переживала тяжелое время. Лавина бедствий, обрушившаяся на нее, сметала на своем пути все святое. Епископы, священники, монахи и даже просто близкие Церкви люди подвергались жестоким преследованиям. Под видом „контрреволюционеров“ их арестовывали, подвергая всевозможным оскорблениям, глумлениям, побоям, заключали в тюрьмы, расстреливали, ссылали в отдаленные места страны, преимущественно на Крайний Север, заставляя выполнять непосильную работу при нечеловеческих условиях жизни и на голодном пайке.

Еще задолго до революции преподобный Варсонофий говорил отцу Никону: „Монастыри будут в великом

гонении и притеснении... Придет время, когда Оптиной будет тяжело... Истинные христиане будут ютиться в маленьких церковках. Пожалуй, и вы доживете до тех времен, когда опять будут мучить христиан, и мучения их будут подобны древним. Мы-то уйдем, а вы будете участником и современником этих ужасов. До ужасных времен доживете вы. Помяните мои слова, что увидите вы день лют...“(1, 257).

Но преподобный Никон с великим терпением переносил все невзгоды, посылаемые ему для испытания веры и укрепления на крестном пути. Закон Божий, заповеди Его святые проникли в сердце Преподобного и ими одними он руководствовался: *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105). Во всех делах сопутствовало ему это псаломское изречение.

Монахов в Оптиной Пустыни оставалось немного. Особенно заметно было отсутствие молодых послушников. Поэтому трудившимся в сельскохозяйственной артели приходилось работать так много, что не всегда представлялась возможность участвовать в богослужениях, да и для келейной молитвы времени оставалось очень мало. Каждый день ожидали всего – изгнания, ареста, тюрьмы, ссылки, смерти...

17 сентября 1919 года, в день Ангела своей матери, Веры Лаврентьевны, преподобный Никон, возвратясь после Литургии в свою келлию, неожиданно был арестован и без предъявления вины заключен в Козельскую тюрьму. Готовясь к возможной смерти, он написал матери из тюрьмы трогательное письмо, в котором, между прочим, писал, что арестовали его только за то, что он – монах и за то, что он трудился для обители (1, 257).

Через некоторое время молитвами братии и милостию Божией он был освобожден и вновь продолжал работать во славу Божию в родной своей обители.

9 марта 1920 года скончался последний начальник Скита схиигумен Феодосий. 30 июля 1922 года, проболев более года, окончил свое земное житие преподобный старец Анатолий. Великим постом 1923 года арестовали преподобного старца Нектария. Обитель покидали последние богоносные старцы.

Старец Нектарий после ареста и ссылки в Холмищи передал большинство своих духовных чад преподобному Никону. Несмотря на молодой возраст отца Никона, духовные чада начали относиться к нему как к старцу. Духовное просветление, которое он получил за свою твердую веру в Бога, и истинное, беззаветное послушание преподобному старцу Варсонофию явно выделяло его из среды многих. Благодать Божия освещала и его душу и всю его жизнь. Она светила и сияла во всех его делах и словах. Мудр и рассудителен он был не по годам. Все его проповеди были насыщены твердой верой в Бога и Его святые заповеди, поэтому они так сильно действовали на души, внимающие им.

Осенью 1922 года преподобный Никон пишет матери: „...Я не закрываю глаза на совершающееся и грядущее и стараюсь быть ко всему готовым, чтобы иметь возможность сказать псаломскими словами: *Уготовихся и не смутихся...* Непостижимы для нас пути Промысла Божия. Не можем мы их понять. Поэтому со всем смирением предаюсь в волю Божию... Чаю жизни будущего века...” (1, 262–263).

В 1923 году сельскохозяйственная артель „Оптина Пустынь“, под видом которой кое-как держался монастырь, закрылась. Бывший монастырь перешел в ведение „Главнауки“ и как исторический памятник был наименован „Музей Оптина Пустынь“. В качестве рабочих и сторожей при музее было оставлено около пятнадцати монахов, всем остальным было приказано

оставить монастырь. По настойчивой просьбе крестьян деревни Стенино, ближайшей к монастырю, в Оптиной был оставлен для богослужений Казанский теплый храм. В этом храме было разрешено служить монахам: „Молитесь сколько хотите, но помещения здесь не будете иметь“.

Настоятель монастыря преподобный Исаакий, отслужив в последний раз соборно Литургию, сказал преподобному Никону: „Мы уходим, а ты останься. Будут приходить богомольцы. Тебя благословляю служить в храме и принимать на исповедь приходящих“. Благословение на служение в Казанском храме преподобный Никон принял как проявление воли Божией. Почти ежедневно, вместе с иеродиаконом Серафимом, преподобный Никон совершал службу. Жил он в одной из башен, на втором этаже. Волею судеб Божиих именно ему был поручен храм и ключи от него. И он служил в нем до последнего дня.

В Оптину по-прежнему стремились верующие люди, чающие духовного утешения и нуждающиеся в совете. По благословению настоятеля монастыря архимандрита Исаакия и старца Нектария преподобный Никон принял на себя не только обязанности духовника, но и старца. Он начал принимать народ. Одна из искренне преданных ему духовных дочерей, шамординская монахиня Амвросия, рассказывала, что после службы преподобный Никон, строгий и сосредоточенный, отвечал на вопросы богомольцев: „Как скорби переносить? – Положиться на волю Божию. А о тех, кого считают виновниками, думать, как у преподобного Марка Подвижника написано, что они – только орудия нашего спасения...“

В 1923 году преподобный Никон серьезно заболел и больше месяца пролежал в постели с очень высокой

температурой. Как только температура снизилась и состояние несколько улучшилось, он вновь начал принимать приходящих к нему. Великий дар прозорливости, которого сподобился Старец от Господа за свою подвижническую жизнь, прикрывал он глубочайшим смирением. Его предсказания, которые он говорил всегда прикровенно, часто сбывались. Так, благословляя молодую девушку Евфросинию, приехавшую из Гомеля в гости к своим сестрам – шамординским рясофорным послушницам, Старец предсказал ей скорое замужество. Когда она, выйдя замуж, снова посетила Оптину, Батюшка подарил ей пять красивых птичек, вырезанных из открыток – два птенчика и три пташки. Смысл этого подарка поняла Евфросиния тогда, когда родилось у нее пятеро детей – два мальчика и три девочки.

В августе 1923 года начал распространяться слух о неминуемом закрытии последнего храма в Оптиной Пустыни. Вскоре слухи эти оправдались, и на праздник Преображения Господня Казанский храм был закрыт и двери его были заколочены досками.

Преподобный Никон продолжал жить в Оптиной и принимать всех нуждающихся в его духовной помощи. В это время в Оптиной, кроме оставленных при музее монахов, жило немало монахинь, работниц бывшего монастырского скотного двора, а также некоторые шамординские сестры, работавшие в больнице, семхозе и других учреждениях. Большинство этих монахинь были духовными детьми Старца. Когда храм закрыли, они стали собираться в одну келлию, чаще всего в больничную кухню. Преподобный Никон служил всенощные бдения. Одна из последних всенощных, совершенных им в Оптиной Пустыни, состоялась 15 июня 1924 года, под день памяти преподобного Тихона Калужского. После всенощной он произнес слово наставления и увещания

и в конце упомянул, что через несколько дней он должен будет оставить Оптину Пустынь. Многие заплакали, а он, обратясь к ним, сказал: „Вот, чудесненькие! Ведь я – монах. Давал обет терпеть всякое озлобление, и укоризну, и поношение, и изгнание. И если это сбывается, если сие терплю, то радоваться подобает, так как совершается чин пострижения на деле, а не унывать. Сказано: *Радость имейте.., егда во искушения впадаете различна* (Иак. 1, 2). Помню, когда я еще был Николаем, батюшка Варсонофий сказал надо мною молитвенно такие слова: „Господи, спаси сего раба Твоего! Буди ему Помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта!“ (1, 275–276).

В конце июля 1924 года преподобный Никон был вынужден переехать в Козельск (1, 282). Приблизительно в это же время в Успенском соборе чудесным образом появилась икона Божией Матери „Нечаянная Радость“. Отец Никон особенно чтит эту икону и принял появление ее в соборе как чудо, как милость Божию. Он усмотрел в этом незримое благословение Ее на служение в соборе. Служил он часто. Вел службу спокойно, ровно, не торопясь. Проникновенно звучал его голос. Благоговение и священный трепет, с которым предстоял он Престолу Божию, передавались и молящимся.

Здесь, в соборе, несмотря на запреты, он начал проносить проповеди, вести духовные беседы и наставления на дому. В одном из своих поучений о талантах он говорил: „Под талантом надо подразумевать не только богатство, ученость, знатность. Таланты – это благоприятные условия для спасения души. Каждому из нас даны таланты. Бедность, болезни, различного рода скорби – это все таланты. Если человек данный ему талант употребляет духовно, для спасения своей души, –

они приносят плод. *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). А тот, который зарыл в землю данный ему талант, означает человека, который по нерадению о спасении своей души употребил земную жизнь только на достижение земного благополучия, — зарыл талант в землю...“ (1, 319).

Твердо памятуя слова Апостола: *образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою* (1 Тим. 4, 12), преподобный Никон был прекрасным образцом пастыря, душу свою полагающего за овец своих, не щадящего ни сил, ни здоровья. Сколько внимания, сколько заботы и любви отеческой проявлял Преподобный по отношению к каждому обращающемуся к нему! К своим духовным детям Старец относился не только внимательно и любовно, но иногда, когда это требовалось, строго. Он болел о душах их и старался о спасении каждого, насколько хватало у него сил. Многим старым, бессильным и больным, не имеющим возможности заработать себе на пропитание, помогал он материально, деньгами и продуктами, делясь с ними тем, что присылали или приносили ему духовные чада, оставляя себе, на личные свои нужды, только самое необходимое.

Своих духовных детей Старец принимал обычно в вечерние часы. Во время исповеди, по Оптинскому обычаю, исповедающийся становился на колени. Преподобный Никон как-то сказал, что исповедь — это духовный суд. Исповедник — судья, а исповедающийся свои грехи — преступник. И, как кающемуся преступнику, подобает ему иметь не только душевное сокрушение о содеянном зле, но и телесно выражать свою виновность, ибо душа и тело человека неразрывны.

Старец умел так расположить к себе кающегося, наводящими вопросами заставляя раскрыть пред ним, а

вернее, пред Богом всю душу, без утайки из-за ложного стыда, что кающийся и не замечал, как его уста легко и свободно открывали грехи, о которых он много лет умалчивал, тая их в себе. Этот дар проникновения в души кающихся преподобный Никон повидимому получил от преподобного старца Варсонофия, дополнив полученное внимательною, трезвенною жизнью своей. Как чешуйки с луковицы спадали грехи с искренне кающегося. Очищенная душа после такой исповеди сверкала белизной и чистотой. Во время исповеди Старец не ограничивался принятием и разрешением грехов. Одновременно, по мере надобности, преподавал совет, указание, наставление. Иногда накладывал епитимию. Он внимательно и мудро учитывал не только возраст своих духовных чад, но принимал во внимание и воспитание, и образование, и характер, и состояние здоровья. Преподобный к каждому умел подойти так, что становился истинным отцом. Все его духовные дети видели в его лице мудрого и доброго отца, пастыря, взявшего их за руку и ведущего по пути спасения.

Три года провел преподобный Никон в Козельске в пастырских трудах. За ним, как и за другими Оптиными монахами, был установлен негласный надзор. Пастырская деятельность преподобного Никона, все возрастающее почитание его были хорошо известны всем. Его регулярные посещения Оптиной Пустыни, общение с работающими в музее монахами и другими лицами, его духовными детьми, также не были секретом.

Для преподобного Никона и многих Оптиных монахов это были годы тяжелых испытаний. В первых числах июня 1927 года преподобного Никона вновь арестовали и заключили в тюрьму. Он был арестован не один. В тот же день были арестованы заведующий музеем и заведующий усадьбой – хозяйством музея. Одно-

временно с ними арестовали Михаила Михайловича Таубе (в тайном постриге монах Агапит) и еще некоторых... (1, 348, 351)

До самой зимы томился преподобный Никон в Калужской тюрьме, в общей камере, ожидая окончания следствия. Пребывание в душной, прокуренной камере, невозможность уединиться и побыть самому с собой, невозможность выполнять молитвенное правило, разговоры, оскорбляющие слух и возмущающие душу, и многое, многое другое было мучением, которое знакомо только тем, кто сам испытал все это. Он же и в тюрьме продолжал ревностно трудиться над возделыванием своей нивы, не оставлял своего пастырского долга – писал, наставлял и вразумлял своих чад. Мысли его и сердце по-прежнему были полны любовью к духовным чадам и заботой о них.

Осенью 1927 года, когда прошли слухи, что следствие по его делу подходит к концу, к преподобному Никону на свидание приехала его духовная дочь монахиня Амвросия, которой удалось получить от него благословение и проститься с ним. Кроме того, отец Никон сумел незаметно передать ей книгу. Спрятав ее в широкий рукав своей монашеской одежды, она поспешила к выходу. Книга оказалась пятым томом сочинений епископа Игнатия Брянчанинова, в нее был вложен пакет с маленькими, аккуратно заклеенными записочками, адресованными многим духовным чадам. В каждой записке было написано несколько изречений, соответствующих духовному устройению той или иной сестры. Самым драгоценным оказалось то, что в этой книге преподобный Никон на чистых страницах и полях написал пояснения текста, дополнения и наставления. Драгоценны эти записи были и потому, что как нельзя более соответствовали переживаемому духу времени.

Они были как бы завещанием, последними, заключительными словами наставника и отца (1, 362).

Следствие подходило к концу. До самого последнего момента, когда преподобному Никону и другим, заключенным одновременно с ним, объявили решение суда, он не знал, что его ждет... Отец Никон вместе с отцом Агапитом были осуждены на три года в Соловецкий концлагерь и 27 января/9 февраля 1928 года направлены туда этапом с Калужского вокзала (1, 365).

В марте этап прибыл в Кемь. Пронесшийся над Белым морем циклон надолго прервал сообщение с Соловецким островом. По этой причине только что прибывшая партия ссыльных была временно оставлена в Кемском пересыльном пункте. Неразлучные отселе преподобный Никон и отец Агапит поселились в одном бараке, на одних нарах.

Преподобный Никон после врачебного осмотра вновь прибывших, по состоянию здоровья был освобожден от тяжелых физических работ и назначен сторожем. Своей работой преподобный Никон был вполне доволен. В продолжении восьми-девяти часов дежурства он находился один, в стороне от людей, мог помолиться, подумать и даже немного почитать. Появилась возможность писать письма, давать советы и наставления...

В апреле 1929 года преподобный Никон из города Кеми был переведен в другое место – Попов остров Карельской республики. Там он работал в лагерной канцелярии. Сожалел он лишь о том, что в связи с характером работы у него мало оставалось времени для молитвенного делания и чтения Священного Писания (1, 369).

Пробыв в концлагере более двух лет, он вместе с отцом Агапитом был определен на „вольную ссылку“ в Архангельск. Перед отправкой всех отпускаемых под-

вергли медицинскому осмотру. Прослушивая преподобного Никона, врач обнаружил у него далеко зашедший туберкулез легких и посоветовал ему серьезно заняться собой – по приезде в Архангельск обратиться к врачу с просьбой направить на медицинскую комиссию, а также попытаться перевестись в другое место, более подходящее в климатическом отношении для его здоровья.

Преподобный, всегда и во всем всецело вручавший себя воле Божией, привыкший со дней юности своей отсекал свою волю, не изменил этому правилу и в данный момент. Он обратился за разрешением этого вопроса к отцу Агапиту. Отец Агапит не посоветовал ему предпринимать что-либо в этом направлении. Выслушав его слова как из уст Божиих, отец Никон смиренно и покорно произнес: „Воля Божия да совершается...“ Вот слова праведной души, всю себя, всю жизнь благоговейно приносящей в жертву Богу!

В Архангельск преподобный Никон и отец Агапит прибыли в июне 1930 года. Но недолго длилась их совместная жизнь. Вскоре опять наступила разлука: спустя два месяца Преподобного перевели в город Пинегу, за двести километров от Архангельска. Там он долго скитался в поисках пристанища. Наконец с трудом нашел его в деревне Воепола, за три километра от Пинегы, у старой одинокой женщины, которая потребовала от него, кроме высокой платы, еще и выполнения всех тяжелых физических работ по дому.

С наступлением зимы 1930 года преподобный Никон стал чувствовать слабость, быструю утомляемость, повышалась температура. Это продолжалось до января 1931 года. На праздник Рождества Христова, 7 января, он ходил в Пинегу, в церковь. В этот день был сильный мороз, в храме было очень холодно, он сильно промерз

и состояние его здоровья стало быстро ухудшаться. Но он все крепился, стараясь не поддаваться подтачивающему его силы недугу. По-прежнему ходил в Пинегу „отмечаться“, посещал церковь, заходил на почту (1, 392–393).

Хозяйка его была женщиной с характером исключительно сварливым и жестоким. Она скоро учла беспримерное терпение и смирение своего постояльца и помыкала им, как батраком, заставляя делать самую тяжелую работу, хотя знала, что по состоянию здоровья он даже в концлагере был освобожден от таких работ. Изнемогая от слабости, Преподобный смиренно терпел все, беспрекословно выполняя ее требования. Вскоре обострившееся заболевание легких сделало его совсем нетрудоспособным. Ему нужны были отдых и покой.

Преподобному Никону предлагали сменить квартиру, но он, по своему безмерному смирению, отмалчивался. Из ссылки он писал: „Есть желание предаться во всем на волю Божию, не самому, по своему смышлению, располагать свою жизнь. Верую, что Господь пошлет мне именно то, что нужно и полезно мне...“ (1, 396).

Однажды, во время Великого поста, отец Никон вышел из дома работать: копать и убирать слежавшийся за зиму снег. Вдруг он почувствовал сильную слабость и резкую боль в венах. Он слег в постель и пролежал более трех недель. Температура поднималась до 40°. Кто помогал ему в это время – неизвестно, возможно, никто. Как только ему стало чуть легче, он, едва держась на ногах, добрал до Пинежской районной больницы, где врач подтвердил, что у него далеко зашедший туберкулез легких. Хозяйка, узнав о том, что он болен туберкулезом, потребовала, чтобы он немедленно убирался из ее дома. Но преподобный Никон сам уже идти никуда не мог. Вспомнилось ему, как в тихом и благо-

датном Скиту, когда был он еще послушником Николаем, преподобный Варсонофий молитвенно произнес над ним пророческие слова: „Господи! Спаси раба Твоего сего Николая! Буди ему Помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта...“ (1, 399).

И Господь не оставил Своего избранника. В Лазареву субботу, 22 марта/4 апреля 1931 года, живший в соседней деревне ссыльный отец Петр (Драчев) пришел навестить Преподобного и увидел, что он, больной, в ватном подряснике, шапке и валенках лежит на двух сдвинутых табуретках. В изголовье стоит вещевой мешок со всеми пожитками, прислоненный к стене. Отец Петр спешно пошел обратно в свою деревню, взял лошадь и перевез Преподобного к себе. В этот день, несмотря на конец марта, мороз был большой и дул сильный, порывистый, пронзительный ветер. Преподобный Никон продрог, пока доехал до своего нового и последнего пристанища...

На новой своей квартире, окруженный заботами и попечениями отца Петра, преподобный Никон вскоре начал чувствовать себя немного лучше. Повеселел, охотно беседовал с отцом Петром и приходящими навестить его братьями и сестрами по духу.

Но, несмотря на хороший уход, на то, что отец Петр предоставил ему полный покой, преподобный Никон все более слабел и почти все время лежал. Вставал ненадолго и опять ложился. Молитва и молитвенные воздыхания не сходили с его уст. По слову Апостола: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17), непрестанно повторял он молитву Иисусову, читал на память каноны Иисусу Сладчайшему и Божией Матери.

В этот период Преподобный писал монахине Амвросии: „Нет улучшения от начала болезни... Мысль о смерти все ближе становится мне. Преподобный Феодор

Студит, сам бывший в изгнании, ликует и радуется за умирающих в ссылке...“ Приблизительно в это же время он писал другой своей духовной дочери: „Скорбеть о том, что мы более не увидимся здесь, на земле, конечно, естественно. Но не следует скорбеть без меры. Я – человек. И Господь показывает вам, что суетно спасение человеческое, что нельзя надеяться на человека, что спасение – от Господа...“ (1, 408).

В конце апреля, за два месяца до смерти преподобного Никона, одна из его духовных дочерей, инокиня Ирина Бобкова (впоследствии схимонахиня Серафима) видела сон, поразивший ее своей отчетливостью. В своем письме к Батюшке она описала этот сон. Виделось ей, что преподобный Варсонофий пришел к отцу Никону на квартиру в Козельске и начал выносить вещи из комнаты. Когда же он взял кровать, чтобы и ее вынести, она сказала: „Батюшка, зачем же вы кровать-то выносите? Ведь отцу Никону негде будет спать“. На что Преподобный ей ответил: „Он собирается ко мне, и ему кровать не нужна. Я ему там свою дам кровать“ (1, 422).

В ответном письме преподобный Никон написал ей: „Сон твой похож на истину. Вообще я снам не верю, но бывают иногда и истинные сны. Быть может, и судит Господь мне умереть...“ (1, 422).

Взволнованная таким известием, инокиня Ирина по благословению Преподобного приехала в Пинегу и до самой его кончины преданно и самоотверженно служила своему духовному наставнику.

Однажды пришла узнавшая о болезни преподобного Никона местная медсестра Софья, добрая и религиозная женщина. Она предложила больному свой уход. Поблагодарив, Преподобный отказался, сославшись на хороший уход приехавшей инокини Ирины. Прощаясь

с инокиней, медсестра не в силах была сдержать своего восхищения тем, что открылось ее взору: „За каким Батюшкой ухаживаете! Счастливая вы! От него весь угол светится!“ (5, 22).

Дня через два после визита врача временное улучшение самочувствия болящего исчезло, произошел резкий поворот к худшему. В таком тяжелом состоянии ни о предполагаемой подаче заявления, ни о переселении, конечно, не могло быть и речи. С этого времени принимать лекарства он отказался. По всей вероятности, слабая надежда на выздоровление, теплившаяся в нем, погасла совсем. Он всецело предал себя в волю Божию.

Молитвы, этого основания монашеской жизни, Преподобный не оставлял никогда. Даже в тюрьме, даже в ссылке. Там, где невозможно было выполнять по книге молитвенное правило, читал мысленно по памяти то, что мог вспомнить, промежутки заполняя Иисусовой молитвой. И на смертном одре, когда уже не было сил читать по книге, повторял Иисусову молитву до тех пор, пока совсем не изнемог.

Умирая в изгнании, преподобный Никон еженедельно, по милости Божией, причащался Святых Христовых Таин – причащать его приходил ссыльный игумен Паисий. Но после ухудшения состояния Преподобного архимандрит Никита, родной брат одной из его духовных дочерей, благословил его приобщаться самому и прислал ему Святые Дары и вино. Последние две недели перед смертью преподобный Никон приобщался Святых Христовых Таин ежедневно, почти ничего не вкушая.

24 июня/7 июля он попытался, собрав остаток сил, написать ответное письмо своей духовной дочери в Калугу, но письмо так и осталось недописанным. 25 июня/8 июля Преподобный уже не мог говорить. Пригласили

архимандрита Никиту. Тот причастил умирающего Святых Христовых Таин, и тут же после причащения прочитал над ним канон на исход души. Когда отец Никита дочитал до „ныне отпускаеши“, преподобный Никон открыл глаза и сам прочитал полностью: „Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром, яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал перед лицом всех людей, свет во откровение языков, и славу людей Твоих Израиля“. Вечером Преподобный начал молиться о своих духовных чадах, называя их по именам.

В тот же вечер в 10 часов 40 минут преподобный Никон предал свой дух Господу, к Которому так стремился всю свою жизнь. Господь даровал ему христианскую кончину праведника, безболезненную, непостыдную, мирную. Казалось, что он не умер, а заснул спокойным сном до общего всех воскресения (1, 426).

На другой день, 26 июня/9 июля, пришли отдать последний долг почившему архимандрит Никита, игумен Паисий, один протоиерей, четыре иеромонаха и другие ссыльные братья и сестры. Священнослужители положили тело преподобного Никона в гроб, заранее заказанный отцом Петром. Отслужили большую панихиду. Затем начали служить отпевание по чину монашескому здесь же, в квартире почившего. Тихо пели надгробные песнопения, тихо теплились свечи в их руках, озаряя трепетным светом все вокруг. Преподобный лежал в гробу, как живой. Одет он был в полумантию, епитрахиль и поручи. На голове была скуфья.

В пятницу 27 июня/10 июля в два часа дня состоялись похороны. За короткое время жития преподобного Никона в пинежских краях узнали и оценили его многие из ссыльных, живущих там же, как доброго, отзывчивого, внимательного к нуждам других человека и до-

стойнейшего пастыря. Все они в этот день собрались, чтобы сказать ему последнее „прости“ и дать ему, бездыханно, безгласно лежащему во гробе, последнее целование.

Одних священнослужителей на похоронах было двенадцать. Удивительно то, что все они за неделю до кончины преподобного Никона находились на работе где-то в лесу, за многие километры от своих жилищ. И вдруг были отпущены. Точно преподобный Никон ждал их возвращения и не умирал... Точно они были отпущены на его погребение...

Господь даровал Своему верному слуге мирную христианскую кончину и по преставлении почтил достойным погребением.

Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие (Деян. 14, 22).

Преподобный Никон, как и старец Нектарий, нес крест старческого служения в тяжелейшие для русского народа годы. Словно предчувствуя предстоящие ему жестокие испытания, он еще в 1922 году писал матери: „Я... стараюсь быть ко всему готовым, чтобы иметь возможность сказать псаломскими словами: *Уготовихся и не смутихся*. Непостижимы для нас пути Промысла Божия, поэтому со всем смирением предаюсь в волю Божию...“ И далее: „...Пришло время испытания: в вери мы? Веру может соблюсти тот, кто горячо и искренно верит, кому Бог дороже всего“. (1, 262–263, 265).

И всю свою жизнью доказал Преподобный, что и в наше время возможны великие подвиги. Он не только безропотно нес свой крест – тюрьма, концлагерь, ссылка, болезни, – но и как истинный пастырь Христов брал на себя беды, страдания и лишения приходивших к нему в унынии, страхе и сомнениях. Напоминая о том, что *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие*

Божие (Деян. 14, 22), он учил великой добродетели терпения, помогал, утешал и укреплял их в вере.

Ныне преподобный Никон, исповедник, предстоит в сонме святых у Престола Вседержителя, не оставляя и нас своими молитвами, ходатайствуя о спасении душ наших.

Наставления старца Никона

О воле Божией

Если всецело положиться на волю Божию, тогда все будет хорошо, и неприятное будет приниматься как должное... *Любящим Бога все поспешествует во благо* (Рим. 8, 28) (1, 325).

...Каждый должен требовать от себя (т. е. понуждать себя на делание) исполнения всех заповедей Божиих. Все, что делают с нами другие люди и что без содействия людей с нами совершается – считать праведным судом Божиим для нашей пользы, нашего спасения и смиренно все претерпеть. Это будет душеспасительно и принесет мир в сердца наши. – Господи! Да будет воля Святая Твоя! (3, 11).

Постижение воли Божией доступно чистым по жизни своей. Они получают дар духовного рассуждения, а оно выше всех добродетелей (3, 11).

...Наша жизнь устроится не самолично, а Промыслом Божиим, успокоение обретается в отречении от своей воли, полного удобства никогда нельзя найти, невозможного Господь не требует от нас и посильное исполнение заповедей Божиих возможно везде и всегда. За посильное понуждение себя в данном месте и положении ко благочестию Господь, увидев человека приуготовленным, исполняет во благих желание его, сподобляя его желанию и образ жизни, если же не сподобляет,

значит, оно пока еще для человека не полезно, но во всяком случае сподобляя спасения (3, 9).

О страхе Божиим

К священным книгам и священным предметам надо относиться благоговейно. Прежде всего должно иметь страх Божий. Он научает благоговению. Он научает всему доброму. Небрежное, неблагоговейное обращение со святыней получается от привычки. И этого не должно быть (1, 310).

Надо все делать с благоговением. Иноку надо иметь и голос тихий, и поступь скромную. Не только делать, но и говорить надо со страхом Божиим, обдумывая каждое слово, прежде чем его произнести. „Помни, – говорит святитель Феофан, – что ты, говоря, рождаешь слово, и оно никогда не умрет, но будет жить до Страшного Суда. Оно станет пред тобою и будет за тебя или против тебя. *От словес бо своих оправдишися и от словес своих осудишися*“ (Мф. 12, 37) (1, 314).

О молитве

Во время молитвы не полезно стремиться к высоким чувствованиям. Надо только вникать в смысл произносимых слов, внимательно молиться, и тогда, со временем, Господь даст и озарение духовное, и умиление сердечное (1, 317–318).

Лучше прочесть не все молитвенное правило, по недостатку времени, но со вниманием. Страшные слова сказаны в Священном Писании: *Проклят* (человек), *творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10) (1, 333).

...Один молился молитвой Иисусовой. Другой, стоя в храме со вниманием, молился словами церковных молитв, употребляя вне церковных служб другие некоторые молитвы. И того и другого молитву одинаково слышит Господь. Но молитва Иисусова все превосходит. Батюшка Варсонофий говорил: „Можно березовыми дровами натопить печь, а можно и осиновыми. Лишь бы тепло было“. Вся суть в том, чтобы в душе было молитвенное настроение (1, 315).

Теперь, когда нет монастырей, келейное правило необходимости своей не потеряло. Оно необходимо для поддержания молитвенного и вообще иноческого настроения. Без молитвы нет монашества. А монашество для монахов – их обет. От обета отказываться нельзя. Не только монах, но и мирянин, приникающий к монашеству и потому ставший близким, как бы родным по духу монашеству, на опыте увидит, как дорого совершение домашнего молитвенного правила (3, 27).

Молитва необходима, и я прошу вас, упражняйтесь неопустительно и неленостно в молитве. Исполняйте свои молитвенные правила; если нельзя почему-либо все правило исполнить, то хотя бы половину, хоть некоторую часть его исполните, старайтесь не оставаться ни одного дня без молитвы. Сказано в правилах монашеских, что кто не исполняет правила своего, кто не читает часов 1, 3, 6, 9 и изобразительных, тот не должен есть и является душою своею мертв пред Богом. Пребывайте в молитвенном делании; знайте, что если оставите молитву, что если будете опускать правило, то незаметно дойдете до такого состояния, что при желании молиться, при сильной потребности, помолиться не сможете... Хотела бы душа помолиться, но сердце черствое

и холодное... и будешь стоять как чурка. Молитвой испрашивается помощь Божия, привлекается Божие благословение... Будет человек призывать благословение, и приидет оно к нему, и, наоборот, как сказано: *...не восхоте благословения, и удалится от него* (Пс. 108, 17). Стайтесь молитвой испрашивать Божие благословение, и приидет благословение и помощь Божия (2, 119).

О грехе и страстях

О, великое падение! В какую бездну и тьму низвергает человека грех! Истинно он уподобляется скотам, питает свою душу, свою бессмертную душу скотской пищей; ту душу, на которой начертан образ Божий; ту душу, которой дана способность уподобляться Богу! Не говоря подробно о губительном действии страстей постыдных, блудных, так поразительно и безобразно уподобляющих человека скоту, обратим внимание и на то, что решительно всякая страсть отнимает у человека образ человека, делая его подобным скоту и зверю. Посмотрите, что делают, например, гнев и злоба. Человек, объятый злобою, весь делается зверообразным, глаза мечут искры, искажается лицо – он, кажется, ближнего своего готов пожрать. И все вообще страсти и грехи: чревоугодие, неверие, сребролюбие и другие превращают человека в скота (2, 131).

О милости

При получении более или менее значительного количества денег не следует распоряжаться самочинно деньгами. Когда подаяние той или иной милости рождает знакомство между людьми, имеющее основание якобы благое, но по плодам оказывается через некото-

рое время вредным. Лучше всего иноку быть нестяжательным, тогда ему нечего будет раздавать и он будет избавлен от многостяжательности, имея лишь необходимое (3, 17).

О покаянии

Покайтесь... Тяжело, когда совесть нечиста, когда знаешь себя виновным. Нам прямо необходимо покаяться, сознаться в своих грехах, высказать все, что нас тяготит, и когда мы выскажем все, что нас тяготит, то нам становится уже как-то легче. А здесь наше исповедание своих грехов принимает Сам Господь наш, Иисус Христос. Он милостив, Он любит нас, Он имеет власть простить нам наши грехи, Он разрешит нас от ужасного бремени греховного, успокоит нашу совесть и подкрепит нас. Вот что дает это Таинство, но только в том случае, если мы искренно сознаем себя виновными, искренно каемся в своих грехах и надеемся на Божию милость, ибо Он принимает всякого грешника, самого ужасного, положительно утопающего во грехах, будь только он смирен сердцем, сознавай свою виновность и прииди ко Христу с покаянием не показным, а искренним. Вот если мы будем смотреть на Таинство покаяния так, то, приступая к нему, мы должны сознавать все величие этого Таинства и потому приготовить себя надлежащим образом. Приготовление к Таинству покаяния должно состоять в самоуглублении, посте и молитве. Для того, чтобы осознать все свое недостойнство пред Богом, увидеть все свои грехи, увидеть всю грязь и низость своей жизни, необходимо углубиться в самого себя и разобрать все свои поступки (2, 114).

К нам, духовникам, приходят люди, больные душою; каются в своих грехах, но не хотят с ними расстаться,

особенно не хотят расстаться с каким-либо любимым своим грехом. Это нежелание оставить грех, эта тайная любовь к греху и делает то, что не получается у человека искреннего покаяния, а потому не получается и исцеления души: каким человек был до исповеди, таким оставался во время исповеди, таким продолжает оставаться и после исповеди. Не должно быть так!.. Надобно, подобно Закхею, искренно возненавидеть свой грех, пожелать всею душою своею исправиться и возлюбить противоположную греху добродетель, возлюбить закон Божий (2, 132–133).

О духовном отце

Своего духовного отца надо с первого же слова слушаться, не заставляя его повторять сказанное несколько раз (1, 325).

Ведь духовный отец нужен для чего? Чтобы при помощи его незаблудно шествовать и достигать Царствия Небесного, а для этого необходимо, главным образом, исполнять на деле наставления, советы и указания духовника, жительство свое проводить благочестиво. Были примеры, что некоторые имели возможность часто бывать у старца, даже постоянно просиживали иные возле старца, непрестанно слышали его наставления, даже и жительствоваали с ним, — и оставались бесплодными; а некоторые редкую имели возможность бывать у старца и краткое слышать удостаивались наставление и преуспевали... Так вот, детки мои, не в том сила, чтобы часто бывать у отца духовного, а в том, чтобы его наставления исполнять, чтобы не быть бесплодными, и я прошу вас, постарайтесь, чтобы не погибли мои убогие труды... (2, 118).

Духовника, детки, бояться нечего и стыдиться его не должно. Духовник все знает, все грехи знает, так как у него не одна, а сотни исповедуются, и его не удивишь никаким грехом, как бы он велик и тяжел ни был. Наоборот, всякий исповеданный какой-либо тяжкий грех возбуждает во мне особенную заботу о душе, и я никогда не изменялся и не могу измениться в своем отношении к душе, какие бы ни были исповеданы ею согрешения, наоборот, я больше о ней болею, беспокоюсь, забочусь о ее уврачевании и спасении. Поэтому старайтесь ничего не скрывать, старайтесь чисто исповедываться (2, 119).

Об исповеди

Считаю нужным напомнить вам, что я всегда особенное обращал внимание на тщательную исповедь. Есть указание у святых отцов и у епископа Игнатия Брянчанинова, что греховные навыки и страсти не поддаются уврачеванию без исповеди; всякое врачевание будет неполным и недостаточным без исповеди, а при помощи исповеди они удобно искореняются. Поэтому я прошу вас всегда обращать особенное внимание на исповедь, всегда тщательно готовиться к ней и чистосердечно исповедывать все свои согрешения. И я всегда старался неспешно и тщательно каждую из вас исповедать и подробно спрашивал, чтобы ничего не оставалось на совести... А если кто по неразумению не все откровенно и чисто исповедал, то пусть исповедает, чтобы совесть была неоскверненной (2, 118–119).

Тщательная исповедь необходима, а с нею вместе необходима и добрая нравственность, благочестивая жизнь, жизнь по заповедям Божиим. Старайтесь

иметь душевную и телесную чистоту, старайтесь после исповеди уже не грешить сознательно, произвольно, не грешить в надежде на покаяние, так как, по учению Святой Православной Церкви, если кто грешит в надежде на покаяние, тот повинен в хуле на Духа Святаго... Бойтесь сего и блюдите себя от произвольных согрешений (2, 119).

О любви к ближнему

Не надо давать волю своим чувствам. Надо понуждать себя обходиться приветливо и с теми, которые не нравятся нам (1, 312).

Надо любить всякого человека, видя в нем образ Божий, несмотря на его пороки. Нельзя холодностью отстранять от себя людей (1, 313).

О смирении

Смирение – это нечто великое и божественное, а путь к нему – считать себя ниже всех. Что это значит считать себя ниже всех? Не замечать чужих грехов. Смотреть на свои грехи. Постоянно молиться (1, 317).

Смирение – необходимая составная часть всякой добродетели. Без смирения не устоит ни одна добродетель, как бы ни казалась она высокою и твердою (3, 17).

Помни: все ангелы, а я – грешник (3, 17).

Доброе дело есть не всякое доброе дело, а лишь такое доброе дело, которое делается ради Бога. Внешность дела не есть его сущность, Бог зрит на сердце.

Как должны мы смириться, видя, что ко всякому нашему делу примешивается страсть! (3, 11).

О терпении скорбей

Скорби попускаются, чтоб обнаружилось, кто любит Бога действительно. Без терпения скорбей даже благодарная душа не способна к Царствию Божию. Твердое терпение скорбей равночестно мученичеству. Скорби ничего не значат в сравнении с духовными благами (7, 19).

Надо терпеть не только постигающие скорби, но и себя терпеть надо (1, 305).

В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подает силу легко переносить, даже не замечать их (1, 323).

Ошибаются ожидающие и ищущие удобств и спокойствия в жизни, – для спасения необходимы скорби, лишения, трудности. Если жизнь так переменчива, скоропреходяща, зачем к ней прилепляться? (7, 5).

Необходимо всем приготовиться к скорбям. Без признания себя достойным скорбей за свое падение нельзя познать Спасителя... От предания себя воле Божией в сердце человека является духовная сила веры и духовное утешение. Безскорбная жизнь – признак неблаговоления Божия к человеку. Не следует завидовать живущим безскорбно, ибо конец их безскорбия плачевен. Испытания и скорби обнаруживают состояние души человека, выражаясь языком современным, они являются как бы экзаменом. Скорби предохраняют от превозношения.

Предание себя Богу, Его воле о нас, Церкви с ее учениями и таинствами, Евангельскому учению <предохраняют нас от скорбей>. Самовольно вдаваться в скорби есть дерзость, гордыня, безумие. Принимай то, что посылает Бог. Плод скорбей в очищении души и ее духовном состоянии. Его надо хранить (3, 18).

Об осуждении

Никого нельзя осуждать, даже самого отчаянного грешника (1, 305).

Если скажешь про брата или сестру что-либо дурное, даже если это будет правда, то ты своей душе нанесешь неисцельную рану. Передавать о погрешностях другого можно только в том случае, когда в сердце твоём единственное намерение – польза души согрешившего (1, 334).

Всегда помните закон духовной жизни: если смущаешься какими-либо недостатками другого человека и осудишь его – впоследствии тебя постигнет та же участь и ты будешь страдать этим же недостатком (1, 332).

Никогда никого не осуждайте. Каждого, кто бы он ни был, встречайте с добрым чувством, с надеждой найти в нем одно хорошее, видя пред собой образ Божий (1, 333).

Охранении ума

Если каждое дело, слово и помышление кладет на нас печать, то и надо принять все меры к охранению себя от всего вредного (3, 7).

О посте

Пост необходим для нас... как умерщвление плоти для того, чтобы оторваться от плоти и всего земного и мыслить о Боге и небесном. Справедлива пословица: „Чем больше ешь, тем больше хочется“. Если мы утолим только голод и жажду и займемся делом или станем молиться, нас еда не будет отвлекать от нашего занятия. Это я сам на себе испытал. Тогда как-то чувствуется, что сущность жизни не в еде, не в чем-либо земном, а в высшем, духовном мире человека, не в утолении страстей, а в стремлении к свету, истине, Богу. Стремление познать истину есть первый признак духовной жизни человека, без этого человек духовно умирает. Если же угождаем плоти, то ее потребности растут неимоверно быстро, так что подавляют всякое духовное движение души. Нас не интересуют тогда высшие духовные вопросы, весь наш интерес сосредоточивается исключительно на земном, на удовлетворении страстей и похотей плоти. Жалок тогда человек, хотя очень часто и не сознает этого. Напротив того, человек постящийся, так сказать, отрезвляется, совершенствуется нравственно. Конечно, пост, если не сопровождается молитвой и духовной работой, не имеет почти никакой цены. Пост есть не цель, а средство, пособие, облегчающее нам молитву и духовное совершенствование (2, 114).

О чтении

Чтение – одно из самых необходимых деланий. Без чтения или слушания чтения нельзя узнать истину. Говоря о чтении, разумею исключительно чтение Священного Писания и писаний отеческих и церковных.

Но чтение только тогда будет приносить желаемую пользу, когда читаемое будет по мере сил и возможностей входить в жизнь, становиться правилом жизни, а не простым, голым, бездушным и холодным знанием. Какая может быть польза, что человек знает, что нужно молиться, и не молится; знает, что, нужно прощать обиды, и не прощает; знает, что, нужно поститься, и не соблюдает постов; нужно терпеть, и не терпит и т. д. Такое знание, по слову Евангелия, будет даже в осуждение человеку. Поэтому нужно читать со вниманием и стараться жить по духу того, что читаешь. Конечно, сразу стать исполнителем всего, что написано, мы не можем – нужна постепенность. Вначале – понуждение себя и смиренное сознание своей немощи, тогда знание, получаемое от чтения, будет приносить желаемую пользу (3, 13).

О сновидениях

Молиться о том, чтобы кто-либо явился во сне, не следует. Любопытства не должно быть. А вообще о снах принято так думать: если святые являются нам во сне, то это – знак того, что они помогают нам своими молитвами. Обычно это бывает перед какими-либо важными событиями нашей жизни. Если же являются близкие нам люди, то это – знак того, что за них надо молиться. Умершие потому называются покойниками, что они в покое находятся. Обращаться за помощью к покойным старцам и вообще к непрославленным святым надо так: „Со святыми упокой, Господи, душу (имя рек) и его святыми молитвами помилуй нас“ (1, 315–316).

Общее правило: не верить снам, считая себя недостойным видения снов благодатных.

Некоторые старцы советуют извлекать пользу из своих снов следующим образом. Так как сны являются движением нашей мысли, которая носит на себе отпечаток настроения нашего ума и сердца, то из содержания снов можно заключить о своем нравственном состоянии. Например, если человеку снятся деньги, то, значит, он думает о деньгах, значит, жива в нем страсть сребролюбия. Блудные сны свидетельствуют о наличии этой страсти. Если человек видит себя в человеческой славе или летающим, то это свидетельствует о гордости, живущей в сердце и т. п. Таким образом, в каждом сне можно находить и видеть свою страстность для своего смирения. Если виденный сон и при всем нашем невнимании к нему продолжает беспокоить нас, то полезно сказать о нем на исповеди духовнику, но никак самочинно не истолковывать себе своих снов, предавая себя воле Божией (3, 44).

О талантах

С мирской точки зрения талантами считаются ум, ученость, музыкальные или художественные способности. Они не греховны, и хорошо, когда такую способность совмещают с христианской жизнью, когда посвящают ее Богу. Если же эта способность мешает жить по Богу и спасти свою душу, то ее следует оставить. Лучше быть поглупее и попроще, но спастись. Что пользы тебе, если ты весь мир приобретешь, душу же свою погубишь? (1, 328–329).

Под талантом надо подразумевать не только богатство, ученость, знатность. Таланты – это благоприятные условия для спасения души. Каждому из нас даны таланты. Бедность, болезни, различного рода скорби –

это все таланты. Если человек данный ему талант употребляет духовно, для спасения своей души, – они приносят плод. *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). А тот, который зарыл в землю данный ему талант, означает человека, который по нерадению о спасении своей души употребил земную жизнь только на достижение земного благополучия, – зарыл талант в землю (1, 319).

Литература

1. Житие иеромонаха Никона. М.: Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1996.

2. Лукьянов Е. Последний старец „старой“ Оптины: Проповеди и наставления Оптинского старца Никона // Литературная учеба, 1992. Кн. 5–6. С. 111–138.

3. Отец Никон. Иеромонах Оптиной Пустыни / Б-ка Оптиной Пустыни. (Машинопись).

4. Лукьянов Е. Оптинский старец Никон: К 60-летию кончины. М.: Глаголы жизни, 1991. С. 37–43.

5. Житие и наставления Оптинского старца иеромонаха Никона. Белев: Изд. Оптиной Пустыни, 1991.

6. Никон (Беляев), иером. Дневник последнего духовника Оптиной Пустыни. СПб.: Сатис, 1994.

7. Никон (Беляев), иером. Завещание духовным детям. Куйбышев, 1990.

8. Праведная кончина последнего Оптинского старца иеромонаха Никона (Беляева) / Б-ка Оптиной Пустыни (Машинопись).

Житие
преподобномученика
Исаакія
(Бобракова),
старца
Оптинского

1865 — 1938

Преподобномученик, отец наш Исаакий, в миру Иван Николаевич Бобраков, родился в 1865 году в селе Остров Малоархангельского уезда Орловской губернии в крестьянской семье (6, 6). Родители его были люди трудолюбивые и весьма благочестивые, любили храм, домашнюю молитву и детей своих воспитывали в страхе Божиим. Его отец, Николай Родионович Бобраков, родившийся в 1836 году, впоследствии подвизался в Оптиной Пустыни и принял пострижение в великую схиму с именем Николай (6, 6).

Да и сам Иван Николаевич не внезапно пришел к мысли поступить в монастырь. Пример глубокопочитаемого родителя, а также желание отречься от суеты мира, привели Ивана к решению посвятить свою жизнь служению Господу.

Благочестивый юноша поступил в Оптину Пустынь в 1884 году в возрасте девятнадцати лет, еще при жизни преподобного Амвросия. Оптинский старец преподобный Нектарий рассказывал о том, как появился в обители будущий архимандрит Исаакий: „Блаженный Василий привел его к батюшке Амвросию и сказал: „Поклонитесь в ножки ему, это будет последний Оптинский архимандрит“. А юноше сказал: „Тебя казнят“. По дороге в трапезную блаженный Василий призывал богомольцев: „Поклонитесь последнему Оптинскому архимандриту!“ (6, 7).

Это удивительное пророчество указывает на то, что вся жизнь преподобного Исаакия от юности была определена Промыслом Божиим как тяжкое крестоношение, а венец мученичества был предуготован ему задолго до того момента, когда нельзя было даже предположить подобную кончину для настоятеля монастыря.

В то время, вероятно, не многие обратили должное внимание на промыслительные слова блаженного Василия, но не случайно запомнил их именно будущий старец Нектарий, бывший в ту пору рясофорным послушником, скитским пономарем.

И старец Амвросий внимательно и с любовью смотрел на молодого человека, провидя в нем последнего кормчего обители среди грядущих бурь.

После нескольких лет пребывания на общих послушаниях Иван, все еще „неприукраженный послушник“, был переведен на клирос и так хорошо пришелся его голос к общему хору, что пение в храме стало его глав-

ным послушанием. Полюбил он долгие службы и не только сам пел, но и тщательно запоминал устав богослужения.

Путь послушничества был пройден преподобным сполна: только через тринадцать лет после поступления в монастырь, 17 декабря 1897 года, Иван Бобраков был определен в число братии. 7 июня 1899 года он был пострижен в мантию с именем Исаакий, в честь святителя Исаакия, епископа Кипрского, а 20 октября того же года – рукоположен в иеродиакона (6, 19).

24 октября 1902 года, в день освящения Казанского собора в Шамординской обители, Калужский епископ Вениамин посвятил его в священнический сан (6, 26).

Вместе с братией монастыря и Скита отец Исаакий ходил на откровение помыслов к преподобному старцу Иосифу, преемнику преподобного Амвросия. Окормляемый старческими наставлениями, он восходил „от силы в силу“, слагая плоды духовной жизни в тайники своей души.

С принятием иеромонашеского сана на отца Исаакия было возложено новое послушание – быть братским уставщиком. Он исправно выполнял свои обязанности, наблюдая за правильным чинопоследованием церковных служб, был занят постоянным изучением устава.

22 апреля 1908 года в обители, на 72-м году жизни, почил о Господе родитель преподобного Исаакия схимонах Николай (6, 26). Тихо и незаметно для людского глаза провел он свою иноческую жизнь в монастыре, подвизаясь в посте и молитве. Он был погребен на монастырском кладбище между храмом Преподобной Марии Египетской и Введенским собором. Преподобный Исаакий глубоко уважал своего родителя и всегда оказывал ему сыновнее почтение. Когда схимонах Николай скончался, преподобный Исаакий стал часто приходить

к нему на могилку. Духовная связь их не прерывалась. Однажды преподобный Исаакий в чем-то не поладил со скитона начальником отцом Феодосием, и возникло между ними хотя и легкое неудовольствие. Спустя некоторое время отец Феодосий пришел к нему и рассказал, что видел во сне схимонаха Николая, который грозился на них с отцом Исаакием. Задумался преподобный Исаакий, услышав этот рассказ, и потом тихо произнес одно слово: „Чует!..“ После этого мир был восстановлен и больше никогда не нарушался.

Привычное течение жизни преподобного Исаакия резко изменилось после смерти архимандрита Ксенофонта, последовавшей 30 августа 1914 года: на место почившего настоятеля Оптиной братия единодушно избрала смиренного и рассудительного отца Исаакия. Вскоре, 7 ноября 1914 года, он был возведен в сан игумена, а 16 ноября 1914 года – в сан архимандрита. „По своей примерной, истинно монашеской жизни он был вполне достоин занять столь высокий пост, – вспоминала монахиня Мария (Добромыслова). – Очень большого роста, внушительной и благолепной наружности, он был прост, как дитя, и в то же время мудр духовною мудростию“ (6, 36).

Простота Преподобного была удивительной, часто поражавшей своей глубиной окружающих его людей. Оптинский старец преподобный Никон, всегда тепло вспоминавший труды свои с отцом архимандритом Исаакием, однажды рассказывал своим духовным детям, как на одном совещании, когда решался вопрос о том, какую сумму денег выделить на пожертвования пострадавшим от войны, отец Настоятель, обращаясь к старшей братии, недоуменно разводя руками, произнес: „Мало – мало, а много – много...“.

Заветом его жизни всегда были слова преподобного

Амвросия, который часто любил повторять: „Где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного“.

В условиях начавшейся первой мировой войны монастырю нужен был именно такой духоносный пастырь, исполненный несокрушимой веры, духовной мудрости и всепрощающей любви. Всего четыре года суждено было преподобному Исаакию нести настоятельское послушание, и было оно тяжелейшим крестоношением: война, революция, гонение на Церковь.

Восприняв дар старчества непосредственно от великих Оптиных старцев, преподобный Исаакий стал достойным продолжателем их духовного делания.

Укрепляемый непоколебимым упованием на волю Божию, Преподобный прикладывал молитвы к молитвам и труды к трудам.

Оптина Пустынь к началу первой мировой войны имела очень большое хозяйство в виде различных лесных и луговых угодий, мельниц, пасек и мастерских. Все это требовало от Настоятеля огромного внимания и личного участия во всех многотрудных заботах обители. Но, несмотря на обилие внешних дел, всегда хранил он в своем сердце благодарную любовь и почитание памяти своих предшественников и старцев. Поэтому одним из первых его дел при вступлении в должность стала забота о благоустройстве могилы своего предшественника архимандрита Ксенофонта. В Журнале заседаний собора старшей братии от 1 апреля 1915 года вторым пунктом стояло: „Слушали: предложение Настоятеля – обсудить, как привести в надлежащий вид место погребения почившего настоятеля архимандрита Ксенофонта. Определили: сделать хорошее деревянное надгробие и поставить его на месте погребения архимандрита Ксенофонта в Казанском храме Пустыни. Можно сделать наподобие того, как на месте

погребения архимандрита Досифея“. Затем Преподобный предложил объединить под общую крышу часовни на месте погребения старцев, „...сделав, если это окажется возможным, все помещение теплым“. Этот проект не был осуществлен лишь из-за того, что помешали этому дальнейшие разрушительные события в России. На следующем заседании преподобный Исаакий предложил издать жизнеописание старца Льва (Наголкина) – ту объемистую рукопись, которая осталась после старца Амвросия, заботившегося о расширении прежнего небольшого жизнеописания преподобного старца Льва. Старшая братия поддержала это предложение, но трудности военного времени задержали выход книги до лета 1917 года, когда ее напечатала типография Шамординской пустыни.

Глубокое человеколюбие и всепрощение давали Настоятелю силы терпеливо и сострадательно носить немощи ближних. Ярким примером тому служит собственноручная записка Преподобного, выданная им незаконному порубщику леса, в которой указывается, что виновный крестьянин „за свой проступок – покражу дерева с Макеевской дачи Пустыни – на сей раз прощается, как просит прощения и обещает более не делать“. Архимандрит Исаакий и в хозяйственных делах соотносился с Евангельскими заповедями; за всеми внешними обстоятельствами видел он прежде всего души людей с их слабостями и немощами и всемерно заботился об их вечном спасении.

Еще одно из замечательных свидетельств человеколюбия Преподобного – рапорт Преосвященному Гурию, епископу Калужскому с просьбой о снятии запрещения в священнослужении двух иеромонахов преклонных лет, живших в братской монастырской больнице. Преподобный Исаакий ходатайствовал об их прощении, „на-

блюдая исключительную душевную пользу обоих иеромонахов, т. е. чтобы они не умерли запрещенными и над ними не тяготело запрещение, как неразрешенная епитимия, и за гробом“.

Преподобный любил длинные монастырские богослужения и сам часто служил в монастыре и в Скиту. Скитская летопись отмечает эти службы, например, 7 января 1916 года: „Великий скитский праздник – Собор святого славного Предтечи и Крестителя Господня Иоанна... Литургию совершал настоятель обители о. архимандрит Исаакий в сослужении о. игумена Феодосия и прочей старшей братии со всею торжественностью и благолепием“.

Ректор Тверской семинарии архимандрит Вениамин (Федченков), будущий митрополит, бывавший в этот период в Оптиной, вспоминал о преподобном Исаакии: „Он перед служением Литургии в праздники всегда исповедовался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец Архимандрит ответил сравнением: „Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертою дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце – пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью“.

За год до революции последний раз Оптину посетили представители дома Романовых. Обитель во главе с ее Настоятелем всегда радостно и торжественно встречала царственных паломников. Так, в скитской Летописи 22 апреля 1916 года записано о посещении Оптиной Великим Князем Дмитрием Константиновичем

Романовым и Княгиней Татьяной Константиновной: „Около 9 часов утра большой колокол возвестил о приближении высоких посетителей. Встретил их на паперти собора преподобный отец наш Исаакий. В 6. 30 вечера того же дня началось в монастыре торжественное всенощное бдение по случаю престольного праздника св. Георгия Победоносца (в Казанском соборе его придел с левой стороны), за коим присутствовали в соборе Их Императорские Высочества. Литургию в самый праздник совершал настоятель Пустыни архимандрит Исаакий в сослужении скитонаачальника о. игумена Феодосия и прочего монастырского и скитского духовенства“.

К концу 1916 года в монастыре стал сильно чувствоваться недостаток во всем жизненно необходимом. Несмотря на это, обитель охотно отзывалась на просьбы о помощи пострадавшим от войны, до минимума сокращая собственные потребности. При наплыве беженцев из Польши и Белоруссии монастырю было предложено предоставить для них помещения. Архимандрит Исаакий отдал беженцам одну из гостиниц, а для больных тифом – больничный корпус. В конце войны еще одна гостиница была определена под приют для осиротевших детей.

Во всех этих делах Преподобного проявлялись замечательные качества его души: сострадание, милосердие, доброта, постоянная готовность понести тяготы ближних.

Отец Настоятель почти не имел времени для отдыха, но его никогда не покидал мир души. И этот глубокий внутренний мир отражался во всей внешности Преподобного – в его неторопливых движениях, в его умных и добрых глазах. Он никогда не спешил и не суетился, во всем полагаясь на Бога, и Господь никогда не оставлял его.

Война продолжалась, но по-прежнему совершались службы в храмах монастыря и Скита, все так же трудилась на послушаниях братия. Оптикинские монахи усердно молились о русском воинстве и о всех, на поле брани убиенных.

С глубоким участием, вниманием и любовью относился Преподобный к судьбе тех, которые сподобились принять от Господа мученический венец. Яркий пример тому его участие в погребении подполковника Михаила Дмитриевича Оберучева, родного брата монахини Амвросии, трагически погибшего во время революционных беспорядков в Ревеле (Таллинн). Преподобный Исаакий имел личное попечение о всем необходимом для погребения. Монахиня Амвросия просила простить ее за то, что она без его благословения привезла в Оптину тело своего погибшего брата. В ответ на это отец Архимандрит радушно ответил: „Как же, мученика мы с радостью примем и найдем ему лучшее место на кладбище“.

Духовный авторитет настоятеля Оптиной Пустыни был столь велик, что он был приглашен для участия в работе Собора Русской Православной Церкви. Об этом повествует Летопись Скита от 13 августа 1917 года: „Сегодня отбыл в Москву для участия во Всероссийском Церковном Соборе отец настоятель Пустыни архимандрит Исаакий“. Он присутствовал на заседаниях Собора, был свидетелем и участником его великих деяний, ратуя за восстановление в России Патриаршества.

Промыслу Божию было угодно повести русский народ путем огненных испытаний и скорбей. Начались повсеместные гонения на Церковь. Закрывались монастыри, разрушались храмы, подвергались репрессиям священнослужители, монашествующие и миряне. Чаша горьких страданий не миновала и святую обитель.

В 1918 году был издан декрет Совнаркома об отделении Церкви от государства, что означало и закрытие Оптиной Пустыни как монастыря. Но благодаря практической сметливости и духовной мудрости отца Настоятеля преподобного Исаакия монастырю и после формального закрытия удалось просуществовать еще пять лет под видом сельскохозяйственной артели. Многие отчаявшиеся, потерявшие родных и близких, обездоленные люди, нашли бескорыстную помощь в стенах обители. Преподобный старался всеми силами сохранить этот „живой источник“, к которому стекался православный народ, жаждущий духовного утешения. В это тяжелое время в Оптиной Пустыни несли свой духовный подвиг старческого служения еще два великих святильника – преподобные старцы Анатолий и Нектарий. Великие скорби пришлось перенести отцу Настоятелю и братии обители от безбожной власти за эту непрекращающуюся помощь монастыря народу: насельников арестовывали, высылали. В 1919 году был арестован и преподобный Исаакий, но, пробыв некоторое время в Козельской тюрьме, отпущен.

Весной 1923 года за неделю перед Страстной седмицей закрыли и сельхозартель. Обитель перешла в ведение „Главнауки“ и как исторический памятник была названа „Музей Оптиная Пустынь“. Архимандрит Исаакий был вновь арестован. В тюрьму была превращена хлебня с ее келлиями. Оставшихся монахов стали насильно удалять из обители. Хотя арестованные и были через некоторое время освобождены, но отцу Настоятелю власти запретили ведение всех монастырских дел и распорядились, чтобы он со старшей братией немедленно покинул обитель.

Уходя из Оптиной, Преподобный предпринял все возможное для того, чтобы страждущий народ Божий не

был лишен Божественной литургии и духовного попечения. В июне 1923 года преподобный Исаакий после соборно отслуженной Литургии обратился к преподобному Никону: „Отец Никон, мы уходим, а ты оставайся, ведь сюда будут приходить богомольцы, надо, чтобы была служба...“

С великой скорбью покинув обитель, преподобный Исаакий и старшая братия поселились в частных домах Козельска. Настоятель снимал половину дома на окраинной улице города и жил там вместе с Оптинскими иеромонахами Питиримом, Мисаилом, Евфросином и Диодором.

Введенский собор и храм Преподобной Марии Египетской были закрыты. Некоторое время, пока происходила передача монастырского имущества музею, было разрешено служить в Казанском соборе, и Оптинские иноки, переселившиеся в Козельск и ближайшие деревни – Стенино и Нижние Прыски, часто приходили в храм.

6/19 августа 1923 года на праздник Преображения Господня в шесть часов утра, вскоре после окончания Литургии, которую служили сразу после всенощного бдения, была опечатана и Казанская церковь, и храмовые службы в обители прекратились на целых 65 лет. Но как раз к тому времени в Георгиевском храме Козельска освободилась вакансия священника. И чудесным образом устроилось так, что в храме этом все должности заняли Оптинские иноки. Настоятелем архимандрит Исаакий назначил бывшего монастырского старшего рухольного иеромонаха Макария, архидиаконом стал Оптинский архидиакон Лаврентий, псаломщиком – иеромонах Савватий, пономарем и сторожем – монах Клеопа. Вскоре бывший Оптинский благочинный и уставщик иеромонах Феодот создал небольшой хор из живущих в Козельске монахов во главе с самим преподобным Исаакием. Получилось нечто вроде маленького

монастыря. По праздникам Преподобный принимал участие в богослужении, а из близлежащих деревень приходили поселившиеся там иноки и пели на два клироса.

Козельским жителям очень нравилась служба по монастырскому уставу, и храм всегда был полон молящихся. Все Оптикинские братия, жившие на квартирах в Козельске и окрестных деревнях, продолжали относиться к преподобному Исаакию как к своему настоятелю, приходили к нему за благословением и советом. Именно к этому времени относятся записи монахини Амвросии, духовной дочери преподобного Никона, о Старце: „Это был замечательный человек и идеальный монах. Он обладал особыми способностями к пению и даже составлял ноты. Простота, искренность и любовь к пению сблизили его с нашим Батюшкой. Придет, бывало, Батюшка благословиться или посоветоваться к отцу Архимандриту и там задержится непременно: побеседуют и попоют где-нибудь в саду“.

Сосредоточение в Козельске монахов и инокинь из упраздненных монастырей обратило на себя внимание местных властей, но самые страшные испытания твердости их веры были еще впереди. К 1925 году усилилось гонение на Церковь. Чтобы сохранить службы в сельских храмах, преподобный Исаакий, по благословению Калужского епископа Стефана, направил достойных Оптикинских иеродиаконов и монахов для посвящения и дальнейшего служения на приходах.

После появления в 1927 году воззвания к Православной Церкви Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия с призывом молитвенно поминать в церквах всех, иже во власти суть (1 Тим. 2, 2), Оптинская братия во главе с преподобным Исаакием, хотя и со скорбью сердечной, благоразумно подчинилась Местоблюстителю.

блюстителю Патриаршего престола – за святое послушание. Преподобный старец Нектарий, сосланный в село Холмищи Брянской области, по этому поводу сказал одной своей духовной дочери: „Вот когда евреи были в плену Вавилонском и не молились за царя Вавилонского, так как он был язычник, им было очень плохо. А когда стали молиться, их положение значительно улучшилось...“ А преподобный Никон по этому поводу сказал: „Обвинять митрополита не следует, так как в отношении догматов Церкви он ни в чем не погрешил“. Козельское духовенство последовало примеру оптинцев. Однако этот шаг лояльности по отношению к Советской власти не прекратил волну арестов и закрытия храмов.

В 1929 году в Козельске было закрыто семь церквей одновременно – все, кроме Благовещенской. Большинство иеромонахов были отправлены в ссылку. Из оптинцев здесь оставалось еще несколько человек, в основном из престарелых иноков, и несколько молодых монахов. Продолжала вести подвижническую жизнь небольшая община сестер. Все эти иноки и инокини собирались вокруг еще остававшегося в Козельске старца Исаакия. В том же году по всей стране прокатилась новая волна репрессий и арестов. В августе, после праздника Преображения Господня, были арестованы все Оптикинские иеромонахи вместе с преподобным Исаакием. Из Козельской тюрьмы монахи были направлены в Сухиничи, а затем – в Смоленск. В январе 1930 года после окончания следствия преподобный Исаакий был освобожден, прибыл в Белев Тульской области и поселился в доме священника отца Михаила Преображенского на Дворянской улице. В это время в Белеве собралось много монашествующих из закрытых монастырей Калужской и Тульской епархий, жил здесь на покое и Белевский епископ Никита (Прибытков), викарий Тульской

епархии. Преподобный Исаакий обрел здесь единомысленных братьев и сестер, которые разделяли с ним многообразные скорби. Приезжали к нему сюда и его духовные чада. Все они посещали храм Святителя Николая Чудотворца в Казацкой слободе (6, 106).

В 1932 году Преподобный был вновь арестован за покупку иконы, за которой ездил в Брянск. Под конвоем его отправили обратно в Белев, где осудили за „незаконную валютную операцию“ (6, 110).

Через пять месяцев тюремного заключения он был освобожден, и власти предложили престарелому архимандриту навсегда покинуть Белев. Однако он, подобно древним мученикам, открыто исповедовавшим Господа нашего Иисуса Христа, мужественно и твердо ответил: „От креста своего не побегу!“ Он знал о тысячах мученических смертей своих собратьев по вере, но не захотел скрываться и бежать от спасительного Креста Христова; Преподобный ждал, когда наступит его черед пострадать и умереть за Господа.

16 декабря 1937 года Преподобный в четвертый раз был арестован вместе с епископом Никитой, четырьмя священниками, одиннадцатью монашествующими и тремя мирянами (6, 111).

Владыке Никите, как старшему, было предъявлено обвинение в том, что он, „являясь организатором и руководителем подпольного монастыря, систематически давал установку монашествующему элементу и духовенству о проведении контрреволюционной деятельности среди населения и в распространении явно провокационных слухов о сошествии на землю антихриста, приближающейся войне и гибели существующего советского строя“ (8, 12).

Мучители добивались от арестованных признания в предъявленных им ложных обвинениях. Но страдаль-

цы мужественно все терпели. И как Пилата посрамило молчание Иисусово, так и безбожных мучителей посрамило молчание верных рабов Христовых. Тогда епископа Никиту, преподобного Исаакия и всех остальных страдалцев подвергли жестоким и бесчеловечным истязаниям. Их заставляли стоять и не спать по несколько суток при непрерывном допросе сменяющихся следователей. Если человек падал, его обливали холодной водой. Пять человек не выдержали этих страшных пыток и подписали протоколы, подтверждающие их „контрреволюционную деятельность“. Преподобный отец наш Исаакий был тверд в своей правоте, отрицал все наветы и давал краткий и ясный ответ: „В состав подпольного монастыря не входил и антисоветской деятельностью не занимался“ (9, 89).

Из Белева обвиняемых перевели в Тулу, где истязания продолжались. 30 декабря 1937 года „тройка“ вынесла им всем приговор – расстрел. 8 января 1938 года, на второй день Рождества Христова, когда Святая Церковь празднует Собор Пресвятой Богородицы, приговор был приведен в исполнение (6, 114).

С твердостью встретил преподобный Исаакий смерть, веруя, что „врата адовы“ не одолеют Святую Православную Церковь, что, по слову святителя Иоанна Златоуста, „смерть мучеников есть явное поражение убивающих и блистательная победа убиваемых“.

Далеко вперед смотрел блаженный Василий, юродивый Оптинский! Действительно, был преподобный Исаакий последним архимандритом, последним настоятелем. И удостоился венца нетленного в сонме русских новомучеников.

Именно о таких, как преподобный Исаакий, уподобившийся мученикам первых веков христианства, сказал святой Златоуст: „Смерть мучеников есть поощрение

верных, дерзновение Церкви, утверждение христианства, разрушение смерти, доказательство воскресения, осмеяние бесов, осуждение диавола, учение любомудрия, внушение презрения к благам настоящим и путь стремления к будущим, утешение в постигающих нас бедствиях, побуждение к терпению, руководство к мужеству, корень, источник и мать всех благ“.

В тяжкое, но не безнадежное время прервалась земная жизнь преподобного Исаакия. Тихая, истинно монашески безмолвная жизнь его, чистая и твердая в своих православных устоях, увенчана страданиями за Христа, верностью Ему даже до смерти. Не боясь жестокости врагов Христовых, твердо стоял он на своем: „От креста своего не побегу!“ И кровью свидетельствовал свою верность Господу нашему.

В Тесницких лагерях под Тулой на 162-м километре Симферопольского шоссе в лесу тайно были похоронены тела Новомучеников. Верующие люди знали и чтили это святое место. Ныне на месте сем братией Оптиной Пустыни воздвигнут Честный Животворящий Крест – непобедимое оружие христиан, разрушившее смерть, всерадостное знамение нашего искупления.

Семя мученичества, упавшее в очищенную страданием землю Русскую, принесло обильный плод. Ибо, как писал преподобный Иоанн Дамаскин о мучениках и исповедниках, такие мужи и по смерти живы, и Богу предстоят и возносят молитвы, как благовонный фимиам к Престолу Божию. В этом сонме предстоит и преподобный отец наш Исаакий, воспевая и славя Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого в Троице прославляемого Бога. Ему же честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Литература

1. Дневник очевидца // Град Китеж. 1992. № 3 (8).
2. Ильюнина Л. О мученической кончине Оптинского старца Исаакия II // Глаголы жизни. 1992. № 2.
3. Лукьянов Е. Последний настоятель „старой“ Оптиной // Глаголы жизни. 1992. № 2.
4. Вениамин (Федченков), митр. Божии люди. М.: Современник, 1991.
5. Монахиня Амвросия (Оберучева). Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую Господь не по заслугам не оставлял Своей милостью и которая считала себя всегда счастливой, даже среди самых тяжелых страданий. Кн. 2/Б-ка Оптиной Пустыни. (Машинопись).
6. Житие архимандрита Исаакия. М.: Изд. Оптиной Пустыни, 1996.
7. Скитская летопись/Б-ка Оптиной Пустыни. (Ксерокопия с рукописи).
8. Материалы следственного дела № 9953 на Прибыткова Николая Григорьевича – епископа Никиту // Тульский архив ФСК/Б-ка Оптиной Пустыни. (Ксерокопия).
9. Протокол допроса архимандрита Исаакия // Тульский архив ФСК. Материалы следственного дела № 9953/ Б-ка Оптиной Пустыни. (Ксерокопия).

*Тропарь и кондак
Собору преподобных отцев
и старцев, в
Оптиной Пустыни
просиявших*

Тропарь, глас 6

Православныя веры светильницы, монашества непоколебимии столпи, земли Российския утешителие, преподобнии старцы Оптиностии, любовь Христову стяжавшии и души своя за чада полагавшии, молитесь ко Господу, да утвердит земное отечество ваше в православии и благочестии и спасет души наша.

Кондак, глас 4

Воистину дивен Бог во святых Своих, Пустынь Оптиную якоже вертоград старчества явивый, идеже богопрощеннии отцы, тайная сердца человеческого ведуще, народа Божия печальницы доблии явишася: сии бо на путь покаяния грехом отягощенные наставиша, в вере колеблющиеся светом Христова учения просветиша и Божией премудрости научиша, страждущим и немощным споспеша и исцеления дароваша, ныне же, во славе Божией пребывающе, молятся непрестанно о душах наших.

Молитва

Оптинским старцам

О велицыи угодницы Божии, столпи и светильницы Земли Российстей, преподобнии и богоноснии отцы наши Оптинстии, Льве, Макарие, Моисее, Антоние, Иларионе, Амвросие, Анатолие, Исаакии и Иосифе, Варсонофие, Анатолие, Нектарие, Никоне преподобноисповедниче и преподобномучениче Исаакии, по закону Евангельскому Господа Бога всем сердцем и всею душою и всем разумением возлюбившии и всему народу Божию во спасение бывшии; сего ради под покров Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы во обитель Оптину, покаявшимся разбойником основанную, притекшии, путем тесным и прискорбным смирения и самоукорения до конца дней ваших ходившии, темже убо благодатныя дары Святаго Духа преизобильно стяжавшии; старых и молодых, знатных и препростых, мудрых века сего и худоумных, никогоже от грядущих к вам ижденувшии, николиже тща и неутешна отпустившии, но светом истины Христовы всех просветившии и духовно воскресившии, ближних ваших, яко себе самех, возлюбившии и тех в сердце своем вместилиши, по словеси Апостола, пророчествующе и назидающе, увещающе и утешающе. Умолите Милосердаго Господа, во обитель райскую разбойника благоразумнаго с Собою взявшаго, даровати нам, недостойным, яко работником едионадесятаго часа, дух сокрушения, сердца очищение, уст хранение, правоту деяний, мудрование смиренное, слезы покаяния, веру непостыдную, любовь нелицемерную, мир душевный и здравие телесное, да предстательством вашим сподобит нас Господь добраго ответа на Страшнем Судищи Своем, вечных мук избавляя, и Царствия Небеснаго купно с вами да удостоит во веки веков. Аминь.

Дни памяти преподобных Оптинских Старцев

Преп. Лев _____ † 11/24 октября 1841 г.

Преп. Макарий _____ † 7/20 сентября 1860 г.

Преп. Моисей _____ † 16/29 июня 1862 г.

Преп. Антоний _____ † 7/20 августа 1865 г.

Преп. Иларион _____ † 18 сентября/1 октября 1873 г.

Преп. Амвросий _____ † 10/23 октября 1891 г.

Преп. Анатолий
(Зерцалов) _____ † 25 января/7 февраля 1894 г.

Преп. Исаакий
(Антимонов) _____ † 22 августа/4 сентября 1894 г.

Преп. Иосиф _____ † 9/22 мая 1911 г.

Преп. Варсонофий _____ † 1/14 апреля 1913 г.

Преп. Анатолий
(Потапов) _____ † 30 июля/12 августа 1922 г.

Преп. Нектарий _____ † 29 апреля/12 мая 1928 г.

Преп. Никон
исповедник _____ † 25 июня/8 июля 1931 г.

Преподобномученик
Исаакий
(Бобраков) _____ † 26 декабря/8 января 1938 г.

Содержание

Оптинское старчество и его истоки.....	5
Житие преподобного Льва, старца Оптинского	33
Наставления старца Льва	51
Литература	59
Житие преподобного Макария, старца Оптинского	61
Наставления старца Макария	81
Литература	97
Житие преподобного Моисея, старца Оптинского	99
Наставления старца Моисея	126
Литература	133
Житие преподобного Антония, старца Оптинского	135
Наставления старца Антония	157
Литература	173
Житие преподобного Илариона, старца Оптинского	175
Наставления старца Илариона	203
Литература	213

Житие преподобного Амвросия,	
старца Оптинского	215
Наставления старца Амвросия	238
Литература	251

Житие преподобного Анатолия (Зерцалова),	
старца Оптинского	253
Наставления старца Анатолия	271
Литература	287

Житие преподобного Исаакия (Антимонова),	
старца Оптинского	289
Наставления старца Исаакия	309
Литература	311

Житие преподобного Иосифа,	
старца Оптинского	313
Наставления старца Иосифа	333
Литература	343

Житие преподобного Варсонофия,	
старца Оптинского	345
Наставления старца Варсонофия	364
Литература	375

Житие преподобного Анатолия (Потапова),	
старца Оптинского	377
Наставления старца Анатолия	399
Литература	405

Житие преподобного Нектария, старца Оптинского	407
Наставления старца Нектария	433
Литература	438

Житие преподобного Никона исповедника, старца Оптинского	441
Наставления старца Никона	471
Литература	485

Житие преподобномученика Исаакия (Бобракова), старца Оптинского	487
Литература	505

Тропарь и кондак Собору преподобных отцев и старцев, в Оптиной Пустыни просиявших	506
---	-----

Молитва Оптиным старцам	507
-------------------------------	-----

Дни памяти преподобных Оптинских старцев	508
---	-----

Преподобные Оптинские старцы. Жития и наставления.
Издание 2-е. – Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2012. – С. 512.

Издательство Введенского ставропигиального
мужского монастыря Оптиной Пустыни
249723, Калужская обл., г. Козельск,
Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптиная Пустынь.
Издательский отдел. Тел.: (48442)50117

Подписано в печать 18.10.2012. Формат 60х90/16
Печать офсетная. Объем 32 печ. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 1212.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Сделай по силе твоей, и Бог поможет
„тебе молитвами отцов твоих...”

Привяжи обремененную ладню твою к
кораблю отцов твоих, и они управят тебя
к Иисусу, могущему даровать тебе смире-
ние, и силу, и разум, венец и веселие...”

(Преподобный Варсонофий и Иоанн).